

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ФЕВРАЛЬ—МАРТ

2-3

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
В. Адоратский. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина (окончание)	3
Э. Геикина. Ленин о революционном народничестве и народолюбстве	29
Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний	62

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Луначарский. Из воспоминаний о Ленине	82
Ф. Коричонер. Из истории интернационалистского движения в Австрии	91

МАТЕРИАЛЫ

Письмо В. И. Ленина о монополии внешней торговли	104
Протоколы второй московской областной конференции РСДРП(б) 1917 г. (окончание). Подготовлены к печати К. И. Касаткиным	108

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

Е. Ярославский. Задачи изучения истории партии	146
Отчет о совещании преподавателей по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна	172

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: С. Борева. Труды первой конференции историков-марксистов. Том 1-й.—М. Ольминский. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. В. Луначарского.—М. Ольминский. К вопросу об истории частного совещания 22 большевиков	185
Обзоры: В. Каюров. Обзор литературы, изданной таганрогским истпартком	200
По журналам: А. Бур. «Красная летопись» №№ 3, 4 и 5 за 1929 г.	202
Рецензии: М. Эссен. А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича, 4-е издание.—М. Эссен. А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче, 2-е изд.—А. Елизарова. Н. Шаханов. Николай Евграфович Федосеев, пионер революционного марксизма в России.—Я. Цитович. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах.—Л. Мадьяр. М. Рафаил. Проблемы индийской революции.—Н. В. Советский союз в борьбе за мир. Сборник документов.—А. Гуковский. К десятилетию интервенции. Сборник статей.—Ф. Самойлов. С. Канатчиков. Из истории моего бытия.—Ф. Самойлов. Н. Л. Мещеряков. Как мы жили в ссылке	205
Новые книги	221

ХРОНИКА

В Институте Ленина: Н. Подвойская. Отдел научной обработки ленинских документов.—К. Касаткин. Отдел научной обработки историко-партийных документов.—Н. Плюснина. Посещаемость Музея Института Ленина за январь 1930 г.	223
Работа местных истпартов: В. Сербента. Белорусский научно-исследовательский институт истории партии.—К. Ольховская. Отчет истпартотдела Пермского ОК ВКП(б) за 1928/29 г.—Снижение цен на издания быв. Истпарта ЦК ВКП(б)	225
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ А. И. Елизаровой	234
ПОПРАВКИ	235

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (Б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

13-Й ГОД ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ФЕВРАЛЬ-МАРТ

2-3 (97-98)

1 9 3 0

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Напечатано в типографии Госиздата
„КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ“,
Москва, Краснопролетарская, 16,
в количестве 3 500 экзempl.
Главлит № А—64230
Гиз П—10 № 38216
Заказ № 678
15 п. л.

☆

К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ В. И. ЛЕНИНА ¹

VI

После того как нами были отмечены основные черты исторической обстановки, в которой развивалась деятельность Ленина, нам следует перейти к очень важному вопросу о периодизации жизни и работы Ленина. Это необходимо для того, чтобы возможно более систематически расположить имеющиеся уже у нас материалы, продолжить их дальнейшее соби­рание по определенным, намеченным заранее, группам. Это важно также и для выработки плана дальнейшей работы по биографии Ленина.

Изучение таких предпосылок биографии Ленина, как состояние общества к моменту его детских лет, среды, где он воспитывался, семьи и других окружающих влияний (гимназия и т. д.)—мы выделяем особо. Основной предмет исследования научной биографии—это практическая и теорети­ческая деятельность Ленина и непосредственно предшествующий ей под­готовительный период с конца 80-х годов. Таким подготовительным пе­риодом было время жизни Ленина в Казани и Самаре (1887—1893 гг.). Это был период предварительной теоретической подготовки и начала работы в нелегальных кружках. Вслед за этим идет уже период деятельности Ленина как вождя, организатора и теоретика революционной марксистской партии в России. Наконец в последний период на первый план выдвину­лась роль Ленина как вождя мировой пролетарской революции. Осо­бенно, когда он стал вождем и организатором пролетарской диктатуры после взятия власти пролетариатом в России.

Одним из самых характерных и самых важных моментов в деятельности Ленина было то, что он был руководителем массового движения. Это руководство начало осуществляться вместе с началом второго периода его жизни (Петербург 1894 г.). Эта связь расширялась и крепла вместе с ходом развития революции, но путь этот был весьма сложный и трудный, далеко не прямой. «Политическая деятельность не троттуар Невского проспекта», любил повторять Ленин слова Чернышевского. Этот сложный и трудный путь роста партии, происходившего в тяжелой борьбе с бур­жуазными и мелкобуржуазными влияниями как вне организации, так и внутри ее самой, путь развития революции, вовлечения все более ши-

¹ См. «Прол. рев.» № 1 (96)

роких масс в историческую деятельность и работа по руководству ими вплоть до завоевания власти и далее руководство в деле создания и организации советской власти и социалистического строительства, сложная история развития революции с ее поражениями и победами,— вот что является решающим для развития деятельности Ленина, вот без изучения чего ее невозможно понять.

Маркс в «Святом семействе» говорит, что «вместе с основательностью исторического действия растет и объем массы, делом которой оно является». Главной задачей всей деятельности Ленина была связь с этой массой, содействие ее росту, содействие ускорению ее развития, поднятию ее сознательности, руководство ее борьбой и исторической деятельностью. За все время деятельности Ленина—и объем масс пролетариата и трудящихся, вошедших в движение, и сознательность их гигантски возросли. На долю Ленина выпало величайшее счастье руководить практическим осуществлением диктатуры пролетариата и началом социалистического строительства.

Известный в начале своей деятельности лишь небольшому кружку передовых интеллигентов и рабочих в Питере, Ленин к моменту приезда своего в Россию, в 1917 г., был уже популярным вождем, хорошо известным не только отдельным передовым рабочим, но и более широко стал известен не только в Питере, но и в других промышленных центрах. После Октября его имя стало известным во всех местах земного шара, так как повсюду начало распространяться движение пролетариата и угнетенных народов всего мира против империалистического капитала, против всякого гнета и эксплуатации вообще,— настолько «основательным» стало «действие» масс к этому времени. Но вместе с тем, этот рост движения создавал новые задачи, ставил новые вопросы, которые надо было разрешать в сложной обстановке мировой борьбы, надо было преодолевать новые трудности. Разрешение всех трудностей Ленин видел в развертывании энергии и деятельности, в поднятии сознательности все более широких масс, в привлечении к исторической деятельности новых, непочатых сил.

В начале деятельности Ленина на него оказали решающее влияние противоречия, назревшие в России: народ—против самодержавия, угнетенные национальности против угнетающей нации (великорусской), и все прочие виды и формы угнетения, в основе которых лежали два главных противоречия: крестьяне против помещиков и пролетариат против буржуазии. Сложность обстановки состояла в том, что надо было вести борьбу и против пережитков средневековья и против самых основ капиталистического строя, против угнетения (великодержавного и империалистического) слабых национальностей и в то же время против национальной ограниченности. В подготовительный, первый период своей жизни Ленин начал воспринимать все эти противоречия, начал изучать опыт предшествующего революционного развития, примкнул к великой борьбе рабочего класса за коммунизм. Это изучение всей окружающей обстановки

классовой борьбы (и в России и во всех других странах), как и опыта прошлого, продолжалось у Ленина в течение всей его жизни. На каждом новом повороте истории (а ход исторического развития в течение всей деятельности Ленина был очень быстрым и бурным, крутых поворотов было не мало) Ленин снова и снова перечитывал и изучал произведения Маркса и Энгельса. Во второй период своей жизни Ленин явился руководителем революционной пролетарской партии в России, пройдя вместе с ней все этапы ее развития, теоретически освещая опыт массовой борьбы. В третий период сложившаяся международная обстановка сделала Ленина вождем мировой революции. К этой роли он был подготовлен всем предшествующим развитием. Все противоречия мирового капитализма были учтены, изучены Лениным, нашли отражение в его теории и он стал признанным вождем многомиллионных масс, угнетенных во всем мире, раздвигающих борьбу за свое освобождение. Ленин стал организатором диктатуры пролетариата, вождем и руководителем страны советов, руководителем пролетариата в переходный период от капитализма к социализму. Под его непосредственным руководством дело освобождения пролетариата, завоевания социализма гигантски продвинулось вперед. Ленин отдал делу руководства борьбой пролетариата всю свою громадную эрудицию, всю свою энергию и страсть, все силы своей гениальной природы. Основы ленинской науки теперь усваиваются миллионами и его деятельность, его лозунги зажигают сердца масс истинной революционной страстью и решимостью борьбы.

Если нет спора о том, что именно такие три этапа есть в жизни Ленина, то спорными являются вопросы о том, где хронологические границы между этими периодами. По нашему мнению, началом второго периода можно считать 1894 г., началом же третьего 1914 г.

Есть довольно много оснований начинать второй период не с 1894, а с 1900 г., со времени возникновения «Искры». Период «Искры» в истории партии был началом создания единого всероссийского центра, выходом из условий кустарщины и идейного разброда, царивших до этого. Но в личной жизни Ленина именно 1894 год является тем рубежом, за которым идет совершенно новая полоса его жизни, коренным образом отличающаяся от предыдущей.

Можно, пожалуй, провести известную аналогию между 1845—46 г. для Маркса и 1893—94 г. для Ленина. Маркс к указанным годам заканчивал выработку своего материалистического мировоззрения, он стал диалектическим материалистом. В 1867 г. Маркс, перелистав одну свою раннюю работу, относящуюся ко времени 1845 г., нашел, что ему «нечего ее стыдиться», он увидел лишь один недостаток: поклонение Фейербаху ему показалось смешным. Ленину, как и Марксу, нечего было «стыдиться» своих работ 1893—1894 гг. Более того, они в принципиальном отношении стояли чрезвычайно высоко. «Что такое друзья народа» — была вполне марксистской работой, свободной от какой-либо принципиальной невыдержанности. К тому времени, когда были написаны первые известные

нам работы Ленина, он овладел вполне марксистским методом, и в принципиальном отношении его работы 1894 г. не отличались от его позднейших работ. Ленин тогда уже твердо стоял на почве революционного марксизма так же, как и позднее,—в общей принципиальной установке разницы не было.

Сам Ленин считал началом действительного возникновения партии и своей работы в ней 1894 год. В предисловии к сборнику «За 12 лет», написанном в 1907 г., Ленин устанавливал преемственность в своей политической позиции в 1894 г. и последующего времени. В 1907 г. он считал, что уже в 1894 г. он был представителем определенной партии. Он отмечал, например, «практически-политическую ценность непримиримой теоретической полемики» со Струве в 1894 г. и проводил параллель между ней и своей полемикой против меньшевиков в 1903—1907 гг. С другой стороны, он сопоставлял свою оценку положительных сторон народничества в 1894—1895 гг. с тактикой левого блока на выборах во II думу. Словом, Ленин не отделял тот период от последующих, а сближал их, находя в последующих практическое применение, развитие, конкретизацию еще в 1894 г. высказанных теоретических положений. Такому установлению связи, преемственности Ленин придавал большое значение за все время своей деятельности как вождя пролетариата, как представителя революционного марксизма, потому что видел в этом прекрасный способ отдавать себе самому и массам отчет в пройденном пути и в особенностях новых задач, учиться и учить массы диалектике борьбы.

Рубежом, отделяющим второй период от третьего, можно считать начало войны 1914 г. Не переставая быть вождем партии в России, Ленин наряду с этим занял особое место в мировом рабочем движении, на первый план выдвинулась роль его как вождя мировой пролетарской революции. Во всех передовых странах война ставила на очередь лозунг социалистической революции, и Ленин был первым, кто открыто об этом заявил. «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг, указываемый опытом Коммуны, намеченный базельской (1912 г.) резолюцией и вытекающий из всех условий империалистской войны между высоко развитыми буржуазными странами»,—писал Ленин в составленном им обращении ЦК (1914 г.). «Как бы ни казались велики трудности такого превращения в ту или иную минуту, социалисты никогда не откажутся от систематической, настойчивой, неуклонной подготовительной работы в этом направлении, раз война стала фактом. Только на этом пути пролетариат сможет вырваться из своей зависимости от шовинистской буржуазии и, в той или иной форме, более или менее быстро сделать решительные шаги по пути к действительной свободе народов и по пути к социализму. Да здравствует международное братство рабочих против шовинизма и патриотизма буржуазии всех стран! Да здравствует пролетарский Интернационал, освобожденный от оппортунизма!». Это было выступлением громадного всемирно-исторического значения. Были провоз-

глашены новые задачи, поставленные на очередь наступлением новой полосы всемирной истории—эпохи социалистической революции. И уже никаких сомнений не может быть в том, что, когда в октябре 1917 г. пролетариат под руководством Ленина взял в России власть, мировому империализму был нанесен серьезный удар, а Ленин для широких масс, не только в самой России, но и за ее пределами, явился признанным вождем пролетариата, масс беднейшего крестьянства и угнетенных масс колониальных народов, борющихся за свое освобождение от гнета капитала. Та задача, выполнение которой было начато с октября 1917 г., была открыто, во всеуслышание, объявлена в ноябре 1914 г. и потому с достаточным основанием началом этого нового периода жизни Ленина можно считать именно 1914 г.

Давая здесь общий обзор всех периодов жизни Ленина, уместно будет остановиться на вопросе о гениальности Ленина как выдающегося деятеля мировой истории.

Ленин обладал исключительными способностями гения. Он воспринимал, схватывал, концентрировал в своем восприятии все с особой силой и яркостью. Не было такой области общественной жизни, которая не вызвала бы тот или иной отклик в Ленине.

Но несмотря на эту разносторонность, или, быть может лучше сказать, благодаря этой разносторонности, Ленин умел концентрировать все внимание на важнейшем, определять важнейшее «звено исторической цепи», на которое и направлял все силы внимания, воли, ума, все силы партии, класса и широких масс трудящихся.

Изучая тенденции развития современности, Ленин умел охватывать взглядом перспективы будущего, видеть вперед так далеко, как не могли видеть самые выдающиеся современные ему вожди и теоретики международной пролетарской борьбы.

Основа гениальности Ленина лежит в его тесной связи с массовым движением. Ленин умел чутко отражать запросы, задачи революционного пролетариата, непоколебимо был уверен в силах массового движения, умел связываться с ним, добиваться руководства им и умел способствовать продвижению масс на высшую ступень. В этом именно лежит ключ к пониманию жизни и деятельности Ленина (как практика и как теоретика).

В «Детской болезни левизны» Ленин говорит: «История вообще, история революций в частности, всегда богаче содержанием, разнообразнее, разностороннее, живее, «хитрее», чем воображают самые лучшие партии, самые сознательные авангарды наиболее передовых классов. Это и понятно, ибо самые лучшие авангарды выражают сознание, волю, страсть, фантазию десятков тысяч, а революцию осуществляют, в момент острого подъема и напряжения всех способностей,—сознание, воля, страсть, фантазия десятков миллионов, подхлестываемых самой острой борьбой классов». Вот это умение схватить и выразить сознание, волю, страсть не только десятков тысяч, но десятков миллионов и образует основу гениально-

сти Ленина. На эту сторону его деятельности надо обратить особое внимание, ее надо особенно изучать. И тогда станет понятной вся деятельность Ленина в целом, ее исключительное значение и своеобразие. В этом свете надо изучать и произведения Ленина.

Особенностью того периода истории, в который действовал Ленин, была быстрота темпа исторического развития, как это нами уже отмечалось. И чем быстрее был темп развития, тем скорее находили себе подтверждение и историческое оправдание выдвинутые Лениным лозунги, оценки, планы действий, вырабатывавшиеся под его руководством стратегия и тактика. Было бы однако совершенно неправильно изображать дело так, что Ленин никогда не ошибался. В его деятельности были ошибки, и он сам всегда эти ошибки отмечал. Гениальность его состояла в том, что он всегда быстро умел заметить ошибку и быстро ее исправить.

В той же самой, не раз уже цитированной нами брошюре «Детская болезнь «левизны», Ленин отметил значение «партийных организаций и партийных вождей, заслуживающих этого звания, чтобы длительной, упорной, разнообразной, всесторонней работой всех мыслящих представителей данного класса вырабатывать необходимые знания, необходимый опыт, необходимое—кроме знания и опыта—политическое чутье, для быстрого и правильного решения сложных политических вопросов». Именно сам Ленин отличался умением так организовать работу партии и всех лучших представителей рабочего класса. И с этой стороны необходимо точно так же внимательно изучать его деятельность как образец для нашей современной борьбы и партийной работы. Ленин обладал исключительной восприимчивостью, чуткостью и исключительным организационным талантом, умением привлекать людей, заставлять их работать, заставлять их давать лучшее, что они могли дать. Он был центром, умевшим концентрировать ум и волю десятков миллионов. Во всю ширь развернулась деятельность Ленина и обнаружилась его гениальность, когда он подвел массы к непосредственной задаче овладения властью, организации диктатуры пролетариата и строительства социализма.

В революционной борьбе создались советы. Ленин дал их теорию и создал учение о новом типе государства на основе всего предшествующего опыта и новых данных, выдвинутых революционным творчеством масс. Ленин начал первый звать к овладению властью и к организации советской власти—этой формы осуществления диктатуры пролетариата. Он указал очередные задачи, ждавшие своего разрешения. Несмотря на громадность размеров этих задач, нашлись силы для их выполнения. В этом смысле Ленин был начинателем организации советской власти, диктатуры пролетариата, строительства социализма. То, что Плеханов говорил о гениальном историческом деятеле, в полной мере применимо к Ленину.

«Великий человек является именно начинателем, потому что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, по-

ставленные на очередь предыдущим ходом умственного развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений; он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он—герой. Не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом все его значение, в этом—вся его сила. Но это—колоссальное значение, страшная сила». (Плеханов, Соч., т. VIII, стр. 305.)

Ленин был несомненно самой выдающейся личностью своей эпохи. Он—лучший представитель передового революционного класса. Ленин отразил в себе так или иначе все существенное своей революционной эпохи и явился центром, в котором сосредоточились основные моменты содержания всемирной истории его времени (революция, борьба против империализма, диктатура пролетариата, строительство социализма). Поэтому его жизнь и его произведения так важны и для научного исследования и для действия, для теории и для практики.

Для теории произведения Ленина важны богатством и глубиной своего теоретического содержания, мастерством материалистического (диалектического) метода.

Для изучения истории, как предшествующей, изучению которой Ленин много уделял внимания, так в особенности истории его собственного времени, произведения Ленина незаменимы. Может быть неправильно говорить о Ленине как историке. Он историей как специальностью не занимался. Но он дает для исторических исследований больше ценнейших указаний, чем кто бы то ни было, потому что отражает необычайно верно и точно каждый момент исторического развития и дает все в перспективе, вполне отвечающей действительности.

Для действия изучение Ленина важно оттого, что им была охвачена вся практика современного ему движения, даны образцы исключительно глубоко продуманных стратегических планов, высокого искусства тактических приемов в классовой борьбе, в руководстве массами, в овладении массовым движением. Лениным были глубоко вскрыты тенденции развития, указано будущее движение. Эти ценные указания необходимо использовать. Их надо уметь использовать сообразно с тем, как сам Ленин использовал гениальные указания Маркса, данные этим последним в его произведениях. Напр., превосходный образец такого использования в брошюре «Государство и революция» указаний Маркса о переходном периоде, данных им в «Критике Готской программы» в 1875 г. (более чем за 40 лет).

Ленин облегчил совершение исторического дела своего времени; он облегчает также изучение истории своего времени и предшествующих периодов. Ленин облегчает совершение исторических задач нашего времени, надо только уметь воспринимать уроки Ленина, уметь у него учиться.

VII

Перейдем же теперь к краткому рассмотрению каждого в отдельности из намеченных нами трех периодов жизни Ленина. Первый период можно определить как период его формирования и теоретической подготовки. Для того чтобы изобразить этот период (как и всякий другой, конечно), необходимо дать картину общества, классов, их взаимоотношений, политического положения в стране, дать картину тех революционных идей (и их корней), которые оказали влияние на молодого Ленина. Здесь должны получить освещение такие темы, как: Ленин и революционное народничество, Ленин и западно-европейское рабочее движение, Ленин и марксизм и т. д.

В этот период Ленин усвоил себе все лучшее, что дало русское революционное движение. Он изучил произведения русских писателей, которых он называл «предшественниками русской социал-демократии»—Герцена, Белинского, Чернышевского. Он изучил деятельность «блестящей плеяды революционеров 70-х годов». («Что делать?» Соч., т. IV, стр. 381.) Изучил основные произведения Маркса и Энгельса. Восприняв объективную революционную обстановку России и всю предшествующую революционную традицию, Ленин пережил в этот период *«искания русской революционной мысли»* и усвоил обобщенный опыт международного революционного движения в виде *теории марксизма*, которая была им глубоко проработана и продумана. *Метод Маркса* уже в этот период, к концу его во всяком случае, был Лениным усвоен в совершенстве.

В этот ранний период биографии Ленина следует отметить такие вехи: Казнь брата—апрель 1887 г. Университет и участие в студенческих беспорядках—осень—зима 1887 г. Зима в деревне Кокушкино под Казанью 1887—1888 г. Переезд в Казань и зима 1888—1889 г. в Казани, где на Ленина несомненно оказали известное влияние имевшиеся там народовольцы. Та «народовольческая выучка», о которой рассказывает Н. К. Крупская, не могла быть приобретена нигде, как только в Казани и может быть позднее в Самаре. На Ленина оказал, несомненно, влияние и Федосеевский кружок. В Казани именно Ленин начал изучение «Капитала», о чем говорит в своих воспоминаниях А. И. Елизарова. Переезд в Самару летом 1889 г. и самарский период, где Ленин начал самостоятельную работу по изучению «русской истории и действительности». В Самаре Ленин готовился кроме того к экзаменам и совершил поездки в Петербург для сдачи экзаменов. Последние годы в Самаре, 1892—1893, Ленин был уже марксистом, хотя известные остатки народовольчества сохранялись еще (особое отношение к террору). При изучении этого периода должен быть поставлен и разрешен вопрос—был ли специально народовольческий период в развитии Ленина. Если был, то каким путем, под влиянием чего и когда совершился его переход к марксизму. Заключением этого первого периода была поездка осенью 1893 г. (20 августа выехал из Самары) и

переезд в Петербург. В эту поездку Ленин останавливался в Нижнем, выступал на собраниях как марксист.

В Самаре Ленин занимался изучением русской экономики, аграрного вопроса, вопроса о развитии капитализма, вопросов русской истории. По словам М. И. Семенова, существовала даже рукописная работа Ленина о русском феодализме, которая ходила по рукам. Ленин изучил основные произведения Маркса и Энгельса. По свидетельству И. Х. Лалаянца, в Самаре у В. И. настольными книгами были: «Капитал» т. I и II, «Нищета философии», «Коммунистический манифест». Энгельс: «Положение рабочего класса в Англии», «О России», «Анти-Дюринг». У Ленина были тогда и различные редкие экземпляры коммунистической литературы: напр., имелись два номера «Neue Rheinische Zeitung» (Revue?). Он интересовался и изучал немецкую социал-демократию, у него были стенографические отчеты германского рейхстага. Он внимательно, по первоисточникам, изучал, таким образом, уже и тогда западное рабочее движение.

Теоретическая подготовка, достигнутая Лениным к концу самарского периода, ко времени его приезда в Петербург в 1893 г. была такова, что написанные им в 1894 г. книги: «Что такое друзья народа» и «Против Струве» свидетельствовали о его полной теоретической зрелости как марксиста. Вся постановка вопросов, все формулировки, весь подход к изучению вопросов были таковы, что и впоследствии Ленин мог подписаться под любым положением из этих ранних своих работ. В своей первой крупной работе Ленин ставил вопросы классовой борьбы и революции принципиально, так же, как он ставил их в 1905 г. и позднее. Последовательность задач в революции была ему тогда уже вполне ясна. Он писал, что «русский рабочий, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет русский пролетариат (рядом с пролетариатом всех стран) прямой дорогой открытой политической борьбы к победоносной коммунистической революции». (Соч. т. I, стр. 200). В последующем эта формулировка получала лишь дальнейшую конкретизацию. (Напр., «Две тактики».).

Приведенный здесь тезис был верен в последний год жизни Ленина точно так же, как он был верен для 1894 г. Только в 1923 г. кое о чем можно было говорить уже не в будущем, а в прошедшем времени. Ввиду того, что Ленин к 1894 году уже совершенно овладел теорией марксизма, его методом, следует, как уже сказано, именно этот год считать завершающим подготовительный период и началом нового периода.

Но в 90-х годах партия только еще возникала, ее надо было создавать. Ленин и начал эту работу с установления связи с массовым рабочим движением. И это было совершенно новым явлением. До этого времени теоретики-марксисты такого масштаба, как Ленин, таким образом связи с рабочим движением не устанавливали. Правда, годы с 1894 по 1900 были, в свою очередь, подготовительными к последующему «искровскому» периоду, во время которого Ленин начал строить всероссийскую организацию. Но, как уже сказано, такой коренной разницы, какая была между

периодом до 1894 г. и после него, между периодом последних 6 лет XIX в. и первыми годами XX в.—для Ленина в теоретическом отношении не было. Присоединение этих шести годов к первому «подготовительному» периоду могло бы дать неправильное представление о том, что Ленин в это время в теоретическом отношении был еще не совсем подготовлен. Это было бы неверно. Ленин был уже зрелым теоретиком и политиком-марксистом; все его работы этого периода, и экономические труды, и политические статьи и брошюры («Задачи русских социал-демократов»), и такое блестящее исследование, как «Развитие капитализма в России», ярко свидетельствуют об этом. Необходимо также отметить написанный им протест против «Credo». (Соч., т. II, изд. 3-е, стр. 497—508).

VIII

Второй период жизни Ленина совпадает с историей развития нашей партии, и поэтому вопрос о внутренних подразделениях в этом периоде—это, в сущности, вопрос о периодизации истории партии. В биографии Ленина, конечно, не могут не быть свои особенности в подразделениях, но в основном тут вопрос сводится именно к периодам в развитии партии, потому что жизнь Ленина с 1894 г. самым тесным образом слилась с этим развитием. Нам придется поэтому остановиться сначала на вопросе о периодизации истории партии.

Ленин в своих произведениях сам дал нам ценные указания по вопросу о правильном разделении этой истории, вытекающем из существа развития партии как передового отряда рабочего класса. У Ленина есть две периодизации, не вполне совпадающие одна с другой, потому что они построены на разных принципах; но обе эти периодизации дополняют друг друга.

В «Детской болезни левизны» Ленин в основу подразделений в истории *большевизма* берет подразделения применительно к общей истории России, к истории русской революции. У него намечены следующие периоды:

Годы подготовки революции	(1902—1905)
» революции	(1905—1907)
» реакции	(1907—1910)
» подъема	(1910—1914)
Первая всемирная империалистская война	(1914—1917)

В конце концов, Ленин подходит к рубежу, открывающему совершенно новый период и в истории России и в мировой истории—к Октябрю 1917 г.

Эта периодизация и должна быть основной, потому что здесь в основу положены периоды истории России в целом, истории русской революции.

Другая периодизация истории партии, имеющаяся у Ленина, отличает периоды смены форм враждебных марксизму оппортунистических тече-

ний. Политическая борьба, борьба партий, развитие борьбы внутри партии,—все это несомненно имеет самую тесную связь с общими условиями исторического развития. Иногда связь эта видна ясно, иногда ее приходится искать в ряде сложных посредствующих звеньев, но связь эта существует. Ход развития общества, классов и их борьбы отражается на ходе развития партии. Но кроме того история развития партии имеет и свою собственную известную внутреннюю логику—специфическую закономерность. Однако решающими, основными являются процессы общественного развития в целом. Вторая периодизация, берущая явления вторичного порядка с точки зрения общего развития классовой борьбы, является таким образом надстройкой над первой периодизацией, дополняет ее. Такую *периодизацию второго рода* мы встречаем, например, в предисловии к сборнику «За 12 лет». Там Ленин пишет: «Бросая общий взгляд на борьбу двух течений в русском марксизме и в русской социал-демократии за 12 лет (1895—1907), нельзя не прийти к выводу, что «легальный марксизм», «экономизм» и «меньшевизм» представляют из себя различные формы проявления одной и той же исторической тенденции. «Легальный марксизм» г. Струве (1894) и ему подобных был *отражением марксизма в буржуазной литературе*. «Экономизм», как особое направление социал-демократической работы в 1897 и следующих годах, фактически осуществил программу *буржуазно-либерального «Credo»: рабочим экономическая, либералам политическая борьба*. *Меньшевизм—не только литературное течение, не только направление с.-д. работы, а сплоченная фракция, которая провела в течение первого периода русской революции (1905—1907 года) особую политику, на деле подчинявшую пролетариат буржуазному либерализму*. (Соч., т. XV, стр. 69). Мы видим тут периоды по смене форм оппортунистических течений в социал-демократии, по тому, с какими врагами приходилось бороться революционному марксизму.

С такими же подразделениями мы встречаемся в заметке «О большевизме» (для книги Рубакина). В этой заметке намечены такие периоды:

Борьба «экономизма» против революционной с.-д.	1897—1902
Кампания «Искры»	1900—1903
Раскол на втором съезде	1903
Разногласия организационного характера	1903—1904
» тактического характера	с конца 1904
Вопрос о бойкоте булыгинской думы	осень 1905
Вопрос о бойкоте виттевской думы	весна 1906
Победа меньшевиков (Стокгольм)	1906
Победа большевиков (Лондон)	1907
Откол впередовцев	1908—1909
Борьба на два фронта против впередовцев и ликвидаторов и сближение на этой почве с партийными меньшевиками	1909—1911

По поводу заметки «О большевизме» надо сказать, что перечисление разногласий и вообще все изложение стеснено рамками легальности, так как заметка была написана для легального справочника, вышедшего в 1914 г.

Такую же приблизительно периодизацию дал Ленин на листочках, в связи с поручением, данным т. Бухарину, написать исторический очерк партийной борьбы, видимо, со специальной целью центр внимания направить на противопоставление большевизма меньшевизму, революционного марксизма оппортунизму (опубликовано в № 7—8 «Большевика» за 1924 г.).

Наконец, подобная периодизация имеется в брошюре «Социализм и война». Возможно, что глава «История раскола и теперешнее положение с.-д-тии в России» написана не Лениным, но во всяком случае она была им проредактирована. Там установлены следующие периоды:

Экономисты и старая «Искра»	1894—1903
Меньшевизм и большевизм	1903—1908
Марксизм и ликвидаторство	1908—1914
Марксизм и социал-шовинизм	1914—1915

IX

Взявши в основу приведенную периодизацию истории партии у Ленина, можно, мне кажется, предложить разделение истории партии на следующие периоды:

1. *Доискровский период*—с двумя подразделениями.

а) 1883—1894 гг. Социал-демократия как идейное течение. В «Что делать» Ленин так характеризует это время: «Это был период возникновения и упрочения теории и программы социал-демократии. Число сторонников нового направления в России измерялось единицами. Социал-демократия существовала без рабочего движения, переживая, как политическая партия, процесс утробного развития». (Соч., т. IV, стр. 499).

б) 1894—1900 гг. Второе подразделение «до-искровского периода» охватывает последние шесть лет XIX в. и отличается тем, что в это время «социал-демократия появляется на свет божий, как общественное движение, как подъем народных масс, как политическая партия» (там же). В этот период сделаны были первые попытки построения партии. Работа отдельных групп еще носила кустарный характер. Среди соц.-демократов царил еще идейный разброд. Но этот период надо считать началом связи теории революционного марксизма с массовым рабочим движением. Партия уже возникла, она уже имела известные кадры, имела связи с массами, центром ее была работа в Петербурге («Союз борьбы за освобождение рабочего класса»), и было приступлено к установлению связей и с работниками в провинции (напр., поездка Н. К. Крупской в Полтаву в 1896 г.).

2. *Период «Искры» 1900—1903.* Тов. Сталин говорит об этом периоде, что «борьба старой «Искры» и блестящая критика теории «хвостизма», данная в брошюре Ленина «Что делать», не только разбила так называемый «экономизм», но создала еще теоретические основы действительного революционного движения русского рабочего класса» («Вопросы ленинизма», стр. 91). Ленин сам отмечает, что «все позднейшие споры между с.-д.

шли о том, как направлять политическую деятельность рабочей партии в тех или иных отдельных случаях. Тогда же (т. е. в период «Искры») речь шла об определении самых общих основ и коренных задач *всякой* социал-демократической политики вообще» (т. XII, 65).

«Искра» проделала громадную систематическую работу по пропаганде революционного марксизма и по созданию общерусского центра. Борьба велась ею против правого крыла «уже не в литературных течениях, а в социал-демократических организациях». В написанном в сентябре 1907 г. предисловии к сборнику статей «За 12 лет» Ленин дает следующую оценку деятельности «Искры»: «Искра» боролась за создание организации профессиональных революционеров, боролась особенно энергично в 1901 и 1902 гг., поборола преобладавший экономизм, *создала* эту организацию в 1903 году окончательно». (т. XII, стр. 62).

3. Период раскола и канун революции.

а) 1903 г.—раскол на II съезде. Возникновение большевизма «как течения политической мысли и как политической партии». («Детская болезнь «левизны»).

б) 1903—до сентября 1904 г. центр тяжести был в разногласиях по организационным вопросам, хотя оппортунизм ряда искровцев в тактических вопросах стал и раньше обнаруживаться (до II съезда).

в) Вторая половина 1904 г.—расхождения в вопросах тактики. В первый период раскола разногласия ограничивались организационными вопросами. Ленин формулировал тогдашнюю позицию меньшевиков как «оппортунизма в организационных вопросах». Но в ходе дальнейшего развития борьбы большевизма с меньшевизмом на первый план выдвинулись разногласия в тактических вопросах. Это было прямым результатом приближавшейся буржуазно-демократической революции.

4. 1905—1907—годы революции были исключительно богаты содержанием. В «Детской болезни левизны» Ленин так характеризует этот период: «Все классы выступают открыто. Все программные и тактические взгляды проверяются действиями масс. Невиданная в мире широта и острота стачечной борьбы. Перерастание экономической стачки в политическую и политической стачки в восстание. Практическая проверка соотношений между руководящим пролетариатом и руководимым, колеблющимся, шатким крестьянством. Рождение в стихийном развитии борьбы советской формы организации. Тогдашние споры о значении советов предвосхищают великую борьбу 1917—1920 годов. Смена парламентских форм борьбы и непарламентских, тактики бойкота парламентаризма тактикой участия в парламентаризме, легальных форм борьбы и нелегальных, а равно их взаимоотношение и связи,—все это отличается удивительным богатством содержания. Каждый месяц этого периода равнялся, в смысле обучения основам политической науки и масс, и вождей, и классов, и партий—году «мирного» «конституционного» развития. Без «генеральной репетиции» 1905 года победа октябрьской революции 1917 года была бы невозможна».

Для второго периода жизни и работы Ленина центральным, узловым пунктом являются эти годы революции: 1905—1907. Огромное значение этих лет в том, что это был один из поворотных пунктов в развитии России и в мировой истории.

Гигантский размах и подъем массового революционного движения в 1905 г. создал совершенно новую обстановку в России и в Европе и в странах Востока, в колониальных и полуколониальных странах.

Революция 1905 г. пробудила ото сна самую отсталую страну Европы, выдвинула новые задачи и двинула на борьбу новые силы. Она показала все классы в действии, показала пролетариату, «какова на деле буржуазия данной страны». («Заметки публициста» 4/IX 1907 г., т. XII, стр. 53), оказала влияние на западные страны (Австрия (Вена, Прага), Германия, Швеция и Норвегия и т. д.). В ряде стран были отклики на события в России, в смысле более скорого и решительного разрешения своих собственных конфликтов. Революция 1905 г. вызвала движение во всей Азии (Турция 1908—1909 гг. Персия 1909 г., Китай 1911 г.).

После всех этих событий стало возможно говорить уже об отсталости Европы, потому что там передовым классом явился один лишь пролетариат, буржуазия же стала реакционной, «готовой на все дикости, зверства и преступления, чтобы отстоять гибнущее капиталистическое рабство», и однако она остается командующей и поддерживает реакцию во всем мире. Ленин указывал на это в 1913 г. в статье «Отсталая Европа и передовая Азия» в «Правде» (Соч. т. XVI, изд 2 и 3). Дальнейшие события подтвердили и подтверждают это полностью.

Русская революция показала, какие формы борьбы выдвигаются в современной революции (массовая политическая стачка, вооруженное восстание), показала, что благодаря наличию сильного пролетариата русская революция является прологом грядущей европейской революции (как говорил Ленин в январе 1917 г., учитывая опыт 1905 года). (Соч. т. XIX, стр. 357).

Революция в России (правда, в отсталой, но европейской стране) показала, каков будет ход революции (социалистической) в Европе.

В свете новых событий Ленин снова изучал и продумывал произведение Маркса и Энгельса, как напр., «18 брюмера», «Обращение ЦК к союзу» и пр., и это имело очень большое значение и в применении к вопросам западно-европейского движения. Уже в 1905 г. для Ленина становилось ясным, какими недостатками страдают западные партии и в каком направлении эти недостатки должны быть исправлены. В своей брошюре «Две тактики» Ленин указал на эти недостатки и отметил существенный поворот, наступивший в историческом развитии, отметил новую эпоху, в которую вступила Россия, как европейская страна. Наступление этой новой эпохи неизбежно и во всем мире.

«Великие вопросы политической свободы и классовой борьбы решает, в последнем счете, только сила, и мы должны заботиться о подготовке, организации этой силы и об активном, не только оборонительном, но и

наступательном употреблении ее. Долгая эпоха политической реакции, царящая в Европе почти непрерывно со времен Парижской коммуны, слишком сроднила нас с мыслью о действии только «снизу», слишком приучила нас наблюдать борьбу только оборонительную. Мы вступили теперь, несомненно, в новую эпоху; начался период политических потрясений и революций. В такой период, какой переживается Россией, непозволительно ограничиваться старым шаблоном. Надо пропагандировать идею о действии сверху, надо готовиться к самым энергичным, наступательным действиям, надо изучать условия и формы таких действий. Из таких условий резолюция съезда выдвигает на первый план два: одно касается формальной стороны участия с.-д-тии во временном революционном правительстве (строгий контроль партии за ее уполномоченными), другое—самого характера этого участия (ни на минуту не упускать из виду цели полного социалистического переворота)». (Июль 1905 г. «Две тактики». Соч. т. VIII, стр. 42).

Здесь важно, во-первых, что отмечена, вполне уже отчетливо, особенность развития западных партий, приведшая их впоследствии (в начале империалистической войны) к краху; во-вторых то, что намечается новая революционная тактика, тактика наступательная, выдвигается задача завоевания власти; в-третьих—указание на необходимость не забывать ни на минуту о конечной цели. (По поводу последнего см. замечательные документы о характере и перспективах революции 1905 г., напечатанные в Ленинском сборнике V, стр. 438—452.)

В России в эти годы меньшевизм окончательно оформился как оппортунистическое течение. «В бурные 1905—1907 годы,—говорится в брошюре «Социализм и война»,—меньшевизм был оппортунистическим течением, которое поддерживали либеральные буржуа и которое проводило либерально-буржуазные тенденции в рабочем движении. Приспособление борьбы рабочего класса к либерализму—в этом была его суть. Напротив, большевизм ставил задачей социал-демократических рабочих поднимать на революционную борьбу революционное крестьянство вопреки шатаниям и изменам либерализма. И рабочие массы, как это признавали неоднократно сами меньшевики, шли во время революции с большевиками при всех крупнейших выступлениях. Революция 1905 года проверила, укрепила, углубила и закалила непримиримо-революционную социал-демократическую тактику в России. Открытое выступление классов и партий неоднократно обнаруживало связь социал-демократического оппортунизма («меньшевизма») с либерализмом». («Социализм и война». Соч. т. XVIII, стр. 219). Для оценки 1905 г. и значения его для поворота во всей установке партийной работы очень важной является статья «Новые задачи и новые силы» (см. Лен. сб. V, стр. 95—113), а также ряд статей, написанных Лениным уже после революции: «К оценке русской революции», «Лев Толстой как зеркало русской революции», «Об оценке текущего момента» (Соч., т. XII), «Уроки революции» (Соч., т. XIV), «О статистике

стачек в России», «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция» (Соч., т. XV) и др.

5. После годов революции идет точно так же очень важный—*период реакции и нового подъема*.

а) *Период годов реакции 1908—1910.*

Давая характеристику этого периода в 1920 г., Ленин отмечал, что «великое поражение дает революционным партиям и революционному классу настоящий и полезнейший урок, урок исторической диалектики, урок, понимания, умения и искусства вести политическую борьбу. Друзья познаются в несчастье. Разбитые армии хорошо учатся». Ленин говорит дальше, что «наука наступления» была дополнена «наукой отступления», что большевики отступили «с наименьшей деморализацией, с наибольшей способностью возобновить работу наиболее широко, правильно и энергично. И достигли этого большевики только потому, что беспощадно разоблачили и выгнали всех *революционеров фразы*, которые не хотели понять, что надо отступить, что надо уметь отступить, что надо обязательно научиться легально работать в самых реакционных профессиональных, кооперативных, страховых и подобных организациях».

Здесь подчеркнута борьба со «впередовством», потому что брошюра «Детская болезнь» была написана в то время, когда в Коминтерне шла борьба против подобных же «ультра-левых» течений, прикрывавших свой оппортунизм ультра-левой фразой. Кроме того, в годы реакции и в последующий период подъема все время шла борьба с новой разновидностью оппортунизма—с ликвидаторством.

«Главное русло меньшевизма, вопреки протестам многих лучших его представителей, породило течение ликвидаторства, отречение от борьбы за новую революцию в России, от нелегальной организации и работы, презрительные насмешки над «подпольем», лозунгом республики и т. д. В лице группы легальных литераторов журнала «Нашей зари» (гг. Потресов, Череванин и др.) сплотилось независимое от старой социал-демократической партии ядро, которое тысячами способов поддерживала, рекламировала и холила либеральная буржуазия России, желавшая отучить рабочих от революционной борьбы. Эту группу оппортунистов исключила из партии январская конференция РСДРП 1912 г., которая восстановила партию вопреки бешеному сопротивлению целого ряда заграничных групп и группок». («Социализм и война». Соч., т. XVIII, стр. 220.)

Во время этих годов 1908—1910 и последующих годов подъема буржуазное развитие России «шагало вперед замечательно быстро».

б) *1911—1914 период годов подъема* в истории партии отличался тем, что выросли партийные рабочие кадры, развилась революционно-марксистская легальная печать (газета «Звезда», «Правда», журналы «Мысль», «Просвещение»). Большевики были оттеснены большевиками, и, как указано было выше, в 1912 г. была восстановлена партия против оппортунистов—ликвидаторов, без них.

«Наша партия, говорится в брошюре «Социализм и война», объ-

единила к 1914 году $\frac{4}{5}$ сознательных рабочих России вокруг революционной с.-д. тактики». Это объединение произошло *только* благодаря последовательной борьбе с ликвидаторами.

В брошюре «Детская болезнь левизны», Ленин дает такую характеристику периода подъема: «Сначала подъем был невероятно медленный, потом, после ленских событий 1912 г., несколько более быстрый. Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия. Но большевикам никогда не удалось бы достичь этого, если бы они не провели правильной тактики соединения нелегальной работы с обязательным использованием «легальных возможностей». В реакционной Думе большевики завоевали себе всю рабочую курию».

Уроки использования легальных возможностей особенно ценны для всех современных западных коммунистических партий. Это использование было возможно лишь при наличии крепкой нелегальной организации.

6. *Период первой всемирной империалистической войны (1914—1917)*. Характеризуя этот период, Ленин указывал, что его значение состояло в том, что тактика с.-д. была проверена «на кризисе всемирного размера». «Правильность нашей оценки ликвидаторства и исключения главной группы ликвидаторов из нашей партии была таким образом *вполне подтверждена*» (т. XVIII, 221). Такая очистка партии от оппортунизма была необходимейшим условием для дальнейшей победы. «Если большевизм умел победить в 1917—1920 годах, то одной из основных причин этой победы является то, что большевизм еще с конца 1914 г. беспощадно разоблачал гнусность, мерзость и подлость социал-шовинизма и «каутскианства»... массы же потом на собственном опыте убеждались все более и более в правдивости взглядов большевиков». («Детская болезнь левизны», Соч., т. XXV, стр. 178.)

Во время империалистической войны большевизм выступил с лозунгами поражения своего правительства, превращения империалистской войны в войну гражданскую. С 1914 г. началась работа по подготовке III Интернационала.

7. *Период второй революции в России: февраль—октябрь 1917 г.* представляет из себя, несмотря на свою краткость (всего 8 месяцев), необычайное богатство содержания и имеет свое самостоятельное и очень большое значение. Он должен быть выделен в виде самостоятельного периода,—как это и сделано у Ленина в «Детской болезни». Лишь особенность исторического развития России обусловила такую краткость этого периода. Но это ни в какой степени не повлияло на *содержательность* его. Про этот период т. Сталин говорил в своем докладе «К итогам работ XIV конференции РКП(б)», что «это были 8 месяцев глубочайшего революционного кризиса, когда война и разруха подстегивали революцию, ускоряя до крайности ее бег. Именно поэтому эти 8 месяцев

революционного кризиса могут и должны сойти по крайней мере за 8 лет обычного конституционного развития». («Об оппозиции», стр. 170—171.)

Этот период открылся необычайно быстрой победой революции. «Невероятная застарелость и устарелость царизма создала (при помощи ударов и тяжестей мучительнейшей войны) невероятную силу разрушения, направленную против него. В несколько дней Россия превратилась в демократическую буржуазную республику, более свободную в обстановке войны, чем любая страна в мире». («Детская болезнь», Соч., т. XXV, стр. 178.)

В ходе событий этого периода совершалась необычайно быстрая смена форм борьбы. Происходил бурный рост влияния партии, ее численный рост и развитие ее в рамках буржуазно-демократической легальности и за их пределы. В этот период были свои приливы и отливы. Важнейшим результатом этого периода было разоблачение мелкобуржуазных партий, крушение мелкобуржуазных иллюзий, дискредитация оппортунизма. «История сыграла шутку и заставила оппортунистов отсталой страны предвосхитить оппортунистов ряда передовых стран», говорил Ленин в «Детской болезни».

Одержанная в октябре 1917 г. победа революционного пролетариата открыла новый период, «третий этап революции, имеющий своей целью свержение буржуазии в мировом масштабе» (Сталин. К итогам работ XIV конф. РКП(б).) Этот новый период—период диктатуры пролетариата создал для партии опять-таки совершенно новую обстановку. Содержание этого периода по своему богатству настолько разнообразно и велико, что дать ему характеристику возможно лишь особо. Революция 1917 г. является, как уже сказано, центральным событием в третьем периоде жизни Ленина. Этот период начинается с началом империалистской войны 1914 года. Соображения, на основании которых мы считаем правильным именно здесь видеть грань, были приведены нами выше.

X

Если уже революция 1905, революция, потерпевшая поражение, имела огромное международное значение (тема, которая может дать материал для целого ряда научно-исследовательских работ огромного интереса и практического значения, как подведение итогов опыта буржуазно-демократической революции), то тем неизмеримо большее значение имела и имеет революция 1917 г., Октябрьская революция, давшая победу пролетариату, самому революционному в мире классу. И именно Октябрьская революция является несомненно центральным, крупнейшим событием, определяющим собой третий период, третью полосу жизни и работы Ленина. Эта полоса выделяется тем, что выдвигается на первый план его роль, как вождя мирового пролетариата и организатора пролетарской диктатуры, вождя Коммунистического Интернационала.

Отдельные моменты, отдельные вехи, характеризующие эту сторону деятельности Ленина, отмечающие, как совершался процесс ее приготовления и развития, могут быть указаны задолго до того времени, когда Ленин, ставши во главе пролетарской революции, в октябре 1917 г. должен был получить общее признание как вождь мирового пролетариата, мировой коммунистической революции. Подготовка Ленина к этой роли началась очень рано. Уже одно то, что с 1894 г. Ленин—революционный марксист, в совершенстве владеющий диалектическим методом Маркса, вождь марксистской партии, которая стала складываться в России,—уже одно это явилось необходимой предпосылкой для его будущей роли мирового вождя. Тогда уже Ленин с не оставляющей сомнений ясностью указывал на международный характер пролетарской революции.

Мы уже говорили о том, что революционная роль большевизма и его вождя и теоретика Ленина была обусловлена наибольшей близостью России к революционному взрыву из всех европейских стран. Вот что говорил об этом Ленин в «Что делать?» в 1902 г.:

«История поставила теперь перед нами ближайшую задачу, которая является *наиболее революционной* из всех *ближайших* задач пролетариата какой бы то ни было другой страны. Осуществление этой задачи, разрушение самого могучего оплота не только европейской, но также (можем мы сказать теперь) и азиатской реакции, сделало бы русский пролетариат авангардом международного революционного пролетариата». (Соч., т. IV, стр. 382.)

В свете последующих событий развития мировой революции история большевизма в России приобретает новое освещение, выступает на вид международное значение борьбы за революционный марксизм в нашей стране, в нашей партии. Без этой борьбы не могло бы пойти впоследствии так успешно создание III Коммунистического Интернационала. Но кроме того следует отметить и ряд специально международных выступлений большевизма и его гениального вождя Ленина.

В 1907 г. необходимо отметить выступление Ленина на Штутгартском конгрессе. Еще следует указать на ряд моментов в отношении ко II Интернационалу и ранее, в 1904—1905 гг., и позднее, во время участия Ленина в работах Международного социалистического бюро представителем от РСДРП. Все эти выступления и столкновения показывали, что Ленин выступал защитником революционного марксизма в международном движении и отражал попытки зараженных оппортунизмом вождей II Интернационала вмешаться в русские дела с целью повлиять на нашу партию в духе оппортунизма. В 1914—1915—1916 гг. огромное международное значение имели выступления Ленина с разоблачением II Интернационала, измены его вождей. Ленин четко и ясно выдвинул революционный лозунг превращения империалистской войны в гражданскую войну против буржуазии. Ленин поставил вопрос о необходимости развертывания борьбы за социалистическую революцию, заявил о том, что наступила эпоха социалистической революции. Ленин вел борьбу как против социал-шо-

винизма, так и против еще более опасного центризма, пацифизма, более тонко фальсифицирующих марксизм. В 1915—1916—1917 гг. громадной заслугой Ленина была работа по подготовке Коммунистического Интернационала—работа Циммервальдской левой. Ленин еще до войны указал на важность постановки и разрешения национального и колониального вопроса. Действительное объединение в III Интернационале пролетариев всех рас было новой задачей, которую Ленин выдвинул и отстаивал со всей энергией. «Во главу угла всей политики Коминтерна по национальному и колониальному вопросам должно быть положено сближение пролетариев и трудящихся масс всех наций и стран для совместной революционной борьбы за свержение помещиков и буржуазии»,—писал Ленин в проекте тезисов по национальному и колониальному вопросам, представленном II Конгрессу Коминтерна (июнь 1920 г.).

В 1917 г. наступило событие исключительного значения—именно завоевание власти и организация диктатуры пролетариата в России в Октябре. Это событие означало прорыв фронта империалистской буржуазии и начало социалистической революции. Мы здесь не можем поставить себе задачу хотя бы даже лишь в общих чертах охарактеризовать этот новый период. Отметим только несколько характерных его моментов. Впервые в истории была осуществлена *диктатура пролетариата*, охватившая такую обширную территорию. Возникновение ее, ее существование, ее борьба является самым выдающимся всемирно-историческим событием новейшего времени. Взятие власти, организация ее, организация ее защиты происходили под непосредственным, ближайшим руководством Ленина. Борьба Советов за мир была задачей международного значения, и неизбежным последствием этой борьбы была революционная война 1918—1920 гг., окончившаяся военной победой над оккупационными войсками международной буржуазии и полным военным разгромом контрреволюции, поддерживавшейся буржуазией всего мира. Главным руководителем этой войны, организатором победы, руководителем всей внешней политики—был Ленин.

Надо особо выделить и подчеркнуть значение работы Ленина как организатора и теоретика советского государства; этой демократии трудящихся, «власть большинства *на деле*», власти, какой никогда еще не было в мире (см. «III Интернационал и его место в истории» 1919 г.). Под непосредственным руководством Ленина был создан новый тип государства,—государства переходного периода, от капитализма к коммунизму, государства, ставящего себе задачей уничтожение эксплуатации, уничтожение классов. Это новое государство—пролетарская демократия была противопоставлена буржуазной демократии, служащей ширмой для экономического неравенства, угнетения и эксплуатации, советская власть—это новый тип государства для целого периода всемирной истории,—эта форма должна распространиться во всем мире. В России она впервые возникла. В дальнейшем она повсюду будет доделываться и усовершенствоваться. Изучение деятельности Ленина как руководителя советского

государства дает ценные указания для использования при осуществлении советской власти в других странах. Столь же важно и ценно изучение основ экономической политики, проводившейся Лениным, изучение намеченных им путей строительства социализма и практики их осуществления. Наконец, необходимо отметить, что под непосредственным руководством Ленина в 1919 г. был создан III Интернационал и созван ряд конгрессов, на которых заложены были основы организации, тактики и программы Коммунистического Интернационала.

Все это такие громадные темы, что изучение каждой из них, даже отдельных частей их требует коллективной работы и исследований, требующих массу труда. Здесь можно лишь бегло упомянуть об этих задачах, не пытаясь даже дать их сколько-нибудь исчерпывающего перечисления, не говоря уже о том, чтобы дать сколько-нибудь полную характеристику всего богатства их содержания.

Задача построения социализма в СССР является крупнейшей задачей—гигантского международного значения. В выполнении этой задачи руководящую роль играет наша партия, воспитанная Лениным в духе революционного марксизма. Крупнейшая международная роль ленинизма и его носительницы ВКП(б) в настоящее время общепризнана. Подводя итоги пройденному пути и оценивая задачи момента, Ленин в докладе о продналоге на Всероссийской конференции РКП 26 мая 1921 г., дал такую характеристику развития партии и значения ее современной работы:

«Если сравнивать всю работу коммунистической партии с 4-летним курсом высших наук, то наше положение можно определить так: мы держим переходной экзамен с 3-го на 4-й курс; еще не выдержали его, но по всем признакам выдержим. Если считать по курсам, то первый курс был с 70-х годов прошлого столетия до 1903 г., первоначальный вступительный период от народовольчества, социал-демократии и II Интернационала к большевизму. Это первый курс.

Второй курс с 1903 г. по 1917 г.; тут серьезная подготовка к революции и первый опыт революции 1905 г.

Третий курс—с 1917 по 1921 гг. Тут 4 года, которые по своему содержанию больше, чем первые 40 лет. Это было испытание весьма деловое, когда пролетариат стал у власти, но это не было решительное испытание... один из близких к последнему и решительному бою, если уже быть совершенно точным. А теперь мы держим последний экзамен с 3-го на 4-й курс; а затем нам надо хорошо пройти весь 4-й курс: тогда мы будем действительно непобедимы. Мы можем одержать победу на хозяйственном фронте. Если мы в отношении к крестьянству одержим победу и «здоровый гигиенический паек» соберем в этом году, это будет переходной экзамен с 3-го на 4-й курс. После этого, все то строительство, которое намечается, будет более серьезное». (Собр. соч. т. XVIII, ч. I, стр. 280—281): Ленин здесь под «четвертым курсом» подразумевает социалистическое строительство.

Как в тот период истории партии, который Ленин называет вторым курсом, так и в тот, который по его определению является третьим курсом, именно Ленин был вождем партии, ведущим всеобъемлющую руководящую работу, строителем партии, ее организатором, ее теоретиком.

С октября 1917 г. наша партия стала «оружием диктатуры пролетариата». (Сталин. «Основы ленинизма».) Чтобы напомнить здесь о том значении, которое придавал Ленин партии и о том огромном размере задач, встающих перед пролетариатом, взявшим власть, и перед его партией (а следовательно и перед ее вождем), мы приведем слова Ленина о диктатуре пролетариата:

«Диктатура пролетариата,—говорит Ленин,—есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешно такую борьбу невозможно». (Ленин. «Детская болезнь левизны». Соч., т. XXV, стр. 191.)

Роль партии в этот период, этапы ее развития, ее рост, внутренние процессы, происходящие в этот период—к исследованию всего этого должно быть приступлено в ближайшее время, потому что учет всего проделанного за это время опыта, создание строго проверенного научного изложения фактов в этой области является делом большого международного значения. Мы напомним здесь слова Ленина: «в некоторых весьма существенных вопросах пролетарской революции *всем* странам неизбежно придется проделать то, что проделала Россия». («Детская болезнь левизны»). Изучение этого периода революции, процессов классовой борьбы, развития партии и ее работы дадут возможность понять роль Ленина как руководителя и теоретика диктатуры пролетариата; его роль как вождя международной революции.

XI

На основе намеченных выше периодов истории России и истории партии можно предложить следующую периодизацию жизни и работы Ленина.¹

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ). КАЗАНЬ, САМАРА

1887—1893

Формирование Ленина как революционера-марксиста. Революционная обстановка России. Усвоение предыдущего революционного опыта, основ-

¹ Предлагаемая схема является лишь самым первоначальным наброском.

ных произведений Маркса и Энгельса, их метода, начало самостоятельного изучения русской истории и действительности. Начало борьбы с народничеством.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ЖИЗНИ ЛЕНИНА. (ВОЖДЬ ПАРТИИ В РОССИИ) 1894—1914

Доискровский период.

1894—1895. Начало работы как организатора и вождя партии. Организация Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса. Начало борьбы с легальным марксизмом. Лето 1895 г.: поездка за границу. Связь с группой «Освобождение труда». Переход от узких пропагандистских кружков к широкой экономической агитации в массе. Приступ к работе над «Развитием капитализма в России».

1896—1897. Арест и тюрьма. Работа над «Развитием капитализма». Популярны брошюры. Программа партии с комментарием.

1897—1900. Ссылка. Продолжение научной работы и борьба против «легального» марксизма и экономизма. Два периода ссылки: первый, в котором преобладает теоретическая работа, работа над книгой «Развитие капитализма», изучение философии. Второй период — выработка организационного плана. В ссылке Ленин продолжал руководить партией: «Протест 17», статьи для «Рабочей газеты».

Период «Искры»

1900—1903. Переход к политической агитации в крупных размерах и к открытым уличным демонстрациям. Работа в ред. «Искры». Борьба с экономизмом, эсеровщиной. Начало осуществления организационного плана. Сначала жизнь в Мюнхене. Работа над брошюрой «Что делать?» Затем Лондон, Женева. Работа над аграрным вопросом. Споры в редакции «Искры». Подведение итогов борьбы с экономизмом и приглашение «к углублению и расширению практической работы», к тому, чтобы обратить внимание на «несоциалдемократические нелегальные направления в России» (те же в сущности, — только гораздо более развитые, оформившиеся, «зрелые» направления, как и в первой половине 90-х годов прошлого века). (Предисловие ко 2-му изд. «Задачи русс. с.-д.»).

Раскол партии и канун революции

1903—1904. Второй съезд. Начало борьбы за большевизм против меньшевизма. Разногласия по организационному вопросу. Борьба против «оппортунизма» в организационном вопросе. Брошюра «Шаг вперед, два назад», подводящая итог первому этапу борьбы с меньшевизмом. Переход к тактическим разногласиям — «Земская кампания и план Искры». Организационное оформление большевизма. Бюро комитетов большинства. Борьба за съезд.

Борьба с примиренчеством. Выход большевизма на международную арену, первые столкновения с вождями II Интернационала.

Годы первой революции

1905—1907. Переход к высшим формам борьбы. Перестройка организации и всей работы. Новые задачи и новые силы. Рост партии.

Заграницей до ноября 1905 г. Нарастание революции. Январские дни. Февральско-мартовские забастовки. Летние военные восстания. Опыт массового движения. Борьба за съезд. Переход к тактике наступления. III съезд, его решения. Брошюра «Две тактики», разъясняющая решения съезда и критика меньшевизма.

Булыгинская дума. Бойкот. Октябрьские дни. Советы. Приезд в Россию. Завоевание легальной печати. Газета «Новая жизнь». Декабрьское восстание в Москве. Выборы в думу и вопрос о тактике. Крестьянское движение. Свеаборг. Борьба с меньшевизмом. Аграрная программа. Стокгольм. Левый блок.

Финляндия 1907 г. Лондонский съезд. Думская фракция. Участие в Штутгартском конгрессе. Победа реакции заставляет возвратиться второй раз в эмиграцию.

Годы реакции

1908—1910. Переход к тактике отступления. Углубленная теоретическая работа. Подведение итогов опыта революции и усвоение его массами. Изучение опыта революции. «Статистика стачек в России». «Философская разборка» — борьба за диалектический материализм против махизма, «богоискательства» и «богостроительства». Книга «Материализм и эмпириокритицизм». Борьба за сохранение нелегальной партии. Задача сочетания легальной и нелегальной работы. Работа думской фракции, легальные общества, съезды, работа в них. Отлив интеллигенции из партии и создание новых кадров из рабочих. Борьба на два фронта и с примиренчеством (Декабрьская конференция 1908 г. Январский пленум ЦК 1910 г.). Изгнание революционеров фразы (1909) (бойкотистов, отзовистов). Борьба за восстановление партии и за созыв конференции.

Годы подъема

1911—1914. Восстановление партии (январская конференция в Праге). Исключение ликвидаторской группы из партии. Организационное строительство партии. Дальнейшие столкновения с оппортунистическими вождями II Интернационала и их попытками вмешательства в жизнь партии. Переезд в Краков, затем в Поронин. Оживление связей с Россией. Развертывание легальной печати и руководство ею Ленина. Использование легальных кампаний. Большевистская практика использования парламента. Работа Ленина по руководству думской фракции. Рост большевистских рабочих организаций. Борьба против ликвидаторов и «августовский блок». Разработка Лениным национального вопроса.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД—ЛЕНИН ВОЖДЬ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛА. 1914—1924

Империалистическая война

1914—1917. Арест в Австрии, освобождение и переезд в Швейцарию. Предпосылки к созданию революционной обстановки во всем мире. Выдвижение задач перехода к высшим формам борьбы, к тактике наступления во всех странах. Критика II Интернационала (статья «Крах II Интернационала»). Борьба за III Интернационал (Циммервальд и Кинталь). Усиленная теоретическая работа (Берн, Цюрих). Занятия по философии (Философские тетради. Ленинские сборники IX и XII). Изучение вопроса о государстве. «Империализм, как новейший этап капитализма». Статьи по национальному вопросу. Борьба с социал-шовинизмом, центризмом и анархистскими и полуанархистскими теориями среди большевиков. Изучение западного рабочего движения в частности швейцарской с.-д. Оценка революционного кризиса в России и основные стратегические и тактические задачи (Несколько тезисов. «Соц.-Демократ»).

Эпоха буржуазно-демократической республики

1917. Февраль — Октябрь. Выступления Ленина на собраниях в Швейцарии. «Письма из далека». Организация переезда в Россию. Тезисы о власти советов. Первый период революции до 20-х чисел апреля. Апрельская конференция. Вопрос о пересмотре программы. Борьба с правыми большевиками и с «левыми» настроениями. Вторая полоса революции «с 6 мая по 9 или 18 июня» (XX, 73). Первый съезд Советов. Выступления на съезде. Руководство быстро нарастающим массовым движением. Рост влияния партии, рост организации. Июльские дни и переход в подполье. «Государство и революция». Контрреволюционное восстание Корнилова и новый поворот революции. Подготовка, организация, назначение восстания и руководство им. Борьба против штрейкбрехерства в рядах большевиков.

Эпоха пролетарской диктатуры за время жизни Ленина

1917—1924. Эти годы наиболее богаты содержанием (см. выше: «4 года по своему содержанию больше, чем предыдущие 40 лет»). Все те битвы, которые Ленину в предыдущей его деятельности пришлось вести в форме литературной партийной борьбы, в виде полемики против либералов, меньшевиков, с.-ров и т. д., в форме внутривнутрипартийной борьбы против различных видов уклонов и течений в партии, враждебных революционному марксизму, все эти битвы в эпоху социалистической революции и диктатуры пролетариата развернулись в виде битв классов в гражданской войне, в которой приняли участие миллионы. Изучение всего этого богатого содержанием периода, изучение деятельности Ленина как вождя и организатора пролетарской диктатуры, как организатора пролетарской

власти, руководителя внешней политикой, военным делом, экономической политикой, строительством социализма — представляет исключительное значение и ценность. Все уроки, весь опыт, накопленный за это время, должны быть использованы в практической работе настоящего времени. Оценивая в октябре 1921 года сложившуюся обстановку, Ленин писал: «Мы начали уже необходимую перестройку нашей экономической политики. Мы имеем уже в этой области некоторые, правда, небольшие, частичные, но все же несомненные успехи, мы уже кончаем в этой области риготовительный класс. Твердо и настойчиво учась, проверяя практическим опытом каждый свой шаг, не боясь переделывать начатое неоднократно исправлять свои ошибки, внимательно вникая в их значение, мы перейдем и в следующие классы. Мы пройдем весь «курс», хотя обстоятельства мировой экономики и мировой политики сделали его гораздо более долгим и более трудным, чем нам того хотелось». Излишне доказывать, какую ценность представляет для всего международного пролетариата этот богатейший опыт первой социалистической страны, разъясненный и подытоженный Лениным. Изучение его является самой актуальной задачей. До сих пор этот период изучен очень слабо.

Воздерживаясь пока от характеристики этого времени и его подразделений, укажем только, что он в свою очередь делится на следующие периоды: 1) от взятия власти до начала гражданской войны (лето 1918 г.), 2) период гражданской войны и военного коммунизма (до марта 1921 г.), 3) период нэпа, 4) болезнь.

Подводя в 1921 г. итог четырехлетнего опыта пролетарской революции, Ленин так оценил все колоссальное ее значение. «Первый раз за сотни и за тысячи лет обещание «ответить» на войну между рабовладельцами революцией рабов *против* всех и всяческих рабовладельцев *выполнено до конца* и выполняется вопреки всем трудностям. Мы это дело начали, когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца — вопрос не существенный. Существенно то, что лед сломан, путь открыт, дорога показана... Из империалистической войны, из империалистического мира вырвала первую сотню миллионов людей на земле *первая большевистская революция*. Следующие революции вырвут из таких войн и из такого мира все человечество»¹.

В. Адоратский

¹ К 4-х летней годовщине Октябрьской революции.

ЛЕНИН О РЕВОЛЮЦИОННОМ НАРОДНИЧЕСТВЕ И НАРОДОВОЛЬЧЕСТВЕ

Ленин трактует народничество как более или менее цельное мировоззрение, противостоящее марксизму как по своей классовой сущности, так и по характеру своей идеологии.

«Вся история русской революционной мысли за последнюю четверть века,—говорит он,—есть история борьбы марксизма с мелкобуржуазным народническим социализмом... Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением... от этого цельного учения остались теперь только клочья»¹. Но в то же время ясно, что говорить о цельности и стройности народнического мировоззрения можно только весьма относительно. Ибо, являясь идеологией и движением мелкобуржуазным, народничество неизбежно таит в себе все те противоречия, всю ту половинчатость, двойственность, колебания, которые являются отличительными свойствами мелкой буржуазии вообще. Монистичной может быть идеология пролетариата, в определенной мере идеология буржуазии, идеология же мелкой буржуазии, благодаря двойственности ее социальной природы, ее колебаниям между пролетариатом и буржуазией, является неизбежно эклектичной, механически совмещающей материализм с идеализмом, никогда не могущей окончательно отмежеваться как от пролетариата слева, так и от буржуазии справа. Эту сложность и пестроту мелкобуржуазной—в данном случае народнической—идеологии еще более усугубляет различное поведение мелкой буржуазии на разных этапах исторического развития. Амплитуда колебаний здесь очень значительна: от социализма до фашизма, от революционности к реакционности, от «пламенной любви» к революции до самой «подлой измены» ей. И наконец, различно не только поведение мелкой буржуазии в различные периоды революционного движения, но неизбежно различна и позиция отдельных слоев мелкой буржуазии, слоев более близких к пролетариату, с одной стороны, и более близких к буржуазии—с другой стороны. Поэтому, рассматривая народничество, как идеологию, противостоящую пролетариату, Ленин вместе с тем подчеркивал двойственный, эклектичный, внутренне-противоречивый характер этой идеологии. Отсюда же становится понятной нелепость и бесполезность попыток некоторых историков,

¹ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 543—544.

взяв какую либо сторону народнической доктрины, возвести ее в систему, забывая про другие не менее важные стороны этой идеологии. Цитируя «с пристрастием» того или иного народнического идеолога, можно с одинаковой легкостью превратить его то в марксиста, то в либерала, то в революционера, то в реакционера. Почти в любой народнической статье эпохи 70—80 годов можно встретить одновременно аргументы и от Маркса и от Бакунина, и от Энгельса и от Лаврова. Гипертрофия какой-либо стороны народнической идеологии устраняет возможность объективного ее изучения, лишает возможности охватить всю эту идеологию во всей ее сложности, своеобразности и специфичности.

Поэтому-то Ленин брал народничество во всей его сложности, со всеми его сторонами и брал его *исторически*, подчеркивая своеобразие отдельных этапов народнического движения в связи с этапами революционного движения в России.

Специально фактической историей народничества Ленин не занимался. Центр своего внимания он переносил на критику народничества с точки зрения марксизма, формулируя, в противовес ложным народническим построениям, четкую программу задач пролетарской партии. «Идейная смелость и непримиримость» характерна для всех ленинских работ, направленных против народничества. Поэтому-то даже наиболее ранние, написанные несколько десятков лет тому назад работы Ленина, посвященные народничеству, до сих пор не теряют своей свежести, до сих пор поражают актуальностью поставленных в них проблем, и хотя трактуют они «о политических мертвецах и о решенных уже историей вопросах, и сейчас еще заражают энтузиазмом и верой в победоносность революционного дела пролетариата»¹.

Но если специально историей народничества, изучением фактической стороны этого движения Ленин не занимался, то в работах Ленина можно найти нечто более ценное, чем факты, а именно методологические указания, ленинскую методологию решения этого вопроса.

Только на основе этой ленинской методологии можно подойти к оформлению всего того колоссального фактического материала, который накопился по этому вопросу, только на основе этой же методологии можно разрешить те спорные вопросы, которые имеются по данной проблеме.

И не случайно, что та дискуссия, которая имела место в обществе историков-марксистов в связи с 50-летним юбилеем «Народной воли», в центре своего внимания поставила именно ленинские указания, ленинскую оценку революционного народничества и народофильства.

Рассмотрение этих ленинских позиций, ленинской точки зрения на революционное народничество и попытка на этой основе разрешения ряда спорных вопросов, связанных с проблемой изучения народничества, и является основной задачей данной статьи.

¹ Ленин, Соч., т. I, изд. 2-е, стр. XXVII. Предисловие Каменева.

1. «СТАРОЕ» И «НОВОЕ» НАРОДНИЧЕСТВО

Характеризуя народничество, как мировоззрение не рабочее, не пролетарское, а мелкобуржуазное, Ленин в дальнейшем более четко конкретизирует это положение, указывая, что народничество есть идеология мелкобуржуазная—*крестьянская*. «Крестьянский социализм», «представительство интересов крестьянина, мелкого производителя», «крестьянская демократия»,—таково содержание ленинского определения классовой сущности народничества. Это определение, конечно, ни в какой мере не означает, что народничество есть идеология, наибольшее распространение получившая среди крестьянства, и что народническая партия есть партия по своему социальному составу преимущественно крестьянская. В свое время меньшевики, полемизируя с ленинской оценкой народничества, пытались опровергнуть его точку зрения следующими, с их точки зрения «неопровержимыми» аргументами:

«Иностраный читатель, который имел бы счастье ознакомиться с Россией по Тулину, был бы, конечно, вправе сказать: очевидно, что русское общественное течение, которое известно под именем народничества и о плееде идеологов которого я издавна так много наслышан, *есть течение в среде русского крестьянства, кустарей или ремесленников*, и было бы крайне важно узнать от г. Тулина что-нибудь более определенное, более конкретное об этом интересном явлении в жизни «мелкого производителя» России.

Но мы то, русские люди, мы знаем хорошо, что народническое течение и движение были характернейшим продуктом той «национальной» категории революционной России, *которая называется интеллигенцией* и которая представляет из себя пестрый конгломерат буржуазных и отщепенски деклассированных элементов»¹.

Потресов безбожно путает здесь вопрос о том, кто был *носителем* народнического движения, вопрос о социальном составе народнических партий, с другим основным и существеннейшим в данном случае вопросом—вопросом о том, каково было объективное содержание народнической идеологии, чьи интересы эта идеология непосредственно отражала и защищала и к чему привела бы победа народнической программы. Именно это является существеннейшим для классовой характеристики той или иной партии или течения, а степень распространенности ее идей в определенной среде и социальный состав ее рядов является производным, существенным, но не единственным и даже не первостепенным критерием в правильном разрешении этого вопроса.

Мы увидим в дальнейшем, что та классовая характеристика народничества, которая дана у Ленина, полностью подтверждается основными фактами и историей этого движения, а меньшевистские объяснения «от

¹ Потресов, Этюды о русской интеллигенции. Сборник статей, стр. 262—263, изд. Поповой, 1906 г.

интеллигенции» ровно ничего не говорят и только переводят вопрос с четких классовых рельс в «надклассовые» высоты.

Но ленинский анализ народничества не ограничивается этим все же еще в достаточной мере общим и широким определением его, как идеологии мелкобуржуазной, крестьянской. Крестьянская идеология и крестьянское движение эпохи феодализма и капитализма, эпохи буржуазно-демократической и эпохи социалистической революции должна неизбежно видоизменяться и соответственно этому видоизменяются и взаимоотношения пролетариата и крестьянства на разных этапах революции.

В той же степени, в какой можно говорить о различных этапах в развитии марксизма в связи с этапами в развитии рабочего движения, также можно говорить и о различных этапах в развитии народнической идеологии в связи с этапами крестьянского движения.

Таких этапов в развитии народнического движения можно наметить приблизительно три: 1) народничество в эпоху после реформы 61 года, в эпоху «смены феодального крепостнического способа производства капиталистическим» (Ленин), в эпоху, когда пролетарская партия в России еще не была создана, когда пролетариат еще не стал гегемоном в революционном движении; 2) народничество в эпоху буржуазно-демократической революции; 3) народничество в эпоху социалистической революции. Этими тремя периодами по существу замыкается круг народнической истории—от рождения до смерти, от расцвета до вырождения и упадка.

Особое своеобразие, особый интерес с точки зрения Ленина представлял несомненно первый этап этого движения, ибо он, с одной стороны, являлся периодом, когда складывалась и оформлялась народническая идеология, а с другой стороны, уже тогда таил в себе неизбежность дальнейшей эволюции и вырождения.

Ленин всегда во всех почти своих статьях о народничестве проводил определенный водораздел, подчеркивал и неоднократно напоминал необходимость разграничения и выделения революционного народничества 70—80 гг., как особо своеобразного этапа, в противовес позднему либеральному народничеству 90-х гг. и народничеству эсеров.

В чем же причины, приводящие к необходимости такого резкого различия между отдельными этапами народнического движения, и почему Ленин, начиная от первой своей работы о народничестве «Друзья народа» и кончая позднейшими статьями, неоднократно возвращается к этому вопросу, неоднократно напоминает о недопустимости смешения «старого» и «нового» народничества?

«Я отличаю старое и современное народничество,—говорит он,—на том основании, что это была до некоторой степени стройная доктрина, сложившаяся в эпоху, когда мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совершенно еще не обнаружился, когда практическая сторона доктрины была чистая утопия, когда народники резко сторонились либерального «общества» и «шли в народ». Теперь не то:

капиталистический путь развития России никем уже не отрицается, разложение деревни бесспорный факт. От стройной доктрины народничества с детской верой в «общину» остались одни лохмотья... *Вот эта-то перемена заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии*».¹

Следовательно, различие между двумя этапами народнического движения определяется прежде всего теми коренными изменениями, которые претерпела русская экономика за эти два-три десятилетия. *Одна и та же по существу идеология в другой исторической обстановке может превратиться из передовой, ведущей, прогрессивной в реакционную, консервативную.* Основные «киты» народнической идеологии: вопрос о судьбах капитализма в России и в соответствии с этим о роли общины, вопрос о крестьянстве и его ведущей роли в революции; вопрос о терроре как методе политической борьбы,—находят свое *историческое оправдание* в обстановке России 70-х гг. и теряют всякий смысл в изменившейся обстановке 90-х гг.

Именно этот момент прежде всего и подчеркивает Ленин, указывая на различие между старым и современным народничеством. Ибо одно дело заблуждение народников о возможности некапиталистической эволюции России в условиях медленного развития капитализма в 70-х гг., и другое дело—та же теория в обстановке бурного развития капитализма 90-х гг.; представление об общине как о социалистическом оазисе в обстановке слабой дифференциации крестьянства 70-х гг. приобретает характер уже не иллюзии, а вреднейшего заблуждения в обстановке усиленного расслоения, деревни и распада общины в 90-х гг.² Та же судьба постигает и остальные народнические «основы» в новой обстановке 90-х годов. Характерно, что Маркс, разрешая вопрос о значении утопического социализма в различные исторические периоды, по существу подтверждает необходимость того же разграничения этапов, которую в отношении народничества выдвигает Ленин: «Значение критически-утопического социализма и коммунизма,—говорит он,—стоит в обратном отношении к историческому развитию. В той же самой степени, в какой развивается и принимает более определенный характер борьба классов, лишается всякого практического смысла и всякого теоретического оправдания это фантастическое стремление возвыситься над нею, это фантастически отрицательное к ней отношение. Поэтому, если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мыс-

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 62. Курсив всюду мой.—Э. Г.

² «Если позволительно и даже естественно,—говорит Ленин,—было впасть в эту иллюзию в 60 и 70 гг., когда еще так мало было сравнительно точных сведений об экономике деревни, когда еще не обнаружилось так ярко разложение деревни, то теперь ведь надо нарочно закрывать глаза, чтобы не видеть этого разложения» (Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 171—172).

лей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата»¹.

Следовательно, первая причина, заставляющая Ленина проводить резкую грань между революционным народничеством и народничеством либеральным, заключалась в том различии, которое отделяет экономику России 70-х гг. от позднейшей обстановки. Но различие этим только не ограничивается. Изменения в экономике неизбежно нарушают также и первоначальную стройность и известную цельность народнической идеологии.

«От стройной доктрины народничества... остались одни лохмотья»,— говорит Ленин в вышецитированном отрывке о старом и новом народничестве. «Народничество было до известной степени цельным и последовательным учением,—повторяет он ту же мысль много лет спустя, в 1905 г.,—...от этого цельного учения остались теперь только клочья...»² Поэтому Ленин в предисловии к статье против Струве «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» доказывает, что при разборе характерных черт народнической идеологии «удобнее взять старое русское народничество, так как оно, во-первых, неизмеримо выше современного... в отношении *последовательности* и *договоренности* и, во-вторых, цельнее показывает лучшие стороны народничества...»³

Народники 70-х гг. выигрывали по сравнению с позднейшими народниками также и в том отношении, что, идеализируя общину, идеализируя крестьянина, они в то же время не замалчивали, а подчас довольно резко критиковали недостатки этой общины, подчеркивали нередко отрицательные стороны крестьянского быта. Различие по этой линии между старым и новым народничеством подметил и Плеханов, метко сравнивая эволюцию народничества с эволюцией от экономистов-классиков к вульгарным экономистам.

«Наши старые народники,—говорит он,—...относятся к новейшим народникам... как буржуазные экономисты *классики* к *вульгарным* экономистам последующей эпохи. Старые народники бесстрашно описывали то, что совершалось перед ними; они не боялись *истины*, потому что еще не вкусили от древа познания добра и зла, потому что им даже и в голову не приходило, что истина противоречит их *идеалам*». Г. Воронцов и ему подобные *подкрашивают действительность и подслащивают мужика, потому что они поняли, что неподкрашенная действительность, неподслащенный мужик сводит на-нет их «идеалы»*⁴.

И наконец еще один момент подчеркивал Ленин, говоря о различии между старым и новым народничеством, подытоживая тем самым и сводя в единое целое те черты, которые отделяют два периода в на-

¹ Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест. Изд. 5-ое, Гиз 1928 г., стр. 93.

² Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 544.

³ Там же, т. II, стр. 10. Подчеркнуто мной.—Э. Г.

⁴ Плеханов, Собр. соч., т. IX, стр. 164.

родническом движении. «Из политической программы, рассчитанной на то, чтобы *поднять крестьянство* на социалистическую революцию *против основ современного общества*—выросла программа, рассчитанная на то, чтобы заштопать, «улучшить» положение крестьянства *при сохранении основ современного общества*»¹.

Следовательно, изменения произошли не только по линии исторической обстановки, по линии стройности и последовательности народнической идеологии, но также и по линии изменения методов борьбы и тактики революционной партии. От борьбы за крестьянскую революцию, до проповеди самой умеренной реформы, от мечты сокрушить капитализм до приятия капитализма и желания лишь «заштопать», «подправить» некоторые наиболее ощутимые дыры и прорехи на капиталистическом теле. Правда, в противовес либеральному народничеству 90-х гг., эсеры в начале XX века объявляют себя сторонниками и продолжателями революционных традиций 70-х гг. и ставят на повестку вновь вопрос о крестьянской революции. Но отражая в своих программах стихийный протест поднявшегося в эпоху буржуазно-демократической революции крестьянства, эсеры вновь скатываются уже к открытой контрреволюции в эпоху борьбы пролетариата за власть, в эпоху социалистической революции.

Все перечисленные выше моменты, объясняющие нам причины той глубокой эволюции, которую претерпела народническая идеология и народническое движение на протяжении ряда десятилетий, были бы далеко неполны, если бы мы обошли молчанием еще одно ленинское замечание, представляющее очень большой интерес и вызывающее возможность различных толкований. В данном случае обращают наше внимание заключительные слова вышеприведенной цитаты из Ленина о старом и новом народничестве, которые взяты, как исходный пункт для разрешения всего этого вопроса. «Вот эта то перемена,—подытоживает Ленин,—заставляет отличать идеологию крестьянства от идеологии мелкой буржуазии»². И в другом месте та же мысль в несколько иной формулировке: «Из крестьянского социализма получилось радикально-демократическое представительство мелкобуржуазного крестьянства»³. К этой мысли Ленин возвращается неоднократно, все время напоминая, что с ходом времени народничество превращается из «крестьянского социализма» в «мелкобуржуазный радикализм». Подчеркивая *классовые корни* эволюции народничества, Ленин основной причиной перерождения народничества выдвигает тезис: «раскололась деревня и вместе с ней раскололся старый русский социализм».

В чем же основной смысл этого тезиса и не вытекает ли отсюда вывод, что революционное народничество 70-х гг. есть идеология кре-

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 179.

² Там же, т. II, стр. 62. Подчеркнуто мною.—Э. Г.

³ Там же, т. I, стр. 190.

стьянская, а не мелкобуржуазная, т. е. (в объяснение такого странного противопоставления) *идеология крестьянства, не превратившегося в мелкую буржуазию*, идеология докапиталистического, не расколовшегося, не дифференцированного крестьянства, крестьянства крепостнического общества? Можно ли понимать слова Ленина «раскололась деревня и вместе с ней раскололся старый русский социализм» в том смысле, что деревня 70-х гг. была едина, не расколота и не затронута проникновением товарного хозяйства и капитализма?

Ленин сам дает достаточно четкий ответ на этот вопрос: «крестьянин и кустарь,—говорит он,—представляют из себя *мелкого производителя* в «категорическом» значении этого слова, т. е. *мелкого буржуа*. Это положение можно назвать центральным пунктом теории *рабочего социализма* по отношению к *старому крестьянскому социализму* (этот последний курсив мой.—Э. Г.), который не понимал ни той обстановки товарного хозяйства, в которой живет этот мелкий производитель, ни капиталистического разложения его на этой почве»¹.

Последние слова Ленина говорят ясно о том, что пореформенная эпоха,—эпоха, когда идеология революционного народничества была господствующей, характеризуется прежде всего проникновением товарного производства в деревню, разложением натурального хозяйства и превращением в связи с этим крестьянина в мелкого товаропроизводителя. Поэтому Ленин и считал основным грехом не только позднейшего народничества, но и «старого крестьянского социализма» «непонимание классового антагонизма внутри крестьянства»,—антагонизма, который уже имелся налицо в 70-х гг., хотя и был еще очень слабо выражен. Зачаточное состояние этих процессов и оправдывало иллюзии старого народничества, но ни в коем случае не означало реальности этих иллюзий, не превращало этих иллюзий в действительность. Вопрос идет, следовательно, не о *наличии* процессов расслоения в деревне 70-х гг., которые Ленин разумеется, никогда не отрицал, а лишь о *степени* и *силе* этих процессов в 70-х гг. Подчеркивая, что «мелкобуржуазный характер крестьянского хозяйства совсем еще не обнаружился» в 70-х гг., Ленин хотел сказать этим только то, что находящиеся в начальной стадии процессы слабо еще выявились на поверхности явлений, а не то, что крестьянин не превращался еще в мелкого буржуа. Идеология революционного народничества, с точки зрения Ленина, есть идеология *мелкобуржуазная*, идеология крестьянина-товаропроизводителя, так же как и идеология позднейшего народничества, и Ленин недаром обрушился на Струве за его характеристику народников «как идеологов натурального хозяйства и первобытного равенства» (см. т. I, стр. 105).

Но подчеркивая *единство классовой базы* «старого» и «нового» народничества, нельзя в то же время ограничиться этой самой общей и поэтому недостаточно полной и конкретной характеристикой, не прини-

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 152.

мая во внимание тех *классовых сдвигов*, которые происходили в самом крестьянстве на протяжении ряда десятилетий.

Деревня 70-х гг., именно в силу слабости и медленности процессов расслоения крестьянства в 70-х гг., не являла еще особой картины столь типичной для эпохи развитого капитализма вообще, не выделила еще полностью двух крайних полюсов деревни, тем самым не уничтожила, не смела еще той группы крестьянства, которая и представляет из себя в марксистском понимании «собственно-крестьянство», т. е. крестьянина мелкого товаропроизводителя, не потерявшего еще своей самостоятельности. Благодаря переходному характеру экономики 70-х гг. это «собственно-крестьянство», или крестьянин, середняк по нашей терминологии, является центральной фигурой деревни того времени.

И именно положение, интересы, требования этого «собственно крестьянства,—крестьянства, не потерявшего еще своей самостоятельности, не превратившегося ни в пролетария, ни в кулака, крестьянства, не втянутого еще окончательно в орбиту капитализма, выступающего против гнета капитала, так же как и против гнета крепостника, и отражало собою революционное народническое движение 70-х гг. Один из важнейших деятелей народничества 70-х гг., организатор партии «Народной воли» и член ее Исполнительного комитета, Александр Михайлов, так и характеризует ту классовую базу, на которую по преимуществу мог рассчитывать и рассчитывал народник 70-х гг., «более всего он мог рассчитывать на людей средней зажиточности, как на людей сохранивших свою экономическую самостоятельность и не имеющих пороков мироедов»¹

Революционное народничество выступает против кулака-миroeда в деревне, против капиталистического гнета, но в то же время не считает своей опорой в деревне именно пролетаризирующееся крестьянство, крестьянина бедняка и батрака, так же как и пролетария в городе. Позднейшее же народничество 90-х гг. и XX столетия и отличается от революционного народничества прежде всего тем, что классовой опорой этой партии (или партий) является именно тот кулак-миroeд, кулак—типичный «Kleinbürger», втянутый уже полностью в орбиту капитализма и товарного хозяйства и против которого так решительно, во всяком случае субъективно, боролись революционные народники. И поскольку кулацкие слои деревни выступают еще в период буржуазно-демократической революции вместе со всем крестьянством против помещика, постольку Ленин не отрицал прогрессивности некоторых сторон народничества в эпоху 1905 г. и позже. Если революционное народничество выступает как представительство интересов «собственно-крестьянства»—основной массы деревни 70-х гг., то либеральное народничество и народничество эсеров есть представительство интересов кулацкой верхушки деревни, мелкого капиталиста в земледелии, типичного мелкого буржуа. Это и только это хотел сказать Ленин,

¹ А. П. Прибылева-Корба и В. Н. Фигнер. Народоволец Ал. Д. Михайлов. Гиз, 1925 г., стр. 145.

противопоставляя в известной мере идеологию крестьянства и идеологию мелкого буржуа, как причину различия двух этапов народнического движения.

Но доказывая все своеобразие первого этапа народнического движения, Ленин вместе с тем не сводил эту специфичность к *противоположности*, всегда наряду с *различием* подчеркивая моменты *единства*, моменты *связи* между отдельными этапами движения. Полемизируя с либеральными народниками, показывая, как выдохлись старые идеи, идеи, двигавшие на борьбу революционных народников 70-х гг., как они «потеряли всякую цельную теоретическую основу» в обстановке 90-х гг. и позже, Ленин в то же время напоминает: «Могут сказать, что это—вина не старых идей социализма вообще, а только данных господ (т. е. либеральных народников), которых никто ведь и не причисляет к социалистам, но подобное возражение кажется мне несостоятельным. Я везде старался доказать *необходимость такого вырождения старых теорий*, везде старался уделять возможно меньше места критике этих господ, в частности и возможно больше—общим и основным положениям старого русского социализма»¹.

Если «старое» народничество отличалось от «нового» по линии стройности и последовательности народнической идеологии, то коренные и наиболее общие *основы* этой идеологии у тех и других одни. Человек будущего в России—мужик, думали как революционные народники, так и либеральные. Человек будущего в России—рабочий, ставили вопрос марксисты. Этот момент сближает два этапа народнического движения и в то же время отделяет (правда, в различной мере, как мы увидим ниже) оба эти этапа от марксизма, как движения и идеологии не крестьянской, а пролетарской.

Поэтому, подчеркивая своеобразие, специфичность первого этапа народнического движения по сравнению с последующей эволюцией, нельзя в то же время *противопоставлять* и отделять непроходимой чертой первый этап от последующего развития, ибо и революционное народничество, как и народничество в целом, было идеологией и движением не пролетарским, а мелкобуржуазным, и марксизм, борясь с народничеством вообще, боролся и с иллюзиями, ошибками, заблуждениями революционного народничества в частности.

2. О «СОЦИАЛИЗМЕ» РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА и «НАРОДНОЙ ВОЛИ»

Русское революционное народничество Ленин неоднократно рассматривал, как разновидность западноевропейского утопического социализма вообще. Говоря о различных течениях этого утопического социализма, Ленин подчеркивал, что они «в основном родственны нашему народничеству».

¹ Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 198—199. Подчеркнуто мной—Э. Г.

«Русский социализм», «крестьянский социализм», «утопический социализм»,—таковы те многочисленные определения, которые Ленин довольно часто применял для характеристики революционного народничества 70-х гг. в противоположность его эпигонам 90-х гг.

И в то же время наряду с такой характеристикой народничества у Ленина можно встретить другое, категорическое утверждение, что «во всем народничестве нет ни грана социализма», что народнический социализм есть лишь фраза, пустая словесность или словесная оболочка, под которой кроется другое, совсем не социалистическое реальное содержание. И Ленин самым резким образом критикует тех, кто не может отличить реального содержания социалистической фразеологии, не может отличить *сущности* движения от его словесной оболочки. Разрешение этого мнимого, кажущегося, чисто внешнего противоречия о «социализме» и «не социализме» революционных народников и составляет основную задачу всего дальнейшего изложения.

Характеризуя эпоху, вызвавшую появление различных систем утопического социализма, Ленин подчеркивает, что для Западной Европы это была эпоха, «когда было свергнуто крепостничество и на свет божий явилось «свободное капиталистическое общество»¹. А капиталистическая «свобода» «означает новую систему угнетения и эксплуатации трудящихся»². Поэтому утопические социалисты и выступают с критикой капитализма, мечтают об уничтожении капитализма, вся их борьба заострена прежде всего *против капитализма*, и они не могут только указать действительного выхода, действительного пути для победы над капитализмом.

Русское революционное народничество возникло и развилось в несколько иной обстановке. Не в эпоху после падения крепостничества, после буржуазной революции, а в эпоху, предшествовавшую буржуазной революции, предшествовавшую падению крепостничества. Уже это одно проводит довольно глубокую грань между утопическим социализмом русского народника и западно-европейским утопическим социализмом. Совершенно естественно поэтому, что системы западно-европейского утопического социализма должны были получить своеобразное преломление в России, и это своеобразное преломление отмечали сами же народники. Разделяя взгляды великих утопистов Запада и пытаясь их перевести на русскую почву, народники не отказывались от придания этому социализму некоторых «национальных» черт. Считая себя социалистами, ставя на своем знамени борьбу за социалистическую революцию, народники в то же время выдвигали на первый план, в противоположность Западу, «социализм аграрный», как они говорили, а не «социализм фабричный». «История,—говорили они,—поставившая на первый план в Западной Европе вопрос фабричный, у нас его не выдвинула вовсе, заменив его вопросом аграрным»³. Поэтому, если

¹ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 58. Подчеркнуто мной.—Э. Г.

² Там же.

³ «Земля и воля» № 1 от 25 октября 1878 г. Передовая. Цитирую по книге Богучарского «Революционная журналистика 70-х гг.», из-во «Донская речь», стр. 72.

основной и первоочередной задачей европейских социалистов является экспроприация фабрик и средств производства у капиталистов, то в России «экспроприация земель в пользу народа составляет великую задачу социально-революционной партии, перед которой умолкают теоретические соображения, имеющие значение на Западе, в стране капиталистического машинного производства»¹.

Таким образом, ликвидация помещичьей собственности, право крестьянина на землю и создание на этой основе «мужицкого», народного, аграрного социализма,—вот что составляло содержание народнического социализма. Если острое утопическое социалистическое направление на Западе направлено *против капитализма*, то острая борьба русских народников направлена в первую очередь *против крепостничества*. Но свою борьбу против крепостничества народники считали борьбой за социализм, и с их точки зрения и Пугачев был социалистом, «поскольку в программу его входит уничтожение крепостного права, частного землевладения и сословных привилегий»².

Но народники не ограничивались тем, что, субъективно считая себя социалистами, они за социализм принимали то, что субъективно было лишь борьбой против крепостничества и расчищало путь для развития капитализма. Практика и опыт борьбы заставляли их субъективно суживать свои социалистические идеалы до минимума. Наибольший расцвет социалистического утопизма характерен для наиболее ранней и юной поры этого движения, главным образом 1874—1876 гг., для периода кружковщины начала 70-х гг. В период 1874—1876 гг. народники пытаются реализовать свои социалистические идеалы в пропагандистской деятельности среди крестьянства. И тут наступает первый кризис движения. Переноса центр тяжести на изучение того перелома, того кризиса, который произошел в народнической организации в 1879 г. в связи с расколом «Земли и воли» на «Народную волю» и «Черный передел», мы несомненно в определенной мере проглядываем предшествующий ему и не менее интересный кризис середины 70-х гг. А между тем 1876 год, год создания «Земли и воли» был несомненно годом «сомнения и критики», годом, когда пересматривались не только организационные (переход от разрозненных кружков к единой централизованной партийной организации) и не только тактические (от хождения в народ к поселению), но и программные основы народнической партии. Любопытно, что Плеханов датирует время оформления *народничества*, как идеологии именно этим периодом, периодом середины 70-х гг. «Народничество,—говорит он,—есть уже *вторая* фаза нашего движения 70-х гг. Оно возникло в результате более или менее полной неудачи, испытанной в своем хождении в народ революционерами *первой* фазы»³. Следовательно, с этой точки зрения народничество возникает как *результ-*

¹ Прибылева-Корба и В. Фигнер. Народоволец А. Д. Михайлов. стр. 105.

² «Земля и воля» № 3, стр. 171.

³ Плеханов, Собр. соч., т. XXIV, стр. 149.

там хождения в народ, а не предшествует ему. Это несколько парадоксальное на первый взгляд утверждение Плеханова станет понятным, если мы в разъяснение и подтверждение приведем характеристику народничества, даваемую самими народниками и не спустя много лет, а именно почти в период самого разгара борьбы.

«Практика (хождения в народ.—Э. Г.) убедила нас, что социализм не по плечу русскому народу, и мы отказались от него, урезали собственные идеалы до возможного *minimum*'а—до народничества»¹—так характеризует идейный перелом середины 70-х гг. один из виднейших деятелей народнического движения, Аптекман. И далее тот же свидетель: «мы решили сократить свои идеалы, уменьшить их и создали *народничество*—компромисс между нашими политическими воззрениями и воззрениями якобы народа»². В передовой статье № 1 «Земли и воли» Сергей Кравчинский, подводя итоги причинам неудачи хождения в народ, по существу развивает те же, что у Аптекмана, положения: «бросим ту иноземную, чуждую нашему народу форму наших идей, заменим ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна,—пойдет и он за нами. Пять лет тому назад мы сбросили немецкое платье и оделись в сермягу, чтобы быть принятыми народом в его среду. Теперь мы видим, что этого мало,—пришло время сбросить с социализма его немецкое платье и тоже одеть его в народную сермягу»³. Очень подробно ту же мысль развивает в своих показаниях и цитированный выше Александр Михайлов. Он с особой рельефностью и остротой ставит вопрос о кризисе и переломе середины 70 гг., приведшем к созданию «Земли и воли», и подчеркивает, что опыт предшествующего движения «привел к перемене *программы*» и «принес много пользы движению, получившему теперь более реальный, народный характер»⁴. «Свои теоретические идеалы и симпатии люди этого направления (землевольтического.—Э. Г.),—говорит он далее,—подчиняли насущным острым потребностям народа и потому называли себя «народниками»⁵. И наконец, еще более конкретно: «так русские социалисты от коллективизма, стройной научной теории, путем горьких разочарований, жертв и тяжелых страданий пришли к народничеству»⁶.

Стефанович в последнем номере «Общины» (1878 год) в своей статье «Наши задачи на селе» писал по этому же вопросу следующее: «Только эти созданные самой народной жизнью идеалы осуществимы теперь, а потому они и должны служить основой и знанием *организации*

¹ Аптекман. Общество «Земля и воля». Изд. Колосс 1924 г., стр. 437, написано в 1883 г. Любопытнее всего, что такое определение народничества принадлежит перу чернопередельца — этого, по выражению Желябова, «аскета хранителя общественного идеала», отказывающегося от политической борьбы ради социализма.

² Там же, стр. 444.

³ Революционная журналистика 70-х гг. под ред. Богучарского, стр. 77.

⁴ А. П. Прибылева-Корба и Ф. Фигнер. Народоволец Ал. Д. Михайлов, стр. 110. Показания Ал. Михайлова от 2 января 1881 г.

⁵ Там же, стр. 107.

⁶ Там же, стр. 155.

народных сил. Всестороннее проведение в жизнь идей социализма невозможно, ибо оно не имеет почвы в русском народе, каков он есть в настоящее время».

И, наконец, последний свидетель, Н. Морозов, правда, менее типичный, чем остальные, но за то более откровенный, пытается ставить все точки над и.

«За все время существования «Земли и воли» и «Народной воли» я не помню даже ни одного разговора в нашей среде о социализме, за исключением случайного спора между мной и Тихомировым, где дело шло притом же не о сущности, а о том, полезно ли употреблять социализм, как агитационное средство и вводить его (как он сделал в написанной им программе) *profession de foi*»¹. И далее, доказывая читателю, что не следует судить о народничестве по ярлыкам—«социалисты» «анархисты» и т. д., Морозов совершенно резонно доказывает, что «не всякая Вера верит, не всякая Надежда надеется, не всякая Любовь любит, не всякий Лев герой и не всякий, у кого в паспорте написано *православный*, верит в чудотворность святых мощей. Тем более это можно сказать об общественных группах»². Не кротким, идеалистическим социализмом Фурье и Оуэна,—продолжает он,—направлялось революционное движение того времени, а реальной невыносимостью жизни, под царившим тогда произволом, так как под всеми кличками и именами мы боролись *только с ним*»³.

До такой откровенности не договорились и не могли договориться другие народники, ибо Морозов все же не характерен не только для «Земли и воли», но и для «Народной воли», да и писалось это много позже, в 1913 г. Но все же характерно, что 5 землевольцев, из них два будущих чернопередельца и три будущих народовольца, говорят разными словами в определенной мере одно и то же, а именно, что кризис середины 70-х гг. привел к такого рода программным изменениям, которые означали определенный отход от идей западно-европейского социализма и урезывали этот социализм до «народничества». И недаром возникшая в 1876 г. народническая партия поставила на своем знамени исторический лозунг «Земля и воля», отражая тем самым именно народные требования. «Народное движение во имя народных требований»,—вот что становится символом веры революционного народничества эпохи «Земли и воли». «Мы находимся вовсе не в таком положении,—твердят народники,—чтобы могли мечтать о высших идеалах... Нет, нам нужны не идеалы, нам нужно в самом скорейшем времени, пока еще не поздно, разбить эту ужасную государственную машину и поставить на ее место общественный строй, *хотя бы не идеальный*, но все же обеспечивающий народу возможность дальнейшего развития»⁴.

¹ Морозов. Повести моей жизни. Т. IV, из-во «Задруга» 1918 г., стр. 280.

² Там же, стр. 281.

³ Там же, стр. 282.

⁴ «Земля и воля» № 5 от 8 февраля 1879 г. Передовая, написанная Л. Тихомировым—«Революционная журналистика 70-х гг.» под ред. Богучарского, стр. 235-

Такой поворот от утопизма к известному реализму в движении и произошел в середине 70-х гг., отсюда и само определение «народничества» как своего рода реакции на утопизм первого периода движения. Отсюда же и любопытное указание, исходящее от самих народников (Желябов, Морозов), что русский перевод слова «демократ» и есть «народник» и поэтому, желая подчеркнуть другую сторону—свою социалистичность, народники прибавляли: «*мы социалисты и народники*», как это и сделали народовольцы в своей программе, причем первое слово говорило прежде всего о конечной цели движения, а второе о ближайших задачах партии.

В такой постановке вопроса сквозит уже известное представление о программе минимум и максимум, но, конечно, до полного и последовательного решения этого вопроса ни землевольцы, ни народовольцы не дошли и не могли прийти. Считая, что партия должна перестроить свою работу в деревне и приблизить ее к народным нуждам и требованиям и что съагитированное на почве своих ближайших нужд крестьянство, поднявшись на революцию, сметет не только крепостничество, но и капиталистический строй, народники, тем самым, продолжали верить в социалистические инстинкты крестьянства, считая, что осуществление «исконных» народных требований и есть, в конечном счете, осуществление социализма. Полностью отказаться, таким образом, от социалистического прикрытия, от социалистической фразеологии народники не хотели да и не могли, ибо эта социалистическая утопия, с точки зрения Ленина, неизбежный спутник каждого демократического движения в период до-буржуазной революции. Разбирая взгляды Михайловского, Ленин писал: «Ему (Михайловскому.—Э. Г.) казалось, что передача всей земли крестьянам, в особенности без выкупа—есть нечто «социалистическое», он считал себя поэтому «социалистом». Разумеется, это глубокая ошибка, вполне разоблаченная и Марксом и опытом *всех* цивилизованных стран, в которых *постоянно* буржуазные демократы, до полного падения крепостничества и абсолютизма (последний курсив мой.—Э. Г.) воображали себя «социалистами»¹.

Следовательно, Ленин реальное, объективное содержание народничества здесь определяет как представительство интересов буржуазной, крестьянской демократии и объективный смысл всего народнического движения видит в борьбе против крепостничества за полную ликвидацию помещичьего землевладения, за крестьянскую чистку под капитализм, за победу фермерского пути развития в деревне и крестьянской буржуазной революции. Поэтому ленинские слова о том, что во «всем народничестве нет ни грана социализма» и означают прежде всего то, что *объективно* вся борьба народников ведет не к социализму, а расчищает путь для капитализма, только для капитализма демократического, капитализма фермерского, в противоположность капитализму прусскому, капитализму юнкерскому. «Воюя с народничеством, как с неверной доктриной *социализма*,—говорит Ленин,—меньшевики доктринерски просмотрели, прозевали исторически

¹ Ленин, Собр. соч., т. XII, ч. 2, стр. 371.

реальное и прогрессивное историческое *содержание* народничества, как теории массовой *мелко-буржуазной* борьбы капитализма демократического против капитализма либерально-помещичьего, капитализма «американского» против капитализма прусского»¹.

Но объективно борясь против крепостничества, расчищая почву для капитализма, народники в большинстве своем *субъективно* считали себя социалистами, *субъективно* выступали не только против крепостничества, но и против капитализма, резко критикуя последний и считая необходимым разрушить его до основания. Идеология боевого демократизма сочеталась у революционных народников с социалистическими мечтами, с надеждой миновать капиталистический путь развития и через крестьянскую общину попасть прямо в лоно социализма. «Ирония истории,—по мнению Ленина,—состоит в том, что народничество во имя «борьбы с капиталом» проводит такую аграрную программу, полное осуществление которой означало бы *наиболее* быстрое развитие капитализма в земледелии».²

Объективно антикрепостническая и субъективно антикапиталистическая идеология—таково своеобразное переплетение двух черт народнического мировоззрения. Это своеобразное переплетение, как указывает опять-таки Ленин, есть неизбежный результат той обстановки, в которой выросло народническое движение, обстановки *кануна* буржуазно-демократической революции и переходного характера экономики страны, когда на смену феодального способа производства идет капиталистический. Антикапитализм и антикрепостничество в народнической идеологии по существу отражали противоречивое положение крестьянства в пореформенной России, страдающего под двойным гнетом крепостничества и проникающего в деревню капитализма. Поэтому Ленин и характеризовал народников, с одной стороны, как *крестьянских демократов*, а с другой стороны, как *субъективных социалистов*, скрывающих под социалистической утопией «*чисто-капиталистическую*, максимально-капиталистическую аграрную программу»³. Недаром родившийся в сходной обстановке кануна буржуазно-демократической революции в Китае сун-ят-сенизм повторил в своей идеологии это переплетение крестьянской демократии и социалистической утопии. «Его (Сун-Ят-Сена.—Э. Г.) сходство с русским народником,—говорит Ленин,—так велико, что доходит до полного тождества основных мыслей и целого ряда отдельных выражений»⁴.

Но если боевой демократизм революционного народничества был прогрессивен, революционен, вел вперед, то *социалистическая доктрина*, обволакивающая реальное содержание этого движения, была глубоко ошибочной, консервативной, реакционной и вела не вперед, а назад. Признавая заслугу народников в том, что они *поставили* вопрос о капитализме, признавая положительное значение народнической критики ка-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. I, стр. 315.

² Там же, стр. 348.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 344.

питализма и указывая, что в этом отношении народники сделали шаг вперед по сравнению с наследством просветителей 60-х годов, Ленин вместе с тем подчеркивает, что данное ими *решение* этого вопроса было неверным, ошибочным, в определенной мере реакционным¹. Эту реакционность народнической утопии в противовес объективно-прогрессивному характеру движения Ленин выдвигал как основное методологическое указание, необходимое для правильного понимания всей сложности, всей противоречивости народнической идеологии. Причем Ленин не только констатирует эту противоречивость народнической идеологии, но не менее четко ставит вопрос о *причинах* этой противоречивости, ища и находя эти причины в переходном характере экономики страны, идущей от феодализма к капитализму. И в таких условиях утопия народников, несмотря на всю свою реакционность, играет, как говорит Ленин, своеобразную историческую роль, ибо, развращая *социалистическое* сознание масс, она является «спутником, симптомом, отчасти даже выразителем их *демократического подъема*»². И недаром Ленин в связи с этим напоминает слова Энгельса, что «ложное в формально-экономическом смысле может быть истиной в всемирно-историческом смысле», что «ложный в формально-экономическом смысле, народнический *демократизм* есть истина в *историческом* смысле; ложный в качестве социалистической утопии, *этот демократизм* есть *истина* той своеобразной, исторически-обусловленной борьбы крестьянских масс, которая составляет неразрывный элемент буржуазного преобразования и условие его полной победы»³. И далее, противопоставляя либеральную утопию «гражданского мира» народнической утопии эпохи буржуазно-демократической революции, Ленин с исключительной яркостью подчеркивает, в чем именно заключается *историческое оправдание* этой ложной по существу утопии: «Либеральная утопия,—продолжает он,—отучает крестьянские массы бороться. Народническая выражает их стремление бороться, обещая им за победу миллион благ, тогда как на самом деле эта победа дает лишь сто благ. *Но разве не естественно, что идущие на борьбу миллионы, веками жившие в неслыханной темноте, нужде, нищете, грязи, заброшенности, забитости, превеличивают вдесятеро плоды возможной победы?*»⁴.

Поэтому Ленин, подчеркивая, что марксизм резко враждебен *всяким* утопиям, в том числе ложной в своей основе народнической утопии, в то же время считает нужным напомнить историческую роль и историческую обусловленность народнического утопизма. В этом сказывается не «снисходительность» марксизма к ошибочным иллюзиям, а лишь сила и революционность марксистского анализа. Вера в близость социалистической революции, вера в чудодейственную силу общины, была в корне ошибочна и подверглась жесточайшей и непримиримой критике

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 338.

² Там же, т. XX, ч. 1, стр. 359.

³ Там же, стр. 310.

⁴ Там же.

марксистов, разоблачивших до конца реальное содержание народнического «социализма». Но эта вера, как напоминает по этому же поводу Энгельс, «сделала свое дело, подняв воодушевление и энергию героических русских бойцов... Таких людей мы не потянем в суд за то, что они считали свой народ избранным народом социальной революции. Но мы не обязаны разделять и их иллюзии».

Напомним только в заключение, что первые слова этой цитаты не менее важны для правильного разрешения вопроса, чем ее заключительные слова. Ибо *объясняя* причины и содержание народнического утопизма, мы тем не менее не *разделяем* и не менее резко критикуем их ошибочные иллюзии.

3. НАРОДНИЧЕСТВО И НАРОДОВОЛЬЧЕСТВО

Одним из интереснейших и важнейших вопросов народнической истории является изучение того кризиса конца 70-х гг., который привел к расколу «Земли и воли» на две самостоятельные организации: «Народную волю» и «Черный передел». Очевидно, расхождения внутри «Земли и воли» между различными направлениями были настолько серьезны и принципиальны, что выходили за рамки единой партии. И в то время, как одна из отколовшихся групп (чернопередельцы) считала себя защитницей и продолжательницей традиций старого «ортодоксального» народничества, другая (народовольцы) представляла новое направление, новую ориентировку, несомненно, значительно отличающуюся от предыдущего периода. В лице народовольцев совершился отход от старых народнических позиций по линии отношения к политической борьбе, с одной стороны, и по линии оценки роли крестьянства в предстоящей революции, с другой стороны. Если для народнического движения начала и середины 70-х годов характерно убеждение о вредности и ненужности политической борьбы, о необходимости *непосредственной* борьбы за экономическое переустройство общества на базе широкого крестьянского движения, то народовольцы центр тяжести всей своей деятельности переносят на борьбу с правительством путем террора, отказываясь тем самым от лозунга предшествующего движения: «все для народа, все через народ», перефразируя его в другой лозунг: «все для народа, но не через народ», делая ставку таким образом преимущественно на террористическую борьбу революционной интеллигенции, а не на движение самих народных масс. Все эти различия между «землевольтческим» и «народовольческим» периодами народнической истории в достаточной мере ясны и никем не оспариваются.

Но при характеристике и изучении этих различий неизбежно встает следующий вопрос: что же из себя представляло народовольчество? Не являлось ли оно в определенной мере *отказом*, отходом от народничества? И, наконец, в чем коренятся действительные причины

раскола «Земли и воли» и каково соотношение между этими двумя этапами народнического движения?

В оценке народовольчества и в связи с этим в объяснении причин раскола мы имеем двоякую тенденцию: народовольчество как эволюция к либерализму, народовольчество как эволюция к пролетарскому социализму; таковы две крайности в решении этого вопроса.

С одной стороны, раскол землевольческой организации воспринимается как выделение двух классовых прослоек, буржуазной и пролетарской, до сих пор мирно сосуществовавших под крышей единой партийной организации. Народовольцы по этой концепции являлись в основном представителями либеральной прослойки, а чернопередельцы—пролетарской.¹ В такой постановке вопроса ложна и ошибочна не только характеристика народовольчества, но и характеристика «Черного передела», ибо персональная связь этой организации с группой «Освобождение труда» еще ничего не говорит в пользу ее определения, как зародыша пролетарской партии. И «Черный передел», и «Народная воля» одинаково далеки и от марксизма, и от пролетариата. Но, с другой стороны, мы имеем вторую тенденцию, еще более ошибочную и вредную—объяснить народовольчество как эволюцию не от мелкобуржуазного социализма к либерализму, как это имеет место в первом случае, а как эволюцию в обратную сторону—от мелкобуржуазного социализма к пролетарскому. Наиболее четко и определенно последняя точка зрения была сформулирована в статье т. Теодоровича,² посвященной 50-летию юбилею «Народной воли». В этой статье т. Теодорович с особой настойчивостью неоднократно напоминает и подчеркивает следующее:

«Было еще одно чрезвычайно важное различие, диалектически на-
раставшее, между «Землей и волей», с одной стороны, и «Народной волей»
с другой,—различие совсем не отмечаемое профессиональными истори-
ками революции. Оно состоит в следующем: «Если «Земля и воля» отра-
жала главным образом психологию и интересы наиболее обездоленных,
но *все еще сохраняющих видимую самостоятельность* мелких товаро-
производителей, то «Народная воля», не игнорируя и этого слоя, все боль-
ше и больше перемещала центр своего внимания в другую родственную
этой группу, *а именно в группу пролетария-отца*»³. И далее следую-
щее замечание по этому же вопросу: «нет никакого сомнения в том, что
все эти *пред-социалдемократические* заявления имеют своим источником
тот факт, что в числе общественных групп, на которые опиралась «Народ-
ная воля», *все большую и большую роль играла группа пролетария-
отца, и что эта группа пролетария-отца в своей общественной пси-*

¹ См. Историко-революционный сборн. № 2, статья В. Невского «Группа Освоб. труда», стр. 24—25. Эту же точку зрения т. Невский в определенной мере развивал и в своем докладе на дискуссии о «Народной воле».

² «Каторга и ссылка» № 8—9 за 1929 г., статья И. Теодоровича «Ист. значение партии «Народной воли».

³ Там же, стр. 42. Последний курсив мой.—Э. Г.

хологии постоянно, рядом переходов, приближалась к группе пролетария-сына¹.

Все эти утверждения составляют лейтмотив статьи т. Теодоровича и на основании этих утверждений понятными становятся все дальнейшие ошибки т. Теодоровича по вопросу о народническом наследстве и по вопросу о преемственной связи нашей партии и народовольчества. Неверность исходного методологического пункта делает неверной и всю концепцию т. Теодоровича. Правильно критикуя точку зрения на народовольчество как эволюцию в сторону либерализма, т. Теодорович вместе с тем впадает в другую гораздо более ошибочную крайность, трактуя «Народную волю», как зародыш пролетарской партии.

Обе эти крайности в оценке народовольчества коренным образом противоречат ленинским высказываниям, ленинскому анализу этого вопроса. Характеризуя в «Друзьях народа» революционное народничество, *как партию крестьянской революции*, Ленин специально оговаривает, что «к этому (к идее крестьянской социалистической революции—Э. Г.) сводились в сущности все наши революционные программы, начиная хотя бы бакунистами и бунтарями, продолжая народниками и *кончая народовольцами*».² Отсюда следует, что классовая характеристика революционного народничества как идеологии мелкого товаропроизводителя, как идеологии крестьянства относится также и к «Народной воле» и что, следовательно, классовое содержание «Народной воли» то же, что и революционного народничества в целом. Поэтому причины раскола «Земли и воли» Ленин искал не столько в классовой эволюции, классовых сдвигах и в изменении классовой базы движения, сколько в тех значительных изменениях в *тактике* революционной партии, которые в тех условиях привели к расколу, как к единственному выходу для того, чтобы террористы получили свободу действий. В то же время известно, что тотчас же после раскола, чуть ли не через пару дней или недель, начались переговоры о слиянии и большая часть чернопеределцев, оставшихся в России, вливается затем в ряды «Народной воли». Ленин никогда не проводил резкого водораздела между донародовольческими и посленародовольческими периодами народнической истории, и с его точки зрения как в лице «Народной воли», так и в лице «Земли и воли» мы имели организации, отстаивавшие в одинаковой мере интересы крестьянина—мелкого товаропроизводителя и различавшиеся лишь по линии тактики, по линии методов, приемов практической деятельности *в борьбе за одну и ту же по существу цель: победу крестьянской революции в России.*

В противовес указанию Морозова³ народовольцы боролись не толь-

¹ «Каторга и ссылка» № 8—9 за 1929 г. И. Теодорович, «Ист. значение партии «Народной воли», стр. 44. Последний курсив мой.—Э. Г.

² Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 179. Курсив мой.—Э. Г.

³ Морозов считал, что при расколе «Земли и воли» было поделено и само название партии: «Чернопеределцы взяли «землю», а мы «волю» и каждая фракция пошла своей дорогой».

ко за волю, но и за землю и мечтали только об одном: «добиться воли, чтобы иметь землю, иметь землю и волю, чтобы быть счастливым»¹.

Раскол народнической партии произошел не потому, что исторический лозунг 70-х гг. был поделен поровну между двумя организациями и черно-передельцы отказались от «воли», а народовольцы от «земли», а потому, что, оставаясь верными старому лозунгу «земли и воли», народники разошлись в вопросе, какую из этих двух задач (землю или волю, экономический или политический переворот) считать первоочередной и каковы пути осуществления коренных задач партии. Народовольцы, как и народники, боролись за право крестьянина на землю, за ликвидацию помещичьей собственности и царской монархии, и вся их борьба, так же, как и борьба предшествующего периода, объективно вела лишь к расчистке пути для капитализма, к победе фермерского пути развития. Таким образом объективный и классовый смысл «землевольтства» и «народовольчества» один и тот же. А это, как известно, интересовало Ленина в первую очередь. С этой же точки зрения становится понятной вся ошибочность точки зрения, зачисляющей народовольцев в число идеологов «пролетария-отца» и даже «пролетария-сына», а также и ошибочность той точки зрения, которая сводит народовольчество к «либерализму+бомба», ибо идеолог крестьянской революции всегда является естественным антагонистом либерала—борца не за крестьянскую революцию, а за прусский путь развития.

Отсюда и ленинское противопоставление революционного народничества и либерализма, как двух противоположных тенденций, противоположных сил, и постоянное напоминание, что революционное народничество в целом «безусловно враждебно» (Ленин) либерализму и что силы «демократии и социализма» (а не демократии и либерализма) «были смешаны воедино в революционной борьбе народников и народовольцев»². Конечно, в рядах народовольцев были типичные «либералы с бомбой», но это не характерно для «Народной воли» в целом и особенно для периода расцвета ее деятельности (т. е. до 1 марта 1881 г.). В период упадка «Народной воли» и общего вырождения революционного народничества в народничество либеральное происходит действительно переход части оставшихся народвольтческих групп на позиции умеренного политического радикализма и Ленин не замедлил это отметить: «сначала эта борьба (народовольцев.—Э. Г.) велась во имя социализма, опираясь на теорию, что простым захватом власти можно будет совершить не политическую только, а и социальную революцию. В последнее время эта теория, видимо, утрачивает всякий кредит, и борьба с правительством народвольтцев становится борьбой радикалов за политическую свободу»³. Правда, и в период расцвета своей деятельности народвольтцы несомненно заостряют внимание партии на необходимости известного контакта с либералами, необходимости

¹ Прибылева-Корба и В. Фигнер. Народволец А. Д. Михайлов. Письма Михайлова, стр. 205.

² Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 263.

³ Там же, т. I, стр. 190.

единения всех оппозиционных и революционных сил в борьбе против общего врага самодержавия. Но Ленин считает как раз важнейшей заслугой «Народной воли», а не ее недостатком, то, что она «постаралась привлечь к своей организации *всех* (курсив Ленина.—Э. Г.) недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием»¹. К тому же народовольцы, призывая к объединению всех сил против самодержавия, в то же время умели очень резко отмежевываться, критиковать и высмеивать «художественно трусливых», по их выражению, либералов.

Таким образом, с точки зрения Ленина, народовольчество не знаменовало собой появления чего-то принципиально нового, противоположного народничеству, как по своей классовой сущности, так и по характеру своей конечной цели и основных черт идеологии. Эта точка зрения подтверждается основными фактами народнической истории. В самом деле, тот идейный перелом середины 70-х гг., который мы охарактеризовали выше, *теоретически* значительно облегчил переход к «Народной воле», а с другой стороны, террористическая деятельность «Земли и воли» значительно облегчила этот переход *практически*. Противопоставление землевольчества и народовольчества возможно только при условии незнания основных фактов истории «Земли и воли». Сейчас при наличии достаточного количества материалов по этим вопросам вряд ли кем-либо будет отрицаться положение, впервые высказанное М. Н. Покровским, о том, что сама «Земля и воля» была по существу *террористической организацией*. «Земля и воля» несомненно была организацией переходного типа, и землевольческий период таил уже в себе неизбежность появления «Народной воли». Если взять террористическую деятельность «Земли и воли» и «Народной воли» с чисто *количественной стороны* (по количеству покушений), то различие будет очень незначительно. *Народовольцы за весь период своей деятельности совершили* приблизительно 10 покушений, из них 7 на Александра II (восьмым было 1 марта 1881 г.) и 2 по отношению к представителям правительственной власти (Стрельников и Судейкин). Террористических актов в период «Земли и воли» было немногим меньше (Трепов, Котляревский, Гейкинг, Мезенцев, Дрентельн, Кропоткин и др.), причем одно из этих покушений было направлено против Александра II (покушение Соловьева). Если прибавить к этому списку количество вооруженных сопротивлений, оказанных землевольцами, а также и то, что «Земля и воля» начала свою деятельность с чисто политической демонстрации у Казанского собора 6 декабря 1876 г., то понятным станет вышеприведенное утверждение М. Н. Покровского. Правда, за этой количественной, чисто внешней стороной нельзя забывать большего различия в характере *обоснования* террора у землевольцев и народовольцев. Если первые рассматривали террор лишь как акт мести, а не как метод развернутой политической борьбы с самодержавием, то последние перешли не только практически, но и принципиально на позиции полити-

¹ Ленин, Собр. соч., т. IV, стр. 465.

ческого террора и борьбы за политическое освобождение России. Недаром Сергей Кравчинский, совершивший удачное покушение на Мезенцева, в своей передовой № 1 «Земли и воли» пишет вскоре после своего покушения следующее: «Мы, напротив того, хотим предостеречь их от слишком сильного увлечения этого рода борьбой (террористической.— Э. Г.), так как есть признаки, показывающие возможность такого рода увлечения. Мы должны помнить, что не этим путем мы добьемся освобождения рабочих масс... *обратить все наши силы на борьбу с правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цель, чтобы погнаться за случайной, временной*».¹ Ясно, что никакой народовец, совершивший террористический акт, никогда бы не пытался ставить вопрос о терроре так, как это сделал Кравчинский.

Но подчеркивая различия в принципиальной оценке террора и политической борьбы у землевольцев и народовольцев, нельзя в то же время не отметить, что идя на террор, «Земля и воля» тем самым неизбежно задевала и в определенной мере разрушала предрассудки насчет ненужности и вредности политической борьбы для революционной партии. По данному вопросу уже в землевольческой печати встречаются определенные противоречия. Лазейкой для отхода от старых позиций мог служить и служил тот пункт землевольческой программы, который в передаче В. Фигнер сводился к следующему: «никакому восстанию не будет обеспечен успех, если часть революционных сил не будет направлена на борьбу с правительством и подготовка такого удара в *центре* в момент восстания в провинции, который привел бы государственный механизм в замешательство, в расстройство и тем дал возможность народному движению окрепнуть и разрастись».²

«Дальнейшие неудачи в деревне и усиление террористической деятельности привели к тому,—продолжает В. Фигнер,— что «две стороны программы «Земли и воли» меняли свое место. В 1876 г. при основании общества центр тяжести полагался в деятельности в деревне, в подготовке и организации народного восстания, а «удар в центре» ставился в зависимости от того, что будет делаться в массах; теперь же в 1878—1879 г. этот «удар» полагался во главу угла и занимал первое место: *не что другое, а именно он* должен был развязать живые силы народа, дав возможность к выявлению их в момент дезорганизации и смущения правительства. На создание этого момента должны были отныне направляться все силы партии, все усилия ее».³

Таким образом на основе старой землевольческой программы, а не против нее пытались народовольцы обосновать свой переход к политической борьбе.

¹ Революционная журналистика 70-х гг. под редакцией Богучарского, стр. 74, подчеркнуто мною—Э. Г.

² В. Фигнер, Собр. соч., т. I, «Запечатленный труд», ч. 1, Изд-во политкаторжан, стр. 111.

³ Там же, стр. 152.

Вообще на официальном органе партии «Земля и воля» лежит отпечаток того идейного брожения и путаницы, который еще более подчеркивает переходный характер этой организации. Отсутствие ясных и определенных взглядов сказывается при разборе любого вопроса. Противоречия в одной и той же статье, а особенно между отдельными статьями встречаются на каждом шагу.

Достаточно яркой иллюстрацией явилось бы в данном случае сравнение хотя бы статьи Плеханова в №№ 3 и 4 «Земли и воли» («Закон экономического развития общества»), которая пытается обосновать социализм «по Марксу» и делает несомненно шаг вперед по сравнению со старыми народническими взглядами,—с какой-либо другой статьей, где упорно доказывается, что социализм это просто «вековой протест бедного против богатого», что для социализма вовсе не нужна определенная ступень экономического развития, что он «является» повсюду, где только было неравенство в обществе, где существовала экономическая зависимость одной части населения от другой»¹.

Неоднократно на страницах «Земли и воли» подымается также вопрос о политическом перевороте, политической борьбе. И несомненно, что четкая, непримиримо-бакунистская позиция в этом вопросе здесь уже полностью не выдержана. Если одна статья призывает не увлекаться террором и политической борьбой с правительством, то другая призывает: «поторопимся взяться за политическую реформу снизу, чтобы она не была заменена негодным суррогатом, данным сверху»². Правда, тут же добавляется, что «путь к политической свободе на Руси» лежит через работу в крестьянстве и что «широкая политическая свобода является не главной задачей деятельности, она является как неизбежный вывод ее, как неустрашимый побочный продукт в химико-техническом производстве, как кокс при добыче светильного газа, как дым при топке печи»³.

Эта статья Клеменца, вызвала, правда, известные возражения, и один из народнических кружков прислал специальный запрос в редакцию по поводу недостаточной ортодоксальности этой статьи⁴. Во всяком случае важно отметить, что землевольцы на страницах своего органа непрерывно ставят и вновь возвращаются к вопросу, казалось бы уже решенному народнической доктриной, к вопросу о политической борьбе. И это, конечно, вполне естественно. Ибо несомненно трудно себе представить в условиях самодержавной России партию, которая могла бы долго удержаться на позициях политического индифферентизма и отрицания политической борьбы. «Чистота теории» здесь неизбежно отступает на задний план перед требованиями, которые предъявляет сама жизнь. И народники

¹ Революционная журналистика 70-х гг. Ред. Богучарского, стр. 95.

² Там же, стр. 117. «Земля и воля» № 2. Статья принадлежит Клеменцу.

³ Там же, стр. 119.

⁴ Там же, стр. 144. «Земля и воля» № 2, Объявления и извещения.

шаг за шагом вынуждены отступать. Представление о резко отрицательном отношении народников к политической борьбе, о каком-то «нутряном» аполитизме народников 70-х гг. (до «Народной воли») в некоторой мере преувеличенно, хотя нельзя, конечно, отрицать в этом вопросе влияния Бакунина и бакунинского анархизма на народническое движение.

«Но анархизм тогдашних народников,—как правильно отмечает, по нашему мнению, одна из статей, посвященных «Народной воле»,—был совсем особого рода, он был скорее настроением, чем доктриной, в нем не было принципиального отрицания государства. В них была глубокая ненависть к современной русской государственной власти и стремление уничтожить ее по возможности без остатка».¹ И характерно, что революционное движение 60-х гг. в лице своего умеренного («Земля и воля» 60-х гг.) и своего «левого» фланга («Молодая Россия», «К молодому поколению», кружок Карокозова) еще ни в какой мере не выявляет своего аполитизма и ставит вопрос о борьбе за политические свободы. Даже кружок чайковцев на переломе конца 60-х гг. и начала 70-х гг. не чужд вопросам политической борьбы. Наибольшая распространенность бакунистских предубеждений о политической борьбе падает на период хождения в народ, но уже «Земля и воля» в первую очередь практически, в некоторой мере и теоретически, шаг за шагом отступает по данному вопросу.

Основной чертой и основной бедой народнической идеологии во все периоды народнической истории являлось неумение теоретически поставить и разрешить важнейшую проблему, проблему соотношения между социализмом и политической борьбой. В этом вопросе запутались все народники, в том числе и народовольцы. Практически же народники ненавидели самодержавие и существующий политический строй так, как мог ненавидеть этот строй всякий революционер того времени, на своей спине испытавший все прелести царского режима. Поэтому переход к «Народной воле», подготовленный всем предшествующим периодом народнической истории (в частности землевольческим), встречает широкую поддержку и сочувствие в среде революционной интеллигенции того времени.

Но возникнув на основе тех внутренних сдвигов и процессов, которые давно уже нарастали в народнической среде, «Народная воля» вместе с тем знаменовала собою *«шаг вперед»* по сравнению с предшествующим народническим движением, во весь голос, открыто, без всяких ограничений и замазываний объявив войну русскому самодержавию и обосновывая практически и теоретически необходимость политической борьбы. Народовольцы пытались опровергнуть убеждение, что социалисту зазорно бороться за что-либо иное, кроме как *непосредственно* за социалистическую революцию. Они пытались доказать, что политическое освобождение народа может послужить могучим стимулом для его экономического освобождения. У народвольтцев, правда, не у всех и не всегда, начинает складываться в определенной мере правильное разрешение вопроса о поли-

¹ Народовольцы после 1-го марта 1881 г. Изд-во политкаторжан, 1928 г. стр. 14.

тической свободе, как о *предварительном условии* для более успешной борьбы в дальнейшем за экономический переворот; можно указать на то, — говорили они, — что непосредственное место деятельности партии — народ, что не путем политических реформ она осуществит его требования. Все это так; но ведь непосредственной целью операции русской армии был Константинополь, а приходилось, однако, чуть не полгода стоять под Плевной, потому что не взявши Плевны, нельзя было двинуться на Балканы, нельзя было оставлять у себя в тылу армию, способную отрезать русским все сообщения. Правительство объявляет нам войну, хотим мы этого или не хотим, — оно нас будет бить. Мы, конечно, можем не защищаться, но от этого, кажется, никто еще никогда не выигрывал. Нам прямой расчет перейти в наступление и сбросить со своего пути это докучливое препятствие... создать такой государственный строй, при котором деятельность в народе не была бы наполнением бездонных бочек Данаид». ¹

Но сделав шаг вперед, поставив вопрос о политической борьбе и призывая к политическому реализму, к отказу от роли «аскета-хранителя общественного идеала» (Желябов) и всячески напоминая, что «каждая историческая эпоха должна ставить себе те задачи, которые осуществимы (Квятковский), народовольцы вместе с тем не вышли далеко за рамки основных черт народнической идеологии, не могли полностью освободиться от утопического прикрытия.

Наряду с желябовской формулировкой задач политической борьбы, которая трактовала политическую борьбу как основную и ближайшую задачу партии, а борьбу за экономическое переустройство откладывала до полной победы над абсолютизмом — эта точка зрения достаточно ярко освещена в вышеприведенном отрывке из передовой № 1 «Народной воли», — существовала другая тихомировско-ошанинская формулировка задач партии, доказывавшая неизбежность *совпадения* экономического и политического переворота, точка зрения, считающая, что самодержавие и капитализм падут в России одновременно. А утопизм в определении основных задач партии неизбежно вел к утопизму в области тактики, в области приемов и методов борьбы с самодержавием. Прав Плеханов, когда подчеркивает, что теория одновременности политического и экономического переворота неизбежно вела к другой теории, теории *захвата власти* революционной партией. Народовольцы, по мнению Плеханова, не сумев разрешить проблему «социализм — политическая борьба», выдвигали поэтому следующую теорию: «если бы наша борьба привела *только* к торжеству политической свободы, то это действительно могло бы быть вредно для народа, так как за политическим освобождением последовало бы усиленное развитие капитализма, а следовательно, и усиленное разложение старых экономических основ крестьянского быта. Но если мы, социалисты, в искренности которых нельзя сомневаться, сумеем, повалив абсолютизм, за-

¹ Литература партии «Народной воли», под ред. Богучарского. Москва 1907 г., стр. 7. Передовая № 1 «Народной воли».

хватить власть в свои руки, то восторжествует уже не *капитализм*, а *социализм*, и народ бесконечно много выиграет от нашего успеха».¹ Такая постановка вопроса несомненно делает шаг назад по сравнению с желябовским решением вопроса и по существу совсем не выходит за рамки старого народнического противопоставления социализма политике.

Но народovolьцы не смогли правильно поставить вопрос о политической борьбе не только теоретически, но и практически. Формулу Маркса «всякая политическая борьба есть борьба классовая» они, конечно, не поняли, превратив борьбу с самодержавием в единоборство революционной интеллигенции с царизмом. Не массовая политическая борьба, а террор одиночек и захват власти на основе заговора является несомненно характерной чертой народovolьческой тактики, как бы этого ни отрицали мемуары, заявления и утверждения некоторых деятелей «Народной воли» и даже кое-какие официальные документы этой партии.

«Для народovolьцев,—говорит Ленин,—понятие политической борьбы тождественно с понятием политического заговора... Традиции бланкизма, заговорщичества страшно сильны у народovolьцев, до того сильны, что они не могут себе представить политической борьбы иначе, как в форме политического заговора»². И напрасно т. Теодорович³ в своей вышецитированной статье пытается опровергнуть эту ленинскую точку зрения (poleмизируя, правда, не с Лениным, а с М. Н. Покровским) ссылкой на то, что народovolьцы делали ставку не на заговор, а на массовую народную революцию. Подтверждая эту свою точку зрения большим количеством цитат из народovolьческой литературы, т. Теодорович не дает себе труда критически разобрать народovolьческие призывы «к массам», которые действительно имеются и довольно часто встречаются на страницах «Народной воли». Ставя вопрос о «желательной роли народных масс в революции» (так и называется статья в № 4 «Народной воли», которую преимущественно цитирует т. Теодорович), народovolьцы, тем самым достаточно явно подчеркивают, что массы в их глазах, лишь *желательное*, но не *обязательное* подспорье в террористической борьбе партии с самодержавием. Все дело не в том, что народovolьцы *ставили* вопрос о роли народных масс в революции (этого никто не отрицает), а в том, что они неправильно, по-бланкистски, а не по-марксистски *разрешали* этот вопрос. Теория «героев и толпы» оставляет, как известно, место не только «героям», но и «толпе», но толпа с этой точки зрения есть пассивная сила, которую «герои», «инициативное меньшинство», своим примером увлекают, ведут вперед, пробуждают от сна. Поэтому-то в статье, трактующей о «желательной роли народных масс в революции» народovolьцы доказывают, что «партия должна взять на себя *почин* политического переворота, *не ожидая стихийного массового движения* и не рассчитывая исключительно на

¹ Плеханов, Собр. соч., т. IX, стр. 20.

² Ленин, т. I, стр. 354.

³ См. «Каторга и ссылка» № 8—9 за 1929 г. стр. 11.

движение снизу, вызванное по инициативе и силами организации в народе»¹.

Но становясь на ошибочную и неверную точку зрения в вопросе о *субъекте* (по выражению т. Теодоровича) народовольческой революции, т. Теодорович идет дальше, пытаясь *оправдать* несколько преувеличенное представление об «инициативном меньшинстве» у народовольцев (которое ведь бьет в глаза и которое для подтверждения точки зрения автора надо несколько сгладить) *ссылкой на ленинскую теорию стихийности и сознательности!* Это уже не только ошибочное, но и прямо вредное в своей основе и по своим выводам положение. В самом деле, сравнить ленинскую *диалектику* в разрешении этого вопроса с *метафизическим* противопоставлением сознательности стихийности, как это имеет место у народовольцев, более чем непозволительно.

Правда, тов. Теодорович оговаривается, что «такой четкости», как у Ленина» в постановке вопроса и его решении народовольцам не удалось достигнуть»². Но спасительная оговорка о «зародышевом» состоянии этой теории у народовольцев и ее полного развития у Ленина все же ни в какой мере не говорит в пользу попыток сблизить теорию «героев и толпы» с ленинской теории «сознательности и стихийности», ибо Ленин умел бить как по одностороннему преувеличению стихийности, так и по одностороннему преувеличению сознательности, и борясь за партию—авангард, ударять как по хвостизму, так и по сектантству. Этой диалектики не было и не могло быть у народовольцев. Правильно поставив вопрос о «наследстве» народовольцев в области *организации*, т. Теодорович подменяет вопрос о заслуге народовольцев в области создания крепкой, централизованной, конспиративной организации и создания типа профессионала-революционера (заслуга, о которой неоднократно говорил и напоминал Ленин) их «якобы» заслугой в попытке решения проблемы стихийности и сознательности. Эта неверная установка т. Теодоровича связана с непониманием ленинской методологии анализа народничества, с неправильной характеристикой классово-экономической сущности народничества и в связи с этим с неверной оценкой народнического и народовольческого *наследства*.

Освещение вопроса о народническом наследстве в ленинском понимании и является основной задачей последнего, заключительного раздела настоящей статьи.

4. НАРОДНИЧЕСКОЕ «НАСЛЕДСТВО»

Четкая классовая характеристика революционного народничества, постановка вопроса о двух сторонах народнической идеологии и перенесение центра внимания именно на изучение реального содержания народнического движения в противовес его социалистической оболочке, все это вместе взятое приводило Ленина к не менее четкому разрешению вопроса

¹ Литература партии «Народной воли» под ред. Богучарского. Москва 1907 г., стр. 146 «Народная воля» № 4. Передовая «Желательная роль народных масс в революции».

² «Каторга и ссылка» № 8—9 за 1929 г., стр. 46.

о народническом «наследстве», о преемственной связи между пролетарской партией и революционно-народническим движением.

Характеризуя народничество 70—80 гг., как партию крестьянской революции в России, Ленин в связи с этим все время напоминает о теснейшей связи между марксистской оценкой крестьянского движения вообще и марксистской оценкой народничества и народнического «наследства» в частности. Поэтому же вопрос о народническом «наследстве» Ленин совершенно сознательно переводит на рельсы другого вопроса,—вопрос о том: *«как следует отнестись пролетариату к мелкой буржуазии и ее программам?»*, тем самым проводя резкую грань между мелкобуржуазным и пролетарским социализмом, с одной стороны, и в то же время подчеркивая важность этого вопроса с точки зрения изучения взаимоотношения пролетариата и крестьянства на разных этапах революционной борьбы.

По вопросу о взаимоотношениях между пролетариатом и крестьянством, по вопросу о том, как следует отнестись пролетариату к крестьянскому движению, Ленин предостерегал от *двоякого рода ошибок*, одинаково вредных, и намечал необходимость *борьбы на два фронта* против всяких извращений марксизма в этом вопросе. Исходя из *двойственности* социальной природы крестьянства, Вл. Ильич подчеркивал как опасность забвения революционной роли крестьянства, забвения тех сторон, которые связывают пролетариат и крестьянство, так и опасность игнорирования мелкобуржуазной сущности крестьянства, стирания граней между пролетариатом и крестьянством, между пролетарской и крестьянской идеологией и отсюда отрицание *руководящей* роли пролетариата по отношению к крестьянству.

«Соединять» чисто пролетарскую борьбу с общекрестьянской, но не *смешивать* их. *Поддерживать* общедемократическую и общекрестьянскую борьбу, отнюдь *не сливаясь*¹ с ней—это указание Ленина необходимо еще раз напомнить для того, чтобы с максимальной четкостью поставить и разрешить не только вопрос о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства, но и производный отсюда вопрос о преемственной связи между революционным народничеством и пролетарской партией, вопрос о «наследстве» «Народной воли» и революционного народничества.

Ибо так же как и в оценке отношения пролетариата к крестьянскому движению Ленин подчеркивал не только момент связи, но и момент *различия*, не только момент *союза*, но и момент руководства, так же и в оценке народнического движения Ленин указывал не только то, что *соединяет*, связывает пролетарскую партию с предшествующим революционным движением, но и то, что *разделяет*, предостерегая тем самым как от переоценки, так и от недооценки народнического движения.

Двойственность социальной природы крестьянства находит свое выражение и отражение в двойственности самой народнической идеологии. Эта идеология таит в себе как прогрессивные, так и реакционные черты,—

¹ Ленин, Собр. соч., т. VI, стр. 549. Подчеркнуто мною.—Э. Г.

и заботливо выделяя первые, необходимо резко критиковать все, что есть в народничестве реакционного, отрицательного, враждебного пролетариату. Сущность этих двух сторон народнической идеологии мы уже достаточно подробно характеризовали выше: «объективно революционное содержание народничества «как теории массовой мелкобуржуазной борьбы капитализма американского против капитализма прусского» и ложная в своей основе социалистическая доктрина, прикрывающая это реальное содержание; крестьянская демократия и мелкобуржуазная утопия, антикрепостничество и антикапитализм.

И естественно, что при разрешении вопроса о «наследстве» Ленин с исключительной четкостью и не допускающей сомнений определенностью выдвигал реальное содержание народнического движения, отражавшее боевой демократизм крестьянских масс, в противовес утопической и реакционной социалистической доктрине. Это положение красной нитью проходит через все ленинские работы и статьи о народничестве и является *центральной*, исходным пунктом для правильной, марксистской оценки вопроса о народническом наследстве. Поэтому-то 50-летний юбилей «Народной воли», сосредоточив внимание на вопросах изучения народничества, на вопросах о народническом наследстве, в центре своего внимания поставил ленинские указания и в первую очередь это основное положение ленинской схемы. И не случайно, что забвение этого коренного указания Ленина привело т. Теодоровича к неверной и диаметрально противоположной Ленину оценке народнического наследства. Взяв за исходный пункт анализа социалистическую доктрину, протест против капитализма, и пытаясь именно из этой стороны народничества вывести преемственную связь нашей партии с революционным движением 70-х гг., т. Теодорович замалчивает и почти не упоминает,—как в своей статье, так и в своих выступлениях на дискуссии, развернувшейся вокруг этого вопроса, в обществе историков-марксистов,—о другой стороне, которая преимущественно интересует Ленина, о борьбе народников против крепостничества, за победу фермерского пути развития. Отсюда-то и ненужная модернизация «Народной воли», отсюда и изображение народовольчества, как идейных предшественников большевизма, как «без 5 минут» ленинцев, отсюда же и приписывание народовольцам теоретического предвидения основных проблем ленинизма: учения о переходном периоде и государстве, учения о социалистическом строительстве (военный коммунизм, нэп), учения о партии и т. д., и т. п. И сколько бы оговорок не делал т. Теодорович насчет зародышевого, зачаточного состояния этих идей, суть дела от этих оговорок не меняется. Ибо ленинская методология и методология т. Теодоровича в вопросе о народническом наследстве в корне противоположны.

Большевизм никогда не отказывался от наследства предшествующего ему революционного движения, никогда не был в положении «непомнящего родства» по отношению к лучшим сторонам народничества. Спор идет, следовательно, не о том, отказываемся или не отказываемся мы от наследства, а о том, от какого наследства мы отказываемся, а

какое принимаем. Опыт народнического движения был воспринят большевизмом, но вопрос в данном случае стоит только об одном: *какой опыт?* И именно по этой линии проходит основное противоречие между тем ответом, который дает на этот вопрос Ленин, и тем ответом, который имеется в статье т. Теодоровича. Представление о «Народной воле» как о партии «раннего ленинизма», — на что справедливо указывали т. Теодоровичу его оппоненты, не помогает, а мешает правильному разрешению проблемы и выделению тех сторон деятельности «Народной воли», которые являются вкладом в опыт революционной борьбы пролетариата.

Общезвестно, что меньшевики постоянно и по любому поводу упрекали Ленина в народовольчестве. Запугивание призраком народовольчества и якобинизма прочно вошло в арсенал меньшевистской критики ленинизма. Ленин слыл «народовольцем» за его учение о гегемонии пролетариата в буржуазной революции, за его лозунг демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, который меньшевиками рассматривался, как воскрешение народовольческой теории захвата власти, за его учение о партии, учение о вооруженном восстании и даже за учение о перерастании буржуазной революции в пролетарскую. Ибо с точки зрения Плеханова¹ и всех меньшевиков ленинское учение о перерастании есть повторение народовольческой утопии о совпадении экономического и политического переворота в России. Плеханов забывает в данном случае, что в те дни, когда писалась брошюра «Социализм и политическая борьба», он сам подчеркивал, что от партии зависит возможность «сблизить эти два момента» (падение самодержавия и падение капитализма) и правильно напоминал слова «Манифеста» о том, что коммунисты должны добиваться, чтобы «буржуазная революция послужила лишь непосредственным прологом революции рабочей».

Следовательно, все истинно-революционное и последовательно-марксистское в ленинизме меньшевики объявляли «народовольчеством», «якобинизмом», «бланкизмом» для того, чтобы лучше прикрыть свое собственное отступление от марксизма. И любопытно, что Ленин в ответ на все эти меньшевистские нападки четко, смело и прямолинейно объявил: «якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы, это и есть революционный социал-демократ». Таким образом, Ленин принял бой на данной меньшевиками платформе и в противовес меньшевизму и в частности троцкизму, доказывавшему полную противоположность якобинизма и социал-демократизма и поставившему перед Лениным дилемму: *либо* якобинец, *либо* социал-демократ, — не отказывался от определенных сторон наследства революционных демократов — якобинцев и народовольцев. С точки зрения Троцкого² Ленин мог свободно заменить слово якобинец словом толстовец, менонит и т. д., причем суть дела от этого нисколько не меняется. В данном случае налицо голое отрицание всего того действительного, рево-

¹ См. Предисловие Плеханова 1917 г. к брошюре «Социализм и политическая борьба».

² Троцкий, «Наши политические задачи».

люционного и прогрессивного, что имеется в якобинизме и народовольчестве, чего пролетариат не может и не должен замолчать и обойти.

Но поставив вопрос о преемственной связи между якобинизмом и революционной социал-демократией, Ленин, конечно, ни в какой мере не утверждал этим, что большевизм есть не что иное, как возрожденный якобинизм (или народовольчество) XX столетия. Слово якобинец в определении революционного социал-демократа означает не столько связь по линии *идейных* основ (ибо эти основы действительно противоположны), сколько по линии революционных традиций, революционных методов борьбы и по линии некоторых положительных сторон *тактики* и *организации*, завещанных большевизму предшествующим революционным движением. Ленина интересует в данном случае боевой демократизм и революционность мелкобуржуазных масс, поднявшихся на борьбу с крепостничеством и абсолютизмом.

Поэтому Ленин так ценил агитационный и организационный опыт народовольцев и революционных народников, поэтому он столько раз возвращается к вопросу о народническом наследстве и поэтому же он находил объяснение и оправдание не только прогрессивным сторонам народничества, но и его ошибочной и реакционной социалистической утопии. Отсюда же и блестящее ленинское сравнение и напоминание известного изречения, что история повторяется один раз как трагедия, другой раз как фарс, и что если террор народовольцев был величествен, то террор эсеров только смешон¹.

И на мучительный и тревожный вопрос, который ставили сами народовольцы: *«были ли у ней (у партии) другие пути, кроме того, которым она пошла?»*—мы с уверенностью, на основании ленинских указаний, можем ответить: пути, которыми шли революционные народники и народовольцы были не верны, эти пути не вели к победе, но других путей для эпохи 70-х гг. не было и быть не могло. Народники и народовольцы не были и не могли быть в обстановке их окружавшей ни марксистами, ни пролетарскими революционерами. Их ошибки, их заблуждения и пути, которыми они шли, были исторически обусловлены обстановкой 70-х годов. Поэтому основная проблема революционного народничества—*как добиться осуществления победоносной крестьянской революции*—разрешена не была, эту проблему разрешил только пролетариат и его партия, доказав в эпоху Октябрьской революции, что победа крестьянства против помещиков осуществлена только при руководящей роли пролетариата и пролетарской партии.

Только с этой точки зрения Ленин говорит о преемственной связи нашей партии и революционного народничества, еще и еще раз напоминая: «марксисты должны заботливо выделять из шелухи народнических утопий здоровое и ценное ядро искреннего, решительного, боевого демократизма крестьянских масс. В старой марксистской литературе 80-х гг. прошлого века можно найти систематически проведенное стремление выделять это

¹ См. Ленин, Собр. соч., т. V, стр. 261.

ценное демократическое ядро, когда-нибудь историки изучат систематически это стремление и проследят связь его с тем, что получило название «большевизма» в первое десятилетие XX века»¹.

Здесь Ленин достаточно прямо и определенно говорит о связи *большевизма* и революционного народничества и не менее категорично подчеркивает, *по какой линии* эта связь, эта преемственность осуществляется («ценное демократическое ядро» и «шелуха народнических утопий»). В предисловии к работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге Струве» Ленин прямо говорит о известной связи между народничеством и марксизмом: «Сличение это (марксистской и народнической точки зрения.—Э. Г.) покажет нам, какие есть общие исходные пункты у народничества и марксизма и в чем их коренное различие. При этом удобнее взять старое русское народничество, так как оно, во-первых, неизмеримо выше современного... в отношении последовательности и договоренности, а во-вторых, цельнее показывает лучшие стороны народничества, к которым в некоторых отношениях примыкает и марксизм»².

Одностороннее использование этой цитаты может привести некоторых «историков» к попыткам стирания границ между марксизмом и народничеством вообще, но для Ленина это положение диалектически дополнялось, связывалось и сочеталось с другим не менее категоричным утверждением, что марксизм и народничество две идеологии двух различных классов. Ибо Ленин одинаково прямолинейно напоминал как о том, что марксизм вырос, сложился и оформился в непримиримой борьбе с народничеством и народническими партиями, так и о том, по какой линии идет преемственная связь между пролетарской партией и народническим движением. Ленин давал резкую и непримиримую критику основ народнической идеологии и одновременно считал необходимым «заботливо выделять, охранять и развивать»³ лучшие стороны народнического движения.

Только учет обоих этих моментов, обеих сторон ленинской оценки народничества может привести к правильному решению вопроса о народническом наследстве, причем внешняя противоречивость ленинских указаний является в данном случае только отражением противоречивого положения мелкой буржуазии и крестьянства при капитализме. Поэтому изучение проблемы революционного народничества и народнического наследства лежит в плоскости общей проблемы союза пролетариата и крестьянства на разных этапах революционного движения и все ленинские указания сводятся в основном к тому, что методология решения вопроса о народническом «наследстве» и методология вопроса о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства—одна.

Э. Генкина

¹ Ленин, Собр. соч., т. XX, ч. 1, стр. 360. Подчеркнуто мною.—Э. Г.

² Там же, т. II, стр. 10. Подчеркнуто мною.—Э. Г.

³ Там же, т. XX, ч. 1, стр. 349.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ДВУХ «ПОТОКОВ» МЕЛКОБУРЖУАЗНЫХ ШАТАНИЙ

Тов. Ленин не раз указывал на два русла мелкобуржуазных шатаний, «всегда имеющих место рядом с пролетариатом, всегда проникающих в той или иной мере в среду пролетариата». Это: «мелкобуржуазный реформизм, т. е. прикрытое добренькими демократическими и социал-демократическими фразами и бессильными пожеланиями лакейство перед буржуазией, и мелкобуржуазный революционаризм, грозный, надутый, чванный на словах, пустышка раздробленности, распыленности, безголовости на деле—таковы два «потока» этих шатаний. Они неизбежны, пока не устранены самые глубокие корни капитализма».¹

Борьба на два фронта с «мелкобуржуазным реформизмом» и «мелкобуржуазной революционностью» внутри рабочего движения, борьба с правооппортунистическими и «лево»-оппортунистическими уклонами, как с «представителями» этих двух потоков внутри партии—велась большевиками во все без исключения периоды партийной истории. Большевизм всегда проявлял в этой борьбе негибкую идейную непримиримость, преодолевая примиренчество к оппортунистическим уклонам, приобретавшее на отдельных этапах партийной истории довольно значительный удельный вес. Только люди, ничего не понявшие в большевизме, чуждые марксизму-ленинизму, могут борьбу на два фронта истолковать как центризм. У центризма и фронты не те, что у большевизма, и не борьбу он означает, а соглашательство, отказ от борьбы, затушевывание и замазывание оппортунизма.

Изучение особенностей методологии правых и «левых» оппортунистических уклонов несомненно имеет актуальное значение для борьбы партии.

Конечно, между теми и другими уклонами нет непроходимой грани. Надо всегда помнить, что деление на два типа мелкобуржуазных шатаний ни в какой мере не означает, что они отгорожены друг от друга китайской стеной. Само деление является условным. Элементы того и другого нередко переплетаются, особенно в стране пролетарской диктатуры, где и самый ультра-правый уклон рядится в революционные цвета. Надо постоянно иметь в виду, что оба потока мелкобуржуазных шата-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 352—353.

ний ведут к одним и тем же капитулянтским выводам, что поэтому в ходе развития борьбы рабочего класса мы наблюдаем объединение противоположных по лозунгам уклонов против общего врага—большевизма. Но чрезвычайно вредным и опасным было бы не видеть различия между уклонами. «Марксист должен уметь учитывать всю конкретную обстановку, всегда находить границу между анархизмом и оппортунизмом (*эта граница относительна, подвижна, переменна, но она существует*), не впадать ни в абстрактный, словесный, на деле пустой «революционаризм» анархиста, ни в обывательщину и оппортунизм мелкого буржуа или либерального интеллигента»¹. Чтобы понять основное, общее, что объединяет разные оппортунистические течения, надо знать их различия.

Непосредственному изложению темы предпослел несколько предварительных замечаний.

Часто приводится формула: правый оппортунизм выступает более открыто, «левый»—прикрывается революционной фразой. Это, конечно, правильно: *реформизм более непосредственно выражает влияния буржуазии на пролетариат, мелкобуржуазный революционаризм—в кривом зеркале, через призму псевдо-революционных иллюзий*. Но было бы совершенно неправильно в большем и меньшем прикрытии «левой» фразой видеть главное отличие двух видов оппортунизма, к этому сводить корень вопроса.

Такое сведение не объясняет основные методологические различия, скользит по поверхности. С другой стороны, надо учесть, что и правые оппортунисты нередко выступают под внешним «левым» прикрытием. Известно, что меньшевики дореволюционной эпохи ликвидаторскую сущность своих лозунгов не раз прикрывали аргументами вроде интересов революции и т. п. Правые оппортунисты в партии в настоящее время также не прочь козырять революционными задачами социалистического строительства. Не лишним будет напомнить случай, когда и «патриарх ревизионизма» Бернштейн также счел необходимым прибегнуть к «левой» фразе. В своем докладе «Массовая политическая стачка и политическое положение германской социал-демократии» в мае 1905 г. Бернштейн говорил: «Никто не может выше меня оценить всеобщее, равное и прямое избирательное право. И мы должны заранее уже сказать себе и дать понять нашим противникам, что если когда-либо окажется необходимым защищать это избирательное право, то мы ни перед чем не остановимся, что, в случае нужды, мы готовы отстаивать его всеми средствами, всей нашей личностью»². За это выражение Бернштейн был даже привлечен бреславльской прокуратурой к судебной ответственности за «возбуждение различных классов населения к насильственным друг против друга действиям». Конечно,—как с нравственным удовлетворением отмечает Бернштейн,—«прокурор и сам, должно быть, убедился, как мало состав на-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XI, 1, ч. 1, стр. 255. Курсив наш.—Я. Б.

² Э. Бернштейн, Массовая политическая стачка, СПб, 1906, стр. 49.

стоящего закона соответствует содержанию доклада... Суд пришел... к выводу, что нет никакого основания даже к самой ничтожной каре и провозгласил полное оправдание»... Следовательно, прикрытие «левой» фразой не основное различие между двумя разновидностями мелкобуржуазных уклонов.

Теперь второе наше замечание. В изучении определенной системы оппортунистических взглядов мы должны различать между уклоном в партии и течением вне рядов партии. Ленин на X съезде так разъясняет разницу между уклоном и течением: *«Уклон не есть еще готовое течение. Уклон это есть то, что можно поправить. Люди несколько сбились с дороги или начинают сбиваться, но поправить еще можно: Это, на мой взгляд, и выражается русским словом «уклон». Это подчеркивание того, что тут еще нет чего-либо окончательного, подчеркивание того, что дело—легко поправимое,—это желание предостеречь и поставить вопрос во всей полноте и принципиально»*.¹ Чтобы тщательно изучить теоретические основы и характерные особенности данного уклона, надо проследить весь цикл его эволюции: от уклона внутри партии до его превращения во внепартийное, следовательно контрреволюционное «готовое течение». При этом эволюция взглядов протекает параллельно с изменением социальной опоры данной системы взглядов. Всегда помня это качественное различие между уклоном внутри партии и готовым течением вне партии, мы можем, однако, утверждать, что методологические основы внутрипартийного уклона и соответствующего внепартийного «готового течения» в существенных чертах совпадают.

Для изучения некоторых черт методологии «левого» оппортунизма мы берем взгляды KAPD (коммунистической рабочей партии Германии). Эти взгляды можно проследить с момента оформления этого уклона внутри коммунистического движения до превращения его в контрреволюционное готовое течение, стоящее по ту сторону баррикад. Хотя эта группа по мере ее эволюции в лагерь контрреволюции потеряла всякий политический удельный вес, ее идеология, трансформация ее идеологии представляет несомненный интерес для нашей темы. Не забудем, что непосредственно против этой группы Ленин направил свою «Детскую болезнь «левизны». В качестве иллюстративного материала мы будем приводить также отдельные взгляды и лозунги троцкизма, а также отзовизма и впередовства.

Методологию правого оппортунизма мы будем изучать по взглядам социал-демократического ревизионизма, прежде всего по Бернштейну—наиболее последовательному ревизионисту по всей сумме его теоретических взглядов. В качестве иллюстративного материала мы будем приводить отдельные взгляды и лозунги правых уклонистов в партии. И мы убедимся, как много общего в методологических установках между реформизмом и правым оппортунизмом в партии.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 157.

Мы в нашей статье не ставим себе задачей исчерпать вопрос о различии методологии правого и «левого» оппортунизма, мы разбираем только «некоторые особенности» этой методологии. Для изучения вопроса мы берем проблему: «историческая необходимость, цель и роль субъективного фактора в общественном развитии», считая, что эта проблема дает богатый материал для понимания особенностей двух потоков мелкобуржуазных шатаний. Соответственно наша статья разбивается на следующие 3 части: а) взгляды марксизма-ленинизма на указанную проблему, б) взгляды правого оппортунизма, в) взгляды «левого» оппортунизма. В заключение мы подведем итоги и постараемся показать общее и объединяющее в концепции правого и «левого» оппортунизма, несмотря на отличительные черты того и другого.

ВЗГЛЯДЫ ЛЕНИНИЗМА-МАРКСИЗМА НА ИСТОРИЧЕСКУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ, ЦЕЛЬ И РОЛЬ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА В ОБЩЕСТВЕННОМ РАЗВИТИИ

Правильное (конечно, при условии материалистического истолкования) разрешение проблемы необходимости—случайности—свободы—цели в основном дано было еще Гегелем. Это составляет одно из величайших его философских заслуг. Изложению взглядов Маркса—Ленина мы поэтому, предположим некоторые высказывания Гегеля.

Диалектический материализм рассматривает историю как бесконечный процесс развития материального мира, частью которого является человеческое общество. По Гегелю история есть развитие духа, этого «меркурия, водителя народов». ¹ Всегда помня эту идеалистическую основу гегелевской философии, марксизм, однако, в соответствующей материалистической переработке воспринял гегелевское положение о *внутренне необходимом* развитии всего мира и его части—человеческого общества.

Согласно гегелевских положений ² внутри каждого явления заложены определенные условия и предпосылки, из которых с необходимостью и неизбежностью вытекает «новая действительность», новый объект. Между старым и новым нет непроходимой грани: новое содержится в старом, и когда созрели все условия, тогда то, что явилось внутренним, «потенцией», становится внешним, образуется единство внутреннего и внешнего, новая действительность. Эта новая действительность уже становится сама «старой», ибо в ней уже заложены те внутренние условия, которые детерминируют дальнейшее развитие вещи, явления, их «движение и *самодвижение*» (это NB! самопроизвольное, (самостоятельное), спонтанейное, *внутренне-необходимое* движение) ³.

Это «внутренне-необходимое» движение—противоречиво. «Все вещи в самих себе противоречивы... Тождество есть определение лишь про-

¹ Введение к «Философии истории», стр. 9, нем. изд. Лассона, 1920.

² См. Энциклопедия, т. I, стр. 247, 252.

³ Ленинский сборник IX, стр. 127.

стого непосредственного мертвого бытия; противоречие же есть корень всякого движения и жизненности; лишь поскольку нечто имеет в себе самом противоречие, оно движется, обладает побуждением и деятельностью...

Оно (противоречие) должно считаться не просто ненормальностью, встречающейся там и сям, но отрицательным в его существенном определении принципом всякого самодвижения, состоящего не в чем ином, как в изображении противоречия. Само внешнее чувственное движение есть его непосредственное существование. Нечто движется не только поколику оно теперь здесь, а в другой момент там, но поколику оно в один и тот же момент здесь и не здесь, поколику оно в этом здесь вместе есть и не есть. Следует вместе с древними диалектиками признать противоречия, указанные ими в движении, но отсюда не следует, что движения поэтому нет, а следует, напротив, что движение есть само *существующее* противоречие... Нечто жизненно лишь поскольку оно содержит в себе противоречие и есть именно та сила, которая схватывает в себя и сохраняет противоречие»¹. Необходимое развитие осуществляется в борьбе противоречий.

Гегелевское понимание необходимости, как известно, разрешает вопрос о соотношении случайности и необходимости. Случайность выступает как частный момент необходимости. Случайности по Гегелю не могут изменить направление развития «духа»; сами случайности—проявления необходимости. Яркий пример соотношения случайности и необходимости: открытие пороха. В том, что порох был открыт именно таким-то человеком, а не другим, именно в такой-то день, а не в другой,—в этом есть элемент случайного. Но сам-то факт открытия пороха был отнюдь не случайным: «Открытие пороха отнюдь не было случайным, он мог быть открыт и использован только в данное время, только при данном уровне культуры»².

Необходимость не противоречит свободе, последняя—только снятая необходимость. Правильное толкование этой проблемы стало возможным только благодаря диалектическому методу.

«Превратное рассматривание свободы и необходимости как взаимно исключающих друг друга. Необходимость как таковая, правда, еще не есть свобода, но свобода имеет своей предпосылкой необходимость и содержит ее внутри себя как снятую. Нравственный человек сознает содержание своей деятельности чем-то необходимым, имеющим силу в себе и для себя, и этим так мало наносится ущерб его свободе, что последняя, даже наоборот, лишь благодаря этому сознанию становится действительной и содержательной свободой»³. Диалектический материализм, целиком воспринявший гегелевское толкование свободы, вслед за Гегелем решительно отвергает такое понимание свободы, которое должно

¹ Наука логики, т. I, кн. II, стр. 42—43.

² Введение к «Филос. истории», стр. 77.

³ Энциклопедия, т. I, стр. 261.

означать изъятие, освобождение данного индивида или класса из мировой связи, из процесса движения вселенной, из закономерностей развития. Ставить так вопрос—значит не понимать взаимодействия явлений в природе и обществе. Быть свободным—значит познать законы движения, осознать себя, как частицу этого движения и сознательно в нем участвовать.

Гегель правильно отмечает обвинение его понимания необходимости в фатализме. «Слепа необходимость лишь постольку, поскольку оно не постигается в понятии, и нет поэтому, ничего более превратного, чем упрек в слепом фатализме, который делают философии истории за то, что она видит свою задачу в познании необходимости того, что произошло в истории человечества».¹ Цель Гегель называет «зрячей необходимостью». *Цель не противостоит необходимости, а вырастает из ее познания.* Осознав закономерности движения, человек ставит себе соответствующие объективному ходу развития цели, и эта целесообразная деятельность человека становится могущественным фактором развития. Мы к этому вопросу неоднократно еще вернемся в ходе дальнейшего изложения.

* * *

Марксово понимание исторической необходимости изложено в знаменитых положениях предисловия к «К критике политической экономии»: «В общественном отправлениях своей жизни люди вступают в определенные, от их воли не зависящие отношения, производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, на котором возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обуславливает собой процесс жизни социальной, политической и духовной вообще. Не сознание людей определяет их бытие, но, напротив, общественное бытие определяет их сознание. На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества впадают в противоречие с существующими производственными отношениями, или, употребляя юридическое выражение, с имущественными отношениями, внутри которых они до сих пор действовали. Из форм развития производительных сил эти отношения становятся их оковами. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономического основания более или менее быстро преобразуется и вся громадная надстройка над ним... «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем

¹ Энциклопедия, т. I, стр. 261.

созреют материальные условия их существования в лоне старого общества».

Механическое толкование этих марксовых положений давало идеологам буржуазии мнимый повод обвинять Маркса в фатализме. Историческая необходимость выступает, мол, у Маркса как некий злой рок, как неумолимая судьба, против которой воля человека совершенно беспомощна: хочет того человек или нет, чтобы он ни предпринимал—все равно феодализм, когда разовьются его производственные силы, сменится капитализмом, капитализм социализмом и т. д. Механическое толкование исторической необходимости является краеугольным камнем «теории» ревизионизма. Эти, с позволения сказать, теоретические рассуждения буржуазных и мелкобуржуазных идеологов давно уже опровергнуты классиками марксизма, в частности Плехановым. В теории и в революционном действии обвинение в фатализме без остатка разрушено Лениным. Однако, как показывает опыт ряда теоретических споров (например по вопросам истории партии), вопросы правильного марксистского понимания исторической необходимости, вопрос о соотношении объективных и субъективных факторов в общественном развитии, об исторической необходимости и цели сохраняют свою актуальность.

Правильно понимать вышеприведенные слова Маркса мы можем только в сочетании со следующими известнейшими пунктами его «Тезисов о «Фейербахе»: «Материалистическое учение о том, что люди представляют собою продукт обстоятельств и воспитания, и что, следовательно, изменившиеся люди являются продуктом изменившихся обстоятельств и другого воспитания,—забывает, что обстоятельства изменяются именно людьми, и что воспитатель должен быть воспитан... Философы лишь *объясняли* мир так или иначе; но дело заключается в том, чтобы *изменить* его». Найти здесь противоречие между одним и другим высказыванием Маркса могут только люди, ничего не понявшие в диалектике.

Человек не только объект по отношению к природе, но и субъект, благодаря способности познавать на нее воздействующий. «Влияние экономического положения не происходит автоматически, как это себе там и здесь, удобства ради (bequemere Weise), представляют. Люди сами делают свою историю, причем они ее делают в определенной, обуславливающей обстановке (in einem gegebenen, sie bedingenden Milieu), на основе заранее данных фактических отношений, из которых экономические в конечном счете (in letzter Instanz) являются решающими—как бы велико ни было влияние, оказываемое политическими и идеологическими отношениями на экономические.¹

Нельзя метафизически понимать историческую необходимость, как противостоящую человеку, отделенную от него. Исторически необходимое развитие осуществляется самим человеком, т. е. классами в нашем

¹ Энгельс. Письмо к Гейнцу Штаркенбургу от 25 января 1894, приведено в издании Бернштейна, «Dokumente des Sozialismus», т. II, стр. 73.

классовом обществе. История развития последнего—это непрерывная борьба классов, как выражение противоречивости развития. Грань между объективным фактором общественного развития (состояние производительных сил, система производственных отношений и создавшееся на их основе соотношение классовых сил) и субъективным фактором (борьба классов) поэтому относительная, подвижная. Объективный фактор в конечном счете обуславливает субъективный, но последний оказывает свое «обратное действие» на объективные условия. Этим определяются специфические закономерности развития той части природы, которую составляет человеческое общество. Всегда помня, что общественное развитие есть естественно-исторический процесс, нужно в то же время никогда не упускать из виду специфичность этого развития. Человек не только «объясняет мир», но и его изменяет. Кто этого не понимает, тот неизбежно скатывается к струвистскому объективизму: «Объективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Объективист говорит о «непреодолимых исторических тенденциях»; материалист говорит о том классе, который «заведует» данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом материалист, с одной стороны, последовательнее объективиста и глубже, полнее проводит свой объективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, *какой именно класс* определяет эту необходимость... Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы»¹.

«В общественном отправлениях своей жизни люди выступают в определенные, от их воли не зависящие производственные отношения». Но поняв необходимый, детерминированный в основе экономическими факторами ход развития общества, класс может своим воздействием, своей деятельностью и борьбой влиять в сторону не «отмены» данного необходимого развития общества, а укорочения сроков этого развития, наложения на ход развития того или иного *отпечатка*. Переход от капиталистического общества к социалистическому—историческая необходимость. Объективным ходом развития материальных производительных сил и сложившихся на их основе производственных отношений создается, растет и крепнет пролетариат—та общественная сила, которая, применяя революционное насилие, эту «повивальную бабку старого общества, беременного новым», производит переворот. При наличии соответственных объективных данных, от организованности пролетариата, от степени его классовой сознательности и самоотверженности зависят сроки и успеш-

¹ Ленин, Собр. соч., т. II, стр. 65.

ность пролетарского переворота, зависит в значительной мере длительность перехода от капитализма к социализму, зависит конкретное содержание социалистического общества, которое—при основных общих чертах—будет иметь свое индивидуальное «лицо», свой «отпечаток» в каждой данной стране. Ибо многогранна и разнообразна действительность, индивидуально и «особенно» каждое ее проявление. Чем шире познание человечеством закономерностей развития, чем глубже и всесторонней понята историческая необходимость тем значительней и успешней борьба человека за изменение мира. Исторически-необходимое развитие отнюдь не идет по точной, предначертанной прямой. В рамках общих закономерностей движения возможны те или иные отклонения. «При общей закономерности развития во всей всемирной истории нисколько не исключается, а напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития»¹. В этих отклонениях виднейшую роль играет сознательная воля человека, класса. То есть: *«Обстоятельства» изменяются людьми тем быстрее, тем глубже и разносторонней, чем больше степень сознательности в деятельности общества, класса.*

И здесь мы подходим к проблеме сознательности и стихийности в целях, которые себе ставит человечество в ходе своего общественного развития.

Мы уже приводили совершенно правильное гегелевское положение о том, что цель—«зрячая необходимость». Цели человека обусловлены объективными данными: данным уровнем развития производительных сил данным способом производства, данными производственными отношениями: «Человек в своей практической деятельности имеет перед собой объективный мир, зависит от него, им определяет свою деятельность»². «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его,—находят его, как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»³. Это, конечно, не значит, что каждая цель человека вытекает из объективной необходимости.

Иные цели определяются случайностями. Цели, которые ставит себе тот или иной класс, могут противоречить объективной необходимости, ибо в классовом обществе всегда один только класс является представителем объективных интересов человечества, субъективным выразителем и исполнителем исторической необходимости. Этот передовой класс свою историческую миссию осуществляет в жесточайшей борьбе с уходящим с исторической сцены классом; непосредственные цели борьбы этого последнего выражают вчерашний день истории, они реакционны, тащат назад. Так было, когда буржуазия боролась с феодалами, так особенно происходит на наших глазах в борьбе пролетариата с бур-

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 110.

² Ленинский сб. IX, стр. 213.

³ Там же, стр. 217—218.

жуазией. В совокупности же, в конечном счете, «человечество ставит себе только такие задачи, которые оно может решить» (Маркс, из пред. «К критике полит. экономии»).

Цели человечества, таким образом, в конечном счете, объективно обусловлены. Но это положение надо брать не в статике, а в динамике. В этих целях может быть больший или меньший элемент стихийности и сознательности. История делается самими людьми в объективно данных рамках общих закономерностей развития. Но делают они ее с разной степенью сознательности. Наблюдаемое в ходе развития человеческого общества движение от стихийности ко все большей сознательности в постановке целей создает и некое новое качество, обуславливающее большие возможности «изменения обстоятельств» человеком. Качественное изменение здесь происходит с появлением на исторической арене пролетариата, осознавшего себя как «класс для себя» и вооруженного теорией диалектического материализма. Значение субъективного фактора возрастает в громадной степени, поскольку происходит скачок в движении от стихийности к сознательности в постановке целей.

Для большей ясности в изложении вопроса приведем две выдержки: Энгельса—из «Людвига Фейербаха», Маркса—из предисловия к «Критике политической экономии».

«Каков бы ни был ход истории, люди делают ее так: каждый преследует свои собственные сознательные цели, а в результате множества действующих по различным направлениям стремлений и их разнообразных воздействий на внешний мир получается история. Вопрос сводится, стало быть, к тому, чего хочет это множество отдельных лиц. Воля определяется страстью или убеждением. Но те влияния, которыми, в свою очередь, непосредственно определяется страсть или убеждение, далеко не одинаковы. Иногда они исходят от внешних предметов, иногда—от идеальных двигателей: честолюбия, «восторженной любви к истине и праву», личной ненависти или даже всякого рода прихотей. Но, с другой стороны, мы уже видели, что действующие в истории многие единичные стремления в большинстве случаев ведут за собою совсем не те последствия, какие имелись в виду. Очень часто эти последствия прямо противоположны желаниям деятелей» (Энгельс).

Те же в общем мысли выражены у Маркса в следующих его словах о социальных революциях, наступающих в результате противоречия между состоянием производительных сил и производственными отношениями.

«При рассмотрении таких революций следует всегда иметь в виду, разницу между материальным переворотом в экономических условиях производства, который можно определить с естественно-научной точностью и юридическими, политическими, религиозными, художественными или философскими, словом, идеологическими формами, в которых люди воспринимают в своем сознании этот конфликт и во имя которых борются. Как нельзя судить об отдельном человеке по тому, что он о

себе думает, точно так же нельзя судить о такой революционной эпохе по ее сознанию; скорее это сознание следует объяснить из противоречий материальной жизни, из существующего конфликта между общественными производительными силами и производственными отношениями» (Маркс).

Общая этим двум высказываниям идея: человеческое сознание отстает от бытия, реальные явления общественной жизни, творимые человеком, его волей и энергией, получают в его голове фантастическое отражение: он борется за одно, а последствия его борьбы—иные. История нам в подтверждение дает очень много примеров. Например, шовинистически настроенная часть рабочих шла на империалистическую войну, убежденная, что борется за свое отечество, против напавшего врага, что эта война—«справедливая», «последняя». Империалисты, затеявшие войну, имели целью укрепление капиталистической системы эксплуатации, объективно же империалистическая война ускорила и обострила кризис капитализма, исторически-необходимый процесс его крушения.

Но было бы полным извращением диалектических взглядов Маркса—Энгельса, если бы мы приведенные ими взгляды стали рассматривать как относящиеся неизменно к любому обществу. Движение от капитализма к социализму есть движение от «царства необходимости» к «царству свободы», царству осознанной необходимости. А это значит, что по мере этого движения повышается элемент сознательности в постановке целей и начинает *смыкаться* раствор ножниц между субъективным пониманием целей и объективными последствиями деятельности человека.¹ Движение свое от царства необходимости к «царству свободы» человечество продельывает под главенством пролетариата,—единственного класса, который до конца заинтересован в объективном познании законов развития природы и общества. На определенной ступени своего развития пролетариат вырабатывает объективную научную методологию, объективное мировоззрение. Диалектический материализм—высшая, достигнутая человечеством ступень познания—объективно отражает закономерности движения материального мира. Вооруженный диалектическим материализмом, пролетариат постигает историческую необходимость перехода от капиталистического строя к социалистическому. И мы наблюдаем определенное *качественное* различие между целями, которые ставит себе пролетариат, и теми, которые себе ставили эксплуататорские классы.

В этом мы можем убедиться из сопоставления целей, которые ставила себе идущая к власти буржуазия, и тех целей, которые выдвигает идущий к социалистической революции пролетариат. Берем пример Великой французской революции. Буржуазия поставила себе объективную цель исторически необходимого свержения феодального режима, расчистки пути для мощного развития капиталистической системы. Буржуа-

¹ Ясно при этом, что полного смыкания этих ножниц никогда не наступит, поскольку невозможно абсолютно полное познание человеком природы. Мы будем иметь все большее приближение к этому смыканию.

зия выступает как могущественный сознательный революционный фактор общественного развития. Но сознание буржуазии ограничено определенными, непреодолимыми рамками, поскольку буржуазия добивалась классового господства. Буржуазия по самой сущности своей, как класс эксплуататоров, оказывается не в состоянии подняться до полного объективного понимания реального содержания революционного общественного развития. Борьба за обеспечение условий развития строя капиталистической эксплуатации принимает форму отвлеченных «общечеловеческих» формул: свободы, равенства. Борьба за свободу от феодализма и за капиталистический гнет в мозгах провозвестников, идеологических подготовителей и самых деятелей буржуазной революции получает фантастическое отображение. Буржуазия оказывается не в состоянии выдвинуть объективную «конечную цель», соответствующую исторически-необходимому развитию от классового к бесклассовому обществу.

Буржуазия имеет сотни и тысячи своих доморощенных пророков, которые плодят бесконечное множество «конечных целей»: всякие разновидности религиозных учений тому лучшая иллюстрация. Но все эти идеалы и «конечные цели» или представляли только реакционные утопии (по выражению Маркса: «Вы—утописты, обращенные назад, к прошлому» «Ihr seid nach rückwärts gekehrte Utopisten»), или, как это в особенности имеет место в наше время, являются оружием идеологического воздействия—одурачивания угнетенных классов.

Только пролетариат смог выставить «конечную цель», правильно и сознательно выражающую внутренне-необходимый и неизбежный ход развития человеческого общества от классового к бесклассовому обществу. Рабочий класс в лице своего авангарда выступает как первый свободный класс, осознавший историческую необходимость; и своей конечной целью он ставит коренное «изменение обстоятельств», количественно столь отличное и превосходящее прежний темп «изменения обстоятельств», что можно говорить о новом качестве.

Очень рельефно это новое качество выступает, если утверждение Маркса о невозможности судить о революционной эпохе по ее сознанию (см. выше) разобрать на примере «сознания» эпохи буржуазной и пролетарской революции, сравнив в этом отношении Великую французскую революцию и социалистическую революцию в России. К эпохе французской революции утверждение Маркса применимо целиком и полностью. Мы уже говорили о том, что буржуазные требования свободы, собственности и т. д. облекались в идеалистическую общечеловеческую форму. К примеру, культ нравственности Робеспьера был весьма фантастическим отображением объективных целей революции в головах ее деятелей. Иную картину мы видим в эпоху социалистической революции в 1917 г. Апрельские тезисы Ленина правильно и сознательно выражали историческую необходимость развития социалистической революции: по «сознанию», выраженному в этих тезисах, вполне можно судить о революционной эпохе. Можно, правда, сослаться на иллюзии военного ком-

мунизма как пример того, что революционное сознание не соответствовало полностью объективным закономерностям революции. Об этих иллюзиях тов. Ленин в свое время говорил: «Если кто-либо из коммунистов мечтал, что в три года можно переделать экономическую базу, экономические корни мелкого земледелия, то, он, конечно, был фантазер и, нечего греха таить, таких фантазеров в нашей среде было немало. И ничего тут нет особенно худого. Откуда же было в такой стране начать социалистическую революцию без фантазеров?»¹ Т. е. тов. Ленин признает наличие «фантазии» в период военного коммунизма, указывая при этом, что сами эти иллюзии сыграли объективно-положительную роль в развитии революции.

Пример иллюзий военного коммунизма показывает только, что сознание и в эпоху социалистической революции *объективно не может полностью совпадать с объективными закономерностями движения*. Но несомненным остается, что основные линии развития революции нашли свое сознательное объективное отражение в революционном сознании.² То же можно сказать о марксовом предвидении хода социалистической революции. Предшествовавшее «бытию» революционное сознание, в лице Маркса, правильно и сознательно отобразило в общих ее чертах грядущую революционную эпоху. Как это видно из марксовского текста, он приведенное выше свое утверждение применяет именно к эпохе буржуазной революции и вообще революциям, сменяющим один антагонистический строй другим.

Вооруженный диалектическим материализмом, осмысливая движение человеческого общества, пролетариат выдвигает цели движения, соответствующие объективным закономерностям развития.

Ленин в следующих словах, поистине составляющих «квинт-эссенцию» взглядов пролетариата на цели его движения, характеризует тактику пролетариата, сочетающую строжайший трезвый учет исторической необходимости и величайшую революционную энергию пролетариата в достижении своих классовых целей:

«Движение, в свою очередь, рассматривается не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего и притом не в прошлом

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 139.

² Не лишним будет напомнить следующие слова Плеханова в его полемике с Бернштейном по вопросу о научном социализме. Невозможность научного социализма Бернштейн, между прочим, обосновывал тем, что социалистическая теория не может предвидеть исторические события. Плеханов на это отвечает: «Когда его (научного социализма.—Я. Б.) противники выдвигают против него то соображение, что социологическое предвидение невозможно, то они смешивают два очень различных понятия: понятие о направлении и общих результатах данного общественного процесса с понятием об отдельных явлениях (событиях), из которых составится этот процесс. Социологическое предвидение отличается и всегда будет отличаться очень малой точностью во всем том, что касается предсказания отдельных событий, между тем как оно обладает уже значительной точностью там, где надо определить общий характер и направление общественных процессов». (Цитируем по книжке «Возможен ли научный социализм». Одесса. 1906 г. стр. 58.)

понимании «эволюционистов», видящих лишь медленные изменения, а диалектически: «20 лет равняются единому дню в великих исторических развитиях,—писал Маркс Энгельсу,—хотя впоследствии могут наступить такие дни, в которые сосредоточивается до 20 лет». На каждой ступени развития в каждый момент тактика пролетариата должна учитывать эту объективно неизбежную диалектику человеческой истории, с одной стороны, используя для развития сознания, силы и боевой способности передового класса эпохи политического застоя или черепашьего, так называемого мирного развития, а с другой стороны, ведя всю работу этого использования в направлении «конечной цели» движения данного класса и создания в нем способности к практическому решению великих задач в великие дни, концентрирующие в себе по 20 лет».¹

Ясно осознанные цели окрыляют борьбу пролетариата за историческое необходимое переустройство общества. Борясь за свои классовые цели, пролетариат «изменяет мир».

* * *

Сказанным определяется значение и роль классовой борьбы рабочего класса для хода общественного развития, значение и роль революционной партии пролетариата, концентрирующей в себе, олицетворяющей собой классовое сознание и волю пролетариата. Как никакая другая политическая партия, большевики на всех этапах своей истории проявляли величайшее мастерство в анализе объективных условий классовой борьбы пролетариата—состояния производительных сил, противоречия между ними и производственными отношениями и соотношения классовых сил. Она умела «как можно трезвее и точнее» противопоставлять «учет фактических классовых сил и бесспорные факты нытью и панике филистеров от реформизма и филистеров от революционаризма»². В труднейших и сложнейших условиях партия наша умела трезво взвешивать перспективы и возможности революционной борьбы. И в то же время всей своей деятельностью наша партия дала высочайшие образцы того, какое—при наличии объективных данных—решающее значение имеет субъективный фактор—сознательная организованная борьба пролетариата.

Победа пролетариата не может прийти «сама собой». Если в решающий момент, когда даны все объективные предпосылки для свержения буржуазии, пролетариат оказывается неподготовленным для переворота, то буржуазия из «безвыходного положения» выход находит и на костях пролетариата укрепляет свое господство. Лучший пример—исход ноябрьской революции в Германии. При наличии массовой коммунистической партии, ведущей за собой массы пролетариата, революция 9 ноября наполнилась бы социалистическим содержанием, ибо по уровню развития производительных сил капитализма Германия была экономи-

¹ «Маркс, Энгельс и марксизм», стр. 3.

² Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 353.

чески вполне зрелой для социалистического переворота. Однако благодаря отсутствию субъективного фактора эта революция превратилась в ублюдок: она подправила политическую надстройку буржуазного общества, устранив некоторые феодально-юнкерские пережитки в системе управления капиталистическим государством. Вместо социалистической революции, открывающей новую эпоху в истории человечества—жалкое, лишенное уже революционного существа довыполнение того, что не успела сделать революция 1848 г.

Общественное развитие, как и развитие всей природы, идет скачками. Революция, через которую совершается смена одной общественно-экономической формации другой—величайший скачок. Но именно сопоставление скачка в мертвой природе и в общественном развитии дает самое наглядное представление о специфических закономерностях развития человеческого общества. Извержение вулкана—это скачок, подготовляемый целым рядом подпочвенных процессов. Когда эти процессы достигают определенного уровня своего количественного развития, превращаясь в новое качество, то извержение-скачок происходит неизбежно. Революция, смена одной общественно-экономической формации другой, есть тоже скачок, подготовляемый нарастанием целого ряда процессов общественного развития, прежде всего—и это процесс решающий—ростом производительных сил и создающимся на этой почве противоречием между производительными силами и производственными отношениями. Но скачок здесь совершается не с той механической предопределенностью, что извержение вулкана. Основной процесс может достигнуть своего полного развития, общественный характер труда привел к диалектическому отрицанию частной формы присвоения, являющейся основой капиталистических производственных отношений. И все же скачок на данном этапе может совершиться, может и не совершиться в зависимости от наличия субъективного данного—сознательной, организованной борьбы рабочего класса. Без вмешательства этого фактора история «прыгнуть» не в состоянии.

В свое время меньшевики в 1905 г. обвиняли большевиков, что те хотят «назначить революцию». Тов. Мартынов тогда писал: «Только дворцовые перевороты и пронуциаменто могут быть заранее *назначены* и проведены с успехом по заранее заготовленному плану, и именно потому, что они не есть народные революции, т. е. перевороты в общественных отношениях, а только перетасовки в правящей клике. Социал-демократия всюду и всегда признавала, что народная революция не может быть заранее *назначена*, что она не изготовляется искусственно, а сама совершается». «Не может быть назначена народная революция,—отвечает Ленин, это справедливо... Но назначить восстание, если мы его действительно готовили и если народное восстание возможно, в силу *совершившихся* переворотов в общественных отношениях—вещь вполне осуществляемая... «Народная революция не может быть заранее назначена». Восстание может быть назначено, когда назначающие его пользуются влиянием

среди массы и умеют правильно оценить момент».¹ И если нет партии, общественной силы, организующей восстание, последнее «самопроизвольно» никак не может произойти, несмотря на совершившийся переворот в общественных отношениях.

Ревизионисты всегда обвиняли большевиков в том, что они переоценивают роль и значение воли пролетариата, насилия. В своей книге «Социализм прежде и теперь» Бернштейн, который «ничему не научился и ничего не позабыл», говорит: «Они (большевики.—Я. Б.) не признают почти никакой социальной обусловленности («*soziale Bedingtheit*») своих действий. Для них достаточно того, что при наличии некоторой крупной промышленности в государстве имеется и пролетариат, достаточно сильный, чтобы при захвате власти сыграть активную роль. В различнейших своих произведениях большевики поносят и издеваются над теми социалистами-марксистами или не марксистами, которые условием социалистического преобразования общества считают определенную зрелость пролетариата и определенный уровень экономического развития... Большевик почти не знает никаких границ воли, волевым стремлениям в истории» («*kennt nahezu keine Grenzen des Willens in der Geschichte*»)².

Подобные же «обвинения» исходят не из одного только лагеря социал-демократии. Можно привести следующее аналогичное рассуждение одного из вождей ультра-«левого» ликвидаторства, в свое время игравшего видную роль в KAPD, Отто Рюле. В своей книжке—«От революции буржуазной к революции пролетарской»—последний пишет: «По своим историческим условиям русская революция с самого начала могла быть только буржуазной революцией. Она должна была устранить царизм, проложить путь капитализму и помочь буржуазии сесть на коня управления государством («*der Bourgeoisie politisch in den Sattel zu helfen*»). Благодаря необыкновенному переплету обстоятельств буржуазия оказалась не в состоянии сыграть свою историческую роль (буквально: «увидела, что она лишена возможности»...). Пролетариат, выскочивший на арену вместо буржуазии, правда, в один миг сделался хозяином положения благодаря невиданному проявлению им энергии, смелости, уму, умению быстрой ориентировки. В дальнейшем, однако, пролетариат попал в роковую мышеловку...

Большевики попытались не более, не менее, как одним смелым сальто-мортале перепрыгнуть через целую фазу развития. Если даже допустить, что они при этом рассчитывали на мировую революцию, которая должна была прийти на помощь..., то и тогда такая калькуляция была актом отчаяния («*Tollkühnheit*»), поскольку она опиралась на неопределенную надежду. Актом отчаяния был и весь эксперимент, вытекший из этой калькуляции»³.

¹ Ленин, Соч., т. VII, 2-е изд., стр. 112.

² Ed. Bernstein, «Der Sozialismus einst und jetzt», Берлин, 1923 г., стр. 121.

³ Otto Rühle, «Von der bürgerlichen zur proletarischen Revolution», Дрезден, 1924 г., стр. 17—18.

Как видим, Рюле идет даже дальше Бернштейна. Последний, по крайней мере, признает «наличие некоторой крупной промышленности», Рюле же «устанавливает», что капиталистическое развитие России должно было начаться... после февральской революции 1917 г. И тот и другой, конечно, ссылаются на... Маркса, а большевиков обвиняют в полном пренебрежении к объективным предпосылкам возможности победы социалистической революции. Ленин в ст. «О нашей революции», указывая на подобную «оценку» революции Сухановым, показал все «педантство всех наших мелкобуржуазных демократов, как и всех героев II Интернационала», их «необыкновенную трусливость», «рабскую подражательность прошлому. Во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней, и в то же время прикрывают свою трусливость самым «бесшабашным фразерством и хвастовством». Давая один из самых блестящих образцов революционной диалектики, Ленин в статье излагает специфические условия пролетарской революции в нашей стране, показывая, что «при общей закономерности развития во всей всемирной истории несколько не исключаются, а, напротив, предполагаются отдельные полосы развития, представляющие своеобразие либо формы, либо порядка этого развития».¹

Как это ни удивительно, но находятся товарищи, которые из этой статьи Ленина делают вывод, что в нашей стране не было объективных предпосылок для социалистической революции в виде определенного уровня развития производительных сил капитализма, что наша революция, следовательно, «выпадает» из общих закономерностей развития общества от капитализма к социализму. Эти товарищи не подозревают, что подобным искажением ленинских взглядов они прямо играют на руку всяким Бернштейнам, Рюле и т. д. В частности мы эту ошибку находим у т. Бухарина (но не только у него) в концепции, развитой им в «Политическом завещании Ленина», где предпосылки революции сведены: к связи ее с империалистической войной, сочетанию пролетарской революции с крестьянской войной и связи революции с началом гигантского развития революционно-освободительного движения в колониях. Не вдаваясь здесь в разбор в целом всей этой оппортунистической концепции (что уже сделано в печати), мы отмечаем лишь отсутствие среди предпосылок т. Бухарина как раз самой решающей: развития производительных сил капитализма.

Незадолго перед Октябрем Ленин говорит, полемизируя с Пешехоновым, развивавшим ту же, что Бернштейн, истасканную аргументацию против возможности социалистической революции: «Одна справедливость, одно чувство возмущенных эксплуатацией масс, никогда не вывело бы их на верный путь к социализму. Но когда вырос благодаря капитализму, материальный аппарат крупных банков, синдикатов, жел.

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 110.

дор. и т. п., когда богатейший опыт передовых стран скопил запасы чудес техники, применение коих *тормозит* капитализм, когда сознательные рабочие сплотили партию в $\frac{1}{4}$ миллиона, чтобы планомерно взять в руки этот аппарат и пустить его в ход, при поддержке всех трудящихся и эксплуатируемых,—когда *есть* налицо эти условия, тогда не найдется той силы на земле, которая помешала бы большевикам, *если они не дадут себя запугать* и сумеют взять власть, удержать ее до победы всемирной социалистической революции».¹

Ленин выставляет три основных предпосылки социалистической революции: а) с империалистической войны началась эпоха мировой пролетарской революции, б) в России капитализм достиг определенной степени развития, он вступил в империалистическую стадию своего развития, в) наличие боевой партии пролетариата. При наличии первых двух объективных предпосылок решающим являлся субъективный фактор—чтобы большевики не дали себя запугать.

Обусловленность успеха социалистической революции объективными данными экономического развития Ленин подчеркивал не раз. Непосредственно т. Бухарину на полях «Экономики переходного периода» Ленин ведь давал пояснение, что неверно утверждение, будто «крах мировой капиталистической системы начался с наиболее слабых народнохозяйственных систем». «С среднеслабых—отмечает Ленин. Без известной высоты капитализма у нас бы ничего не вышло».² Своеобразие экономического развития России,—как это неоднократно подчеркивал Ленин,—состояло в том, что наряду с чрезвычайно отсталым сельским хозяйством налицо был передовой капитализм в городе; при сохранении значительных остатков крепостничества в деревне русский капитализм вступил в империалистическую стадию развития. В силу целой совокупности обстоятельств русский капитализм оказался самым слабым звеном в империалистической цепи, но он все же был звеном этой цепи. Без такой материальной базы развития производительных сил капитализма «ничего не вышло бы». В «Детской болезни «левизны» Ленин указывает ряд *специфических* объективных условий, которые облегчили русским большевиками *начало* революции: 1) возможность соединить советский переворот с окончанием, благодаря ему, империалистической войны, невероятно измучившей рабочих и крестьян; 2) возможность использовать на известное время смертельную борьбу двух всемирно могущественных групп империалистских хищников, каковые группы не могли соединиться против советского врага; 3) возможность выдержать сравнительно долгую гражданскую войну отчасти благодаря гигантским размерам страны и худым средствам сообщения; 4) наличность такого глубокого буржуазно-демократического революционного движения в крестьянстве, что

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 252—253, ст. «Удержат ли большевики государственную власть».

² Ленинский сборник XI, стр. 397.

партия пролетариата взяла революционные требования у партии крестьян (с.-р., партии, резко враждебной, в большинстве своем, большевизму) и сразу осуществила их благодаря завоеванию политической власти пролетариатом».¹

Это все были *специфические* условия, «повторение таких или подобных условий» в Западной Европе «не слишком легко». Общими и для России и для пролетарской революции в других странах предпосылками победы пролетарской революции в современную эпоху является определенный уровень развития капитализма и наличие мощной пролетарской партии.

Острые статьи о Суханове Ленин направляет против мирового ревизионизма с его оппортунистическим кретинизмом и тупоумием в оценке русской революции. Ленин показывает, как руководимый большевиками рабочий класс, исходя из определенных общих объективных закономерностей, используя благоприятно сложившиеся специфические условия, своим властным вмешательством, своей самоотверженной борьбой мощно влияет на такое направление исторически необходимого развития, которое в максимальной степени ускоряет движение к социализму. Товарищи, игнорирующие объективные предпосылки победы социалистической революции, забывают, что возможность построения социализма в нашей стране обусловлена наличием определенной солидной «отправной точки» в лице крупной промышленности, без которой не могло бы быть нашего передового боевого пролетариата, и законом неравномерности развития капитализма в эпоху империализма,—законом, выражающим объективные противоречия империалистической стадии развития капитализма.

В Октябрьской революции, в деле закрепления диктатуры пролетариата и строительства социализма в нашей стране, большевики проявили изумительнейшее умение сочетать глубочайший анализ объективных предпосылок революции с невиданной решительностью, напором и волевым напряжением в достижении поставленных объективных целей пролетариата. Пример русской революции действительно дает непревзойденный пример трактовки большевизмом-ленинизмом нашей темы—об исторической необходимости, цели и значении классовой борьбы.

Приходится только руками разводиться, что у нас имеются товарищи, выставляющие положения вроде того, что рабочее движение, мол, подчиняется закономерности общественного развития, а вот развитие нашей партии подчинено только целесообразности; что поэтому вся история нашей партии есть «история целей», которые себе ставит партия... Такой неприкрашенный субъективизм, ничего общего не имеющий с марксо-ленинским пониманием исторического процесса, должен быть до конца разоблачен.

При постоянном точном анализе объективных условий развития большевики за годы революции показали всю громаднейшую мощь

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 153.

субъективного фактора—борьбы рабочего класса. По мере нашего продвижения к социализму, по мере планового охвата все новых и новых отраслей народного хозяйства и громадного роста из года в год его общественного сектора роль субъективного фактора еще больше возрастает. Переходный период от капитализма к коммунизму—историческая необходимость. Но его сроки и конкретное содержание в громадной степени зависят от борьбы рабочего класса и его партии.

Теперь перейдем к взглядам правого оппортунизма.

Я. Бронин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ В 1905 ГОДУ

Всякий раз, когда ко мне обращаются с просьбой сообщить что-нибудь из моих воспоминаний о Ленине, я испытываю гнетущую тоску. Я не могу простить себе, что как-то, в каком-то порядке, хотя бы самом конспиративном (поскольку дело идет о временах не безопасных для записей), я не вел какого-то дневника, не делал каких-то заметок, которые помогли бы позднее моей памяти.

Огромное количество интереснейших личных переговоров, всякого рода заседаний и коллективных работ, при которых я очень близко наблюдал Ленина, всякого рода событий, участниками которых мы так или иначе являлись вместе, что позволяло мне наблюдать совершение им его исторической миссии,—прошли, оставив во мне лишь бледный след, иногда даже не поддающийся хронологическому определению.

Постараюсь вкратце поделиться с читателями тем важнейшим, что сохранилось в моей памяти об участии Ленина в событиях 1905 года—неизвестного из литературы, а по свидетельству моих собственных глаз и ушей.

Из великих событий 1905 года за границей я пережил в близости к Ленину 9 января. Недавно я уже написал небольшую статью, входящую в серию моих общих воспоминаний о великом 1905 годе (будет печататься в журнале «30 дней»), где я более или менее подробно описываю впечатления, произведенные на редакцию «Вперед» и окружавших ее большевиков известием о 9 января, отклики Ленина на эти грандиозные события и посещение Ленина и всей редакции «Вперед» Гапоном в сопровождении Рутенберга.

К этому я не возвращаюсь. Не останавливаюсь также на III партсъезде. В личных и живых сношениях моих с Лениным наступил потом довольно длительный перерыв. Вскоре после возвращения нашего из Лондона, где происходил съезд, в Женеву, я с разрешения редакции поехал в Италию ввиду страшного переутомления от большой политической работы по съезду и по объезду всех эмигрантских колоний со всякого рода докладами и диспутами и в связи с вообще покачнувшимся здоровьем. Поселился я во Флоренции и оттуда вел только переписку с редакцией, иногда получая личные письма или заказы статей от Владимира Ильича, чаще—от других членов редакции, в особенности от покойного Воровского.

Уже во Флоренции застали меня бурные события осени. В конце октября или самом начале ноября я получил категорическую телеграмму от Ленина из Петербурга о немедленном выезде моем в Россию, именно в Петербург, где я нужен был в качестве члена редакции большой газеты «Новая жизнь», которая возникла, как известно, под редакторством Минского и Горького, независимо от нас, но была предоставлена в распоряжение большевистского центра.

Я, конечно, немедленно выехал и в первый же день после приезда в Петербург явился в редакцию.

Первое время мои непосредственные встречи с Лениным происходили почти исключительно на почве интенсивной работы в газете. Владимир Ильич чувствовал себя вообще чрезвычайно возбужденным, бодрым и был в самом боевом настроении. Но от него, конечно, не ускользала опасность положения, значительная шаткость добытых завоеваний.

В тогдашнем Петербургском совете Ленин непосредственно не работал и с некоторым вздохом говорил: «Троцкий завоевал там усиленной работой вес и авторитет». Из тогдашних крупных большевиков там работали Посталовский, Кнуньянц и Богданов.

Владимир Ильич вел, конечно, очень разностороннюю и кипучую работу, так как и Петербург, и Москва, и целый ряд провинциальных городов жили интенсивнейшей жизнью между революционной встряской и грядущей реакцией, часто обливаясь кровью и загораясь пожарами черносотенных погромов и с трепетом прислушиваясь к слухам о судьбе восточной армии, которую правительство старалось рассосать, чтобы ее откатывающаяся лавина не соединилась с расходившимися волнами рабочей революции и крестьянских бунтов.

У меня лично тоже было очень много работы, и литературной и пропагандистской, но по отношению к огромным граням тогдашней деятельности Ленина моя работа приходила в соприкосновение—первое время повторяю—только в газетной работе.

Владимир Ильич придавал «Новой жизни» большое значение. Надо вспомнить, что эта большая легальная газета расходилась более чем в 50 тыс. экземпляров. Такого тиража большевики до тех пор никогда не имели. Газета сперва была крайне странно скроена. Рядом с нами, большевиками, там работало большое количество непосредственных друзей Минского, поэтов с декадентским вкусом, анархистов из кафе и всякой богемы, считавшей себя «необыкновенно крайне левой» и находившей союз с большевиками делом весьма пикантным.

Большевистская часть редакции, однако, постепенно пришла к совершенно ясному пониманию того, что запрячь «большевистского коня» в одну колесницу с полудекадентской «трепетной ланью» никак «не можно». В результате произошел ряд конфликтов.

Я должен отметить, что Владимир Ильич не только по отношению к Горькому, которого он и тогда—как всегда—любил и высоко ценил, но и по отношению к Минскому, и даже всяким относительно мел-

ким интеллигентским сошкам, попавшим в «Новую жизнь», вел себя с чрезвычайным тактом и предупредительностью. Вместе с тем он весело хохотал над разными выходками отдельных наших сотрудников, столь необычных для нас, и повторял часто:

— Это же действительно исторический курьез!

Впрочем, как раз вскоре после того как мы закончили внутреннюю чистку «Новой жизни», эта газета, приобретшая чрезвычайно большое количество подписчиков и читателей и начавшая играть очень большую роль не только в Петербурге, но и в стране, была закрыта.

Тут уже наступили сумерки нашей работы. Впоследствии, отнюдь не желая остаться без органа, мы стали заменять одну газету другой¹ — верней одно заглавие другим, причем каждое из них недолго оставалось в заголовке нашего легального центрального органа.

Владимир Ильич все время продолжал оставаться главным редактором и попрежнему с величайшим вниманием следил за всеми отделами. Как в «Новой жизни», так долгое время и в этих небольших, сменявших друг друга газетках, я вел отдел обзора печати, и не было ни одной самой маленькой моей заметки или вырезки, которая не была бы просмотрена Владимиром Ильичом. В большинстве случаев весь материал кроме телеграмм, хроники и т. д. зачитывался вслух на редакционном совещании под руководством Ленина. Он и сам также читал нам свои статьи и чрезвычайно охотно выслушивал всякие замечания и советы.

Ленин вообще очень любил коллективную работу в самом подлинном смысле этого слова, т. е. выработку формулировок на основе некоего черновика, путем непосредственной работы многих голов.

Конечно, редакция газеты была вместе с тем пунктом, куда сходилось наибольшее количество самых разнообразных новостей и откуда легче всего было обозревать поле брани.

В течение всего этого времени Ленин был, конечно, животворящей фигурой, мозгом и сердцем этих газет, и как прежде во «Вперед» и «Пролетарии», с большой интенсивностью работая коллективно и дружно, мы испытывали огромное наслаждение от этого всегда живого, находчивого, пламенеющего руководства. Необычайная быстрота сообразительности, умение вдруг сопоставить несколько фактов, казавшихся очень разнородными, отдельными друг от друга, поразительная быстрота маневрирования, меткость формулировок — вот что нас поражало в нашем вожде. И это было сдобрено непередаваемым, очаровательным лукавством по отношению к противнику (всем противникам, а их было много, и они были разнообразны).

Я уже сказал, что в первое время мое соприкосновение с Лениным ограничивалось работой в газетах. Но это было только в первое время.

¹ «Новая жизнь» была закрыта 16 (3) декабря 1905 года; первой большевистской газетой в Петербурге в 1906 г. была «Волна», выходившая с 9 мая (26 апреля) по 6 июня (24 мая), ее сменила газета «Вперед» — с 8 июня (26 мая) по 27 (14) июня, затем «Эхо» — с 5 июля (22 июня) по 20 (7) июля 1906 г. *Ред.*

Дальше наступили некоторые события, которые позволили мне соприкоснуться с работой Ленина и в других областях.

По причинам главным образом конспиративного характера Владимир Ильич в продолжение всего 1905 года избегал широких публичных выступлений, что не мешало ему выступать достаточно часто на закрытых собраниях партийного характера, хотя бы довольно многочисленных. Единственным его публичным выступлением перед широкой публикой была энергичная политическая речь, произнесенная им 22 (9) мая 1906 г. на митинге в доме графине Паниной под псевдонимом Карпов. Я на этом собрании не был и говорю об этом со слов присутствовавших товарищей. Они рассказывали, что по зале с молниеносной быстротой разнеслось, что этот никому неведомый Карпов не кто иной, как знаменитый Ленин. Поэтому Владимир Ильич был принят несмолкаемой овацией. Его речь беспрестанно прерывалась громкими аплодисментами и такой же бесконечной овацией его проводили.

Влияние Ленина через тогдашний аппарат большевистской части социал-демократии было, разумеется, очень велико. Оно усиливалось крупным резонатором, каким являлись в его руках легальные газеты.

Однако надо прямо сказать, что рабочий класс не был в это время сколько-нибудь четко организован, несмотря на наличие Петербургского совета и целого ряда советов провинциальных. Равным образом и партия имела еще весьма хрупкий аппарат. Поэтому события шли в гораздо большей мере самотеком, чем, скажем, при подготовке Октябрьской революции и в особенности после Октября. Здесь уже чувствовалось, что партийный механизм является руководящим и что гигантская революционная стихия хотя бы в известной мере (чем дальше, тем больше) повинуется рулю. В 1905 году руль этот часто оказывался беспомощным даже в руках такого кормчего, каким был Ленин. К этому надо прибавить отсутствие единства в социал-демократической партии, которая, однако, считалась все еще чем-то целым. Это в значительной мере парализовало ее влияние.

Между тем события шли с огромной быстротой. Неоднократно Ленин указывал нам на то, что революция находится в величайшей опасности. Как всякий знает из публичных его выступлений, статей и т. д., Ленин придавал уже в то время огромное значение вовлечению в революцию крестьянских масс в деревнях и солдат армии, в особенности рассасывавшейся в то время восточной армии.

Однако наблюдения над аграрными восстаниями и их характером, срывы таких героических попыток, как Свеаборгское и Севастопольское военные восстания, доказывали Ленину и всему ЦК, что этот наш союзник еще достаточно рыхл. Ни на одну минуту, конечно, это не побуждало большевиков изменить свою линию на прочный союз рабочих и крестьян и на осуществление тогдашнего лозунга, который давался Лениным: «демократическая диктатура рабочих и крестьян».

Меньшевики в своем большинстве (Мартов, Мартынов, Дан) стояли

на предельно оппортунистических позициях, стараясь превратить советы и весь рабочий класс в простую подсобную армию для буржуазии, которая, по их мнению, призвана была самой историей к власти.

Несколько отличную от них позицию занимали Троцкий и Парвус, издававшие «Русскую газету», имевшую большое влияние в Петербургском совете. Троцкий стоял на точке зрения непосредственной социалистической революции, которую, однако, должен, по его мнению, проводить своими силами только пролетариат, причем он вновь и вновь подчеркивал опасность и нечеткость позиции большевиков, искавших опоры для пролетариата в крестьянстве и таким образом якобы растворявших силы пролетариата в неопределенном крестьянском море.

В разгар этих споров¹ правительство почувствовало себя достаточно сильными, чтобы 16 (3) декабря арестовать первый состав Петербургского совета.

Этот арест и выяснившаяся неспособность изнуренного предыдущей борьбой петербургского пролетариата к действительно грозной всеобщей стачке чрезвычайно потрясли всех, в том числе, конечно, и Ленина. Уже тогда я помню глубоко озабоченный вид Ленина, его встревоженные речи. Он напоминал капитана на палубе судна, окруженного громовыми тучами и начинающегося метаться на гребнях крепнущих волн.

Как известно, декабрьское восстание, осуждавшееся многими социал-демократами (Плехановым, например), находило в большевиках и их вожде самое полное сочувствие. Ленин считал вполне правомерной и вполне естественной эту попытку перед лицом наступления правительства перевести движение в более высокую форму. Я помню те бесконечно тревожные и сумрачные дни. Не всегда во-время приходили вести из Москвы. Положение казалось не совсем ясным. Ленин с жадностью глотал каждую строку приходивших сообщений, каждое слово приезжавших оттуда товарищей.

У меня до сих пор такое впечатление, что собственно большевистский аппарат в Петербурге под руководством Ленина сделал все от него зависящее, чтобы помочь московскому восстанию, по крайней мере по прекращению сообщения между Петербургом и Москвой. От этого в то время многое зависело.

Я не был непосредственным участником тех выделенных большевиками групп, которые должны были употребить все усилия для забастовки на Николаевской железной дороге или, во всяком случае, для разбора пути. Волнения на дороге были огромные, путь разбирался, но силы наши оказались недостаточными. Семеновцы перекатили в Москву и предрешили разгром героических рабочих Красной Пресни.

Если бы мы в Петербурге имели больше организаторских сил, больше влияния пролетариата, то, конечно, можно было бы создать более яркие предпосылки для дальнейшего хода движения, чем какие были созданы несколькими днями московских уличных боев.

¹ См. ниже замечания М. С. Ольминского. *Ред.*

В этой обстановке большие сдвиги произошли также и в настроении меньшевиков. Меньшевики довольно неожиданно для нас переползли со своей хвостистой позиции на несколько истерическую позицию Троцкого с его лозунгом перманентной революции.

Во всяком случае, это обстоятельство давало возможность соглашения, которое диктовалось общим для всех положением, грозившим революции.

После закрытия «Новой жизни» и «Начала» была сделана попытка создания единой газеты, которую назвали «Северным голосом». Одновременно с этим начались длительные переговоры между большевистским и меньшевистским центром для того, чтобы прийти к какому-либо соглашению.

Вот тут-то я часто стал встречать Ленина и наблюдал его в этой фазе развития нашей партии как тактика и стратега внутривнутрипартийных боев. Я хорошо помню эти собрания. Они обыкновенно имели место в частных квартирах. В них участвовали человек 25—30. Меньшевики колебались, боялись решительных обещаний, старались удержать возможно большую полноту самостоятельности. Если при этом речи Мартова отличались иногда известной содержательностью и идейно стремились хоть сколько-нибудь определить позиции—расплывчатые разумеется, как всегда у оппортунистов,— то я помню, что тов. Мартынов угощал нас невероятно длинными речами, часто затягивавшими и запутывавшими самые простые вопросы.

На большинстве этих собраний председательствовал я, но линию нашей партии вел почти исключительно Ленин. Он только время от времени поручал кому-нибудь отдельные выступления или заявления, большею частью П. П. Румянцеву. Главным же образом борьбу с меньшевиками вел он, а главной целью этой борьбы было заставить меньшевиков занять действительно революционную позицию, принять некоторый, впрочем весьма значительный, минимум действий решительного характера.

Проходило собрание за собранием и дело долго не двигалось вперед. Часто после собраний мы собирались в одном ресторанчике и обсуждали создавшееся положение. Некоторые из нас (в том числе Румянцев и я), считая очень важным как можно скорее прийти к соглашению, готовы были идти на некоторые уступки. Но Ленин заранее поставленных рамок возможного соглашения ни за что не хотел изменить ни на йоту. Кроме того он требовал от меньшевиков обязательной подписи на маленьких документиках (бумажечках, которые он сам составлял). Они казались наспех набросанными, довольно корявым слогом в сравнении с теми по всем правилам составленными длинными резолюциями с оговорками и оговорочками, которые предлагали нам меньшевики. Но эти бумажки были полны лукавства, почти юмора. В коротких и определенных выражениях меньшевики ставились перед дилеммой: либо сорвать переговоры и обнаружить плохо спрятанные, легально-оппортунистические рожки, либо идти на поводу за большевиками.

Я хорошо помню, что, несмотря на общую трагичность положения (ведь все это происходило в обстановке декабрьского восстания) и несмотря на большое напряжение, с которым шли эти переговоры, Ленин бывал часто безудержно весел. Я тогда видел его смех, который потом описал Рансон,—смех, вытекавший по-моему из глубокой уверенности в правильности своего анализа событий и неизбежности победы. Владея истинной данного времени, видя перед собой далекие перспективы, Ленин, находил, конечно, смешными все блуждания и ошибки меньшевиков и вообще своих менее зорких современников. На этих собраниях к определенному заключению мы не пришли. Подготовлен был только материал для соглашения. Потом создавшийся таким образом материал подвергнулся обсуждению на отдельных конференциях: на конференции большевиков в Таммерфорсе и на меньшевистской конференции, не помню уже где имевшей место.

В результате, как известно, возник объединенный центральный комитет и объединенная редакция центрального органа, в которую Ленин вместе с Базаровым и Воровским направил и меня.

Почти непосредственно вслед за этим неудача декабрьского восстания опять изменила политическую ситуацию. Сперва большевистский центр (и в первую очередь сам Ленин) не считал московскую победу правительства за факт столь решительный, чтобы менять основную революционную тактику партии и пролетариата. Наоборот, Ленин так же, как два его ближайших соратника по тогдашнему ЦК партии—Красин и Богданов, стоял на точке зрения необходимости перестроить чисто боевой характер нашей борьбы. Если не ошибаюсь, на Васильевском острове произошло то большое партийное большевистское собрание, на котором Ленин впервые выступил с речью о необходимости партизанской войны против правительства, об организации троек и пятерок, которые в виде героических групп дезорганизовали бы жизнь государства и давали бы таким образом разрозненным строем гигантский арьергардный бой, перебрасывая его как мост к новому подъему революции. Этой речью он произвел на собравшихся огромное впечатление. Одни приветствовали ее. Подъем революционной энергии, отнюдь не остывшая бешеная ненависть к правительству, начавшему одолевать и поддерживаемому позорно изменившей даже знаменам оппозиции кадетской буржуазией, толкали на эти крайние меры.

Я помню, мы возвращались с одного собрания как раз с Базаровым и Воровским. Мы были в большом восхищении от твердой веры вождя в то, что революция продолжается несмотря ни на что, и от его стремления перевести значительную часть всей работы партии на боевые рельсы.

Само собой разумеется, меньшевикам не осталась безвестна эта речь Ленина. Они отнеслись к ней с самым решительным осуждением. Они увидели в этом переход к бланкизму, приступ отчаяния разбитых, но упрямых революционеров.

В дальнейшем бывали моменты, когда раздосадованные необходимостью отступления, полные революционного пыла рабочие и старые

революционеры на различных собраниях и конференциях делились чуть не пополам между тактикой, недавно еще провозглашенной самим Лениным, и новым курсом, который он стал постепенно брать,—курсом на сохранение нелегальной партии во всей ее неприкосновенности, на известное сбережение сил, на необходимость использовать все легальные возможности, остатки свободы думской трибуны и т. д.

Мы, продолжавшие находиться под впечатлением революционных событий и действительно, не сумевшие во-время понять радикального изменения тактики, к которому обязывали события, пошли тем ложным путем, который некоторых из нас вывел потом за пределы нашей партии, а других заставил вернуться в нее с повинной головой и признать всю мудрость ленинской тактики.

Что касается меньшевиков, то они линяли, калялись в своих революционных увлечениях, теряли веру в революционные возможности. Среди них уже начали чумными пятнами выступать те самые цвета предательства, в которые потом оделось их ликвидаторское крыло, заразившее постепенно своим крайним оппортунизмом и всю меньшевистскую партию, так что даже Плеханов, так печально долго остававшийся в объятиях меньшевизма, вынужден был ринуться вон из меньшевистской организации.

Но инерция продолжавшихся переговоров о соглашении, некоторая завуалированность тех процессов, которые происходили, с одной стороны, в нашей партии, с другой стороны—среди меньшевиков, были еще достаточно сильны, чтобы среди этих описываемых мною споров продолжались попытки объединения партии. Главной из них был Стокгольмский съезд.

Четвертый, так называемый объединительный, съезд партии не входит в рамки этой статьи, так как попадает за хронологические рамки 1905 года, но переходом к нему явилась избирательная кампания, которая по самому духу своему тесно смыкается с типом работы, которую мы вели в 1905 году.

Во время избирательной кампании мне приходилось очень часто сопутствовать Ленину. Я думаю, не менее чем на 10 собраниях выступали мы с ним вместе. В большинстве случаев, по заранее установленному плану, я излагал основную нашу платформу. С меньшевиками мы резались люто. Хотя съезд должен был быть объединенным, но каждый понимал, что в зависимости от количества голосов на этом съезде объединенная партия получит ту или другую физиономию.

Ленин со своей тонкой усмешкой говорил мне тогда: «Если в ЦК или в центральном органе мы будем иметь большинство, мы будем требовать крепчайшей дисциплины. Мы будем настаивать на всяческом подчинении меньшевиков партийному единству. Тем хуже, если их мелкобуржуазная сущность не позволит им итти вместе с нами. Пускай берут на себя одиум разрыва единства партии, доставшегося такой дорогой ценой. Уже конечно, из этой объединенной партии они при этих условиях уведут гораздо меньше рабочих, чем сколько туда их привели».

Я спрашивал Владимира Ильича: «Ну, а что если мы все-таки в конце концов будем в меньшинстве? Пойдем ли мы на объединение?»

Ленин несколько загадочно улыбнулся и говорил так: «Зависит от обстоятельств. Во всяком случае мы не позволим из объединения сделать петлю для себя и ни в коем случае не дадим меньшевикам вести нас за собой на цепочке».

Отсюда видно, с какой трудностью велись дебаты. Каждый лишний голос в самом Петербурге, которому суждено было позднее стать Ленинградом, был очень важен. Та же борьба, конечно, велась всюду. В этом отношении, как известно, потом стукнул нас в особенности Кавказ. Мы постарались им ответить Уралом.

С соответственной платформой, с исчислением всяких грехов и ошибок меньшевизма в прошлом, с установлением явной шаткости их нынешней программы выступал я. Помнится, неоднократно оппонентом моим в этом отношении являлся младший брат Мартова.

Ленин, беря заключительное слово, каждый раз с обычной меткостью пользуясь всеми промахами, какие меньшевики делали на данном собрании, высмеивал противника.

Я и сейчас еще с величайшим восхищением вспоминаю тогдашние бои в разгоряченной революционной обстановке. Даже общее чувство того, что волна революции начинает ниспадать, не заслоняло счастливого обладания подлинной революционной, подлинной марксистской тактикой.

Я думаю, что, несмотря на мою тогдашнюю тесную дружбу с Богдановым, я не сделал бы впредь ошибок, если бы обстоятельства не заставили меня почти непосредственно после возвращения со Стокгольмского съезда эмигрировать. Мне был предъявлен чрезвычайно тяжелый обвинительный акт, а моему адвокату, которого рекомендовал мне тогдашний партийный комитет, Чекеруль-Кушу, был сделан тонкий намек, что мне лучше всего покинуть страну. После совещания с тов. Воровским, которому поручено было выяснить со мной этот вопрос, решено было способствовать возможно быстрому моему побегу через Финляндию. Иначе мне несомненно грозило многолетнее тюремное заключение.

Это установило некоторое расстояние между мною и партийным центром, крайне, конечно, неприятное и чреватое последствиями. Хорошо, что после дальнейшего блуждания по левым ошибкам, подход новой грандиозной революционной волны бросил меня опять на правильные пути, на которых я нашел приветливый прием со стороны Ленина.

Должен сказать, что в промежутках между этим огромным революционным подъемом, мне приходилось еще, несмотря на начавшееся, а потом разросшееся разногласие, работать в очень тесном контакте с Лениным на международных конгрессах в Штутгарте и в Копенгагене, но это не входит, конечно, в пределы настоящей статьи.

К ИСТОРИИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИСТСКОГО ДВИЖЕНИЯ В АВСТРИИ ¹

1. ЛЕГАЛЬНЫЙ ЦЕНТР

К началу мировой войны левое течение в австрийской социал-демократии было очень слабо. Когда 2 декабря 1914 года Карл Либкнехт голосовал в рейхстаге против военных кредитов и выступил с интернационалистской декларацией, легальные левые в Австрии не солидаризовались с ним. «Либкнехт и Франк,—заявил Фриц Адлер в «Кампфе»,—сошли с правильного пути». Австрийские левые были верными сторонниками Каутского, они не отвергали принципиально империалистической войны и проводили различие между войною *оборонительной* и *наступающей*. Когда произошло объединение германских центристов в особую группу «Трудовое содружество» («Арбайтсгемайншафт»), Адлер вошел с ней в сношения. Через день после раскола германской с.-д. фракции в рейхстаге, в Вене был основан союз «Карл Маркс». Этот факт означал на первых порах лишь легализацию литературно-политического кружка. Спустя некоторое время появился первый манифест этого союза: «Интернационалисты Австрии к интернационалистам всех стран». Манифест был издан за границей и широкого распространения не получил, едва лишь 60 «посвященных» получили по одному экземпляру. Руководители упорно отказывались от распространения циммервальдских манифестов (сентябрь 1915 г.) и декларации циммервальдских левых. Такое же отношение обнаружил и «левый» союз молодежи. Номера «Интернационала молодежи» оставались почтительно хранимыми документами архива, и лишь левые радикалы Австрии отправили Интернационалу молодежи выражение своей солидарности.

Первое мая 1915 года не праздновалось. Под патриотическим предлогом: «Мы не хотим, чтобы наши братья на фронте остались без снаряжения»—социал-патриоты воспрепятствовали прекращению работы. Но и

¹ Темой настоящих воспоминаний (перевод с немецкого) является мало освещенная в литературе страница из предъистории Коминтерна—о работе одной интернационалистской группы в австрийской социал-демократии, о которой Ленин, причисляя ее к подлинно интернационалистскому течению в Интернационале, писал в 1917 году: «...В Австрии—молодые друзья Фридриха Адлера слева, действовавшие отчасти в клубе «Карл Маркс» в Вене,—клубе, закрытом ныне реакционнейшим австрийским правительством, губящим Фр. Адлера за его геройский, хотя и мало обдуманый, выстрел в министра...» (Ленин, Соч., т. XX, стр. 128). *Ред.*

легальная левая относилась весьма скептически к стихийным массовым демонстрациям против войны. Когда в конце 1916 г. женщины из венского предместья Фаворитен, во главе с Бертою Пельц, вышли к ратуше для демонстрации за немедленный мир, не только правление партии, но и его противники слева высказались против подобных выступлений. Фриц Адлер тоже держался очень осторожно; он не верил в возможность революционизирования широких масс и принимал за случайные явления серьезные симптомы массового сопротивления. Адлер опоздал на Циммервальдскую конференцию, но 19 июля 1916 г. он прочел в Цюрихе для приглашенных доклад, в котором, излагая основные тенденции австрийского рабочего движения, поддерживал позицию циммервальдского центра и высказывался довольно оптимистически относительно восприимчивости функционеров австрийской партии к радикальным идеям.

В союзе «Карл Маркс» крепло между тем радикальное крыло. Леворадикальная оппозиция опиралась на австрийский союз молодежи, в котором она подчинила своему руководству более половины венской секции. Она не довольствовалась уже более или менее лояльной критикой партийной печати и согласно лозунгу циммервальдской левой о подготовке раскола с социал-патриотами стала требовать организации революционных ячеек в имперском масштабе. Фриц Адлер не хотел раскола; он надеялся, что ему удастся привлечь на свою сторону партийный аппарат и таким образом вытеснить шовинистов. Его осторожная критика партийного руководства в «Кампфе» не была однако понята. Тогда как социал-империалисты, исходя якобы из повседневных потребностей масс, проповедовали идеи о необходимости «продержаться»,—легальные левые вытали в абстракции и оставались поэтому чужды массам. В провинциальных городах стихийно возникали небольшие рабочие кружки, которые без программы, без определенной цели, руководствуясь неясно сознанным классовым инстинктом, надеялись силою рабочего класса положить конец империалистической войне. В городском Совете Розенталя, близ Рейхенберга, центре немецко-богемского промышленного района, Крейбих отказался подписаться на военный заем. В предместье Винер-Нейштадт становившиеся все более недовольными металлисты объединялись вокруг своего популярного председателя Эдуарда Шенфельда, против которого был начат яростный поход патриотическим союзом. Аванчины из Триента, живший там в качестве эмигранта, действовал в оппозиционном духе, не имея, однако, определенной линии.

Незадолго до Кинтальской конференции, 13 сентября 1916 года, состоялось собрание союза «Карл Маркс», на котором товарищ Штремер резко выступила против Аустерлица (редактора ЦО партии), несколько ранее левые радикалы провели предложение, требовавшее ведения подпольной работы.¹ Это предложение было принято большинством одного

¹ Предложение циммервальдских левых в союзе «Карл Маркс»: Объединение всех оппозиционных социалистических сил для совместной борьбы против классовых врагов пролетариата, где бы они ни находились, и для пропаганды революционной массовой борьбы

голоса. Меншевик и бундист Абрамович голосовал за это предложение; в австрийских вопросах он был сторонником самой энергичной политики.¹ Гильфердинг, бывший в Вене проездом, как австрийский врач-ополченец, резко полемизируя с легальным центром, сказал: «Нам предстоит создать социалистическую рабочую партию, после того как это не удалось Виктору Адлеру».

Стремление к расколу отнюдь не являлось, таким образом, особенностью одних лишь левых радикалов, передовые элементы каутскианцев также сочувствовали мысли о создании независимой социалистической партии, которая как и в Германии, включала в себе левое, «спартаковское», крыло. Несмотря на левую ориентацию большинства союза, газета Фрица Адлера оставалась вполне в рамках лояльной оппозиции; это был орган пацифистской информации, но не агитационной работы. Пер-

за задачи социализма является настоятельной необходимостью ввиду затрудненных условий борьбы в Австро-Венгрии. Исходя из этого, оппозиционные социал-демократы Вены и предместья Винер-Нейштадт создают организацию, которая должна приступить к совместной работе на общих теоретических началах. Задачи этого объединения и сфера его деятельности формулированы следующим образом:

А. Объединение оппозиционных социал-демократов Вены и предместья Винер-Нейштадт имеет своей задачей организацию всех оппозиционных рабочих для совместной работы.

Б. Теоретической основой этой работы являются принятые второй социалистической конференцией в Кинтале тезисы об отношении пролетариата к вопросам мира; помимо того, все члены объединения обязуются признавать решения всех созданных Международной социалистической комиссией в Берне конференций.

В. Самостоятельность примыкающих к объединению групп не исключается, но последние обязуются обо всех предпринимаемых ими действиях осведомлять президиум объединения, дабы он мог предложить их и другим группам и, таким образом, действительно добиться совместной работы.

Г. Деятельность объединения двоякая: легальная и нелегальная. В легальную деятельность входит:

1) Создание кружков для чтения в рамках существующих организаций в целях распространения теоретических знаний между рабочими и обсуждения актуальных проблем в пропагандистской форме.

2) Обеспечение публичных собраний ораторами.

3) Распространение и пропаганда легальной оппозиционной литературы, — газет, журналов и брошюр.

4) Создание собственной оппозиционной газеты.

В нелегальную деятельность входит:

1) Распространение нелегальной литературы.

2) Издание и распространение листовок.

3) Выступление в партийных и профессиональных организациях для борьбы с политикой правления партии, для пропаганды решений Циммервальдской и Кинтальской конференций, а также для завоевания этих организаций в качестве орудий борьбы в духе объединения.

4) Участие во всех массовых движениях с тем, чтобы способствовать их разрастанию и использовать их для целесознательной классовой борьбы.

5) Устная и письменная пропаганда революционных массовых действий как средства интернациональной классовой борьбы.

¹ Когда Ленин узнал об этом в Цюрихе, он сказал: «Вот плут, он повсюду за революцию, но только не в России!»

вым органом, излагавшим популярно цели левых радикалов, был «Лихтштрален» («Лучи света») Юлиана Борхарда. Хотя венские левые радикалы и не разделяли его несколько оппозиционного отношения к группе «Интернационал», но известный толчок развитию интернационалистической мысли этот орган все же дал. Легальные же каутскианцы шатались между «Лейпцигер Фольксцейтунг» и «Нидербарнимскими резолюциями»¹—между «справедливой» защитой отечества и радикальным пацифизмом.

Лишь после Кинтальской конференции «легальный центр» разрешил союзу «Карл Маркс» официально примкнуть к возглавлявшей циммервальдское объединение «Международной социалистической комиссии» в Берне, в то время как левые радикалы заявили о своем присоединении тотчас же после конференции в Циммервальде. Когда борхардовские «Лучи света» были в Германии запрещены, газета «Бремер Бюргерцейтунг», казалось, переняла их роль, но случай с Хенке заставил левых радикалов выпустить в Берлине свой собственный орган «Арбейтерполитик», выходивший еженедельно. Последний отражал связь между сознательными левыми и циммервальдским движением, и каутскианцы тщетно пытались ослабить его влияние. Журнал «Арбейтерполитик», где иногда помещались и статьи из Австрии, стал влиятельным органом, Борьба между «болотом» и левыми радикалами, так же как и внутренняя борьба между «Интернациональными социалистами Германии» (ISD) и группой «Спартак», благодаря освещению на страницах «Арбейтерполитик», стала известна наиболее передовым рабочим. Для леворадикальной группы в Вене, считавшей себя ближе к «Интернациональным социалистам Германии», нежели к спартаковцам (не принадлежавшим к «Циммервальдской левой»), характерно, что в вопросе о вождях она резко выступала против позиции Борхарда, который в порыве демократического увлечения полемизировал против точки зрения Либкнехта о необходимости центрального руководства. На требование «чистой» демократии среди товарищей, равноправия, самостоятельности, воли и силы к действию у каждого в отдельности ответная статья в «Арбейтерполитик» «*К вопросу о единстве*» указывает на «необходимость *центрального руководства*, которое, опираясь на *доверие активного меньшинства* пролетариата, даст направление этой воле и силе». В ответ на теоретические рассуждения, что не должно быть вождей, а лишь *организаторы-уполномоченные*, делается указание на большевистскую партию, которая находится под демократически контролируемым, но твердым, централистическим *руководством*. Наряду с этим организационный разрыв между бременской группой и новообразованной «Независимой социалистической партией» горячо приветствуется газетой «Арбейтерполитик», занявшей в этом вопросе позицию против «Спартака». Эта позиция тем более заслуживает внимания, что в Австрии сохраняется организационное единство с «легальными».

¹ Резолюции совещания партийных функционеров в Нидербарниме.

Значение союза «Карл Маркс» росло. Это учили по-своему и оппортунисты. Так, достойный лидер ППС Диаманд сделал в одном из своих листов донос на «хорошо известные фигуры из России и Русской Польши, которые творят бесчинства под крылышком Адлера». На публичных собраниях реформисты также не упускали случая указать полиции каждого своего противника как «циммервальдиста».

Правление союза, состоявшее из «легальных» с.-д.—Адлера, Даннеберга, Профта, Штрассера, Бокка, Шлезенгера, было пополнено леворадикалами и было приступлено к организации местных групп. Внешне казалось, что теоретические разногласия на время сгладились. Даннеберг публично высказался против лозунга «защита отечества», заявляя, что так как руководящие инстанции состоят из центристов, то он, как «сочувствующий спартаковцам», не должен порывать с ними. Старые вожди, вопреки их пацифистско-сентиментальной терминологии, остались такими же социал-империалистами, как их товарищи в Германии. Фриц Адлер также принял некоторую левую ориентацию: из правого каутскианца он превратился в «независимца», сочувствовал даже точке зрения Троцкого и, наконец, пришел к выводу: «когда нужно будет, можно пойти на раскол». Он не раз говорил, что в случае ареста какого-нибудь распространителя листовок, он примет на себя ответственность за его действия, чтобы посредством публичного процесса содействовать революционизированию масс, «ибо единственной свободной трибуной был судебный зал».

2. НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

Исходным пунктом нелегального революционного движения была группа молодежи 16-го района (Народный дом), откуда движение перекинулось на 2-ю группу молодежи в рабочем доме того же района. Вскоре после первой Циммервальдской конференции был создан «Комитет действия левых радикалов» на основе декларации циммервальдской левой. Повсюду были организованы кружки, закреплены связи, распространялась легальная литература, велась нелегальная пропаганда. К проводам новобранцев 1916 года была выпущена листовка: «Я солдат, но я не рад этому». Декларация Либкнехта от 2 декабря 1914 года была отпечатана в 100 экземплярах. Тезисы группы «Интернационал» распространялись в гектографированном виде, декларация циммервальдской левой и проект манифест обсуждались в кружках и были даны приложения к «Фолькстрибюнэ»; левациммервальдская декларация была набрана и распространена в черновых оттисках. Распространялись листовки к 1 мая 1915 года, отпечатанные на машинке статьи, а также статья о 2-й имперской конференции и о начавшемся регулировании потребления. Молодежь 16-го района, по большей части наборщики, с воодушевлением занимались этой работой. Отметим как курьез, что один старый леворадикальный печатник, игравший впоследствии известную роль в движении, отказался печатать листовку, потому что это противно коллективному договору!

«Легальные» относились скептически ко всякой нелегальной работе, к печатанию и распространению нелегальной литературы. Их постоянным лозунгом было «не нужно напрасных жертв»: незачем создавать идеологию мученичества, надо ограничиваться легальными возможностями». Левые радикалы, конечно, не отказывались от использования всех легальных возможностей: под видом общеобразовательной лекции на тему «Рабочие и искусство», которая после шестикратного повторения не подвергалась более полицейскому надзору, можно было вести публичную пропаганду принципов классовой борьбы.

Независимо от «Комитета действия» вскоре образовался новый центр нелегальной деятельности. Лео Ротцигель, молодой интеллигентный наборщик, смещенный перед тем с должности старосты 2-й группы молодежи за «революционные уклонения» и отошедший затем от партии «Поалейцион» за ее национализм, работал как синдикалист в анархистской федерации.

Ротцигелю удалось приобрести влияние в 10-й группе молодежи и вырвать значительное число рабочих членов анархистской федерации из-под влияния их прежнего учителя-непротивленца Пьера Рамуса, Ротцигель выступил как оратор на первом публичном собрании союза «Карл Маркс». Выступая против центристов, он пользовался аргументами левых радикалов и все более срастался с их движением. Правда, ввиду своего антиавторитетного направления, он отрицательно относится к идее прочно организованной и дисциплинированной фракции. Однако на практике Ротцигель сам проводил дисциплину, в которой нуждался для осуществления своих организационных планов. Когда в одном споре ему было указано на это, он сослался в свое оправдание на Нечаева, который также пользовался «недозволенными средствами для достижения своих целей». На практике Ротцигель все более приближался к левым радикалам, усвоил, наконец, их программу, оставив, правда, за собой право принципиальных отступлений.

«Свободное объединение социалистических студентов»—организация, давшая австрийской социал-демократии целое поколение вождей—от Реннера и Гильфердинга до Даннеберга, являлась легальным центром для отнюдь нелегальных подготовительных работ. На Циммервальдской конференции Ленин в своей полемике против Мерргейма предложил объединение революционных марксистов и революционных синдикалистов для совместной борьбы против войны и за революцию, при условии, чтобы Мерргейм признал тактику сосланной думской фракции большевиков и Либкнехта. На этой основе «Комитет действия» пытался добиться объединения всех подлинно революционных сил.

Незадолго до Кинтальской конференции в «Комитете действия» обсуждался вопрос о праве наций на самоопределение. Мнения разделились. Большинство, привыкшее рассматривать австрийское государство как единый организм, выросший в традициях демократического цезаризма, не смогло окончательно порвать со старыми понятиями. Вместо

того, чтобы использовать противоречия между господствующими классами, они полагали, что нужно революционизировать всю Австрию, вопреки многообразию ее структуры! Проблема самоопределения была затемнена еще тем, что чешские централисты, которые, как интернационалисты, были нам идеологически близки, знать ничего не хотели о самостоятельном чешском государстве. Таким образом возникла та же проблема, что и в России, где большевики выступали за право поляков на отделение, в то время как с.-д. Польши и Литвы были против.

Поэтому тезисы Ленина и антитезисы Радека в журнале «Форботе» воспринимались не как дискуссия по «теоретическим» лишь проблемам, а как спор по насущным вопросам нашей тактики. Небольшим большинством делегату «Комитета действия» на 2-ю Циммервальдскую конференцию было вменено в обязанность выступить за тезисы Радека. Попытка Фрица Адлера поставить этот вопрос на обсуждение в союзе «Карл Маркс» и тем самым расколоть левых радикалов была парализована контрпредложением поставить сперва вопрос о «защите отечества».

3. ФРИДРИХ АДЛЕР

Фридрих Адлер уже перед войною отличился известною левизною. Когда же вспыхнула война, Адлер занял компромиссную позицию: «в качестве солдата—защитать отечество, а как рабочий—бороться за Интернационал». Эта дуалистическая теория соответствовала теоретической неопределенности централизма и вызвала горячее возражение особенно со стороны Розы Люксембург. Напротив, основание Фридрихом Адлером союза «Карл Маркс» было вполне положительным актом и первую попыткой дать рабочим возможность высказаться вопреки военной цензуре и ограничению права собраний. Толкаемый вперед самими событиями, глубоко возмущенный военным психозом и коррупцией в социал-демократической партии, Адлер надеялся, не апеллируя к массам, лишь путем влияния на «доверенных» заставить аппарат партии повернуть от патриотической политики к пролетарской тактике, без внесения однако существенных изменений как в самый аппарат, так в его структуру. Эти иллюзии Адлера питались еще тем, что его поддерживали в этом многие руководящие «левые». Левые же радикалы, по большей части вышедшие из юношеского движения, были мало известные в партии деятели, союз с ними не мог иметь для Адлера большого политического значения. Адлер пытался взять на себя роль посредника, сделать Австрию «марксистским центром», пытался объединить циммервальдскую правую и циммервальдскую левую на основе тактики, не ломающей рамок старой партии.

Когда союз «Карл Маркс» из простого образовательного кружка превратился в центр пролетарской агитации, началась усиленная травля Фридриха Адлера. Социал-патриоты угрожали ему исключением из редакции «Кампфа», чтобы таким путем запугать его и удержать от дальнейших выступлений или же наоборот вызвать на новые выступления и получить

возможность «ликвидировать» его «на законном основании». Особенно упорную борьбу против Адлера и его сторонников вел вождь печатников Шигль. Правые элементы группы «Карл Маркс» своей колеблющейся позицией поддерживали грубые выпады явных врагов. Таким образом Адлер был почти изолирован; расходясь с леворадикалами в организационных и принципиальных воззрениях, будучи не в состоянии мобилизовать легальных левых для серьезной борьбы, подвергаясь всевозможным преследованиям со стороны социал-патриотов и социал-империалистов, он был предоставлен почти лишь самому себе.

Адлер скептически относился к массам. Стихийные рыночные бунты, небольшие стачки, успешно ликвидированные правительством, были для Адлера не предвестником массовых движений, а случайными эпизодами классовой борьбы. Его взоры были сосредоточены на вопросах внутрипартийной жизни, в значительной степени оторванной от жизни широких масс. Когда социал-демократия, поддерживая «миролюбие» правительства, предприняла меры для созыва парламента, она встретила сочувствие не только буржуазных идеологов, но и активных буржуазных политиков, например, председателя нижней палаты доктора Сильвестра и даже феодалов верхней палаты, которые отчасти из националистических мотивов, отчасти ради «спасения» Австрии желали созыва обеих палат. Предполагалось устроить собрание из приглашенных, на котором должен был раздаться голос представителей «демократии и умеренного парламентаризма» — от феодалов до социал-демократического крыла официального пацифизма. Министр-президент Штюрк, усматривавший в попытке ограничения существовавшего тогда фактически абсолютизма опасность для государства, не считался с этими настроениями и запретил собрание.

Эта позиция правительства вызвала довольно сильное раздражение в верхних слоях социал-демократии; широкие массы, хотя и отнеслись сочувственно к предполагавшемуся первому публичному выступлению против абсолютизма и его военных целей, отнюдь не были склонны принимать за серьезные достижения профессорские лекции и парламентские тирады.

Незначительное, повидимому, обстоятельство радикально изменило положение Адлера. Люстиг фон Прехен, сын капитана Люстига из отдела печати главного штаба,¹ написал статью о незадолго перед тем умершем марксисте Экштейне, близком друге Адлера. Адлер написал ответ, резко подчеркивая легковесность статьи. Заместитель главного редактора «Арбейтерцейтунг» Лейтнер (Аустерлиц находился в отпуску) отказался поместить статью, динично ссылаясь на положение, занимаемое Люстигом в отделе печати, а остальные члены редакции, которые почти все были освобождены от военной службы, резко высказались против Адлера. Тщательно требовал Адлер вмешательства комиссии печати. По возвращении

¹ Ныне — командующий фашистскими частями Вены, Нижней Австрии, Штирии и Каринтии.

Аустерлица он обратился с жалобой к нему, но снова безуспешно: желание обеспечить освобождение редакторов «Арбейтерцейтунг» от военной службы было сильнее, нежели стремление Адлера проучить писаку худшего пошиба. Адлер апеллировал к городской партийной конференции; он мастерски повел атаку, назвал «Арбейтерцейтунг» *очагом коррупции*; собравшиеся партийные функционеры подвергли его самым резким оскорблениям, Макс Винтер нападал на него как на человека, «сознательно разлагающего партию», и называл его интриганом и дезорганизатором. Легальная левая держалась пассивно. Благодаря искусству президиума почти все сторонники Фрица Адлера были лишены слова, и Пауль Рихтер, принадлежавший к сочувствующим союзу «Карл Маркс», внес предложение о переходе к очередным делам. Предложение было принято. Сто «доверенных» голосовали «за», двадцать—легальная левая—воздержалась от голосования и лишь трое голосовали против.

Это голосование было для Адлера большим ударом, оно означало крушение его тактики, основанной на доверии к партийным функционерам. У Адлера исчезло доверие к тем, которых он всегда защищал перед крайними левыми. Оторванный от масс, совершенно одинокий и вообще не чуждый индивидуалистических умонастроений, Адлер встал на путь индивидуалистического действия. Узнав из беседы с Аустерлицем, что министр-президент Штюрк обычно обедает в кафе «Майсль и Шанд», Адлер решил сделать его объектом своего индивидуалистического акта, так как Штюрк, несомненно, был одним из самых ненавидимых людей в Австрии, и с его именем были связаны преследования и исключительные законы.

Подробности покушения известны. Адлер удачно выстрелил в Штюрка, дал себя обезоружить, был арестован и отведен в полицейское управление.

Акт Адлера был обращением к широкой общественности и апелляцией к пролетарским массам. Покушение было направлено, по существу, не против случайного носителя абсолютистской системы в Австрии, а против социалпатриотической политики, представителем которой был отец Адлера. Вечером, в день убийства, Виктор Адлер созвал у себя находившихся в Вене депутатов и высших должностных лиц партии. Он заявил, что акт его сына является поступком сумасшедшего, за который партия не несет никакой ответственности. Это было сигналом к общему походу социалпатриотов против Фридриха Адлера и его сторонников. В массах, однако, выстрел Фридриха Адлера был воспринят как сигнал к борьбе за освобождение пролетариата. В день покушения было арестовано свыше 20 рабочих, потому что они публично одобряли убийство Штюрка. Союз «Карл Маркс» был закрыт властями. Габриэлла Профт разослала циркуляр, извещавший о приостановлении деятельности союза и призывавший его членов не предпринимать никаких поспешных шагов.

Левые радикалы, лишённые своего легального центра, вступили в сношения с легальными левыми, чтобы создать новый союз, но не нашли сочувствия ни у кого, кроме Терезы Шлезингер. Пришлось создать

свою организацию. Основой послужил устав бывшего союза социал-демократических студентов-экономистов. Научное общество «Образование» послужило легальной формой для самой интенсивной нелегальной пропаганды.

Непосредственно после покушения Адлера газета социал-патриотов «Арбейтерцейтунг» открыла против него поход. Газета заявила, что Адлер своим поступком поставил себя вне партии, и прославляла убитого контрреволюционера как «верного своему долгу работника». Адлеру было совершенно ясно, что его поступок должен повлечь окончательный разрыв с социал-демократией. Впоследствии, в своей защитительной речи, он высказал это совершенно ясно. Через день после его ареста, когда Виктор Адлер спросил его, думал ли он при покушении о своем старом отце, он гордо ответил: «Да, я думал именно о своем старом отце».

Через день после выстрела Адлера происходило совещание «Комитета действия» левых радикалов, на котором было постановлено тотчас же издать манифест в пользу «стоящего вне партии» Фридриха Адлера, не рекомендуя, однако, индивидуалистических методов борьбы и не оправдывая их. Рукопись манифеста была уничтожена при обыске и воззвание было гектографировано лишь в нескольких экземплярах. Часть членов Исполнительного комитета отстранилась от работы и перешла в лагерь легальных левых. Большая часть осталась активной и стала работать среди пролетарских организаций. Тираж бременской леворадикальной «Арбейтерполитик» увеличился; несмотря на преимущественно теоретическое содержание и на то, что она занималась германскими вопросами, чуждыми австрийским рабочим, в немецких областях Австрии имелось не менее 220 постоянных покупателей «Арбейтер-политик».

Правление с.-д. партии, начав резкую агитацию против «злодеяния Адлера», пыталось избавиться и от радикальных элементов. Легальная левая также отошла от Адлера. В Голландии и Швеции, а также в «Интернационале молодежи» приветствовали Фр. Адлера как одного из передовых борцов за социальную революцию, между тем как Радек в «Арбейтер-политик» держался очень сдержанно и в чрезвычайно остроумной статье писал: «будем любить Фридриха Адлера, но следовать за Карлом Либкнехтом».

Месяц спустя из Цюриха от тов. Ленина прибыло письмо к австрийским левым радикалам. В то время господствовала глубочайшая депрессия, так как покушение Адлера, несмотря на живейшее сочувствие рабочих, не вызвало их на какие-либо действия, а начатое военным судом следствие против отдельных руководящих товарищей сделало легальную работу окончательно невозможной. «Killing is not murder (Убийство не злодеяние),—писал Ленин,—и ваша агитация за Фридриха Адлера правильна, но было бы лучше, если бы он повел нелегальную борьбу против тактики своего отца, нападая тем самым на австрийский империализм, вместо того чтобы совершить акт отчаяния, оторванный от масс.

*Индивидуалистические акты не должны осуждаться, но заслуживают одобрения, лишь когда они связаны с массовым движением. Социал-демократ не должен впасть в отчаяние».*¹

Позиция Ленина не только внесла необходимую теоретическую ясность, ибо часть Исполнительного комитета действительно находилась во власти индивидуалистических настроений, но дала также руководящую тактическую линию. Тогда как легальные левые, от Даннеберга до Иосифа Штрассера, старались изобразить Фр. Адлера человеком нервно-больным — «ненормальным», левые радикалы сознательно подчеркивали «нормальность» Адлера. В этом отношении легальные левые объективно поддерживали правительство, старавшееся избежать громкого процесса. Впоследствии Адлер считал большой заслугой левых радикалов, что они правильно поняли его политические намерения и препятствовали тому, чтобы политический акт был представлен как поступок безумного глупца. Понятно, что ни правительство, ни защита не желали допроса на суде левых радикалов.

Попытка последних освободить Адлера была отклонена им самим, хотя возможность успеха была вполне обеспечена. Адлер стоял на точке зрения, которую он уже прежде высказывал в правлении союза «Карл Маркс», — что в период абсолютизма судебный зал является единственно свободной трибуной, и что поэтому, даже с опасностью быть присужденным к смерти, он должен использовать возможность публичного выступления. Защитительная речь Адлера 19 мая 1917 г. завершила акт 21 октября 1916 г. В ясной и недвусмысленной форме, лишь немного затемненной пацифистски-толстовскими оборотами, он разоблачил шовинизм австрийской социал-демократии. От характеристики социал-демократов как орудия военного командования он перешел к тому заявлению, которое было положено в основу его защитительной речи: «я уже тогда, в октябре (1915 г.), знал, что придет время, когда произойдет официальный раскол партии».

Выступление Адлера встряхнуло массы, но влияние его не было достаточно глубоким, чтобы повести пробужденные массы на путь последовательной классовой борьбы; он усилил недовольство обанкротившейся системой, не вызвав однако революционных сил для ее устранения.

Путь Адлера был предreshен. Половинчатость центриста должна была привести его обратно к социал-пацифистам и социал-империалистам. Несмотря на объективно революционное значение его поступка, Адлер не был пролетарским революционером, окончательно порвавшим с прошлым для строительства нового, а лишь «демократическим» борцом за конституцию. Вот почему буржуазия увидела в нем мстителя за ее собственные обиды, мстителя за подавленную демократию. Тюрьма не заставила Адлера глубоко задуматься над задачами рабочего движения, а привела к продол-

¹ Взятое в кавычки не является цитатой из письма Ленина, а лишь в основном передает его содержание. Точка зрения большевиков по данному вопросу освещена в помещенной в № 2 сборника «Социал-демократ» статье Г. Зиновьева «Выстрел Адлера и кризис социализма» (см. также Г. Зиновьев. Собр. соч., т. V). *Ред.*

жению процесса отчуждения от масс, которые якобы «не поняли его», когда он апеллировал к ним своим выстрелом.

Лево-радикальная молодежь устроила после осуждения Адлера масовую демонстрацию, причем были арестованы несколько молодых товарищей и один член «Комитета действия». Ею же была издана листовка следующего содержания:

Рабочие! Работницы!

Наши братья—на поле сражения. Своею кровью они защищают правящую власть. В тылу царят голод и нужда. Наша государственная власть отдала граждан, в качестве солдат классовой борьбы, в руки врага. Товарищи,

Фридрих Адлер

приговорен к 18 годам тяжелого тюремного заключения! Фриц Адлер впервые открыто призвал рабочий класс к борьбе, к борьбе против империализма, приведшего нас к войне, к борьбе против предательства партийного большинства. *Мы требуем его освобождения и будем бороться за него!* Потому что борьба за это является в то же время борьбою за жизненные интересы пролетариата.

Рабочие, перед вами выбор. «*Терпеть*» до голодной смерти или вести самую ожесточенную борьбу против буржуазии и ее приспешников в пролетариате.

Долой империалистическую войну!

Да здравствует классовая борьба! Она одна может положить конец войне!

Рабочие, будьте готовы!

В связи с этим было послано тов. Мюнценбергу следующее письмо, которое было опубликовано в журнале «Интернационал молодежи» (декабрь 1916 г.).

Письмо из Австрии

С чувством глубочайшей благодарности, за бесстрашную плодотворную деятельность швейцарских молодых товарищей берусь я за перо, чтобы, будучи свободным от стеснительных уз цензуры, сообщить вам мое личное мнение о деятельности Международного юношеского секретариата и его органа. Создание «Интернационала молодежи» является пролетарским актом, всего значения которого мы не можем оценить лишь потому, что ваш орган к нам по большей части не прибывает. Не будучи точно осведомлены о деятельности других молодых товарищей, мы, напрямую все силы, работали в том же направлении. Путем добросовестной просветительной работы мы заложили основу для обновления социалистического духа в Австрии. Не вмешиваясь официально в политические споры между социал-демократами и социал-империалистами, мы фактически проделали необходимую предварительную работу для освобождения рабочего движения от буржуазной идеологии. Мы с воодушевлением читали ваш манифест, тысячи молодых рабочих с восторгом отзовутся на ваш боевой призыв. Борьба, которую мы ведем, не легка. Преследуемые властями, подозреваемые партийными инстанциями социал-империалистических патриотов, мы остались верны старому революционному социализму. Пусть II Интернационал погиб в позоре и предательстве,—Юношеский Интернационал жив и борется. Когда на развалинах социалистиче-

ских партий восстанет как маяк III Интернационал, молодые рабочие всех стран смогут смело стать перед ним и заявить, что они проложили для него путь.

Это письмо выражало позицию лево-радикальной молодежи Австрии. В нем было определенное заявление в пользу программы циммервальдской левой, за идею *III Интернационала* и отмежевание от тех идеологов молодежи, которые, подобно Якову Швейда (впоследствии оппортунистический унитарный социалист), усматривали в «Интернационале молодежи» замену социалистического рабочего Интернационала. Письмо вызвало чрезвычайное возбуждение в Социалистическом союзе молодежи Австрии и было первым официальным нарушением дисциплины, послужившим поводом для принятия мер против лево-радикальных руководителей. Предлогом для снятия их с постов оказалась, наконец, речь на могиле жертв 11 ноября 1911 года, являвшаяся присягой на верность «Интернационалу молодежи».

Ф. Коричонер

ПИСЬМО В. И. ЛЕНИНА О МОНОПОЛИИ ВНЕШНЕЙ ТОРГОВЛИ

Печатаемое ниже письмо В. И. Ленина от 13 декабря 1922 г., адресованное тов. Сталину для пленума ЦК, сохранилось в виде копии с записи Л. А. Фотиевой, сделанной под диктовку Владимира Ильича. С некоторыми сокращениями письмо это было опубликовано Л. Б. Красиным в его статье «Владимир Ильич и внешняя торговля» («Экономическая жизнь» и «Известия ЦИКа СССР» от 26 января 1924 г.). Нами оно печатается полностью.

Товарищу Сталину для пленума ЦК

Я считаю самым важным разобрать письмо т. Бухарина. В первом пункте он говорит, что «ни у Ленина, ни у Красина нет ни звука о тех бесчисленных убытках, которые несет хозяйство страны от неработоспособности НКВТ, вытекающей из его «принципиальной» структуры. Нет ни слова об убытках, которые происходят от того, что мы сами не в состоянии (и долгое время не будем в состоянии по причинам вполне понятным) мобилизовать крестьянский товарный фонд и пустить его в международный товарооборот».

Это утверждение прямо неверное, ибо у Красина ясно сказано в пар. II-ом об образовании смешанных обществ, которые представляют из себя способ, во-первых, мобилизовать крестьянский товарный фонд и, во-вторых, заполучить прибыли от этой мобилизации не меньше, чем на половину в нашу государственную казну. Обходит, таким образом, суть вопроса именно Бухарин, который не только не хочет видеть того, что «мобилизация крестьянского товарного фонда» даст доход целиком и исключительно в руки нэпманов. Вопрос состоит в том, будет ли наш НКВТ работать на пользу нэпманов, или он будет работать на пользу пролетарского государства. Это такой коренной вопрос, из-за которого безусловно можно и должно побороться на партийном съезде.

Вопрос о неработоспособности НКВТ, по сравнению с этим первым, основным, принципиальным вопросом, является совершенно подчиненным, ибо неработоспособность эта не больше и не меньше, чем неработоспособность всех наших наркоматов, зависящая от их общей со-

циальной структуры и требующая от нас длинных годов упорнейшей работы по поднятию просвещения и уровня вообще.

2-й пункт тезисов Бухарина заявляет, что «такие пункты, как, например, пар. 5-й красинских тезисов целиком применимы и к концессиям вообще». Это опять-таки самая вопиющая неправда, ибо 5-й тезис Красина утверждает, что «в деревне будет искусственно введен самый злостный эксплуататор, скупщик, спекулянт, агент заграничного капитала, орудуемый долларом, фунтом, шведской кроной». Ничего подобного не вытекает из концессий, в которых мы предусматриваем не только территорию, но и особое разрешение торговли особыми предметами и еще, главное, мы держим в своих руках торговлю теми или иными предметами, сданными в концессию; не возразив ни единого слова против доводов Красина, что мы не удержим свободной торговли в рамках, которые намечает решение пленума 6/X, что у нас вырвут из рук торговлю силой напора не только контрабандистов, но всего крестьянства, не ответив на этот основной экономический и классовый довод ни одного звука, Бухарин выдвигает против Красина обвинения, которые поражают своей несостоятельностью.

В 3-м пункте своего письма Бухарин пишет: «Пар. 3 Красина (он обмолвкой называет 3 вместо 4). Наша граница держится» и он спрашивает: «Что это значит? Это значит реально, что ничего не делается. Точь в точь как магазин с хорошей общественной вывеской, в которой ничего нет (система Главзапора)». Красин совершенно определенно говорит, что наша граница держится не столько таможенной или пограничной охраной, сколько существованием монополии внешней торговли. На этот ясный, прямой и бесспорный факт Бухарин не возражает и не может возразить ни одного слова. Выражение «система Главзапора» принадлежит к тому характеру выражений, на которые Маркс отвечал в свое время выражением «фритредер вульгарист», ибо ничего кроме совершенно вульгарной фритредерской фразы здесь нет.

Далее, в 4-м пункте Бухарин обвиняет Красина, будто он не видит, что мы должны идти к совершенствованию нашей таможенной политики, и рядом с этим обвиняет меня, будто я ошибаюсь, говоря о надзирателях по всей стране, когда речь идет на самом деле и только о ввозных и вывозных пунктах. Опять-таки здесь возражения Бухарина поражают легкомыслием и бьют мимо цели: совершенствование нашей таможенной политики Красин не только видит, не только признает полностью, но и указывает с точностью, не допускающей ни тени сомнения. Именно это усовершенствование состоит в том, что мы приняли систему монополии внешней торговли, во-первых, и, во-вторых, систему образования смешанных обществ.

Бухарин не видит, это самая поразительная его ошибка, причем чисто теоретическая, что никакая таможенная политика не может быть действительной в эпоху империализма и чудовищной разницы между странами нищими и странами невероятно богатыми. Несколько раз Бухарин ссы-

ляется на таможенную охрану, не видя того, что в указанных условиях полностью сломить эту охрану может любая из богатых промышленных стран. Для этого ей достаточно ввести вывозную премию за ввоз в Россию тех товаров, которые обложены у нас таможенной премией. Денег для этого у любой промышленной страны более чем достаточно, а в результате такой меры любая промышленная страна сломит нашу туземную промышленность наверняка.

Поэтому все рассуждения Бухарина о таможенной политике на практике означают не что иное, как полнейшую беззащитность русской промышленности и прикрытый самой легкой вуалью переход к системе свободной торговли. Против этого мы должны бороться изо всех сил и бороться вплоть до партийного съезда, ибо ни о какой серьезной таможенной политике сейчас, в эпоху империализма, не может быть и речи кроме системы монополии внешней торговли.

Обвинение Бухариным Красина (в пар. 5-ом), будто он не понимает всей важности усиления циркуляции, совершенно опровергается тем, что сказано у Красина о смешанных обществах, ибо эти смешанные общества никакой иной цели не преследуют, как именно усиление циркуляции с сохранением реальной, а не фиктивной, как при таможенной охране, охраны нашей русской промышленности.

Если, далее, в 6-м пункте, возражая мне, Бухарин пишет, будто ему неважно, что крестьянин заключит выгоднейшую сделку, и будто борьба будет идти не между крестьянином и советской властью, а между советской властью и экспортером, то это опять-таки в корне неправильно, ибо экспортер при указанных, например, мною разнице в ценах (лен стоит в России 4 руб. 50 копеек, а в Англии 14 рублей) мобилизует вокруг себя все крестьянство самым быстрым, верным и несомненным образом. На практике Бухарин становится на защиту спекулянта, мелкого буржуа и верхушек крестьянства против промышленного пролетариата, который абсолютно не в состоянии воссоздать своей промышленности, сделать Россию промышленной страной без охраны ее—никоим образом не таможенной политикой, а только исключительно монополией внешней торговли. Всякий иной протекционизм в условиях современной России есть совершенно фиктивный, бумажный протекционизм, который ничего пролетариату не дает. Поэтому с точки зрения пролетариата и его промышленности данная борьба имеет самое коренное, принципиальное значение. Система смешанных обществ есть единственная система, которая в состоянии действительно улучшить плохой аппарат НКВТ, ибо при этой системе работают рядом и заграничный и русский купец. Если мы не сумеем даже при таких условиях подучиться и научиться и вполне выучиться, тогда наш народ совершенно безнадежно народ дураков.

Если же мы будем разговаривать о «таможенной охране», то это значит, что мы будем засорять себе глаза насчет опасностей, указанных Красиным с полной ясностью и ни в одной своей части не опровергнутых Бухариным.

Добавляю еще, что частично открытие границ несет с собою серьезнейшие опасности в отношении валюты, ибо мы попадем практически в положение Германии, несет с собою серьезнейшие опасности в смысле проникновения в Россию, без малейшей возможности контроля для нас, мелкой буржуазии и всяческих агентов заграничной России.

Пользоваться смешанными обществами, чтобы серьезно и длительно учиться—таков единственный путь к восстановлению нашей промышленности.

Ленин

13/ХІІ—22 г.

Записала Л. Ф.

ПРОТОКОЛЫ ВТОРОЙ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РСДРП(б) 1917 ГОДА

(Окончание) *

[Вечернее заседание (4 августа) 22 июля].

*О пересмотре партийной программы*¹ [введения и программы-максимум].

[Докладчик — тов.] Сокольников [говорит о] рассмотр[ении на бывш[ей] Всер[оссийской] конф[еренции] в апреле 1917 г.] доб[авлений] Ленина [к партийной программе, о] несогласии [программной] секции [Всероссийской конференции с добавлениями Ленина] не по существу, а [лишь] в вопросе о присоединении его доб[авлений] [к программе], как продолж[ения] старой програм[мы], [говорит о] необходимости переработки программы и [о] добавл[ениях] внутри [ее] текста. Основы указыв[ает] Сокольников для проекта перераб[отки]. Окончат[ельная] редакция должна быть произведена путем коллективной переработки. [Докладчик указыв[ает на] отсут[ствие] серьезн[ых] попр[авок], на необходимость пересмотра [программы]. Введение к прогр[амме] дает картину капиталист[ического] общества, основы его. [Указыв[ает на] соответств[ие] [старой программы] с известным историческим периодом последней $\frac{1}{4}$, 19 в[ека] в эпоху разв[ития] капит[алистической] центр[ации], отступл[ения] мелк[ого] производства и борьбы на арене общ[ественно-] бурж[уазной] в капит[алистическом] строе. [Докладчик указыв[ает] в прогр[амме] [с одной стороны], на технический прогресс, крупн[ое] производ[ство], разлож[ение] пролет[арских] слоев, увелич[ение] резерв[ной] пролет[арской] армии, что приводит к ухудш[ению] полож[ения] раб[очего] класса, с другой стороны — [на] кризисы, указыв[ающие] на противореч[ия] кап[италистических] стр[ан]. [Есть] указан[ия] в прогр[амме] на элем[енты] банкротства капит[алистических] стр[ан], [имеются] объективн[ые] предпосылки и сознание пролет[ариата] став[ших] перед ним зад[ач] водвор[ения] социализма. [Докладчик отмечает] назначение пролет[ариата], необходимость существ[енных] дополн[ений] [в программе, ибо миновал] период единоличн[ых] сил капит[алистов], свободная конкур[енция] [между ними,] (что изменилось за посл[еднюю] $\frac{1}{4}$ века). [Появились] акционерные общ[ества], синдикаты, банки,

* См. № 12 (95) «Прол. рев.», стр. 138—175.

объединяющие отдельные акционерн[ые] компании. [Идет] объединение, зависимость мелких банков от крупных, — [явились на сцену] финансов[ые] и промышл[енные] короли. [Создаются] паевые товарищества, объединяющ[ие] промышл[енные] предпр[иятия], возглавл[яемые] сверхмиллиардерами. Недостаточность выяснения этого среди раб[очих] масс. Необходим[о] разъяснен[ие] того, что капиталисты довольно согласован[но] управл[яют] промышленнос[тью]. [Наступило] исключительное и безраздельн[ое] господ[ство] на рынках монополии. [Происходит] организация производства, [имеется] стремлен[ие] признат[ельно] организ[овать] хозяйств[енные] сил[ы]. Несостоятельность капитализма в этой области, так как соперничество принимает характер столкновений национальных организаций союзов капиталистов. Рыночная конкур[енция] — понижение цен. Политическое хозяйство капиталистов, вооруженная борьба национал[ьных] капит[алистов]. Армия, создающая барыши и завоеван[ия] для капиталистов. [Наступила] эпоха империалистских войн. Это изменен[ие] внутрен[ней] стр[уктуры] капит[ализма] заст[авляет] пост[авить] вопро[с] об отноше[нии] к соци[алистической] рев[олюции]. Монополист[ический] капит[ализм] обознача[ет], во-1-х, в смысле созда[ния] реальных условий — социал[истическую] организацию произв[одства]; [управляют] центр[альные] конторы вместо отдельн[ых] хозяев; [осуществляется] последовательная зависимость пром[ышленности] и банков; задача пролет[ариата] — уничт[ожение] капит[алистической] собств[енности] и захват централиз[ованного] производст[ва]; во-2-х, в ходе войны сам же капитал подготовл[яет] организац[ию] распределен[ия], определение душевого потребления, регулировку пищи, одежды и проч. Продукт с фабр[ик] посыл[ается] в различн[ые] распределит[ельные] центры. Это — явн[ая] подготовка того аппарата, кот[орый] должен взять в свои руки пролетариат. [Идет] вымиран[ие], смерть и проч., [нарастает] обострение, с другой стороны, классовой борьбы, как результат войны и лишений. [Идет] мирная парламентская борьба пролет[ариата] в последнее время, борьба против империалист[ической] войны, борьба раб[очих] против своих собств[енных] организаций. Эти новые форм[ы] борьбы есть результ[ат] империалист[ической] войны. Всеобщие стачки накануне войны, усиление этих тенденций во время войны. Матер[иальные] предпосылки социализма должны поставить вопрос об ином отношении к социализму. Борьба за социализм становится в порядок дня. Наступает эпоха, переходная к социализму. [Оглашает свое] добавление Сокольников о теории кризисов [и отмечает] неудобство вставок в конце програм[мы], так как прежн[ие] формулировки остаются в тексте, а добавл[ения] идут в конце. Необходим[о] введени[е] в самое програм[му] изменений. Основной анализ капит[алистического] общ[ества] в программе должен остаться, так как перерабатывать его нет возможности. [Имеются] ошибки [у] Ленина, т. к. он понимает перераб[отку] [программы] только как изменен[ие] анализа капит[ализма] на анализ империалистич[еский]. По мн[ению] Лен[ина] ст[арый] анализ должен остаться и долж[ны] быть введены только картины империалист[ической] надстройки. Характерна

черта капитал[изма], кот[орая] не может удов[летворять] общему интересу; поэтому попытки [капитализма] к организации ведут к противоположному, к империалистич[еским] войнам.

Сокольников предлагает ораторам высказываться: стоят ли они на точке зрен[ия] Ленина или [программной] секции [всесоюзной апрельской конференции].

Осинский. Проект Ленина и Сокольникова ². [Имеется] ³ чересполо-
сица в проекте последнего, [все же] идущего более правиль[ным] путем.
Как можно строить программу? ⁴ [Методом] Коммунистич[еского] мани-
ф[еста], [историческим] с одной стороны, и [методом] Эрфуртской про-
гр[аммы] ⁵ [с другой] — [через] анализ основных элем[ентов] произв[одства],
мат[ериальных] предпос[ылок] социализма, развития противоречий и стол-
кновений классов. Плехановская програм[ма] пост[роена] и так и этак:
там есть и анализ (объяснение кризисов), а с другой стороны [имеются]
и исторические объяснени[я]. [Там —] отсутст[вие] выдержанн[ого] плана
и отвлеченность, годная для всех стран, отсут[ствие] характ[ерных] рос-
сийск[их] услов[ий], слабость по части ортодоксальност[и], указанная
[в 1903 г.] Рязановым, отступлени[я] в угоду Бернштейна, который одоб-
рил ее и ее неопределенность. Вопрос ⁶ о том, нужна ли программа-
минимум. Необходимость введения в программе [ясна]. [Может ли быть
произведена] замена пр[огаммы]-минимум тактическими платформами?
Несогласие оратора с этим [так как выясняется] значительная продолжи-
т[ельность] эпохи пролетарско-крест[ьянской] республики. [Оратор под-
тверждает] необходимость при переработке программ[ы] отвергнуть добавле-
ния и поправки * в ⁷ Плехановской програм[ме]. Следует произвести более
подробн[ый] пересмот[р], кладя в основу Эрфуртскую программу. [Оратор
доказывает] правильность точки зрения Сокольникова, [подчеркивает] необ-
ходимость очень детальной разработки и откладывания окончат[ельной]
редакции програм[мы], [и говорит, что на этом надо остановиться], введя
только вновь выработ[анные] [программные] положен[ия] в качестве платфор-
мы. [Затем идет] критика поправок Сокольникова и положений Плеханова.
Две основы [в программе: международность и кризисы]. Односторонность
[программы] при объяснении кризисов и объяснении международнойности.
Неправильные объяснения, в частности объяснение кризисов ненужное.
3-й пункт ⁸ [программы может служить] для объяснений в 5 или 6 пункт[е] ⁹
кризисов. [Происходит] спутывание, так как Плех[анов] хочет потом объяс-
нить противоречия капит[алистического] общ[ества]. Объяс[ение] кризи-
с[ов] недопотреблен[ием] — Родбертусовск[ая] ¹⁰ точка зрения ¹¹. [Здесь ясна]
необходимость указания на причину возрастан[ия] производства. Тот же
недост[аток] у Сокольникова: неточность и не марксистск[ие] выраж[ения]
([на] стр. 12 — 19 [его статьи о проекте переработки программы]), отсут-

* В подлиннике написано — и поправок.

** 3-й абзац старой программы.

*** 5-й или 6-й абзац старой программы.

**** В подлиннике ошибочно написано — Ротбертовск[ая].

ст[вие] [указания на] междунаро[дн]ые [связи] в перв[ую] эпоху капит[ализма]. Неправ[ильное] объяснени[е] возникн[овения] миров[ого] хозяйства Сокольни[ков]ым сопровождается...(?) *. Два объяснения междунаро[дн]ости [освободительного движения пролетариата]: миров[ое] хоз[яйство] и созн[ание] пролетариата, но последнее только констат[ирует] фак[т], а не объясн[яет] его]. Рязанов [писал в 1903 г. в своей книге] о необходимости указания [в программе] на возникновени[е] и развитие во всех странах капит[алистических] отношений, которые ломают ** все рамки и равняют мир по одной мерке. Это — первая предпосылка. Субъект[ивное] созн[ание] междунаро[дн]ости пролетариата. Национальн[ый] буржуа объясня[ется] собственническими инстинктами, так как госуд[арство] охраня[ет] их собственн[ость]. Отсут[ствие] собственн[ости] на средства произв[одства] у пролетариата [позволяет] создаться психологии междунаро[дн]ост[и]. Развитие этой черты при развит[ии] капит[ализма] в мировом масштабе [усиливается]. Зависимость положени[я] раб[очих] при [капитализме] [разбирается] (в Эрфурт[ской] программе). Вывоз стачколомов; если пролетариат организован, он может не допустить таких мер. Неопреде[ленная] формулировка [четвертого абзаца проекта т. Сокольникова]: «Обл[аст]ь госп[одства] [капиталистических] производственных отношений все более и более расширяется». [Здесь] отсут[ствует] указ[ание] на концентр[ацию] произв[одства], [хотя отмечается] экспроприа[ция] мелк[их] сам[остоятельных] производ[ителей], вытеснение [их], увеличивающее хоз[яйственное] знач[ение] крупн[ых] пред[приятий]. Необх[одимо] указ[ать] [в программе, что технический прогресс уменьшает у предпринимателей] потр[ебность] «в раб[очей] силе», а не «в живом труде» †. [У т. Сокольникова] плохое объяснение последних слов [этого] пункта [в 5-м абзаце его проекта], не указано на образов[ание] резервн[ой] промыш[ленной] армии для объяснен[ия] несоотв[етствия] межд[у] спросом и предлож[ением] труда — (5 [абзац проекта т. Сокольникова] дает) неправ[ильное] объясн[ение] этого [применения] труда женщин, детей и необученных иноземных рабочих] техническим прогрессом. Объяснение кризисов Плеханов[ым] бедность[ю] потребит[елей] и перепроизв[одством] не объясняет, откуда появл[яется] [пере]производство. Сокольник[ов] объясня[ет] неправильно точки зрения. Во всех программ[ах] кризисы только описывают[ся], а не объясняются. Прим[еры] в австр[ийской] прогр[амме] и формулировка Рязанова.

«Войны» в 8 п[ункте] †††. [Здесь фигурирует чисто внешняя] пристегнутость «усовершенствования техники». Появление указанных [в 8-м абзаце проекта Сокольникова] изменений в капитализме произошло во время войны, а не создались [они] просто концентрацией. Организация произв[одства] в Герм[ании] [под влиян[ием] войны [совершается] для экономии

* Не закончена фраза в подлиннике протоколов.

** В подлиннике написано — *который ломает*.

††† 8-й абзац проекта т. Сокольникова.

средств[в] производства. Введ[ение] кат[оржной] труд[овой] повинн[ости] объясн[яется] недостатком раб[очих] сил. Упадок производ[ительных] сил заставляет * перейти к социалист[ическому] строю. Необходим[ость] наступл[ения] социализма опред[еляется] этой причиной! [Оратор говорит] о необх[одимости] вставки, характер[изующей] тактику рев[олюционных] соц[иал]-дем[ократов].

Вносятся предложения: Бубновым — отложить дискуссию и заняться основат[ельно] вопросом о пересмотре прогр[аммы]; [предложение] Сокольникова — о сокращ[ении] прений, чтобы закончить [их] теперь же; Каминский [предлагает], не откладыв[ая] дискуссию, занять конфер[енцию] другим вопросом.

Приним[ается] предлож[ение] Бубнова.

Максимовский. Иная постановка вопроса о пересм[отре] программы. Согласен с Осинск[им] о подготов[ительном] характ[ере] пересмотра. [Оратор ставит] вопрос о программе-минимум, о наст[уплении] соц[иалистического] строя после господ[ства] диктатуры пролетариата. Минимальная программа — [это программа], выставляющаяся в опред[еленный] историч[еский] период господства буржуазии. Возникновение миним[альной] прогр[аммы] [совершилось] после бурного историч[еского] периода, во время которого даже и не было миним[альной] прогр[аммы]. [Теперь совершается] переход в эпоху колеблющегося господства буржуазии, [наступает] начало социалистической революции, заставляющее отвергать програм[му]-минимум, и [поэтому теперь необходима] замена ее тактическими платформами. Аграрная программа [в том же положении]. Перемена перспектив: уничтожение прежних тактических платформ, [составление новых взамен] программы-минимум и приближение [момента осуществления] пр[ограммы]-максимум. Меры при госп[одстве] диктатуры пролетариата: рабочий контроль, как мера, возможная при неполной диктатуре пролетариата. [Оратор говорит о] Коммунистич[еском] манифест[е], предпологавш[ем] близость наступления социалистического переворота, [о] ненужност[и] различных мер при спокойном бурж[уазном] строе, [о] невозможност[и] и ненужност[и] попыток объединения и образования «единой с[оциал-демократической] партии», [о] необходимост[и] отмежевания от демократических слоев и занятия революц[ией].

Смирнов. [Оратор говорит] об отсут[ствии] указ[аний] при пересм[отре] прогр[аммы] на то, что мы — накан[уне] соц[иалистической] рев[олюции], [говорит] о невозможности полного уничтожения прогр[аммы]-минимум, [о] невозм[ожности] сразу водвор[ить] соц[иализм], напр[имер], в России, где [преобладает] крест[ьянское] хозяйство. Невозм[ожно] одно-врем[енное] водв[орение] соц[иализма] во всех странах. Соц[иализм] может быть введен при наличности опред[еленной] госуд[арственно]-общ[ественной] организац[ии]. [И далее оратор говорит] о социализме, о постепен[ном] переходе различн[ых] предпр[иятий] [на социалистические рельсы], [о]

* В подлиннике протоколов написано — *заставили*.

возможност[и] законодательной * охран[ы] соц[иального] стр[ахования] вначале [и] поэтому [считает, что] програм[ма]-минимум не может быть уничтожена.

[Утро (5 августа) 23 июля]. *Продолжение прений по пересмотру программы*

Левшин [начинает свою речь с предложения] о постр[оении] соображ[ений по пересмотру партийной программы] на книге [«Финансовый капитал»] Гильфердинга, [причем обращает внимание на] вопрос о денеж[ном] хозяйстве] и обращ[ении] товара, [говорит] о грехе центр[альных] организ[аций], не озабот[ившихся] изд[анием] этой книги, о перемене главных положений [программы] в связи с намечавшейся раньше концентрацией, [об] отсутств[ии] классовой борьбы перед войной. [Шло] внедрение пролет[арского] класса в бурж[уазное] общ[ество]. Необходимость объяснения этого. Резкость [классовых взаимоотношений] за последнее время объясняется войной. Противоречие наход[ится] в прогр[амме] [по вопросу] о мелких производит[елях], разоряющихся благ[одаря] развит[ию] капитала. [Оратор говорит] о подготовке к перех[оду] к социализму. Благодаря финансов[ому] капиталу [является] возможность существования мелких капиталов **. [Существуют мелкие] участники акций, [наблюдается] притупление классов[ой] борьбы, благодаря именно мелким акционерам. Мировой характер финансового капитала. [Идет] организация производства в отст[авых] странах. [Отсюда —] интернациональность буржуазии, устремление капитала в различные страны. [Оратор говорит] о стремлении [некоторых товарищей] выкинуть программу-минимум [и обращает внимание на] необходимость завоеваний треб[ований] прогр[аммы]-минимум, еще не завоеванных (аграрная программа). [Совершается] мировая подготовка к соц[иалистическому] перевороту, [но у нас —] мелкое общинное крестьянство, имеющее большое значение, неразвитость сельск[ого] хозяйств[а] в России, как тормоз при введ[ении] соц[иализма]. Национализация земли — отвлеченность, сходная с [отвлеченностью аграрных программ] 905 — 06 г[р]. Практически не указывается, как может осуществ[иться] переход к национализации.

[Далее оратор говорит] о попытках определить характер революции. Кадетский характер термина «социальный». [Что означает термин —] «социалистический»? Меры врем[енного] правит[ельства] не могут наз[ы]ваться социальными мерами. [У нас —] буржуазно-демократическ[ая] революция, могущая перейти в социальную. Возможность участия и отсталых стран [в такой революции], ввиду возможности технической произвольной организации ***.

* В подлиннике написано — законных.

** В подлиннике протоколов написано — мелких финансовых капиталов.

*** Конец речи т. Левшина во втором варианте подлинных протоколов конференции сформулирован следующим образом: «Здесь делались попытки объяснить, какая [у нас] революция: бурж[уазная], соц[иалистическая] или соц[иальная]. Что такое «социальная ре-

Беленький [говорит] о строгости Осинского к плехановской программе. [В программе —] стройность и с точки зрения марксизма и стиля. [Но в ней имеется] пропуск: опущена * эпоха финансов[ого] капитала. [Оратор говорит] о[б] аграрн[ой] прогр[амме] и праве самоопред[еления] национальн[остей], о том, что Осинский сказал, что в прогр[амме] нет марксизма, о вывозе капиталов, как [о] фактор[е] связи мировой, [рассматривает все это, как] придирки [со стороны т. Осинского и говорит] о [его] подпадении под влияние Рязанова, [отмечает прежний] оппортунизм последнего, статьи [Плеханова] в «Искре» против Рязанова «О[б] ортодоксальном] буквоедстве», [говорит] о том, что Рязанов не доказал, что программа не марксистская. [Ясна] необходимость добавлений [к программе] об империализме, [о] национальн[ом] вопрос[е]. [Оратор говорит] о том, что С[овет] Р[абочих] Д[епутатов] распустил [Финляндский] сейм и прочее⁷. Необходим[о] со стороны социалистов предоставить угнетенным национальн[остям] возможность отделения. [Наша] революция буржуазно-демократическая, т[ак] к[ак] бурж[уазия] создает, а демократия двигает революцию. [Наступает] окончание ее и перелом. [Ясна] зависимость [нашей революции] от мировой революции. Необходим лозунг пролет[арско]-крест[ьянской] республики. Нельзя выкинуть полит[ические] и экономич[еские] требов[ания], указ[анные] в програм[ме]-минимум.

Фирсов [говорит] о словах Левшина о мелких капиталистах, [о] незначит[ельности] их роли, как мелких акционеров. Критика Беленького прогр[аммных] поправок Рязанова [ошибочна]. Признание правильности указаний Рязанова. [Оратор говорит] о не маркси[стском] терм[ине] «живой труд», [отмечает] важность указания [т. Рязанова] на переменный капитал, независимо от живого труда, [говорит] о справедливости других рязанов[ских] указаний и необходимости основат[ельных] изменений в прогр[амме]. [Оратор отмечает] смешение [в жизни] различ[ных] хозяйств (они не встреч[аются] в чист[ом] виде нигде, на что указывает Ленин), смешение [различных форм хозяйства] в прогр[амме] Сокольникова, правильность положений Ленина, приставл[енных] в конце [его] добавлений [к программе]. [Оратор говорит] о неполных изменениях в капит[алистическом] строе (ошибка Сокольникова), [о] слова[х] Ленина о смешении [в проекте т. Сокольникова] противоположных явлений капитализма — монополий и конкур[енции], [о] непр[авильности] сопост[авления] Сокольник[овым] эксп[орта] капитала и обмена, о ненужн[ости] сопост[авления] ж[енского] и д[етского] труда с труд[ом] иноземн[ых] рабочих. Синдикаты и тресты, как крупн[ые] хозяйства, не изменили сути капит[али-

в[олюция]», — не понимаю; и когда у нас был Раппопорт⁶ и заявил, что мы переж[иваем] социальную рев[олюцию] и что будет после социал[истическая], — мы не поняли. Мы должны сказать, что эта револ[юция] — бурж[уазно]-дем[ократическая]; возможно, что она и перейдет в социальную, если будет создана практич[еская] хозяйств[енная] организация, — по крайн[ей] мере в Зап[адной] Евр[опе] и России. В остальных странах ф[инансовый] к[апитал] может дать искусств[енное] развитие произв[одительных] сил».

* В подлиннике протоколов написано — *опущена*.

стических] отношений. Борьба [идет] путем понижения цен между трестами внутри страны.

Тихомиров *. [Стоит] практич[еский] вопрос, надо ли пере-смотреть[еть] програм[му]. [Бесспорна] необходимость внесения немедленно в прогр[амму] характеристики империализма. [Оратор отмечает] поправки Осинского и [говорит] о наибольшей приемлемости [проекта пересмотра] прогр[аммы] Ленина, о знакомстве всех член[ов] со старым текстом, кот[орый] изменяет Сокольников.

Ломов [говорит] о том, что нельзя соглашаться на просту[ю] при-ставку в конце [программы] добавлений, [констатирует] противоречия в 1-м абзаце [программы и подтверждает] правильность в характеристике [ее со стороны] Сокольникова. [Нужен] план построения программы, как рассмотрение [как исходящий из рассмотрения] данной фазы капита-лизма. Необходим иной подход, если вв[одить] поправки [к программе] по предлож[ению] Ленина. [Оратор говорит] о необход[имости] подроб-ного рассмотрения [программы] и [программного] буквоедства, о необхо-д[имости] единого введения в программу. Неполнота имп[ериалистиче-ского] раз[вития] в России; только в Америк[е] и Герм[ании] [господ-ство финансового капитала полное]. Отсутств[ие] чистого капитализма [в жизни]. Необх[одимо] опред[елить], какая форма господства в той или иной стране **. Россия идет по пути передовых стран и имеет доста-точно предпосылок для перехода к социалистич[еской] революции. [Ора-тор отмечает] переходн[ый] момент данн[ой] революции, [говорит] об изменении в прогр[амме]-минимум в условиях такой переходн[ой] эпохи, о словах Смирнова, о критике Левшина, о националистичности *** бур-жуазии в объяснении Осинского. Мировое господство капитала не обо-значает интернациональности бурж[уазного] капитала, сходной с пролетарск[ой] интернац[иональностью]. Характер конкур[енции] финансов[ого] капит[ала]: внешн[ие] рынки и таможенн[ые] пошлины. Характер[истика] Маркса раб[очих], как не имеющих[их] отечества. [В вопросе пересмотра программы] более правильн[а] точка зр[ения] Осинского, [а не] критика Беленького. [Очевидно] упрощение марксизма [в программе] при упоми-нании о товарном обмене [как причине международной освободитель-ного движения пролетариата], [ясна] необходимость более глубокой и полной формулировки [международности движения пролетариата], соот-вет[ственно] словам Маркса в Коммунист[ическом] Маниф[есте]. [Оратор говорит] о недоразумен[иях] в треб[ованиях] отказаться от пр[оекта] Ле-нина. Смирнов прав, указыв[ая] на то, что треб[ования] пр[огаммы]-минимум могут осуществ[иться] при соц[иалистическом] строе. [Оратор говорит] о терминах «социальный» и «социалистический». Социальная ре-волюция затрагивает базис. Социальный результат революции 1905 г[ода]

* В подлиннике написано — *Тихомиров*.

** В подлиннике написано — *страны*.

*** В подлиннике написано — *о национальности*.

[имеется]. [Теперь же совершается] переход к социалистической революции. [У меня —] неудовлетворенность обоими проектами. Необход[има] дискуссия и переработка положений [программы] ввиду изменения общих условий экономич[еской] жизни.

[Поступает] заявление Осинского о желании его высказ[аться] о ленинской программе. Бубнов поддерживает [просьбу т. Осинского]. [Предложение] голосуется, [и слово т. Осинскому предоставляется] в порядке записи [ораторов].

Осинский. [Оратор говорит о] необход[имости] деловой критики пр[ограммы] Ленина, (так как некоторые поддерживают ее), о [программном] буквоедстве, о том, что парт[ия] раб[отала] в период ликвид[аторства]*, о формулировке развития обмена. Разв[итие] связи между отд[ельными] капит[алистическими] стран[ами] проход[ит] путь, как и в отдельном государстве. [Оратор] указыв[ает] массу неточных и немарксист[ских] терминов ([например, термин] «живой труд») [в старой программе], [говорит] об упущениях [в ней] в объяснениях кризисов, [ссылается на] объяснение [их] Маркса, [возражает против] теории недопотребления, [приводит] положение Маркса о произв[одстве] ради произв[одства], [говорит] о добавлениях Ленина [к программе], неточности и неясности [этих добавлений]: нет характ[еристики] империй, нет объяснений войн. [Оратор говорит] о возможн[ости] всемирн[ого] объединения финансов[ого] капитала. Тогда [отсюда вытекает] отсутств[ие] войн. [Неясен] «тупик»⁸ [о котором говорится в добавлениях Ленина]. [В программе должно быть] намечение краха [капиталистического] общества, что не указано [в добавлениях Ленина].

Стуков. Пожелания на [апрельской] всеросс[ийской] конференции [о пересмотре программы]. Имелось в виду, что на местах займутся делом пересмотра. Ясно, что на местах ничего не было сделано. Отсутств[ие] точного плана заст[авляет] думать, что в данн[ое] время невозможно сост[авление] новой прогр[аммы]. Предлаг[аю] поставить вопрос определенно: возможен ли пересмотр [программы] на предстоящем съезде. [Затем оратор говорит] о замечаниях Фирсова о том, что монополист[ические] организации ведут конкуренцию. Империалистический протекционизм, как характерная черта эпохи. Монополия внутри рынка. Нельзя разделять капитализма и империализма.

Бубнов [говорит] о сходстве его взглядов со взглядами Осинского. Намечена им [т. Осинским] основа, по котор[ой] должна идти работа [по пересмотру программы]. Проект Осинского⁹, дающий историческую картину. [Но у него —] излишняя резкость критики старой программы. Слабость формулировки [старой программы] — ввиду необходимости заклю-

* Пункт в речи т. Осинского об упреках по его адресу в программном буквоедстве сформулирован во втором варианте протоколов конференции следующим образом:

«[Возражаю] против Бельского, [отметившего мое программное] буквоед[ство]; за время реакции у нас ступевала[сь] точная [марксистская] мысль, и я отбрасываю упреки в буквоед[стве]».

чать в узкие рамки и фразы полож[ения], имеющ[ие] глуб[окий] смысл. [Ясна] зависимость рабочего данной страны от национальн[ого] капитала. Международность рабочего класса определяется тесной связью между странами. Нет гибельных неправильностей [в старой программе]. [Оратор касается вопроса] о неортодоксальности [старой] программы, [говорит] о невозм[ожности] прин[ять] всерьез слова Бернштейна [о программе] (смягчение ортодокс[альности]) [и] предлаг[ает] принять проект Сокольникова ¹⁰, принятый М[осковским] О[бластным] Б[юро], и образов[ать] комисс[ию] для разработки его ^{*}.

Альперович [говорит] о необходим[ости] пустить в ход выработан[ую] программу, ввиду путаницы в раб[оте] провинц[иальных] тов[арищей], не вполне осведомленных о новых положениях, принимаемых центрами. Необходимо зафиксировать расхождения с другими течениями. Пожел[ания] всеросс[ийской] конфер[енции] остались пожеланиям[и], ввиду фактической невозможности заняться этим [делом] парт[ийным] раб[отникам]. [Оратор] соглашается [с докладчиками] в вопросе о кризисах, [отмечает] невозможность похоронить вопрос о пересмотре [программы], необходимость объяснения базиса тактики, [говорит] о замечаниях Осинского, [отмечает] излишность указаний на то, что не техн[ическое] разв[итие], а деградация [впереди у капитализма], [отмечает] влияние войны, милитаризм (растрата производ[ительная] труда), утонченны[е] спос[обы] эксплуат[ации] в америк[анской] промышл[енности], как результат противоречий капит[алистического] произ[водства]. Тупик, в кот[орый] приш[ел] капитализм, наметил[ся] еще до войны, и война и деградация — не первостепенн[ые] причины подготовки новой переходн[ой] эпохи к социалистич[ескому] строю. Отсутствие выхода, кроме социалистич[еского], из создавш[егося] положения должно быть подчеркнуто в программе. [Затем оратор отмечает] меры внутри капит[алистического] строя (система Тейлора) [по укреплению капитализма].

Тихомирнов ^{**} (2-й раз). След[ует] подв[ергнуть] пр[о]грамму [дет[альной] переработке, но путь Ленина след[ует] призн[ать] прав[ильным], [путь] добавления к старой прогр[амме].

Максимовский (2-й раз). Не след[ует] бережно относиться к стар[ой] прогр[амме]. Пропаганда велась по Эрф[уртской] прогр[амме], а не по введению в нашу програм[му]. Необходимость пересмотров и изменений, необходимость критики [очевидна]. Различие с меньшевиками [у нас заключается] в том, [что мы считаем], что после революции начнется переходная эпоха. Отсюда — вывод, что след[ует] откинуть програм[му]-минимум. [Оратор говорит] о продолжительности перех[одной] эпохи, о том, что не все пункты прогр[аммы]-[минимум] — выполнены: Не следует назыв[ать] программой то, что не является программой. [Оратор высказывается за] общее введение [к программе] и [высказывает свое]

* В подлиннике протоколов написано — *ее*.

** В подлиннике написано — *Тихомирнов*.

согласие с Осинским [по вопросу] об упадке [производительных сил капитализма], [но считает очевидной] невозможность пересмотра [программы]. Дискусс[ия] отклад[ывается] до прихода Сокольникова.

[(5 августа) 23 июля — вечернее заседание].

*Доклад по [пересмотру] политической части программы [-минимум]
т. Ломова*

Прения о политич[еской] части [программы-минимум] будут еще более обширны. Программа-минимум выработывалась давно. Теперь требования наши будут несколько иными. Тов. Ленин пытается идти дальше [обычных парламентских форм]; [он считает, что] приходится добиваться пролетарско-крестьянской республики и т. д. Развитие политич[еских] форм на Западе и у нас: [они] развиваются от форм чистого самодержавия к формам более демократическим, затем, по мере усиления власти финансового капитала, развитие поворачивается назад. Образец того, как в процессе войны министерство все более превращалось в диктатуру, является Англия; то же — и во Франции: власть исполнительная все более и более увеличивалась за счет власти законодательной. Этот процесс еще не закончен, но эта тенденция всюду наблюдается; этот процесс соответствует тому, что острие финансового капитала направлено на агрессивную политику, является стремление приспособить все к ведению этой политики. Демократ[ический] строй уживается в настоящее время с самым решительным угнетением широких народных масс.

Наблюдается нивелировка. Экономика и политика находятся в тесной зависимости. По мере роста финансового капитала происходит изменение в политических формах. Фин[ансовый] капитал подчинял себе все более и более промежуточные слои, слои, к[отор]ые превращаются в простых агентов финансового капитала. Поэтому и в области политики они идут за финансовым капиталом. Остается одна сила, к[отор]ая решительно борется с капиталом. Это — пролетариат, как городской, так и деревенский, хотя большинство крестьян идет за финан[совым] капиталом.

Если на Западе может быть речь о каких-либо революциях, то лишь о революции социалистической. И Маркс и Энгельс были солидарны в определении возможных политических форм на Западе. Эконом[ическое] развитие эту мысль еще более подтверждает. Если так, то какая же революция возможна у нас? Русск[ую] революцию нельзя сравнивать с теми [западными] буржуазн[ыми] революц[иями]; она идет гораздо дальше. У нас предп[рин]ят ряд мер, к[отор]ые носят социалистический характер, но есть и другого рода меры. Нами переживаемый период — период переходной революции. Франц[узская] революция вынесла на поверхность Парижскую коммуну*. В формах этой Коммуны были уже атрибуты, к[отор]ые несли зародки, зародыши социализма.

* В подлиннике протоколов написано — *Парижскую Коммуну*.

Первый этап русской революц[ии] обозначил ясно, что наша революция выступает под лозунгами этой Коммуны. Маркс говорит, что Парижская коммуна — это правительство, приспособленное к наиболее удобному совершению социалистической революции. Формы рабочих правительств (Советы) у нас отличаются от Парижской коммуны тем, что у нас в них влиты мелкобуржуазные слои. Наряду с отживающими старыми формами нарождаются новые рабочие правительства; их влияние может в процессе развития лишь увеличиваться. Советы р[абочих], с[олдатских] и к[рестьянских] деп[утатов], с одной стороны, или же должны сойти на-нет или [с другой стороны] будут развиваться дальше. [И]так, мирный период закончен. Начинается период бурного развития, и Советы здесь не могут потерять ту роль, к[отор]ую они завоевали.

Роль пролетар[иата] будет все более и более увеличиваться. Жизнь столкнет мелкобуржуазные элементы и передаст руководство в руки более последовательных слоев пролетариата. Эта концепция заставляет нас сделать вывод, что Советы, руководимые левыми элементами пролетариата, получают значение руководящих органов.

Переходный момент должен существовать. Маркс мыслил этот переходный момент как диктатуру пролетариата. Мелкая буржуазия не может создать пролет[арской] диктатуры, она пойдет за [крупной] буржуазией. В связи с этим [должна строиться] наша тактика.

В проекте Ленина¹¹ ясно видно, что Ленин не задавался целью создавать программу на длительный период ([см.] стр. 23 [брошюры Ленина «Материалы по пересмотру партийной программы»]). В условиях настоящего момента нужна более ясная формулировка. Неудобно в [проекте] выражение «более демократический» порядок¹². Жизнь постепенно будет усиливать роль классовых представительств. Но формулировка [в проекте Ленина] «представительство от мест» [в Советах] неудачна. Наряду с представительными учрежд[ениями] жизнь будет сохранять демократ[ическую] республику, и вот для нее пролетариат и будет добиваться иных форм. Всеобщее избирательное право в условиях капиталистич[еских] не гарантирует, что парламент будет отражать массы. Это ясно из примера Англии и Америки. Равное представительство при настоя[щих] условиях тоже не гарантирует демократию. В условиях настоящих роль класса гораздо значительнее. В программе должна быть отражена ясно эта роль класса. При таких условиях «всеобщее» и т. д.—ирония капиталистов. Наряду с муниципалитетами уже теперь существуют Советы рабочих депутатов. Роль последних будет увеличиваться наряду с уменьшением роста муниципалитетов*. Демократизм измеряется в значительной мере устройством суда. Необходимо оговорить, что мы, настаивая на выборности [судей], настаиваем [в то же время и] на коллегиальности [суда]. Необходима переработка всего кодекса уголовного. Мы не творим ничего нового, мы идем путем, намеченным Марксом и Энгельсом.

* В подлиннике написано—*минипалитов*.

Тов. Осинский [говорит] о парламентаризме. В прежней прогр[амме]-минимум был пункт о борьбе за демократическую республику. Добиваться этого приходилось, дабы взять все от буржуазного общества. Теперь нужен новый минимум—это пролетарско-крестьянская республика. Почему мы отказываемся от демократической республики? Во всякой демок[ратической] р[еспублике] существует полиция, чиновничество и пр. Это—сила, к[отор]ая поддерживает буржуазию. Давление буржуазии, благодаря тому аппарату, к[отор]ый имеется в ее руках, имеет огромное значение. И если нет прямого давления, то есть косвенное давление. Почему не годен такой, казалось бы, святой принцип, [как] «всеобщ[ее] изб[ирательное право]» и пр.? Голосуют все; это—отрицание классового принципа; участие всех в выборах развивает кампанию [избирательной спекуляции]: здесь [продельваются] всякие подвохи (Америка). Когда избир[ают] в Сов[ет] раб[очих] депут[атов],—этого нет. Теперь [в парламенте] роль народа совершенно бездейственна. Совсем другое дело—Советы, где есть и сменяемость, есть и давление избирателя на депутата. [В парламенте] депутат совершенно отделяется, отрывается от избирателей. Здесь возможны всякие спекуляции. Это облегчается еще тем, что законод[ательная] власть отделена от исполнительной. В Совете невозможно избежать от исполнения вынесенного решения; не то—в парламенте. У нас [в программе] были пункты относительно свобод, требование свободы печати и пр. Нам придется отказаться [от них]; например, мы будем против издания погромных газет и т. п. Главное—целесообразность, это—принцип самоде[р]жавия. Буржуазия [будет иметь] определ[енные] рамки для [своей] свободы. При 3-ем периоде [при власти Советов] снова выступает на сцену целесообразность. Лишь при социализме не нужно будет никакое стеснение свободы печати. Но из тактических соображений не следует отказываться от свободы печати. Но мы не стоим во что бы то ни стало за свободу печати.

Стуков. Необходимо очень серьезно относиться к обсуждению этого вопроса. В период перманентной революции существует право революции, закон революции. Диктатура пролетариата, это—органический вывод из анализа финансов[ого] капитала. «Всеобщее [избирательное право]» и т. д. не годится [теперь для нашей програмы]—говорят товарищи. Буржуазия теперь стоит сама за это так же, как и за прогресс[ивно]-подходящий налог. Это все—средства, к[отор]ые дают возможность финансовому капиталу использовать это положение в своих интересах. Внутри классов «всеобщее» и т. д. сохранится, оно начинает обслуживать классы.

Тов. Беленький. Коммуна на русской почве невозможна без коммун на Западе.

Тов. Левшин [говорит] о том, что у них в Коломенском уезде был известный опыт относит[ельно] всеобщ[его] избир[ательного] права, [говорит] о выборности судов. Со времени начала революции [здесь] дело обстоит очень худо. Многие положения в старом кодексе должны остаться, но сейчас, благодаря [юридическому] цензу, там [в судах] нет представительства рабочих. За это приходится бороться. Имеется у нас один класс,

могущий вывести страну из создавшегося положения, но вывести лишь при поддержке международного пролетариата.

Янышев *.

Максимовский. В парламенте создается система, соответствующая системе управления в акционерной ко[мпании]. Собрание парламента начинает быть парадом для отуманивания голов публики. С введением [в программу] пункта [с требованием] «пролет[арско]-крестьян[ской] республики» согласен. Второй абзац [добавлений Ленина к политической части программы-минимум] (24 стр. [брошюры Ленина—«Материалы по пересмотру партийной программы»]) нужно выбросить. Достаточно третьего абзаца, указывающего на переходный [к социализму] период. Нужно лишь выбросить [из него слова] «более» и о представительстве мест. В программу не надо вносить [требования] «о всеобщ[ем] изб[ирательном праве]» и т. д., о «свободе печати» и пр. На это можно указывать в различных резолюциях. [Затем оратор] отвечает Янышеву.

Зарецкий спрашивает Ломова, почему нужно лиш[е]ние голоса буржуазии, когда все равно наших представителей будет большинство.

Калашников. Революция идет в своем развитии путями, к[отор]ые мы не можем предвидеть. Всеобщ[ее] изб[ирательное] право нам нужно, и если... **

Тов. Бубнов. Тов[арищей] ужасает поход против демократических свобод и прочее. У нас есть более высокий принцип, чем принцип демократизма. В программе сказано, что для осуществления социализма необходима диктатура пролетариата, при которой капиталисты будут обезврежены. Демократ[ическая] республика нужна лишь для того, чтобы пролетариат мог развернуть классовую борьбу и осуществить диктатуру пролетариата. Демокр[атическая] республика—ценность относительная, а не абсолютная. Это—общее для всех марксистов положение. Опыт говорит за то, что нам нужна республика Советов, а не демократ[ическая] республика. Ясно, что теперь мы—класс угнетаемый, а когда власть будет у нас, мы будем классом угнетающим.

* В тексте первого варианта подлинных протоколов конференции речь т. Янышева отсутствует. В тексте второго варианта она приводится в следующем виде:

«*Янышев*. Пролетариат с оружием в руках лишает всех всех прав, кроме пролетарских. Но в жизни, как раз—другая партия [у власти]: именно нас отлучают от свобод всякого рода. Это доказывает, что в разгар революции в наших Советах далеко не все благополучено. Разве там нет др[угих], кроме рабочих, элем[ентов]? Возьмите крестьянские Советы, и там—не те кр[естья]не, каких мы хотим видеть. Почему? Нам далеко не везде удается сделать все перевыборы, удобные нам. И проектируемая нами политич[еская] программа оттолкнет от нас многих, ибо с ней мы ничего не сделаем, а с [небольшой] кучкой [сторонников] ничего нельзя сделать и диктатуры не достигнуть. Влияние б[уржуа]зии еще сильно и в пролетариате; напр[имер], по [своей] численности в Америке, Англ[ии] [он] перевысил б[уржуа]зию, но в парлам[енте] б[уржуа]зия господ[ствует],—это от того, что сознание раб[очего] клас[са] даже на Западе низко; и тем более [низко оно] у нас. Теория хороша, но силы на местах нет, чтобы подняться на такую высоту, и как бы нам низко не слететь».

** Речь т. Калашникова не закончена в тексте подлинных протоколов.

Слесарев. То, что говорили т[оварищи] о полит[ической] програмае, тесно связано с обрисовкой текущего полит[ического] момента. Все, что говорили т[оварищи] Бубнов и Ломов, не говорит ничего нового, оно лишь выражено иначе, чем раньше. М[еньшеви]ки, с.-р-ы бросят нам слово (к[отор]ого они [сами] еще больше бы испугались): «анархисты». Идея представительства критикуется нами, — на примере императивных мандатов [депутатам от их избирателей]. На Западе имеются запрещения [депутатам] давать отчеты или быть отзываемыми из парламента. В Америке иначе: там все проекты разрабатываются в комиссиях и затем на обсуждение парламента не выносятся. [Это—]кризис парламентаризма, — говорит буржуазия. Где же выход из этого [положения]? Буржуазия говорит: народовластие, которого можно добиться путем поправок к идее * парламентаризма. Мы вплотную подходим к идее референдума. Нам подозрительно то, что буржуазия все более и более склоняется к народовластию. Мы должны быть против народовластия, т. к. классовые принципы затемняются принципом национальным. Разница между анархистами [и нами]: мы—против народовластия, т. к. оно практически неосуществимо. Не может быть государства социалистического, т. к. социалистическое производство отрицает государство. Слабое место наших рассуждений—это то, что мы не можем указать конкретных форм, к[ото]рые создадутся. Для переходного периода мы не отрицаем идею государства, [государства] сильного. Анархисты—против диктатуры. Мы—за сильное государство в переходный период.

Момент требует тактической резолюции **. Программа должна руководить лишь всеми этими резолюциями.

Каминский. Нам приходится наряду с программой устанавливать и нашу тактическую линию. Говоря о парламенте, мы, с точки зрения марксистской, не можем говорить иначе, чем говорил докладчик. Если классовая борьба развивается дальше, то мы должны делать все, чтобы создать условия, наиболее удобные для этой борьбы. Всеобщее избирательное право может в известный момент затруднять классовую борьбу, и тогда мы должны бороться против этого избир[ательного] права. О смертной казни. См[ертная] к[азнь] была буржуазией отменена, когда буржуазия почувствовала, что она [смертная казнь] может быть обращена против нее. Теперь, когда соотношение сил изменилось [в ее пользу], смертная казнь снова вводится. Нам главным образом придется думать теперь о тактических резолюциях. Тов. Янышев рассуждал, исходя из буржуазного идеологического положения: «сознание определяет бытие», а не наоборот, как должен был бы рассуждать марксист. Мы обсуждаем не только политическую часть, но и тактическую линию поведения.

После перерыва в 15 минут.

Альперович говорит, что самокритика необходима. Многие из наших

* В подлиннике протоколов написано — *в идею*.

** В подлиннике написано — *тактическую резолюцию*.

лозунгов буржуазия использует в свою пользу против пролетариата. Свобода печати и пр.,—это не вопросы практического характера, но выкинуть все это из программы нецелесообразно. Отвечая Янышеву [оратор говорит, что нельзя] стоять на точке зрения: сперва подготовить сознание, а затем говорить о революционных выступлениях.

[Заключительное] слово докладчика [т. Ломова]. Прения сводились [к следующему]: мы, не считаясь с прак[ти]кой, стремимся построить программу, ничего общего с жизнью не имеющую. Это—неправильное понимание. Мы знали, как пойдет рабочее движение еще тогда, когда рабочие с хоруг[вями] и иконами шли к Зимнему дворцу. Анализируя ход развития капитализма, мы уже раньше наметили путь, по которому пойдут рабочие. Нам прежде всего нужно держаться марксистского метода мышления, к[отор]ое нас приводит к одному выводу. Сейчас пролетариат еще не сознает настоящего положения. Нужно заглянуть в глубину жизни, не останавливаясь слишком на политической поверхности. Характер программы-минимум носит значительно иные черты, она значительно приближается к платформе. Мы не можем сейчас указать конкретные формы в нашей программе. Поэтому мы должны крайне осторожно идти по этому пути. Как сочетаются парламенты с формами рабочего правительства, существование наряду с последними целого ряда других форм (Учред[ительное] собрание и пр.)? Когда мы говорим о переходе от общенационального представительства к классовому, мы тем самым не говорим, что мы никогда не будем стоять за общенациональн[ое] представ[ительство], но это—форма, к[отор]ая менее удачна с нашей точки зрения. Т[ов]. Левшин остановился на организации суда; это лишь еще более четко выясняет нашу точку зрения. Переходная стадия носит длительный характер. Дискуссия настоящая поможет тов[арищам], едущим на съезд. При выработке платформы необходимо учитывать возможность существования: 1) Учредит[ельного] собрания и пр., с другой [стороны]—формы новые, формы рабочего правительства. Мы, стремясь к победе революции, мы идем через диктатуру пролетариата, а в таком случае, конечно, этой свободы печати контрреволюц[ионная] печать буржуазии будет лишена. Необходимо в области кодекса уголовного и гражданского направить их [т. е. уголовные и гражданские законы] против той же кон[тр]революц[ионной] буржуаз[ии].

[В президиум поступили] предложения Осинского [с новой редакцией политической части программы-минимум] ¹³.

Максимовский предлагает выкинуть два первых агитационных абзаца [проекта Ленина]. Нужно иначе изложить формулировку, [дать] иную [формулировку] о рабочем контроле. Ряд частных политических требований должен быть изложен в виде платформы.

Ставится на голосование [предложение], нужно ли читать по пунктам и обсуждать проект Осинского. Принимается.

Левшин говорит, что [в политической части программы] следует оставить [из проекта Ленина пункт о] монархическом угнетении масс.

Осинский [это предложение] принимает. [Голосовало] 23 за всю поправку Осинского [к проекту Ленина], против — 4, воздержалось 12.

[Поступили предложения]: вставить [в проект политической части программы Ленина пункт] о прямых формах борьбы пролетариата, выкинуть [из него выражения] «более демократич[ескую]», «постепенно», «от разных мест». Все три [последние] поправки принимаются. [Поступило предложение, вставить: «или органами прямой классовой борьбы прол[етариата] и беднейш[его] крестьянства»]; поправка принимается; принимается [к только что принятой вставке]: вместо «прямой» — «революционной».

Далее [поступила поправка]: выбросить слово «конституция», а сказать: «партия отстаивает следующие требования» * [Голосование]: 10 — за, 8 — против, 16 — воздержавшихся.

Ставится на голосование предложение Максимовского: выкинуть из программы [-минимум все последующие] требования [программы] и поместить [их в резолюции]. Это предложение отвергнуто.

Следующий [первый] пункт [отдельных требований проекта Ленина] Осинский оглашает без поправок; [пункт] принимается.

Следующий [второй] пункт принимается. Кизильштейн предлагает выкинуть [из него] слова «[по решению большинства их] избирателей». Поправка [ко второму пункту] принята, [закрывающаяся в том, что] 18-летний возр[аст], а не 20 [летний должен давать гражданам избирательные права]. Принимается поправка Осинского **. [Поступила новая поправка ко второму пункту]: 2-годичный парламент заменить двухгодичной сессией всех представительных учреждений; Кизильштейн предлагает выбросить указание срока [работы представительных учреждений]; поправка Кизильштейна отклоняется; предложение Осинского принимается.

[Пункт] 9-й [проекта Ленина]. Предлагает[ся] оставить [в нем] лишь первую ф[р]азу, выкинуть агитационную часть. Принимается предложение выделить этот пункт и обсудить ***.

* В подлиннике протоколов написано—*партия отстаивает следующие партии.*

** Содержание поправки т. Осинского в тексте подлинных протоколов не приведено.

*** 1. В тексте второго варианта подлинных протоколов приводится продолжение голосований по проекту переработки программы-минимум в следующем виде:

«[Голосуется] п[ункт] 9 и 10 (дискутированы вновь): за — 12, против — 6, возд[ержалось] 12.

Осинский—[предлагает голосовать] п[ункты] 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 11; [эти пункты проходят] единогласно; п[ункты] 12, 13, 14, 15, 16 [проходят тоже] единогласно.

Ломов [предлагает все дополнительные поправки и пожелания по проекту] сдать в ком[иссию] из 3 лиц; избраны [в нее]: Осинский, Сокольников, Ломов.

2. После голосований по проекту переработки программы-минимум, конференцией был заслушан доклад т. Овсянникова о земской избирательной кампании; текст доклада не приводится ни в одном из вариантов подлинных протоколов конференции и зафиксирован лишь в краткой протокольной записи участника конференции т. Козлова (хранящейся в архиве Института Ленина); в таком виде доклад т. Овсянникова и дается в качестве приложения к публикуемым протоколам (см. приложение № 4).

[6 августа] 24 июля.

*Заключительные слова докладчиков о принцип[иальной] части [про-
граммы]*

[*Заключительное слово т. Осинского*]. Тов. Левшин говорил, что развитие[м] финанс[ового] капитала задерживается экспроприация мелких собственников. Форма акционерной компании дает возможность финансировать предприятие, но не поддерживает мелких предприятий. Например, производственная кооперация* может спасти мелких собственников, увеличить их силу. С первого взгляда их положение улучшается. Но в это время совершается колоссальный рост крупных промышленников, сила к[оторых] убивает все усилия мелких собственников, разрушается их финансовое благополучие.

Политика финанс[ового] капитала протягивает к себе верхи крестьян, т. к. обеспечивает крестьянам аграрные пошлины. Но более широкие слои крестьянства [страдают от империализма] (империалистская политика создает повышение цен на все, что является неблагоприятным для них).

Классовая борьба между рабочими и капиталистами часто смягчается импер[иалистической] политикой, т. к. капит[алисты] дают большую плату, но это только для верхов рабочего класса. В общем [же] империализм не может приостановить классовую борьбу. Буржуазия национальна; несмотря на интернациональные слияния буржуазии, национальная сторона перевешивает, т. к. весь строй капит[алистический] стоит на использовании национальных рамок. Экономические соображения [капиталистов] говорят о необходим[ости] сущ[ествования] этого [т. е. национальных рамок]. На национальности капитала стоит и империализм. Опорой финансового капитала является военщина, а она предполагает это национальное государство. Но национ[альные] государства получают в эпоху финансового капитала характер империй (которые огорожены высокими пошлинами), ведущих** борьбу за рынки и за сырье. Большие национальн[ые] государства стремятся превратить весь мир в одно свое национальное государство; но таких национальных государств несколько; поэтому между ними происходит столкновение — война.

Понятия: социальная революция и [революция] социалистическая. По формул[ировке] Каутского социальная революция, — [это] когда власть из рук угнетающего класса [переходит] в руки класса, к[оторый] был раньше угнетен¹⁴. Полит[ическая] рев[олюция] — всегда почти социальная. Теперешняя революция дает возможность делать различия между понятиями соц[иальная] и с[оциалисти]ческая. Социализм у нас невозможен, — говорил т. Левшин. В деревне упадок производительных сил ведет к ряду социалистических методов выхода из этого положения. После войны

* В подлиннике протоколов написано — кооператив.

** В подлиннике написано — ведущие.

восстановление прежней формы хозяйства будет крайне трудным; необходимо будет вмешательство в улучшение хозяйства, урегулирование социалистическое самих производителей. При победе социализма на Западе у нас пойдет безболезненное насаждение его.

О программе-минимум Максимовский говорил, что нужно отбросить программу-минимум *, когда мы стоим перед осуществлением прогр[аммы]-максимум **. Но у нас будет [только] предсоциалистический строй даже тогда, когда на Западе водворится социализм. Поэтому существ[ующую] программу-минимум *** необходимо оставить. Перерабатывать введение теоретическое, сейчас перерабатывать, невозможно. Нужно выработать лишь конкретные части, — политическую и экономическую части [программы], — в виде платформы.

[Оратор] предлагает принять резолюцию в этом духе.

[Заключительное] слово докладчика тов. Сокольников. Нельзя оставить программу в старом виде. Но нельзя пересмотреть лишь полит[ическую] и эконом[ическую] части и оставить теоретическую часть. Проект мой, говорит докладчик, не вызывал никаких возражений по существу. Поэтому съезду необходимо [будет] рассмотреть эту переработку теоретич[еской] части. [По вопросу] о возражениях т. Ленина против позиции, занятой [программной] секцией [всероссийской апрельской конференции] по пересмотру программы [должен сказать, что], если есть изменения и противоречия в развитии капитализма, то программа должна отразить это, но не быть противоречивой. Вносить в программу развитие капит[ализма] на различных стадиях немыслимо; программа не должна быть трактатом об историческом развитии капитализма. В сущности проект т. Ленина введен в проек[т] Сокольник[ова] почти целиком. Принципиальной разницы нет между этими 2-мя проектами. Нужно выбрать проект наиболее целесообразный. Таким является мой проект. Предложение [докладчика]: взять за основу проект Сокольникова и внести [в него] поправки на съезде. [Докладчик] возражает против критики т. Осинского, стараясь доказать, что, критикуя, Осинский не применяет марксистского метода мышления.

[По докладу т. Сокольникова и содокладу т. Осинского о пересмотре партийной программы (принципиальной ее части и программы-максимум) в президиум конференции поступили] резолюция Калашникова [и] предложения: Тихомирнова, Беленького и Сокольникова ¹⁵.

Ставится на голосование [вопрос]: Кто за сохранение прежней общей части нашей программы? [Предложение] отклонено [конференцией].

За переработку на съезде общ[ей] части прогр[аммы] [голосовало] 29, против — 7, возд[ержался] 1. Конференция [считает нужным переработать] **** [эту часть программы].

* В подлиннике протоколов написано — *программу-минимума*.

** В подлиннике написано — *программы-максимума*.

*** В подлиннике написано — *миним. прогр.*

**** В подлиннике — *выработать*.

Кто за метод переработки Ленина? [За этот метод голосовали] 3, против — 24, воздержалось 7.

Баллотируется [вопрос, что взять за основу при переработке программы]. За по[ло]жение в основу переработки [программы] проекта Сокольников[а] [голосовало] 24, против — 6, воздержалось 3.

[Далее] принимается предложение [в изменение порядка дня конференции] отвергнуть рассмотрение вопроса об экон[омической] разрухе*.

Постановлено выслушать доклад [Московского] о[бластного] б[юро], затем — об Учредительном собрании.

После доклада [о деятельности Московского] о[бластного] бюро, после целого ряда вопросов по поводу этого доклада** конференция приступает к выборам в о[бластное] б[юро]. Предложены [были] след[ующие] кандидатуры: 1) Осинский, 2) Сокольников, 3) Бубнов, В. Н. [Яковлева], 4) Стуков, 5) Ломов, 6) Нацаренус, 7) Кизильштейн, 8) Альперович, 9) Каминский, 10) Левшин, 11) Пятницкий, 12) Беляев, 13) Воробьев, 14) Балашев, 15) Манцев, 16) Фокин, 17) Оводов, 18) Криницкий, 19) Сергеев (Кузнецов[ская организация Тверской губ.]), 20) Беленький, 21) Людовинская, 23) Зимин (от жел[езно]дор[ожного] района). Первые 21 чел. избираются [членами Московского Областного бюро], остальные [тт. Людовинская и Зимин проходят] в кандидаты¹⁶.

Избирается ревиз[ионная] комиссия в количестве 3 человек: Овсянников, Максимовский, Щербаков.

Доклад Бубнова об Учредит[ельном] собрании.

Нападениям буржуазии подвергается и Учредит[ельное] собрание. Только при максимуме свобод мы будем иметь действ[ительное] Учред[ительное] собр[ание]. Этот максимум свобод может обеспечить лишь пролетарски-крестьянский Совет. Борясь за сосредоточение власти в этих руках, для этого нужно вести упорную борьбу с контрреволюц[ией]. Мы должны добиться, чтобы Советы приняли ряд мер, при к[отор]ых наиболее удобно было***... [Необходимо], чтобы Советы вступили на путь решит[ельной] борьбы с контрревол[юцией]. Этим мы будем делать все более резким разрыв между массами и мелкобуржуазными вождями, а при наличности победоносной революции — [и разрыв] слоев мелкобуржуазных. Элементы контрревол[юции] [работают] против Учред[ительного] собрания. Нам нужно такое Всерос[сийское] Учредительное собрание, к[отор]ое отразит вполне волю широких масс, создаст условия, в к[отор]ых возможно будет осуществить пролетарско-крест[ьянскую] дикта-

* Вернее: о финансово-экономическом кризисе и организации производства.

** В тексте подлинных протоколов доклад о деятельности бюро и прения по нему не приведены. В них имеется лишь машинописный доклад о деятельности бюро, раздававшийся членам конференции, который и дается в виде приложения к публикуемым протоколам (см. приложение № 5).

*** Пропуск в подлиннике протоколов.

туру. Роль муниципалитета какова будет наряду с другими учр[еждениями]? Если нас задушат, — будет укрепляться мещанская республика. В иных условиях возможно, что Совет передаст все свои обязан[ности] и аппараты муницип[алитету]. Может быть и иначе: или разгон Советами муниципалитетов, или [они] будут диктовать свою волю муниципалитетам.

Как же нужно понимать всю подготовительную работу к выборам? Нужно всю работу направить на сферу узкой предвыборной работы. Нам нужно указать, что необходима самая энергичная критика положения о выборах. Это — материал для широкой массовой агитационной работы. Губерн[ские] [и] район[ные] объедин[ения] должны будут произвести сложную работу по составлению списков избирательных. При постановке вопроса об Учр[едительном] собрании мы должны выставлять то, что мы идем в блоке только с интернационалистскими элементами. Блок с оборонцами — это сдача [революционных] позиций. Но мыслимо, что не удастся создать районных объединений; тогда нужно, чтобы наиболее[e] крупные организации на местах взяли бы на себя эту работу. Наш союзник здесь — крестьяне. Наша область однородна более или менее: рабочий тесно связан с деревней. Это — элемент, к[отор]ый нужно использовать для работы среди крестьян. Нужно устроить собрания уездные из членов [партийной] орган[изации], связан[ных] с деревней. [Необходимо создать] волостные комитеты. В крупных селах нужно организовывать тоже комитеты, в которые входят рабочие-крестьяне. [Стоит] вопрос относительно крестьянских кандидатур *. Нужен единый план, согласованность работы, охват всей волости, всего уезда и т. д. Вся эта работа должна вестись общими силами. [Наши] кандидатуры в Учр[едительное] собр[ание] должны оформляться и утверждаться [нашими губернскими комитетами и областным бюро].

[Московским областным бюро принята] резолюция [о подготовке к выборам в Учредительное собрание, опубликованная] в № 107 [«Социал-Демократа»]. [Теперь] вместо первого абзаца [нужно к этой резолюции подработать] введение политическое.

[Прения по докладу т. Бубнова о подготовке к выборам в Учредительное собрание].

Тов. Кизильштейн. [Во-] 1), [оратор] указывает на противоречие между подчеркнутыми местами [предложенной докладчиком резолюции Московского областного бюро ¹⁷ и заявляет, что] можно говорить [только] о самост[оятельных] списках, без беспартийных крестьян, т[ак] чтобы мы были ограждены опред[еленными] рамками партийными; [во-] 2), [он ставит] вопрос ** о советской работе, [о том, что надо] добиваться санкции наших списков Советами; [в-] 3), [он говорит, что] нужно все приемы избир[ательной] камп[ании], накапливающиеся в одном районе, нужно не-

* В подлиннике протоколов ошибочно написано — *диктатур*.

** В подлиннике протоколов вместо этого слова поставлен вопросительный знак.

медленно сообщать в другие районы, нужно централизовать весь [избирательный] опыт в определенной комиссии.

Тов. Бабушкин. Нужно организовать пролетариев и полупролетариев. Наша задача — агитируя среди крестьян, разоблачать агитацию [социалистов]-[революционер]ов. [Далее оратор] говорит против тов. Кизильштейна о невключении [в избирательные кандидатские списки] беспартийных крестьян [и заявляет, что] нужна особая резолюция о печатании брошюр.

В. Н. [Яковлева] возражает, что противоречия, на [отор]ое указывал Кизильштейн, нет, т. к. [в резолюции] говорится о крестьянах, сочувствующую[щих] нам, стоящих на нашей платформе, [и добавляет, что] добиваться штемпеля со стороны Советов на наш [избирательный] список можно, но крайне осторожно, т. к. иначе это может обратиться против нас.

Воронежский тов. [Врачев] говорит о пропагандистских группах на заводах, как было предложено т. Зиновьевым в статье («Правда») ¹⁸, [говорит, что] необходимо устраивать митинги среди рабочих с призывом голосовать [за наши списки], указывает на пример с отчислением однодневного заработка [на нужды избирательной кампании]: у них [в Воронежской губ.] один завод сделал таковое.

Янышев предлагает в Москве организовать 3—4 лекции на [отор]ые должны приехать товарищи с мест, [причем указывает, что] главное внимание [надо] обратить на разбор аграрного вопроса, [что] нужно выяснить разницу понятий национализации и социализации.

Ломов [останавливается на вопросе] о беспартийных крестьян[ах]. Для уничт[ожения] сомнений можно добавить [в резолюции о включении в избирательные списки] интернационалистов-крестьян. Протестовать против [помещения в] резолюции [вопроса] о брошюрах нельзя. Но нет средств [на их издание]. [Оратор говорит] о Советах Р[абочих] Д[епутатов]: Сов[ет] Р[абочих] Д[епутатов] — одно дело, а Сов[ет] Кр[естьянских] Д[епутатов] — другое. Не надо переоценивать их роль в предвыб[орной] кампании. Нужно прежде взвесить, а потом уже настаивать. Создание [пропагандистских] заводских групп — это предложение очень хорошее. [Необходимо] внести в резолюцию, что местные организации представляют * [кандидатские избирательные] списки О[бластному] б[юро] не позднее 2-х недель.

Кизильштейн указывает, что он возражал против [включения в кандидатские избирательные списки] беспартийных крестьян потому, что за таким отд[ельным] лицом не стоит группа, которая имела бы на него опр[еделенное] влияние, перед к[отор]ой он был бы ответственен.

Людвинская **...

* В подлиннике протоколов ошибочно написано — *предоставляют*.

** В подлиннике протоколов ошибочно написано — *Лудиновская*. После этого слова в подлиннике идет пропуск и речь т. Людвинской не приводится. В тексте четвертого варианта протоколов конференции ее высказывание зафиксировано следующим образом:

«Людвиновская [Людвинская] подд[ерживает] необх[одимость] выст[авления] беспартийных [крестьян], [говорит] об излиш[ности] упом[инания] о статье Зиновьева, [говорит, что вопрос] о Советах решится сам собой».

[*Заключительное*] слово докладчика [т. Бубнова]. Нужно предъявлять к тов[арищам] на местах максимум требований. Мы имеем определенный путь, и нечего нам бояться отделиться, идти иной дорогой, чем Советы.

[Докладчик] оглашает выработанное им [новое] введение [к резолюции о подготовке к выборам в Учредительное собрание]¹⁹. Председатель ставит на голосование поправки [к резолюции].

1) Выбросить конец абзаца: «При этом О. Б.» и т. д. (1 пункт). За — 3, против — большинство.

2) Поправка — добавить [в том же пункте к слову «крестьян» слово] «интернационалистов». З[а] — 9, против — меньше. Принято.

3) Образование при Ц. К. [РСДРП] особой комиссии [по выборам в Учредительное собрание]. За — 11, против — меньше. Принято.

4) На местах образовать группы для ведения [предвыборной] работы в деревне. Принято.

5) Вносится пожелание, чтобы печатная [предвыборная] агитация стояла на [должной] высоте.

6) Предложить [Областному бюро] создать [краткосрочные] курсы [по подготовке работников для выборов в Учредительное собрание]*.

*Доклад об уставе [партии] В. Н. [Яковлевой]***

[Докладчик] предлагает проект резолюции по организационным вопросам.

Тов. Максимовский. Разногласий общего характера [нет], быть может, поэтому можно приступить к рассмотрению его [проекта устава партии] по пунктам.

Это предложение принимается.

Председатель читает первый пункт [проекта устава партии].

Т[ов]. Беленький предлагает вставить: «стоящий на позиции революцион[ного] интернационализма и матер[иально] поддерживающ[ий] партию».

Т[ов]. Стуков говорит, что об этом уже говорится в этом пункте, лишь иначе выражено, [что] эта добавка — лишний груз.

За формулировку О[бластного] б[юро] — большинство.

[Зачитывается] 2 пункт [устава].

Людвинская предлагает добавить [ко 2-му пункту]: «и рекомендации другой партии».

В. Н. [Яковлева] возражает.

Калашников ***.....

* Резолюция о подготовке к выборам в Учредительное собрание, принятая конференцией, см. приложение № 6.

** Доклад т. Яковлевой о проекте устава партии не приводится ни в одном из вариантов подлинных протоколов конференции. Проект устава, принятый конференцией, см. приложение № 7.

*** Пропуск в подлиннике, чем и заканчивается текст первого варианта протоколов конференции. Вот текст второго варианта протоколов, начиная с обсуждения второго пункта проекта устава партии и до конца конференции.

«П[ункт] 2 ой проекта устава партии]:

1) Людвинская [вносит] попр[авку]: «или одной из партийн[ых] орг[анизац]ий». *Максимовский*. Это — недоразумение: ведь два члена должны же рекомендовать. *Людвин[ская]* еще раз объясняет [свое добавление к пункту].

Яковлева. Этот п[ункт] введен по идейной, а не по личн[ой] связи.

2) *Калашников* вводит поправку «и одного члена из того или другого коллектива».

Каминский. Чем проще п. 2[-й], тем он б[олее] приемлем; для фильтрации членов он вполне достаточен, а в конечном итоге, какие бы рамки мы ни поставили, всякий с злым умысл[ом] пройдет; кроме того ведь негодного члена можно и удалить, поэтому [выска- зываюсь] против всех поправок.

3) «Не менее 2[-х] чл[енов] партии» [третья поправка ко второму пункту устава].

Принята только 3[-ья] поправка.

Зарецкий вносит примечание: «Члены оконч[ательно] утверж[даются] первым общим собранием».

Баклаев. Это не приемлемо в больших организ[ациях].

Левшин [высказывается] за примечание [т. Зарецкого]; ведь собрания на фабр[иках] не оч[ень] людные.

Голосованием [дополнение т. Зарецкого] принимается (за—12, пр[отив—] 7, воз- держалось 3).

П[ункт] 3[-й]:

Зарец[кий] высказывается за пропорц[иональность] членских] %[-ных взносов], про- тив входных [вступительных взносов в] 50 [копеек].¶ «Новые члены платят вст[упительный] взнос в разм[ере], устанав[ливаемом] мест[ными] орг[анизациями]».

[Предложение т. Зарецкого] отклоняется.

Стуков [высказывается] против попр[авки] Зар[ецкого]: партия—не благотв[оритель- ное уч[реждение], а аппарат для осуществл[ения] наших задач; отсюда— даже жертвы [со стороны членов партии].

Максимовский— за поправку т. Зарецкого и против % [однопроцентного член- ского взноса].

Яковлева отстаивает %[-ность] [однопроцентность] взноса.

Левшин [предлагает] понизить [членский взнос] на $\frac{1}{2}\%$ и повысить до 1 р[убля] вст[упительный] взнос; [предложение] откл[оняется].

Ломов— против Левш[ина], даже— [за] повыш[ение] взносов, даже— [за] про- гр[ессивно]-подход[одное] облож[ение]; вступ[ительный] взнос тоже [должен взиматься] в [размере] 1% отч[исления] от зар[аботной] пл[аты]. [Предложения т. Ломова] откл[о- няются].

Калашников [предлагает дополнение]: «Размер чл[енских] вз[носов] устан вл[ивается] мест[ной] орг[анизацией]» (отклонено).

Ломов [высказывается] против [предложения т. Калашникова] в пламенной речи.

Левшин— против 3-мес[ячного] [срока, после которого неуплатившие членских взно- сов исключаются из партии]; ведь есть безработные, а безработные и мобилиз[ованные] сол- даты освобождаются [от уплаты членских взносов].

Беленький [предлагает считать таких товарищей] выбывшими не из партии, а вы- бывшими из организации.

Самовер... [пропуск в подлиннике].

Яковлева. Для безработных и мобилизованных солд[ат] [должны] допуск[аться] исключ[ения].

Людинов [Людвинская] [вносит] новое предл[ожение]: «Не посетив два собр[ания]- [товарищ должен представить об этом свои объяснения]».

Баклаев [предлагает вставку в третий пункт об исключении] не уплативших [своих взносов] «без уважительных причин».

[Далее] *Яковлева* оглашает резолюцию по орг[анизационным] вопросам. [Эта резо- люция конференцией] принимается [см. приложение № 8].

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 *

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р.С.-Д.Р.П.

Мы, участники Московской Областной Конференции Р.С.-Д.Р.П., протестуем против низкой клеветы, пущенной ренегатами революции, подхваченной всей контрреволюционной буржуазией, при попустительстве большинства м-ков и с.-р-ов против вождей рев[олюцион-ной] с.-д.: Ленина, Зиновьева и др.

Мы протестуем против новой низости клеветников, пытающихся свести свои политические сче-ты с с.-р-ом гражданином Черновым, видя в травле его лишнее доказательство того, что поход направлен против наиболее ненавистных врагов контрреволюции.

(«Социал-Демократ» № 115 от (5 августа) 23 июля 1917 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 **

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ НА СОЕДИНЕННОМ СОВЕЩАНИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЦК Р.С.-Д.Р.П., ПЕТЕРЬ, К-ТА, МОСК. К-ТА И МОСК. ОБЛ. БЮРО Р.С.-Д.Р.П.

о текущем моменте

1. Стихийное выступление рабочих и солдатских масс в Петрограде [16—18] 3—5 июля вызвано недовольством Временным Правительством, проводившим политику соглашения с абсолюто помещиками, капиталистами и иностранными империалистами, а потому оказавшимся абсолютно неспособным удовлетворить насущным нуждам страны. Выход из министерства к.-д., желавших развязать себе руки для контрреволюционного переворота, послужил внешним толчком для разыгравшихся событий.

2. Наша партия, несмотря на все попытки предупредить готовящийся стихийный взрыв, была поставлена перед фактом выступления. Будучи массовой партией революционного пролетариата, она должна была вмешаться в стихийный ход событий в целях придания движению организованного и мирного характера.

3. Представители партии м-ков и с.-ров (сов. большинство) вместо того, чтобы идти навстречу движению масс, постараться придать ему организованность, всю свою силу и весь свой авторитет направили против рабочего и солдатского Петрограда, объявили его демонстрацию за полновластие Советов восстанием против Советов, разнуздали контрреволюционные элементы в целях разгрома интернационалистского пролетарского крыла и присоединили свой голос к хору голосов грязной желтой прессы.

4. Такая политика Советов и Временного Правительства ускорила и облегчила мобилизацию сил контрреволюции, которая политически руководима так называемой кадетской

[Затем т.] Сокол[ьников] оглашает] рез[олюцию] по тек[ущему] моменту (по пунктам принята) [см. приложение № 3].

Ломов агитирует за [внутренний партийный] заем — жертву.

[Текущие дела].

Областному бюро пожелания Янышева:

1. Составить и издать брошюру,—указатель [и] руководство: 1) для составления библиотек, 2) указать книги для чтения [в кружках] 1, 2 и 3 типов, 3) [для] создания кружков на местах и их руководства, 4) как вести практическую работу в организациях, 5) правила ведения собраний.

2. Создать школу пропагандистов, в которую пригласить тт. [товарищей] с мест.

3. Устройство регулярно-систематических лекций на местах.

4. Подсчитать лекторские и агитаторские силы и по возможности их распределить».

* К первой части протоколов конференции, опубликованных в № 12 (95) «Прол. рев.».

** К первой части протоколов конференции, опубликованных в № 12 (95) «Прол. рев.».

партией, социально опирается на империалистическую буржуазию и помещиков, а боевую силу черпает в верхах командного состава армии.

5. Теперешняя власть (диктатура Керенского, Церетели, Ефремова)²⁰ обладает двойственным характером: с одной стороны — это представительство мелкой крестьянской буржуазии, за которой идет часть рабочих, еще не разочаровавшихся в мелкобуржуазных демократах; с другой — это представительство буржуазных и помещичьих слоев, связанных с союзническим капиталом и идущих к империалистической контрреволюции. Между этими фракциями власти идет в настоящее время торг, при чем представители мелкой буржуазии (и в министерстве и в Советах) своею трусостью, изменой революционным принципам и открытым предательством по отношению к революционному пролетариату все время усиливают позицию враждебных революции классов.

6. Контрреволюция, обнаглевшая благодаря попустительству м-ков и с-ров, переходит уже от нападения на б-ков к нападению на Советы и партия Советского большинства. Желая спасти свои позиции от натиска контрреволюции, жалкая буржуазия* не решается дать сражение этой контрреволюции, предпочитая идти с ней на соглашение и сдавая одну позицию за другой. В результате пролетариат фактически поставлен «вне закона», роль Советов падает, и органы революционной власти сменяются учреждениями собственнических групп, идущих под гегемонией империализма (восстановление Государственной Думы, Съезд в Москве и т. д.) С другой стороны Временное правительство контрреволюции (репрессии, административный произвол, военно-полевые суды, гонение на пролетарскую печать, восстановление смертной казни и воскрешение карательных статей уголовного царского кодекса) будет неизбежно вызывать сильнейший отпор со стороны народных масс.

7. Правительство так наз. «Спасения Революции» неспособно осуществить ни одной из коренных задач революции. Оно продолжает под давлением иностранного капитала военно-империалистскую политику предыдущих правительств, которая, выразившись за последнее время в попытке наступления, при полном отсутствии возмеченной борьбы за мир, уже обнаружила свои губительные последствия. В области хозяйственной и политической оно неспособно предпринять ни единой действительно революционной меры для борьбы с экономическим развалом и контрреволюцией. Кризис этой власти становится таким образом неизбежным.

8. Только такая государственная власть, которая будет опираться на пролетарские и беднейшие слои крестьянства, решительно и твердо проводя в жизнь программу рабочих, т. е. сделает решительные шаги к прекращению войны, порвет всякое соглашение с буржуазией, передаст землю крестьянам, установит рабочий контроль над производством и распределением, уничтожит все оплоты реакции и т. п., — только такая власть будет жизнеспособной.

9. Добиваясь сосредоточения всей власти в руках революционных пролетарских и крестьянских Советов, мы полагали, что только при выполнении вышеуказанной программы эта власть может осуществить задачи революции.

10. Задачей пролетарской партии при таких условиях является разоблачение всяких контрреволюционных мероприятий, беспощадная критика реакционной политики мелкобуржуазных вождей, укрепление позиций революционного пролетариата и его партии, подготовка сил к решительной борьбе за осуществление программы этой партии, — если ход кризиса позволит, — в действительно массовом общенародном размере. Этот период подготовки и накопления сил требует от партии использования всех организационных возможностей.

11. В процессе дальнейшего развития революционно-пролетарского движения при растущем сопротивлении буржуазной контрреволюции, перед российским пролетариатом все более резко будут выступать чисто социалистические задачи, и революционная борьба русских рабочих будет входить в теснейшую связь с развивающейся революцией в Западной Европе.

(«Социал-Демократ» № 109, (29) 16 июля 1917 г., стр. 2.)

* Очевидная газетная опечатка; следует читать — *мелкая буржуазия*.

РЕЗОЛЮЦИЯ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ [РСДРП] ([3-6 АВГУСТА] 21-24 ИЮЛЯ) О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

1) Чем дальше затягивается война, тем разрушительнее становятся ее последствия для народных масс, для которых четвертая зимняя кампания означает беспримерную «кампанию» голода и холода.

Во всех странах Европы возмущение рабочих и крестьян против войны переходит в открытую массовую борьбу и в работу организационного сплочения для противодействия правящим империалистским шайкам. Однако революционная борьба масс тормозится обронческими перебежчиками социализма, входящими в правительства «национального спасения» и проводящими там политику классового соглашения, гражданского мира.

2) В России пять месяцев политики «соглашения» закончились полным крахом. Попытки объединить на общей «демократической платформе» рабочих с капиталистами, с помещиками, республиканцев с монархистами повели лишь к тому, что ни одним из временных правительств не принято было решительных мер ни для прекращения войны, ни для прекращения разрухи, ни для перехода земли к крестьянам, ни для борьбы с контрреволюцией.

3) Советское большинство (м-ки и с.-р.), во имя сохранения своего соглашения с буржуазией, вступило в борьбу с революционными рабочими и солдатами; стихийное петроградское движение за передачу всей власти Советам оно объявило вооруженным восстанием против Советов, оно разнуздало контрреволюционные элементы против пролетарского авангарда и санкционировало систематический разгром организаций и прессы революционных интернационалистов.

4) Предав пролетариат, мелкобуржуазные демократы сами оказались в плену у буржуазной контрреволюции. Отказавшись от полновластия и боясь в то же время перехода власти в руки буржуазии, они пытаются скрыть свою капитуляцию передачей своих прав единоличному «спасителю страны» Керенскому, на деле заведомо для них уже столковавшемуся с империалистской контрреволюцией.

5) Помещики и буржуазия, поддерживаемые союзным капиталом, после ряда партизанских атак (юнкерская контрреволюция в Петрограде), перешли к проведению контрреволюционного натиска по всей линии. Военные заговоры, клеветнический поход не только против б-ков, но и против всех циммервальдцев²¹, саботаж экономических мероприятий, борьба против земельных реформ, кампания против выборных солдатских организаций и против Советов — вот орудия борьбы и лозунги контрреволюции, на думских совещаниях открыто провозгласившей своей целью реставрацию путем государственного переворота.

6) Таким образом капитуляция мелкобуржуазных вождей перед этой империалистской контрреволюцией, вслед за предательством интересов пролетариата, идет к предательству интересов крестьянства, армии, угнетенных наций, широчайших народных слоев, отдаваемых в жертву войне и голоду, ввергаемых вновь в кабалу к буржуазии и помещицкому классу.

Грозная опасность потери всех революционных завоеваний встает перед народными массами. Раскол в лагере мелкобуржуазных демократов неизбежен.

7) Однако правительство «спасения нации» неспособно осуществить даже те задачи, которые оно себе ставит: продовольственный, финансовый, экономический и военный развал, стихийные движения, возникающие на почве этого развала, могут быть преодолены и предупреждены только рядом революционных мероприятий, ни в какой степени не считающихся с интересами банкиров, фабрикантов и крупных землевладельцев. На такие мероприятия не может пойти правящий блок, обязавшийся охранять эти интересы: крушение его неминуемо.

* К первой части протоколов конференции, опубликованной в № 12 (95). «Пролет. рев.».

8) В этих условиях задачей партии пролетариата является прежде всего уяснение рабочим, крестьянским и солдатским массам полного краха политики советского большинства, начавшего соглашательством, а кончившего предательством, начавшего отказом от своей власти, а кончившего отказом от всякой власти.

Только разочарование беднейших крестьян, солдат и рабочих в мелкобуржуазных вождях, капитулировавших перед империалистской контрреволюцией, сделает возможным, при новом подъеме массового движения, признание ими руководящей роли революционного пролетарского авангарда.

9) В то же время партия должна выяснять массам, что период свободной, ничем не стесняемой революционной инициативы кончился, что теперь она на каждом шагу будет упираться в контрреволюционные рога.

Партия должна взять на себя роль передового бойца с контрреволюцией, давать энергичный отпор каждому покушению на завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные права, отстаивать все созданные в мирный период революции массовые организации (Советы раб., солд. и крест. депутат., фабрично-заводские к-ты, солдатские и крестьянские к-ты и т. п.), добиваясь превращения их, при наличии массового подъема, в революционные центры, сосредотачивающие всю власть в руках рабочих, солдат и крестьян.

10) Действуя солидарно с революционными с.-д. других стран, используя каждый шаг революционного международного движения, партия должна выяснять массам, что каждый успех русской революции есть успех революции международной, каждое торжество контрреволюции в России — торжество мировой буржуазной реакции. Партия должна разоблачать ту «борьбу за мир», которую вело советское большинство, и противопоставлять ей революционные усилия пролетариата в каждой стране против «своей» буржуазии, «своего» империализма.

(Московская газета «Социал-Демократ» № 117 (8 августа) 26 июля 1917 г. стр. 2—3.)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

ДОКЛАД [Т.] ОВСЯННИКОВА: ЗЕМСКАЯ [ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ] КАМПАНИЯ.

[28] 15 августа [будут производиться] выборы в волост[ные] земства, [11 сентября] 29 августа — в уездные земства. Волост[ные] земства выб[ираются] по системе мажоритарной, в уездные и губернские земства — пропорцион[альные] выборы; [кроме того] в губерн[ские] зем[ства] — выб[оры] двухстепенные. Руководить кампанией должно старое земство, причем [органы последнего] возможно пополнять [представителями других общественных организаций].

Полов[ину] членов избир[ательного] волост[ного] комит[ета] назнач[ает] председатель, изб[ираемый] земством, а друг[ая] половина [делегуется] из вол[остных] земств ([из] мест[ных] револ[юционных] комит[етов]). Необходимо настаивать на выборе председ[ателя] населением. В руках вол[остного] комит[ета] лежит деление волости на избир[ательные] округа. Волостн[ой] ком[итет] назначает председ[ателей] сельск[их] комит[етов] (весь [остальной] состав сельских комитетов) выбир[ается] населением). Комитеты производят перепись избирателей. Чрезвычайно важно следить за правильностью составл[ения] избират[ельных] списков. Всякий, имеющий в вол[ости] домашнее обзаведение, пользуется избират[ельным] прав[ом] (значит [пользуется избирательным правом] и рабочий, им[еющий] землю и пр.) в этой волости.

[Избирательный] закон уездный. Избир[ательный] ком[итет] уезд[ный] составл[яется] так же, как волостной. Уезд долж[ен] б[ыть] разделен на избир[ательные] округа (обязат[ельно] уездный город [должен быть отдельным избирательным округом]). Отдельно списки [должны быть] по каждому округу. По ходатайству моск[овского] избир[ательного] ком[итета] сделаны след[ующие] исключ[ения]: для волостн[ых] земств — пропорци[ональные] выборы, необязательность деления на избир[ательные] окр[уга]. В этом законе не ограждено тайное избир[ательное] право, — необязательна подача [избирательных] записок в конвертах.

Задача агитации. Расслоение крестьянства. Только на низы кр[естьянст]ва можем мы рассчитывать, только на деревенскую бедноту, интересы к[ото]рой необходимо противопоставлять интересам хозяйственного среднего мужичка. Не партийная программа [должна быть положена в основу агитации], а [лозунг] «класс против класса». [Основные пункты агитации]: 1) центр тяжести необходимо перенести [на вопрос о том], социализация или национализация [должна быть проведена]; т[аким] обр[азом] противопоставятся интересы двух частей кр[естьянст]ва; 2) контроль над произв[одством] и распредел[ением]; 3) война; 4) перед[ача] всей вл[асти] Сов[етам]. [Именно к этому сводится] Платформа Моск[овской] Окруж[ной] организации ²².

[Нужно провести] уездные съезды [наших] партийных ячеек. [Надо использовать] роль фабрич[ных] рабочих, роль солдаток в деревне. [Верна] ленинская точка зр[ения] на избир[ательные] списки: не блок с бесп[артийными] крест[ьянами], а введение их в наши списки, введение [послед[овательных] демократов-крестьян.

Значит[ельную] часть кампании мы пропустили. [Ближайшие задачи избирательной, кампании]: составление популяр[ных] брошюр ([например,] о национализ[ации] земли), разъясн[ение] избир[ательного] закон[а], выдел[ение] избир[ательных] ком[итетов] вол[остных] и уезд[ных], создание избир[ательного] фонда, посылка рабочих агитаторов в дерев[ню] [с] прин[ятием] их на содержание [организации], [проведение на предприятиях] отчисл[ений] с [заработка рабочих в наш избирательный фонд], [а где] мы не сильны, — [то для всех] политич[еских] партий, деля [эти отчисления] поровну (на фабриках). Советы не должны вмешиваться, [а только] призывать * голосовать за социалистические списки. Моск[овский] губ[ернский] Сов[ет], где мы в б[ольшин]стве, предлаг[ает] призвать голосовать за те списки, к[ото]рые будут выставлять фабр[ично]-зав[одские] рабочие ^{**}.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

ДОКЛАД О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОСК[ОВСКОГО] ОБЛАСТНОГО БЮРО РСДРП ЗА ПЕРИОД ВРЕМЕНИ МЕЖДУ АПРЕЛЬСКОЙ И ИЮЛЬСКОЙ ОБЛАСТНЫМИ КОНФЕРЕНЦИЯМИ ^{***}

Выбранное на апрельской конференции Областное бюро, ввиду спешности отъезда большинства его членов на всероссийскую конференцию партии, собралось в первый раз только 17 мая и только тогда выбрало узкий состав, на который по уставу возлагается ведение повседневной организационной работы в области.

17 мая и приходится считать началом правильной организационной работы Областного бюро.

Второе заседание пленума [бюро] состоялось 29 июня. На общих заседаниях Обл. бюро были вынесены резолюции по принципиальным вопросам и по вопросам принципиального характера. Все резолюции пленума были разосланы местным организациям, а некоторые из них были напечатаны в «Со[ц]иал-демократе» ²³. В этой области, однако, следует высказать пожелание, чтобы местные комитеты принимали меры к тому, чтобы доводить резолюции Обл[астного] бюро до сведения всех членов партии путем ли перепечатывания их в местных органах печати, или путем размножения их на гектографе, или иными способами.

Заседания узкого состава бюро происходили в среднем 1 раз в неделю. За три месяца, протекшие между апрельской и июльской областными конференциями, деятельность бюро чрезвычайно расширилась.

Ко времени апрельской конференции, кроме почти не собравшегося Обл[астного] бюро, имелся секретарь и трое работников, да еще двое-трое товарищей, помогавших ра-

* В подлиннике записи т. Козлова написано — п р и з ы в а я .

** Прений по докладу т. Овсяникова, очевидно, не было, а также не было принято и резолюции по нему.

*** Доклад приводится по машинописному тексту подлинника (106—108 листы) протоколов конференции.

боте секретаря. В настоящее время, не считая членов узкого состава бюро, имеется штат работников постоянных. Это прежде всего — коллегия разъездных работников, состоящая из пяти человек, а затем секретариат и экспедиция из 4 человек. Кроме того, есть два товарища, не являющиеся штатными работниками, но тем не менее постоянно и регулярно работающие при Обл[астном] бюро. Один из них несет функции бахгалтера, второй работает в секретариате. Таким образом число работников в Област[ном] бюро почти утроилось.

Организована совместно с Моск[овским] комитетом и Моск[овским] окружным комитетом ²⁴ финансовая комиссия, устроившая концерт и довольно значительное число платных лекций, и лекторская группа, членами которой читались лекции в некоторых пунктах области.

Несмотря на чрезвычайные затруднения по присканию типографии, Моск[овским] обл[астным] бюро, совместно с Моск[овским] окружным комитетом, предпринято издание двух журналов: научно-популярного журнала «Спартак» ²⁵ и «Жизнь работницы» ²⁶. К настоящему моменту вышло уже 3 номера [журнала] «Спартак» и 2 номера [журнала] «Жизнь работницы».

Нужно отметить, что местные комитеты почти не принимают усилий к организации коллективных подписок на эти журналы. В будущем им необходимо принять меры к усиленному распространению их в провинции, если они не хотят поставить Обл[астное] бюро лицом к лицу перед недостатком средств на ведение этих журналов.

Далее Обл[астное] бюро издало за это время 12 названий брошюр и 4 названия брошюр других издательств. В связи с рассылкой в местные организации литературы Обл[астному] бюро пришлось создать экспедицию, которая за последнее время окончательно наладилась и работает чрезвычайно правильно. Количество брошюр и листов, проданных Обл[астным] бюро в области (за исключением Москвы и Моск[овской] губернии), растет из месяца в месяц. Если в апреле было продано 28 425 брошюр и 58 047 листов, то в мае уже — 63 499 [брошюр] и листов 35 471, а в июне — 75 000 брошюр и... * листов. Тем не менее с технической стороны издательство поставлено чрезвычайно несовершенно. Действия отд[ельных] товарищей и организаций, занимающихся этим делом, не согласованы, что постоянно приводит к разного рода промахам и неудачам. Кроме того экспедиция брошюр в провинцию совершенно излишне обременяет Обл[астное] бюро, не являясь его прямой задачей. Поэтому Обл[астным] бюро совместно с Моск[овским] и Окружным комитетами разработан проект книжно-брошюровочного издательства, но до сих пор его не удалось привести в исполнение, отчасти за невозможностью подыскать товарищей-специалистов этого дела, отчасти же за отсутствием необходимых средств. В самое последнее время удалось пригласить товарища, который будет заведывать этим делом. Но за отсутствием средств нельзя будет сразу же поставить это дело достаточно широко, что само по себе уже является ущербом для дела.

В области непосредственных сношений с местными организациями Обл[астным] бюро было выпущено за это время 3 циркулярных письма к местным организациям: 1) об избирательной кампании в городские думы, 2) об усилении работы в Советах и 3) [о] необходимости правильных ежемесячных 15⁰/₁₀₀-ных отчислений в кассу Обл[астного] бюро.

Рука об руку с увеличением штата работников Обл[астного] бюро и с развитием и усложнением форм его деятельности шло увеличение и укрепление связей Обл[астного] бюро в провинции и разрастание его провинциальной работы там.

Если на апрельской областной конференции были представлены 22 [организации] с общим числом около 18 000 членов, то в настоящее время в секретариате Обл[астного] бюро зарегистрировано уже 56 местных организаций, не считая Московской и Московской окружной организаций. Эти организации находятся в письменных и непосредственных личных сношениях с Обл[астным] бюро и по приблизительным, весьма умеренным, подсчетам в них насчитывается около 22 000 членов, причем многие из вошедших [в этот итог] цифр относятся к довольно давнему времени. Если прибавить к этой цифре 23 000 членов Московской и Московской окружной организаций, то окажется, что областная организация

* В подлиннике — пропуск.

насчитывает в данный момент около 45 000 членов. Кроме того Обл[астное] бюро имеет связи с отдельными лицами или группами в 35 пунктах.

В конце мая Обл[астное] бюро поставило своей ближайшей задачей создание районных объединений в области, а в связи с предстоящими выборами в Учредительное собрание выдвинулась новая задача — создание губернских объединений нашей партии. При объездах области членами Обл[астного] бюро [мы] все время имели э[то] в виду и старались подготовить почву и заложить основы таких объединений. И кое-что нами уже сделано. Так с участием членов Обл[астного] бюро состоялось в мае два заседания конференции Кинешемского района, который потом вошел, в качестве подрайона, в состав Кинешемско-ивановской районной организации, первая конференция которой состоялась в июне, а вторая — в июле, обе — при участии членов Обл[астного] бюро. В июне, также при участии членов Обл[астного] бюро, состоялась нижегородская губернская конференция. А в июле, перед настоящей нашей областной конференцией, состоялись следующие конференции: калужская губернская, московско-окружная, владимирская районная и тверская губернская. На всех присутствовали члены Обл[астного] бюро.

Создание районных и губернских объединений чрезвычайно облегчает работу бюро, ибо снимает с него всю черновую организационную работу, возлагая ее на плечи губернских и районных комитетов. Обл[астному] бюро остается обслуживать важные собрания местных комитетов, конференции, лекции, партийные школы и общее руководство организационной работой в области. Укрепление повсюду губернских и районных объединений дает возможность отдельным членам и работникам Обл[астного] бюро прикрепляться к определенным районам или даже губерниям и обслуживать их более планомерно, чем это было возможно до сих пор, когда на Обл[астном] бюро лежали разъезды по области с организационными целями. За эти месяцы членами и работниками Обл[астного] бюро было совершено 17 поездок в отдельные города области и 13 маршрутных поездок, при которых захватывался целый район. Поездки эти предпринимались с организационными целями, но помимо того товарищи выполняли и другую работу: читали публичные лекции, выступали на митингах и в Советах, делали доклады на партийных собраниях. Но кроме того лекции в области читались также и членами лекторской группы. Общее число лекций, прочитанных за это время в области, следующее: 35 публичных лекций и несколько связанных курсов, в общей сложности давших 60 часовых лекций.

Кроме того, двое товарищей из состава бюро прикреплены * к отдельным районам: т. Фокин — к Орловской губ. и т. Манцев — к Ярославской, которые они и обсуживают, в особенности деятельно [обслуживает] т. Фокин. Наконец, [при] содействии Обл[астного] бюро целый ряд организаций на местах определен в области идейной и отмежевался от оборонцев.

Параллельно с расширением работы быстро растет и бюджет Обл[астного] бюро. Кассовые отчеты за каждый месяц публикуются Обл[астным] бюро в «Соц[иал]-Демократе». Общие цифры прихода и расхода таковы:

Месяц	Приход	Расход
Март	2 850 р. 79 к.	1 129 р. 99 к.
Апрель	4 981 р. 62 к.	4 340 р. 23 к.
Май	8 746 р. 63 к.	10 337 р. 32 к.
Июнь	13 231 р. 44 к.	12 230 р. 13 к.

Здесь приходится отметить одно обстоятельство, на которое Обл[астное] бюро уже обращало внимание в одном из своих циркулярных писем: чрезвычайно слабое поступление ежемесячных отчислений в пользу Обл[астного] бюро из касс местных организаций.

В апреле отчисления составили только 404 р. 43 к., что, вместе с пожертвованиями, разными поступлениями и возвратом расходов, составило чистый приход Обл[астного] бюро 688 р. 39 к.

* В подлиннике написано — п р и к р е п л е н н ы х.

Расходы же по содержанию Обл[астного] бюро составили 1 652 р. 34 к.; таким образом расход был покрыт приходом только на 41,6%.

В мае расходы по содержанию бюро достигли 3 544 р. 24 к., тогда как отчисления дали 505 р. 44 к., что, с пожертвованиями и проч[ими] [поступлениями], составило приход 1 287 р. 40 к., покрывший расход уже меньше 36,3%.

В июне же расходы по содержанию бюро составили уже 4 056 р. 44 к., а отчисления дали 736 р. 16 к., что, с пожертвованиями и проч[ими] [поступлениями], составляет приход 1 512 р. 52 к., покрывающий расход на 37,3%.

Как же жило Обл[астное] бюро при таком постоянном дефиците? Во-первых, в первые два месяца революции в фонд Обл[астного] бюро поступили крупные пожертвования, так что в апреле Обл[астное] бюро вступило с большим остатком от марта, — в сумме 3 212 р. 79 к. Постоянные дефициты постепенно поглотили весь остаток. Во-вторых, Обл[астное] бюро занималось издательством литературы, получая от операций доход, позволявший ему благополучно сводить концы с концами. Но и это благополучие уже кончилось. Май был последним месяцем, в который бюро вступило с большим остатком (2 724 р. 19 к.). Остаток на июнь составлял уже только 533 р. 50 к. Июнь стал первым месяцем, в который Обл[астное] бюро совершило заем в сумме 3 918 р., так что крупный остаток на июль (1 534 р. 81 к.) — остаток фиктивный. В действительности мы имеем дефицит в сумме 2 383 р. 19 к. В июле положение еще ухудшилось, и долг наш возрос уже до 5 800 р. Дефицит в июле будет несравненно больше, тем более, что в ближайшие дни Обл[астному] бюро предстоит большие платежи за новые издания, касса же наша пуста. Обл[астное] бюро накануне несомненного банкротства, если только местные организации не примут мер к предотвращению этого. Местные комитеты должны немедленно озаботиться аккуратным внесением 15% отчислений в Обл[астное] бюро. За апрель отчисления были сделаны только 3 организациями, за май — 6, за июнь — 14. При этом только 2 комитета платят регулярно: Ковровский и Ивановский. Остальные, заплатив в апреле или мае, затем забывают платить. Это положение, несомненно, ненормальное, и оно должно быть изменено. С июля месяца Обл[астным] бюро будет заведена особая книга со счетами всех местных организаций. Не заплатившим организациям будут посылаться особые напоминания, зlostные же неплательщики будут публиковываться в «Соц[иал]-Демократе». В ближайшее после конференции время Обл[астным] бюро будет выработана форма финансовых отчетов, которые ежемесячно должны [будут] присылаться местными организациями в Обл[астное] бюро, чтобы при расширении своей деятельности бюро имело возможность производить правильный учет. Кроме того, замышляя целый ряд предприятий, важнейшим из которых является издательство, Обл[астное] бюро решилось на экстренную меру: с 1-го августа оно выпускает внутренний заем на сумму 250 000 руб. сроком на 2 года. Реализация займа заканчивается в 2 месяца; заем выпускается купюрами в 5, 10 и 25 рублей. Задачу распространения этого займа между членами партии в нашей области должны взять на себя местные комитеты.

Если слаба финансовая поддержка Обл[астного] бюро со стороны местных организаций, то довольно слаба также и организационная связь между Обл[астным] бюро и местными организациями. Постоянно обращаясь в бюро с различного рода запросами и требованиями, местные организации, несмотря на неоднократные напоминания Обл[астного] бюро, не присылают в бюро ежемесячных отчетов о своей деятельности, о росте организаций и проч., не присылают постановлений и резолюций своих комитетов и общих собраний. Обл[астное] бюро даже не имеет ни протоколов, ни резолюций состоявшихся конференций и знает о них только из докладов своих членов. Ни один из местных комитетов, например, не прислал в Обл[астное] бюро отчета о муниципальной кампании и о результатах выборов в [городские] думы, хотя в ряде мест они уже состоялись. Перед 12 мая, когда состоялась демонстрация протеста против [решения австрийского суда] казни Фридриха Адлера, и во время июльских событий Обл[астным] бюро было разослано каждый раз 20 телеграмм по области с призывом к выступлениям. После 12 мая ни один комитет не сообщил о том, сделано ли им что-либо для выполнения призыва Обл[астного] бюро. А в июльские дни такого рода сообщение было сделано только одним Ивановским комитетом. Правильная постановка

[ежемесячной] отчетности Обл[астному] бюро со стороны местных организаций должна стать нашей ближайшей очередной задачей в области организационной работы. В заключение приходится отметить, что, ведя в общем довольно деятельную работу в городах, среди промышленного пролетариата, Обл[астное] бюро не ведет никакой работы в деревне, хотя и имеет кое-где связи.

Теперь, в связи с выборами в Учредительное собрание, работа в деревне приобретает особенно важный характер и должна встать в центре нашего внимания.

Итак, завершение работы по созданию районных и губернских объединений, развитие и укрепление работы в деревне и создание более тесных организационных уз между Обл[астным] бюро и местными организациями — вот те организационные задачи, которые нам предстоит выполнить в ближайший же период после конференции.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 6

О ПОДГОТОВКЕ К ВЫБОРАМ В УЧРЕДИТ[ЕЛЬНОЕ] СОБРАНИЕ

(Резолюция, принятая на [Московской] Областной Конференции
Р.С.-Д.Р.П. [(6 августа) 24 июля])

В условиях настоящего момента, при наличии крепнущей контрреволюции, встречающей явное попустительство со стороны партий Советского большинства, перед партией революц. пролетариата встает задача упорного, организованного сопротивления нападениям контрреволюции и борьбы за сосредоточение всей власти в революц[ионных] пролет[арских] и крест[ьянских] Советах, которые одни могут обеспечить такую обстановку, при которой выборы будут происходить в Учредит[ельное] Собрание в условиях, наиболее выгодных для проявления воли широких масс пролетариата и крестьянства. Борясь за сосредоточение власти в таких револ[юционных] органах, партия должна всеми мерами воздействовать на нынешние Советы, чтобы они приняли все меры для обеспечения указанных условий при выборах в Учредительное собрание.

Считая необходимым немедленно же усилить подгот[овительную] работу к выборам в Учредит[ельное] Собрание, Обл[астная] Конференция предлагает всем партийным организациям в Центр[альной] Пром[ышленной] Области следующий план:

1. Подготовительная работа прежде всего должна выразиться в том, что на страницах печатных органов Обл[астного] бюро вопросам, связанным с Учредит[ельным] Собранием, должно уделяться возможно больше внимания. Обл[астная] Конференция считает настоятельно необходимым, чтобы были подвергнуты обстоятельной критике работы Особого совещания * по выборам в Учр[едительное] собрание ²⁷ и выдвинуты те вопросы, которые разрешены особым совещанием в духе, противоречащем интересам пролетариата и революционной демократии вообще, чтобы затем сделать эти вопросы предметом нашей агитации в широких массах. Необходимо также популяризировать нашу аграрную программу как в периодической печати, так и в официальных листках и брошюрах.

2. Переходя затем к организационной части подготовительной работы, Обл[астная] Конференция признает безусловно необходимым в ближайшее время закончить начатую уже работу по созданию губернских и районных объединений нашей партии, ибо только губернские и районные комитеты могут выполнить предстоящую сложную и большую работу по организации избирателей и составлению кандидатских списков.

Высказываясь за это, что на выборах в Учр[едительное] Собрание наша партия выступает вполне самостоятельно, Обл[астная] Конференция считает допустимым лишь блоки с интернационалистскими группами и течениями и ставит своей задачей провести это поста-

* В газете ошибочно напечатано — Особого собрания.

новление на всех предстоящих в области губернских и районных конференциях и в губернских и районных комитетах.

Губернские и районные комитеты должны объединить всю работу по организации избирателей, для чего члены этих комитетов объезжают местные организации и направляют работу местных комитетов. В тех местах, где губернские и районные объединения еще не созданы, эту задачу временно берут на себя наиболее крупные местные организации.

В области организации городских избирателей Обл[астная] Кон[ференция] рекомендует те же меры, какие указывались ей и во время муниципальных выборов, а именно создание домовых, квартальных и районных комитетов, отсылая за подробными указаниями к своему циркулярному письму на эту тему.

В виду того огромного значения, которое на выборах в Учред[ительное] Собрание будет иметь крестьянская масса, необходимо теперь же обратить самое серьезное внимание на организационную работу среди крестьян. В этих целях Обл[астная] Конф[еренция] рекомендует след[ующие] меры:

1. Губернские и районные комитеты в местах своего пребывания немедленно же созывают собрания из членов местных организаций, являющихся крестьянами отдельных уездов данной губернии. Такие уездные ячейки собирают среди товарищей связи с крестьянством по данному уезду и затем посылают на места одного или нескольких делегатов. Делегаты эти, войдя предварительно в соглашение с партийными организациями в уезде, создают по волостям в крупных селах избирательные комитеты из сочувствующих нашей позиции крестьян и сельскохозяйственных рабочих, через посредство которых затем ведется вся агитация: созываются собрания, распространяется литература. С этими же комитетами обсуждаются списки кандидатов в Учредительное Собрание. При этом Обл[астная] Конф[еренция] считает допустимым в отдельных случаях внесение в наши списки кандидатур сочувствующих нам беспартийных крестьян и сельскохозяйственных рабочих.

2. Местные комитеты также создают ячейки из связанных с деревней членов своих организаций для выполнения указанной в 1 пункте работы в пределах своего уезда, ведя ее в полном соответствии с общим планом деятельности губер[нских] комитетов.

3. Уездные ячейки при губернских и местных комитетах и избирательные комитеты из крестьян и с.-хоз. рабочих должны взять на себя работу по проведению избирательной кампании в земства, на которой они организуются сами и сплотят вокруг себя сочувствующие с.-д-тии элементы, подготавливая кадры наших сторонников на выборах в Учредительное Собрание.

4. Губернские районные комитеты, а там, где они еще не создались, штаты наиболее крупных местных организаций, теперь же приступают к обсуждению и составлению проектов списков кандидатов по губерниям, привлекая к участию в этой работе местные организации и непрерывно сносясь по этому вопросу с Областным бюро.

5. Списки кандидатов утверждаются губернскими комитетами по сношению с Областным бюро.

(Московская газета. «Соц.-Дем.» № 123, (15) 2 августа 1917 г.)

ПРИЛОЖЕНИЕ № 7

ПРОЕКТ УСТАВА РСДРП С УТВ[ЕРЖДЕННЫМИ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИЕЙ] ПОПРАВКАМИ *

1. Членом партии признается всякий принимающий программу партии, входящий в одну из ее организаций, подчиняющийся всем постановлениям партии и уплачивающий членские взносы.

* Проект приводится по машинописному тексту подлинника протоколов конференции (103-й лист).

2. Новые члены принимаются местными партийными организациями по рекомендации не менее двух членов партии. Окончательно же утверждаются новые члены на первом общем парт. собрании.

3. Размер членского взноса устанавливается местной организацией в размере не менее 10% заработной платы. Новые члены уплачивают вступительный взнос в размере 50 копеек.

Члены, в течение 3 месяцев не уплачивавшие без уважительных причин членские взносы, считаются выбывшими из состава организации.

4. Все организации партии строятся на началах демократического централизма.

5. Все организации партии автономны во внутренней своей деятельности. Всякая организация партии имеет право издавать от своего имени партийную литературу.

6. Новые партийные организации утверждаются областными комитетами, а где таковые отсутствуют — ЦК-ом. Контроль над утверждением принадлежит ЦК, о каждой новой организации ЦК объявляет в партийной печати.

7. Партийные организации каждого района объединяются в районные и областные организации. Районные и областные комитеты избираются на районных и областных конференциях.

8. Все местные организации должны отчислять ЦК-ту 10% всех своих денежных поступлений, за исключением поступлений со специальным назначением.

9. Верховным органом партии является съезд. Очередные съезды созываются ЦК ежегодно. Экстренный съезд созывается ЦК в 2-х месячный срок по собственной инициативе или по требованию организаций, насчитывающих в своих рядах не менее $\frac{1}{3}$ общего числа членов партии. Созыв партийного съезда и порядок дня объявляется не менее, как за $\frac{1}{2}$ месяца до съезда.

Съезд считается действительным, если на нем представлено не менее половины всех членов партии.

Нормы представительства на съезде партии устанавливаются ЦК-ом по соглашению с областными комитетами.

10. В случае отказа ЦК созвать экстренный съезд организации, потребовавшие его, имеют право организовать Организационный Комитет, который пользуется всеми правами ЦК по созыву съезда.

11. Съезд: а) заслушивает и утверждает отчеты ЦК, ревизионной комиссии и прочих центральных учреждений партии, б) устанавливает и пересматривает программу партии, в) устанавливает тактическую линию партии и г) избирает ЦК и ревизионную комиссию.

12. ЦК выбирается ежегодно на съезде в количестве 21 человека. Для повседневной работы в качестве постоянно функционирующего органа съезд выделяет узкий состав ЦК в 11 чел., обязанных постоянно проживать в Петрограде. Пленарные заседания ЦК с участием членов, связанных с местными организациями, собираются не реже раза в 2 месяца.

ЦК представляет партию в сношениях с другими партиями и учреждениями, организует различные учреждения партии и руководит их деятельностью, назначает редакцию ЦО, работающую под его контролем, организует и ведет предприятия, имеющие общепартийное значение, распределяет силы и средства партии и заведует центральной кассой партии. В случае выбытия членов ЦК состав его пополняется из числа выбранных съездом кандидатов в порядке, определенном съездом.

13. Ревизионная комиссия ревизует все предприятия ЦК и представляет свои отчеты ближайшему партийному съезду, печатает их и рассылает по организациям.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 8

РЕЗОЛЮЦИЯ [МОСКОВСКОЙ] ОБЛАСТНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОРГАНИЗАЦИОННОМУ ВОПРОСУ

Областная конференция центрально-промышленного района поручает областной делегации на Всероссийском съезде партии внести следующий проект резолюции по организационным делам:

Съезд поручает ЦК-ту в ближайшем же времени принять меры к объединению всей работы, ведущейся по организационному строительству нашей партии, и к планомерному руководству этой работой; в этом отношении съезд считает необходимым сделать ЦК следующие конкретные указания:

1) во всех наших местных организациях должна быть введена единообразная регистрация членов, формы и способы которой должны быть разработаны ЦК;

2) чтобы разрешить вопрос об отчислениях местных организаций в кассу ЦК и областных центров, съезд поручает ЦК разработать систему погашения членских взносов марками, получаемыми местными комитетами из ЦК через посредство областных комитетов;

3) во избежание дальнейшего увеличения уже имеющейся налицо организационной пестроты местные организации и группы должны иметь в своем распоряжении образцовые уставы местных, районных и областных объединений, что съезд и поручает сделать ЦК.

4) в целях окончательного оформления организационного здания нашей партии во всероссийском масштабе ЦК должен наметить сеть областных объединений и немедленно приступить к созданию таковых и

5) в связи с предстоящими выборами в Учредительное Собрание ЦК должен немедленно принять меры к созданию губернских объединений нашей партии.

(«Социал-Демократ» № 120 (11 августа), 29 июля 1917 г., стр. 3.)

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проект программы РСДРП был выработан перед II съездом партии редакциями «Искры» и «Зари», причем в его основу был взят проект Плеханова. Большое участие в выработке программы принимал Ленин. Первоначально проект «Искры» и «Зари» был опубликован в № 21 «Искры» (1 июня 1902 г.). Перед съездом он подвергся критике в заграничной печати, особенно со стороны т. Рязанова, упрекавшего авторов проекта в отходе от ортодоксального марксизма к Бернштейну. (См. его книгу «Материалы для выработки партийной программы», выпуск II, издание группы «Борьба», Женева, 1903 г.) Ему возразил Плеханов своими статьями в №№ 41, 42 и 43 «Искры» под одноименным заголовком: «Ортодоксальное буквоедство».

Эта программа, принятая на II съезде РСДРП, — в связи с изменениями в политической жизни России, внесенными Февральской революцией, и в связи с изменениями в общей мировой экономике, внесенными развитием финансового капитала и войной, — нуждалась в коренной переделке. И революционная часть РСДРП — большевики — впервые подошла к этой переделке на своей всероссийской конференции, состоявшейся (6—12 мая) 24—29 апреля 1917 г. Конференция, по докладам Ленина и представителя ее программной секции т. Сокольникова, вынесла резолюцию об основных принципах пересмотра программы с поручением ЦК составить проект партийной программы для утверждения очередным партийным съездом.

В результате этого поручения вскоре после конференции были изданы две брошюры: «Материалы по пересмотру партийной программы» — Ленина и «Материалы по пересмотру партийной программы» — сборник статей Милютина, Сокольникова, Ломова и Смирнова. Из-за июльских событий ЦК проекта программы к моменту созыва VI партийного съезда (состоявшегося (8—16 августа) 26 июля—3 августа 1917 г.) не выработал и последний, ввиду недостаточной проработки вопроса и в связи с массой текущих вопросов, отложил окончательный пересмотр программы до созыва следующего съезда. Часть этой работы была проделана на VII съезде и полностью была закончена лишь на VIII съезде.

² См. XX т. Сочинений Ленина, стр. 299—303—310, и брошюру Московского областного бюро «Материалы по пересмотру партийной программы» (сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова и В. Смирнова), стр. 19—22. Подробный разбор проекта т. Сокольникова Лениным см. XXI т., 2-е издание Сочинений Ленина, стр. 297—311 (в статье «К пересмотру партийной программы», написанной (19—21) 6—8 октября 1917 г.).

³ Эрфуртская программа — программа германской социал-демократической партии, выработанная на ее съезде в Эрфурте в 1891 г. К. Каутский, тогда еще бывший марксистом,

написал к ней обширный комментарий, которым в своей пропагандистской работе в значительной мере пользовались и русские социал-демократы.

⁴ Родбертус-Ягцов, Карл (1805—1875) — немецкий экономист, крупный прусский землевладелец. Создал своеобразную «теорию трудовой стоимости» с тем, однако, крупным методологическим недостатком, что придал своим категориям внеисторический (вечный!) характер. Был одним из главных теоретиков «государственного социализма». Наиболее полное и подробное изложение взглядов Р. содержится в его «Социальных письмах» к Кирхману» (вышли в 1850—1855 гг.). (XXIII т. Сочинений Ленина, стр. 624).

⁵ См. четвертый абзац старой программы РСДРП и 78—80 стр. книги Рязанова «Материалы для выработки партийной программы», вып. II.

⁶ Не удалось выяснить, кто был этот Раппопорт. У Московского областного бюро РСДРП такого разъездного работника не было. По мнению т. В. Н. Максимова, это был или представитель большевистской фракции Московского совета солдатских депутатов или разъездной работник Московского окружного комитета РСДРП (6).

⁷ Особенно резко национальное угнетение вывилось в столкновении Временного правительства с Финляндским сеймом, когда (18) 5 июля сейм принял закон о государственном устройстве Финляндии (см. стр. 320 кн. В. Владимировой «Революция 1917 г.», т. III, изд. ГИЗа) и поставил об этом (25) 12 июля в известность Временное правительство. Последнее (31) 18 июля ответило на этот закон изданием манифеста о роспуске финляндского сейма.

С украинской радой Временному правительству, на почве подобного же конфликта, удалось, после длительных переговоров, заключить соглашение, по которому автономия Украины сводилась к нулю.

Все действия Временного правительства по национальному вопросу в той или иной форме поддерживались соглашательским большинством тогдашних Советов.

⁸ Недоуменный вопрос оратора относится к пятому абзацу дополнения Лениным введения старой программы РСДРП, в котором говорится, что «только пролетарская социалистическая революция может вывести человечество из тупика, созданного империализмом и империалистическими войнами» (см. 302 стр., XX т., II издания Сочинений Ленина).

⁹ Проекта т. Осинского по пересмотру старой партийной программы в материалах протоколов конференции не имеется и в печати опубликован он не был.

¹⁰ Проект переработки программы РСДРП (введения и программы-максимум) т. Сокольникова Московское Областное бюро на своем заседании, состоявшемся (11—12 июля) 28—29 июня 1917 г., постановило предложить в качестве основы для дискуссии на местах. Проект т. Сокольникова приведен на 19—22 стр. брошюры Областного бюро «Материалы по пересмотру партийной программы» (сборник статей В. Милютина, В. Сокольникова, А. Ломова и В. Смирнова).

¹¹ Проект пересмотра политической части программы-минимум Ленина см. в XX т. II издания Сочинений Ленина, стр. 302—305.

¹² Такого выражения в проекте Ленина нет. Здесь, очевидно, говорится о выражении «Партия борется за более демократическую пролетарско-крестьянскую республику» (см. пятый абзац 303 стр., XX т., II издания Сочинений Ленина).

¹³ Текста политической части программы-минимум, предложенного т. Осинским, в материалах протоколов конференции не имеется.

¹⁴ См. первую главу (3—5 стр.) брошюры К. Каутского «Социальная революция» (Издание ВЦИК, Москва, 1918 г.), опубликованной автором в 1902 г., когда он был революционным марксистом.

¹⁵ Резолюции т. Калашникова и предложений тт. Тихомирнова, Беленького и Сокольникова в материалах протоколов конференции не имеется.

¹⁶ В подлиннике протоколов имя т. В. Н. [Яковлевой] в списке кандидатов в члены Областного бюро выставлено без номера после фамилии т. Бубнова, идущей под № 3. Значит, в списке т. Яковлева идет под № 4, и номер каждого следующего кандидата должен быть увеличен на единицу, кроме последнего (номер т. Зимина), который исправлен в самом подлиннике протокола.

¹⁷ Оратор усматривает противоречие пятого абзаца резолюции (где говорится о допустимости для большевиков блоков в избирательной кампании лишь с интернационалистскими группами) с девятым ее абзацем (где отмечается допустимость в отдельных случаях внесения в списки кандидатур сочувствующих большевикам беспартийных крестьян и сельско-хоз. рабочих). (См. приложение № 6.)

¹⁸ Статья т. Зиновьева «Рабочие и солдаты — в деревню!» опубликована в № 95 «Правды» (13 июля) 30 июня 1917 г.

¹⁹ Первый абзац резолюции (введение) был заново написан докладчиком (см. приложение № 6), а вся остальная ее часть принята в первоначальной редакции Областного бюро, опубликованной в № 107 «Социал-Демократа», (27) 14 июля 1917 г., с небольшими частичными поправками.

²⁰ Ефремов И. А. — член III и IV Государственных Дум от Ставропольской губернии, октябрист, а после Февральской революции — лидер только что организовавшейся в то время радикально-демократической партии, (24) 11 июля 1917 г. назначенный министром юстиции и с (6 августа) 24 июля вошедший в состав второго коалиционного правительства в качестве министра государственного призрения.

²¹ Кроме большевиков, на циммервальдских конференциях от социалистов России принимали участие также и замаскированные оборонцы меньшевики-интернационалисты и эсеры-интернационалисты. Кампания контрреволюционной клеветы после июльских событий частично была направлена и против некоторых представителей этих социалистов.

²² Платформа Московской окружной организации РСДРП(б) в резолюции, принятой на ее июльской конференции по вопросам земской избирательной кампании, была сформулирована следующим образом: «Основные пункты нашей платформы следующие: а) создание земельного фонда из всех земель — национализация его; б) скорейшее прекращение войны; в) переход власти в руки революционного пролетариата и беднейших слоев крестьян; г) контроль над производством и распределением, а также другие пункты нашей программы» («Социал-Демократ», № 114, (4 августа) 22 июля 1917 г., стр. 4).

²³ «Социал-Демократ» — ежедневная газета Московского областного бюро и Московского комитета (а затем и Московского окружного комитета) РСДРП(б), выходившая с (20) 7 марта 1917 г. до момента переезда ЦК партии в Москву (в марте 1918 г.), когда «Социал-Демократ» слился с «Правдой».

²⁴ Московский комитет РСДРП объединял в то время большевистские организации Москвы, а Московский окружной комитет — все остальные большевистские организации Московской губернии.

²⁵ «Спартак» — популярный теоретический журнал Московского областного бюро, Московского комитета и (с № 2) Московского окружного комитета РСДРП(б). Всего вышло 10 номеров: с (2 июня) 20 мая 1917 г. по (11 ноября) 29 октября 1917 г. (из XXI т., II издания Сочинений Ленина, прим. 45, стр. 517).

²⁶ «Жизнь работницы» — популярный журнал Московского областного бюро РСДРП(б). Всего, по имеющимся сведениям, вышло лишь 2 номера: № 1 — (3 июля) 20 июня 1917 г. и № 2 — (3 августа) 21 июля 1917 г.

²⁷ Об организации Особого совещания для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание Временное правительство вынесло свое постановление (7 апреля) 25 марта 1917 г. Следующим своим постановлением (23) 10 мая оно назначило первое заседание Особого совещания на (7 июня) 25 мая. Постановлением (5 июня) 23 мая Временное правительство назначило кадета Кокошкина председателем Особого совещания, причем часть членов его тоже была назначена правительством, а другая часть состояла из представителей общественных организаций и политических партий. Последнее заседание Особого совещания состоялось (15) 2 сентября.

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПАРТИИ ¹

1. НОВЫЙ ЭТАП БОРЬБЫ И ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ПАРТИИ И ЛЕНИНИЗМА

Товарищи, история ВКП(б), как наука, изучающая опыт борьбы пролетариата за социализм, опыт руководства этой борьбой пролетарского авангарда—партии,—приобретает сейчас исключительное значение благодаря той роли, какую играет наша партия в СССР и в Коминтерне. Партия наша вырастает в огромную силу. К XVI съезду мы, вероятно, будем иметь около 2 с лишним миллионов членов партии. Мы имели недавно еще 1 800 000 членов и кандидатов. Последний призыв—октябрьско-ленинский призыв—дает, примерно, больше 300 000 новых членов и кандидатов. Эта цифра, пожалуй, значительно преуменьшена, потому что то новое, что мы имеем в рабочем классе, о чем я буду говорить дальше, показывает, что партия будет расти гораздо более быстро, чем она росла до сих пор, будет расти за счет лучших элементов рабочего класса, за счет деревенских батраков и частью бедняков, организованных теперь в социалистическом секторе сельского хозяйства. Из этих 2 с лишним миллионов членов и кандидатов партии мы имеем больше 1 млн. рабочих, по социальному положению—около 1 миллиона с четвертью и лишь немногим меньше миллиона рабочих, занятых в производстве. Процент рабочих, занятых в производстве, правда, еще несколько ниже 50%; но он приближается к этой цифре и, вероятно, к XVI съезду мы будем иметь выполненным, а может быть даже перевыполненным постановление XV съезда в этом отношении.

В начале советского периода нашей революции мы еще не имели для наших партийных организаций на фабриках и заводах такой крепкой производственной базы, какую мы имеем сегодня. Фабрики и заводы свертывались, рабочий класс расплылся. Теперь положение иное. Сейчас значение наших партийных организаций на фабрике, на заводе гораздо более значительное, чем это было в начале революции. Про наши партийные организации на фабриках и заводах Ленин говорил, что каждая партийная организация на фабрике, на заводе есть крепость большевизма, крепость революции. *Теперь эта крепость вооружена сильнее,*

¹ Доклад на совещании преподавателей по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна 9 февраля с. г.

она более могущественна, более организована, она теперь больше связана с широкими массами крестьянства, она имеет доподлинную социалистическую смычку с деревней. Далее, теперь мы имеем также и огромный рост комсомола, являющегося подготовительной школой, готовящей молодые кадры большевиков. В комсомоле мы имеем больше миллиона молодых рабочих. Правда, в комсомол в последнее время этот рост несколько сдержаннее, чем в партии, но несомненно и он будет очень значителен. Во всяком случае влияние партии на самые широкие слои рабочего класса, на самые широкие слои трудящихся крестьян гораздо больше, чем это было раньше.

Интерес к истории нашей партии в огромной степени возрастает не только в нашей стране, но и во всех странах мира. И надо сказать, что в подготовке необходимых пособий, в должной разработке тех вопросов, которые интересуют широкие массы, мы не успеваем за этим интересом. На конференции аграрников-марксистов тов. Сталин говорил о том, что наша теория вообще отстает от потребностей практической жизни. Приходится констатировать, что это относится не только к аграрникам и вообще экономистам. Это относится и к историкам партии, относится к тем товарищам, которые занимаются историей революционных движений и историей партии. Здесь мы постоянно наталкиваемся на целый ряд вопросов, которые требуют самой глубокой разработки. В этой области мы отстаем, и целый ряд этих вопросов еще почти не затронут.

Между тем, история нашей партии становится средством большевистского воспитания не только рабочих масс в нашей стране,—она становится средством большевистского воспитания довольно значительных рабочих масс в других странах.

У меня имеется следующая справка Гиза. За сравнительно короткий срок, начиная с 1926 г., следовательно, за 4 года, мы издали, примерно, около полутора миллионов экземпляров различных учебников по истории партии. Конечно, мы знаем, насколько этот темп издательства недостаточен, насколько даже количественно он совершенно не удовлетворяет предъявляемый спрос. А если мы просмотрим опубликованный сегодня в «Правде» Гизом список книг по истории партии и ленинизму, мы увидим там зияющие пробелы по целому ряду чрезвычайно важных вопросов.

Еще хуже обстоит дело с западноевропейскими товарищами, которые хотят учиться ленинизму, хотят учиться истории партии. Правда, мы имеем сейчас на русском языке сочинения Ленина, на русском языке мы заканчиваем второе издание сочинений Ленина. Через несколько месяцев у нас будут все 27 томов. Сейчас у нас имеется уже 23 тома. Мы выпускаем сокращенное издание Ленина (шеститомник) огромным тиражом (около полумиллиона). Мы делаем первые попытки поставить широкое издание массовых брошюр по ленинизму, основных работ Ленина, переводов Ленина на иностранные языки. Правда, полного собрания сочинений Ленина на иностранных языках нет еще до сих пор нигде. То, что имеется, не совсем нас еще удовлетворяет.

Еще хуже обстоит дело с учебниками и учебными пособиями для иностранных товарищей. Только сейчас переводится ряд учебников на немецкий язык, на английский, испанский, французский. Но до сих пор в этом отношении дело обстоит очень плохо.

Между тем, товарищи, если вы внимательно следите за тем, что делается в Западной Европе, каждый из вас почувствует, насколько история нашей партии, насколько *вся наша борьба является одним из рычагов этого движения*. Недавно, в Чехо-словацком парламенте тов. Готтвальд произнес прекрасную речь. «Мы, действительно,—говорил он,—ездим в Москву учиться, мы учимся у большевиков, как свернуть вам шею (это он обращался к буржуазным депутатам парламента). Мы знаем, что большевики это дело умеют делать как следует». Целый ряд наших школ помогает нашим иностранным товарищам готовиться свернуть шею западноевропейской мировой буржуазии. Но мы должны признать, что в этом отношении мы слишком недостаточно еще удовлетворяем запросы. Мы должны провести гораздо большую систематическую работу в этом направлении.

2. ИСТОРИЯ ПАРТИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Я напомню вам, как ставился вопрос об изучении нашего опыта в начале революции. Вот что, например, говорил Владимир Ильич в заключительном слове по вопросу о программе партии на заседании 19 марта 1919 г. «К нам приезжают товарищи из Германии, чтобы уяснить себе форму социалистического строя. И нам надо поступать так, чтобы доказать заграничным товарищам свою силу, чтобы они видели, что в своей революции мы нисколько не выходим из рамок действительности, чтобы им дать материал, который будет для них неопровержим. Было бы смешно выставление нашей революции каким-то идеалом для всех стран, воображать, что она сделала целый ряд гениальных открытий и *ввела кучу социалистических новшеств*. Я этого ни от кого не слышал, и утверждаю, что ни от кого не услышим. *У нас есть практический опыт осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства. Больше ничего нет.* Если мы будем корчить из себя лягушку, пыхтеть и надуваться, это будет посмешищем на весь мир, мы будем простые хвостуны» (Ленин, Собр. соч., т. XVI, стр. 135. Подчеркнуто мной.—Е. Я.).

Так 11 лет тому назад Владимир Ильич говорил по отношению к товарищам, которые приезжают к нам учиться нашему опыту, опыту социалистической революции. Мы ничего не можем дать, говорил тогда Ленин, кроме практического опыта *«осуществления первых шагов по разрушению капитализма в стране с особым отношением пролетариата и крестьянства»*. Теперь дело обстоит иначе. Теперь у нас есть *одиннадцатилетний опыт*—это уж не первые шаги. Сейчас мы переходим к решительным шагам по уничтожению капитализма. Сейчас мы

переходим к созданию районов сплошной коллективизации, мы переходим к социалистической переделке мелкого и мельчайшего крестьянского хозяйства. В огромной степени выросло ведущее значение крупной социалистической промышленности и обобщественных крупных советских хозяйств. В громадной степени выросла ведущая роль пролетариата в нашей стране. Поэтому революционизирующее значение нашего опыта, показ нашего опыта имеет гораздо большее значение, чем это было 11 лет тому назад. У нас теперь есть еще и многое другое показать. Мы можем показать, «как это делается», так как мы от первых шагов по разрушению капитализма, от военного коммунизма,—через нэп, подошли уже к решающим боям за выкорчевывание корней капитализма, именно к тем боям, к которым мы подошли сейчас.

Поэтому мы уже не можем ограничиться только изучением и изображением первых годов революции. Мы не можем ограничиться историей нашей партии до 1917 или до 1921 года. Мы должны довести ее до наших дней, ибо наш опыт этих годов имеет гигантское революционизирующее значение для всего мира.

Громадное значение имеет опыт военного коммунизма, опыт самого первого периода нэпа с его различными стадиями маневренного отступления. Это отступление нам нужно было совершить в порядке, именно для перехода в наступление. Некоторые отряды, группы нашей партии не умели совершить его в порядке—наводили панику. Большое значение имеет опыт приостановки этого отступления и в дальнейшем переход в наступление на капиталистические элементы, и в этот период точно так же в нашей партии обнаруживается целый ряд колеблющихся групп, справа и слева критикующих ленинизм, или, вернее сказать, справа и слева пытающихся разрушить монолитную ленинскую партию.

Далее, мы имеем опыт восстановления разрушенного империалистической и гражданской войной хозяйства. У нас есть опыт перехода к социалистической реконструкции всего хозяйства и первых годов этой социалистической реконструкции. За эти годы мы имеем гигантский опыт борьбы,—сложный и многообразный опыт борьбы рабочего класса. Мы имеем опыт руководства рабочего класса многомиллионными массами крестьянства на этом трудном мучительном переходе от индивидуалистического хозяйства мелкого товарного производителя к коллективному хозяйству. Мы имеем опыт внутривнутрипартийной борьбы и целого ряда дискуссий, с образованием и исчезновением целого ряда фракционных групп, частично повторяющих то, что мы имели в зародыше в прошлые годы, но идущих значительно дальше тех уклонов, которые раньше намечались в нашей партии,—фракционных групп, вышедших далеко за пределы этих уклонов.

За эти годы партия проделала громадную работу по разоблачению и вскрытию мелкобуржуазной природы и контрреволюционной сущности отдельных групп, которые прикрывались знаменем ленинизма в борьбе против партии.

Далее мы имеем опыт нескольких повторных чисток нашей партии. Этот опыт также имеет гигантское значение для других стран. За это время изменился состав нашей партии. На II конгрессе Коминтерна Ленин говорил примерно о 600 тыс. членов и кандидатов нашей партии. Это было до чистки партии. Целый ряд чисток партии выбросил примерно одну четверть миллиона из этого состава. Теперь же мы имеем партию, в которой больше 2 млн. членов и кандидатов. Таким образом партия обновилась за это время по крайней мере на $\frac{3}{4}$. За это время в рабочем классе произошли громадные сдвиги, имеющие гигантское значение. Произошел целый ряд изменений и в структуре наших партийных организаций, начиная от ЦК и кончая низовой ячейкой. Вместо прежней ячейки на заводе—самое большое—в несколько десятков человек, мы имеем заводские коллективы *в несколько тысяч* членов и кандидатов. Мы имеем цеховые коллективы со своими цеховыми газетами с совершенно новыми формами работы и пр. и пр. Поэтому *мы должны целый ряд вопросов изучения и преподавания истории ВКП(б) и Коминтерна поставить по-новому. Мы должны отойти от тех шаблонов, которые у нас были. Надо несколько повернуть историю партии к современности. Надо не только прошлым заняться, но повернуть его изучение к современности.* Как говорил Ильич: *надо не только учиться у революции, но и учить революцию.*

Вот, имея в виду все это новое, можем ли мы сказать, что изучение и преподавание истории нашей партии и ленинизма поспевают за всеми новыми явлениями в жизни нашей партии. Конечно, нет. Они очень значительно отстают. Мы должны сделать *коллективное* усилие для того, чтобы подтянуться в этом отношении, для того чтобы изучение и преподавание истории нашей партии поставить несколько ближе к действительности. Надо учесть громаднейший опыт нового с тем, чтобы все то, что в этом опыте есть общезначимого, ценного, большевистского, в самом доподлинном смысле слова, сделать достоянием широчайших масс, сделать достоянием западноевропейских компартий, сделать достоянием компартий всех стран.

Тов. Сталин был прав, когда на конференции аграрников-марксистов говорил, что новая практика рождает новый подход к проблемам экономики переходного периода. Мы должны добавить здесь: не только к проблемам экономики, но и к целому ряду вопросов истории нашей партии. «По-новому ставится теперь вопрос о нэпе, о колоссальных темпах строительства и т. п. Чтобы политика партии не отставала от практики, нужно теперь же заняться разработкой этих проблем с точки зрения новой обстановки. Без этого невозможно преодоление буржуазных теорий, засоряющих головы наших практиков. Без этого невозможно выкорчевывание этих теорий, ибо только в борьбе с ними можно добиться укрепления позиции марксизма и ленинизма».

Некоторые товарищи, занимающиеся *историей* партии, думают, что, например, вопросы экономики сегодняшнего дня, вопросы нашего совре-

менного строительства для них не имеют актуального значения. Но это в корне неверно. *История партии является таким могучим орудием воспитания большевистской массы, что мы никогда не можем ее отделять от запросов современной жизни, отводить ей какое-то особое место, выделять ее совершенно, отделять, отрывать от практической борьбы рабочего класса сегодняшнего дня.*

Какие же выводы мы должны делать, исходя из этих положений? *Мы должны так поставить изучение истории ВКП(б), изучение вопросов ленинизма, чтобы сосредоточить внимание на важнейших вопросах борьбы рабочего класса сначала за доведение до конца демократической революции, а затем за социализм.* Мы должны сосредоточить внимание на историческом обосновании основных вопросов, которыми теперь живет партия. *Надо с точки зрения современности подходить к изучению и к преподаванию истории партии и ленинизма.* К сожалению, некоторые товарищи этого совершенно не поняли.

Мы должны изучать историю нашей партии не только до Октябрьской революции и до периода военного коммунизма, а проследить эту борьбу до наших дней.

3. К ВОПРОСУ О «НАСЛЕДСТВЕ» РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОШЛОГО

К прошлому революционной борьбы мы обращаемся для того, чтобы правильно определить значение ВКП(б) в истории этой борьбы, чтобы генетически связать борьбу нашей партии с борьбой других предшествовавших нам революционных организаций, чтобы уяснить себе, какое мы получили наследство от этого революционного прошлого. Дискуссия о «Народной воле» особенно показала, насколько в этом отношении у нас не выяснен ряд вопросов. Казалось бы, вопрос должен был быть ясным после того, что писал Плеханов о «Народной воле» в «Наших разногласиях», после того, что писал по этому вопросу Владимир Ильич в «Друзьях народа» и в других работах. Казалось бы, после этого должен был быть ясным основной вопрос—об отношении нашей партии к народничеству на разных стадиях его развития—к революционному народничеству 70-х годов, народофильству, к эпигонам народничества, и, наконец, к позднейшим народническим организациям. Однако дискуссия показала, насколько здесь много неясностей.

С одной стороны, делаются попытки идеализировать те или иные высказывания народничества. С другой же стороны, иногда забывают ту разницу, которую Ленин видел—разницу между утопическим «крестьянским» социализмом революционных народников и между мещанским социализмом их эпигонов. Иногда же подменяют меньшевистским истолкованием, меньшевистской критикой народничества нашу большевистскую критику. Более того, скатываются даже к либеральному пониманию и истолкованию народофильства.

Мы обращаемся к прошлому для того, чтобы видеть ясно *истоки*

большевизма и его борьбу за гегемонию в пролетарском движении, в революционном движении нашей страны. Однако, если мы обратимся к работам по истории революционного движения, то кого только не зачисляют в родоначальники большевизма! В родоначальники большевизма зачисляют и Пугачева и Пестеля и народовольцев. Вот почему, чтобы не было шатаний в этой области, я думаю, что и здесь также необходимо проделать большую коллективную работу с точки зрения ленинской теории изучения нашей партии на основе накопившегося громадного материала, теперь дающего возможность документально установить истоки большевизма. А то иногда находят право гражданства такого рода заявления, как в свое время сделал Ваганян, что чуть ли не Плеханов является родоначальником большевизма, а не Ленин.

Мы должны наше прошлое изучать для того, чтобы показать, как и какие течения и уклоны пришлось преодолевать партии для того, чтобы отстоять гегемонию революционного марксизма, ленинизма в революционном движении нашей страны.

Мы должны к этому прошлому внимательно отнестись для того, чтобы показать классовую сущность тех враждебных нам групп и течений, которые пытались овладеть рабочим классом, начиная с экономистов, меньшевиков, ликвидаторов справа и слева и кончая новейшими группами, которые на известной стадии являются проводниками влияния мелкобуржуазной стихии на пролетариат, а на более «высшей» стадии своего развития превращаются в прямую контрреволюционную сущность, в агентуру контрреволюционных элементов. Такова, например, судьба троцкизма, сапроновщины, мясниковщины.

Нужно сказать, что ряд вопросов прошлого,—это показали дискуссии о Чернышевском и о «Народной воле»—еще не выяснены в достаточной степени. Возникшие вопросы прошлого революционного движения мы должны, поэтому, подвергнуть гораздо более серьезному обсуждению в наших исторических журналах—в «Пролетарской революции», в «Историке-марксисте» и др., и в вопросах истории партии и истории вообще необходимо максимальное развитие самокритики. Само собой разумеется, что наши дискуссии должны дать всем товарищам ленинцам, работающим в области истории партии, революционного движения, возможность высказываться, возможность сказать свое мнение по тому или иному спорному вопросу, не боясь того, что их обязательно зачислят в число ревизионистов, если они, скажем, в вопросе о значении торгового капитала с тем или иным товарищем не согласятся. Надо дать возможность вопросы нашего прошлого так поставить на обсуждение, чтобы была обеспечена возможность действительно самого многостороннего выяснения этих вопросов, не давая, конечно, никому протаскивать идеализацию чуждых ленинизму, чуждых большевизму взглядов, давая самый решительный отпор всяких таким попыткам.

Мы теперь имеем возможность глубже осветить эти вопросы. У нас имеется полное собрание сочинений Ленина, ленинские сборники, кото-

рые дают нам громадный материал. Как ни плохо разрабатываем мы исторические вопросы, но мы имеем все-таки работу Общества историков-марксистов, в котором товарищи серьезно и добросовестно работают над изучением вопросов, связанных с историей нашей партии.

4. К РЯДУ ВОПРОСОВ ИСТОРИИ ПАРТИИ НАДО ПОДОЙТИ ПО-НОВОМУ

В свете революционной борьбы целых трех десятилетий мы должны по-новому сейчас поставить ряд вопросов. Возьмите, например, вопрос, который снова возник в этой дискуссии о «Народной воле», вопрос о взаимоотношении пролетариата с крестьянством. Некоторые товарищи пытались доказать, что в отношении к народничеству нет никакой разницы между Плехановым и Лениным. Эти товарищи забывают о том, что *в ряде основных вопросов*—в вопросе о гегемонии пролетариата, о взаимоотношении пролетариата и крестьянства, в вопросе о значении революционной борьбы крестьянства—*мы стояли на разных позициях с меньшевиками, так же как и с троцкистами*, как с одной из разновидностей меньшевизма. В то время как на первом, демократическом, этапе революции мы видели в крестьянстве одну из основных революционных движущих сил революции, для меньшевиков крестьянское движение было сплошь и рядом реакционным движением. Мы имеем сейчас уже гораздо более широкий опыт для того, чтобы дать оценку этим взглядам.

Этот вопрос имеет значение не только для нас. Он имеет значение почти для всех коммунистических партий. Поэтому эти вопросы о взаимоотношениях пролетариата и крестьянства в свете ленинизма должны быть самым тщательным образом разработаны для каждой отдельной страны. Сейчас вновь разворачивается гигантское движение в Китае, в Индии. Китайский пролетариат и индусский пролетариат уже имеют опыт предательства буржуазии не только в нашей стране, но и в своих странах. Поэтому для коммунистических партий этих стран приобретает громадное значение вопрос о гегемонии пролетариата и о взаимоотношении с крестьянством.

Поэтому вопрос о взаимоотношении рабочего класса и крестьянства в различные периоды, в различной обстановке, в различных условиях приобретает для нас особое значение.

Когда сейчас мы подходим вплотную к вопросу о ликвидации кулачества как класса, именно ленинское большевистское отношение к этому вопросу интересует уже не только историков-марксистов, но вопрос о взглядах партии на крестьянство интересует уже каждого крестьянина, каждого середняка, бедняка.

Вы помните, как Ленин ставил вопрос об отношении к крестьянству уже после революции 1917 г. Он говорил о том, что суть социализма заключается в том, чтобы пролетариат сумел правильно определить свое от-

ношение к различным слоям крестьянства. Вот что говорил по этому поводу Ленин:

«Пролетариат должен разделять, разграничивать крестьянина-трудящегося от крестьянина-собственника, крестьянина-работника от крестьянина-торгаша, крестьянина-труженика от крестьянина-спекулянта. В этом разграничении вся суть социализма», т. е. в умении пролетариата, партии пролетариата правильно определить свое отношение к различным слоям крестьянства, в зависимости от этапа и условий борьбы *по-разному подойти к вопросу об организации их, по-разному подойти к вопросу о социалистической их переделке* и в то же время не забывать о борьбе с кулацкими элементами, о необходимости ликвидации этого слоя крестьянства, как носителя и защитника капиталистических тенденций.

Таким образом, товарищи, вопрос о гегемонии пролетариата и об отношении к разным слоям крестьянства имеет значение не только для истории. Этот вопрос имеет значение *для сегодняшнего дня. Он имеет значение для завтрашнего дня мировой пролетарской революции.*

В связи с современной борьбой против оппортунизма надо поставить и изучение борьбы с оппортунистическими течениями в истории нашей партии. Как ставил этот вопрос Владимир Ильич? Еще в своей работе «Шаг вперед, два шага назад» он говорил:

«Когда говорится о борьбе с оппортунизмом, не следует никогда забывать характерной части всего современного оппортунизма во всех и всяческих областях: его неопределенности, расплывчатости, неуловимости. Оппортунист, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и пр. и пр...»

Этот портрет, как и другой портрет В. И. по отношению к оппортунисту, который сидит на возу и благославляет господина за то, что он не похож ни на того и ни на другого,—это классические портреты. Они верны не только для прошлого, они верны почти что для всех других времен.

Особенно такая формулировка заострена против примиренчества к различного рода уклонам в нашей партии. Однако, если мы проследим преподавание истории нашей партии до сих пор, то можно ли сказать, что у нас было достаточно заострено преподавание истории нашей партии на этом вопросе,—на оппортунизме, на борьбе с правым и левым уклонами в нашей партии и с примиренчеством, в особенности, с примиренчеством? К сожалению, нет. А между тем, если вы возьмете ряд документов, даже за последнее время, как, например, «Политическое завещание» Ленина в истолковании Бухарина,—ведь это есть попытка представить самого Ленина оппортунистом, доказать, что Ленин не умел различать различных слоев крестьянства, что Ленин нас учил тому, что крестьянство якобы существует как сплошное, что отсюда *все* крестьянство пойдет сплошь по пути

кооперации, независимо от его различных прослоек. Между тем в этой борьбе за революционную диалектическую постановку вопроса против всякого и всяческого оппортунизма вырос и закалился большевизм. *Без борьбы на два фронта, без борьбы против примиренчества, составляющих один из важнейших моментов в истории нашей партии, не было бы большевизма.*

Но в нашей работе по ленинизму, в учебниках по ленинизму, в преподавании истории нашей партии до сих пор эти моменты были выделены недостаточно. Борьба с правой опасностью приобретает сейчас не менее актуальное значение, чем она имела тогда, когда мы боролись с предшественниками правых,—экономистами, меньшевиками, ликвидаторами. Она имеет также большое и притом чрезвычайно своеобразное значение для коммунистических партий Западной Европы, где налицо еще очень умело приспособляющаяся социал-демократическая партия, где налицо еще целый ряд групп и группировок, вроде брандлеровской и других подобных групп, которые перекидываются сегодня к одной точке зрения, завтра—к другой, где имеются попытки сколотить вновь троцкистский блок самых разносортных, разнообразных элементов. Показать на всем протяжении нашей истории борьбу на два фронта, борьбу с примиренчеством между II и III съездом, между III съездом и IV, между IV и V и в период реакции, показать, каковы были эти попытки примиренчества уже в более позднюю эпоху и в наши дни, какой громадный вред принесли они и приносят рабочему классу,—это есть одна из наших задач.

5. НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ТРОЦКИЗМЕ

Теперь делается, например, Троцкий попытка показать, что, по сути дела, история нашей партии не есть история большевизма, что история борьбы за большевизм не есть история расколов, отколов различных групп от революционной партии пролетариата, а это есть история объединительных попыток беспринципного склеивания различных групп и группочек. Видите ли, когда он, Троцкий, сколачивал августовский блок, то это была действительно «объединительная» попытка на принципиальной основе, а мы, большевики, конечно, были врагами этой объединительной попытки, мы были «раскольниками» и т. д. Против такого извращения истории, против попыток такой фальсификации истории нам надо сейчас чрезвычайно заострить наше внимание.

В связи с этим, я хотел бы остановиться на вопросе о троцкизме. Конечно, та характеристика, которая давалась троцкизму до 1917 г., и та характеристика, которая давалась тогда, когда Троцкий был еще в нашей партии, когда мы определяли троцкизм, как течение «мелкобуржуазной революционности» теперь была бы не только недостаточной в новых условиях, но и прямо неверной: такая характеристика должна отпасть сейчас, потому что люди, которые в период пролетарской диктатуры в нашей стране, в период обостреннейших боев пролетариата против социал-фашиз-

ма, против капитализма, люди, которые в этот момент могут выступать в буржуазной печати с нападками на нашу партию, люди, которые могут в наши дни использовать трудности нашего положения для того, чтобы возбуждать против нашей партии недовольные, отсталые слои рабочих, рваческие элементы,—эти люди уже не являются мелкобуржуазными революционерами, они вообще не являются революционерами,—они являются *контрреволюционерами*. Поэтому надо дополнить главу о троцкизме, показав эволюцию троцкизма и его контрреволюционную сущность в этих условиях.

То обстоятельство, что эта контрреволюционная организация находится не в недрах нашей партии, а вне нашей партии, не только не исключает необходимости изучать эту эволюцию нашего политического противника, который еще недавно был в недрах нашей партии, но, наоборот, требует самого тщательного изучения, между прочим, еще потому, что нужно иметь в виду, что кое-какие рецидивы троцкизма на том или ином трудном этапе могут быть в рядах нашей собственной партии, не говоря уже о том, что в рядах нашей партии скрываются отдельные элементы, которые стоят и сегодня на точке зрения троцкизма и скрывают эту точку зрения, но проводят ее там, где находят удобную почву,—в момент трудностей, среди отсталых, мелкобуржуазных слоев.

Это тем более еще необходимо, что Троцкий, уехавший за границу, решил, что он может противопоставить Институту Ленина свой собственный «институт» и заняться там изданием различных документов по истории партии, будучи субсидируем на это предприятие буржуазными издательствами. Он возвестил всему миру, что он эти деньги, полученные у буржуазии, взял для того, чтобы издать протоколы съездов, конференций и пр. и пр. Вот какая несчастная страна пролетарской диктатуры, что для того, чтобы издать протоколы съездов, конференций, пришлось Троцкому поехать за границу и издать там эти документы, пользуясь прикрытием «демократии»! Но мы ведь знаем, что Троцкий еще у нас в СССР занимался самой беззастенчивой фальсификацией истории, что целый ряд своих работ из эпохи гражданской войны фальсифицировал, так ловко подчистил, или, вернее, так неловко подчистил, что пришлось его разоблачать. Он утверждал и теперь утверждает, что никогда не расходился с Лениным по вопросу об оценке классов, когда ясно для каждого, что именно в вопросе об оценке классов он приходил к самым противоположным выводам.

Он утверждал и теперь утверждает, что Ленин не читал статей Троцкого, которые он, Ленин, цитировал и критиковал, хотя Ленин цитировал совершенно точно, *буквально*, его статьи. Как мог бы Ленин цитировать буквально статьи Троцкого, не читая их, это совершенно непостижимо. Но это все мелочи по сравнению с той фальсификацией, которой он занимается в его новой автобиографии, которая вышла на разных языках. Я говорю о книге «Моя жизнь». Из этого пасквиля на ВКП(б) читатель узнает с изумлением, что прямо судьба, можно сказать, предука-

зала этому человеку особый путь: день его рождения, оказывается, совпадает с днем Октябрьской революции и его книга «Моя жизнь» выходит в день его 50-летия. Разве это не знаменательно? Разве в этом нет какого-нибудь особого, прямо-таки мистического смысла. Прямо «перст божий» предрекал, что он как раз родится в день Октябрьской революции. Разумейте, языцы, и покоряйтесь!

Оказывается, напр., что резолюция о Временном правительстве, о которой вы можете из Ленинского сборника совершенно документально видеть, что Ленин ее выработал с большевиками,—оказывается он, Троцкий, высказал ее основные мысли Красину, а Красин поспорил с Лениным и передал ему мысли Троцкого, и Ленин все это воспринял и выдал за свое. И после этого, говорит Троцкий, красные профессора «Сталинского образца» понятия не имеют о том, что они в качестве образца ленинизма цитируют его же против Троцкого.

Мы узнаем из этой книги также и то, что в России народ связывал октябрьский переворот больше с именем Троцкого, а не с именем Ленина, и целый ряд других таких же откровений узнаем мы из этой книги.

Я не очень высокого мнения о той критике, которая ведется в «Социалистическом вестнике» по отношению к Троцкому. Но очень характерно то, что они пишут об этой книге. Они начинают рецензию на эту книгу со ссылки на письмо Мартова от 5 июня 1913 года, где дается характеристика Троцкого Мартовым. Эта характеристика на сей раз довольно удачно формулирует то, что есть на самом деле характерного в Троцком. «Для опытного кино-режиссера книга Троцкого сушая находка,—заговоры, вероломство, предательства и т. д.»—так пишут об этой «жизни» меньшевики.

Вот этим фальсификаторским попыткам Троцкого в стиле кино-авантюр надо противопоставить подлинный большевизм, подлинную большевистскую историю большевистской партии. Надо его разоблачить до конца. Сказанное относится, конечно, и к другим группам и течениям, которые еще недавно были связаны с нашей партией. Если они сегодня исключены из нашей партии, то обстановка еще не изменилась радикально настолько, чтобы мы были гарантированы от рецидивов. Мы все еще действуем в обстановке, когда у нас существуют еще классы, классы еще не уничтожены. У нас нет гарантии, что не будет рецидива таких настроений, таких течений, как троцкистское, несколько может быть с иной окраской, быть может с иной фразеологией, но по существу близкой к этому течению.

6. РОЛЬ ПАРТИИ

Важнейший вопрос, на который я хотел бы обратить внимание—это вопрос о роли нашей партии, вернее сказать, о взаимоотношении партии и класса. Это вопрос, который занимал такое большое место на втором съезде партии, который занимал большое место в пору, когда меньшевики пытались пропагандировать идею широкой рабочей партии, этот вопрос снова

сейчас приобретает значение после той дискуссии, какая у нас была с Ленинградской или так называемой «новой оппозицией» 1925—1927 гг. Теперь когда мы имеем огромный приток рабочих в нашу партию, когда мы имеем такое новое явление, что целые фабрики и заводы,—не цехи уже, а целые фабрики и заводы,—коллективно подают заявление о вступлении в партию, кое у кого может появиться своего рода соблазн: а нельзя ли уже осуществить *поголовное включение рабочих в нашу партию*,—не наступило ли время для поголовного включения рабочих в нашу партию? Этот вопрос ставится так потому, что некоторые понимают дело так, что раз рабочие коллективно выражают желание вступать в партию, то коллективно и принимать их надо. Прямо на общем собрании голосовать, не разбирать каждого в отдельности, а целые цеха, целые заводы принимать; мы не удивимся, при такой постановке вопроса, если целый район сплошной коллективизации подаст заявление о приеме в партию. По этому вопросу нужно иметь полную ясность. В тот момент, когда мы имеем большой поток, искренний поток, искреннее желание слиться с нашей партией, быть членом нашей партии, в этот момент мы должны к этому вопросу пристально присмотреться—что такое наша партия, и вспомнить, как ставил вопрос Ленин, как ставила вопрос вся наша партия о взаимоотношениях между рабочим классом и партией. Я извиняюсь за длинные цитаты, которые вам, может быть, лучше чем мне известны, но думаю, что все же полезно их напомнить. Еще в своей работе «Шаг вперед, два назад» Ленин, споря с Мартовым и другими, говорил: «...Чтобы быть социал-демократической партией, надо добиться поддержки именно класса. *Не партия должна облекать заговорщическую организацию, как думал тов. Мартов, а революционный класс, пролетариат, должен облекать партию, заключающую в себе и заговорщические и незаговорщические организации*».

Так Ленин тогда разграничивал круг партии от круга всего рабочего класса. Рабочий класс облекает партию. Он весь не входит в партию. В «Детской болезни левизны» Ленин, возвращаясь вновь к вопросу о взаимоотношениях класса и партии, говорит, указывая на то, что у нас имеется 611 000 членов партии: «Соотношение вождей—партии—класса—масс, а вместе с тем отношение диктатуры пролетариата и его партии к профсоюзам представляется у нас теперь конкретно в следующем виде. Диктатуру осуществляет организованный в Советы пролетариат, которым руководит коммунистическая партия большевиков, имеющая по данным последнего партийного съезда (IV. 1920) 611 тыс. членов. Число членов колебалось и до Октябрьской революции и после нее очень сильно и прежде было значительно меньше, даже в 1918 и 1919 гг. Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии—только для рабочих и крестьян—в те дни (зима 1919 г.), когда Юденич был в нескольких верстах от Питера, а Деникин в Орле (ок. 350 верст от Москвы), т. е. когда Советской республике угрожала отчаянная, смертель-

ная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам».

Мы с тех пор приняли ряд решений, чтобы оградить нашу партию от вхождения в нее проходимцев и карьеристов. Мы приняли все меры, чтобы не принимать элементов классово чуждых. И тем не менее остается верным положение, что нельзя сливать рабочий класс и партию так, чтобы не было никакой грани. В «тезисах об основных задачах второго конгресса Коммунистического Интернационала» мы находим такого рода формулировку: «Для успеха победы над капитализмом требуется правильное соотношение между руководящей коммунистической партией, революционным классом, пролетариатом и массой, т. е. всей совокупностью трудящихся и эксплуатируемых. *Только коммунистическая партия, если она действительно является авангардом революционного класса, если она включает в себя всех лучших представителей его, если она состоит из вполне сознательных и преданных коммунистов, просвещенных и закаленных опытом упорной революционной борьбы, если эта партия сумела связать себя неразрывно со всей жизнью своего класса, а через него со всей массой эксплуатируемых и внушить этому классу и этой массе полное доверие,—только такая партия способна руководить пролетариатом в самой беспощадной, решительной последней борьбе против всех сил капитализма.* С другой стороны, только под руководством такой партии пролетариат способен развернуть всю мощь своего революционного натиска, превращая в ничто неизбежную апатию и частью сопротивление небольшого меньшинства испорченной капитализмом рабочей аристократии, старых тред-юнионистских и кооперативных вождей и т. п.,—способен развернуть всю свою силу, которая неизмеримо больше, чем его доля в населении, в силу самого экономического устройства капиталистического общества. Наконец, только освобожденная уже фактически от гнета буржуазии и буржуазного государственного аппарата, только получившая возможность действительно свободно (от эксплуататоров) организоваться в свои советы может масса, т. е. все совокупность трудящихся и эксплуатируемых, развернуть впервые в истории всю инициативу и всю энергию десятков миллионов задавленных капитализмом людей».

Ленин здесь дает совершенно определенную характеристику того, кто должен быть в партии. Это должны быть лучшие представители пролетариата, это должен быть действительно авангард революционного класса, он должен включить лучших представителей его, должен состоять из вполне сознательных преданных коммунистов, закаленных опытом упорной революционной борьбы.

В резолюции о роли коммунистической партии и пролетарской революции дается еще более четкая формулировка того, что такое коммунистическая партия: *«Коммунистическая партия есть часть рабочего класса.* Именно: его наиболее передовая, наиболее сознательная, а потому наиболее

революционная часть. Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет различных от рабочего класса интересов. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обзирает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. *Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата»* (подчеркнуто везде мною.—Е. Я.).

Здесь опять-таки дается точная характеристика того, из кого должна состоять партия. В этом же документе Ленин говорил, что «Лишь после того, как пролетарская диктатура лишит буржуазию таких могучих орудий воздействия, как пресса, школа, парламент, церковь, аппарат управления и пр., лишь после того, как окончательное поражение буржуазного строя станет очевидно для всех, в ряды коммунистической партии начнут входить все или почти все рабочие».

Очевидно этот момент наступает, когда поражение буржуазного строя становится очевидным для всех, по крайней мере в нашей стране. Вот этим и объясняется то, что рабочий класс почувствовал правильность всей нашей линии, он почувствовал силы в себе, что он под руководством нашей партии, в ее рядах может покончить с пережитками, остатками буржуазных элементов. Этот момент величайшего подъема рабочего класса совпадает с югронными успехами социалистического строительства, и рабочий класс кое-где идет в нашу партию уже почти поголовно, по крайней мере, в крупнейших предприятиях такое течение есть.

Вот в этот-то момент мы должны очень строго определить роль партии и взаимоотношение партии и класса. Ленин всегда подчеркивает, что смешение этих двух понятий—партии и класса—способно привести к величайшим ошибкам и путанице. Он приводил пример, что «вопреки настроениям и предрассудкам известной части рабочего класса во время империалистической войны рабочая партия должна была во что бы то ни стало выступить против этих настроений или предрассудков, отстаивая исторические интересы пролетариата, которые требовали со стороны пролетарской партии объявления войны войне».

Поэтому сейчас мы тоже должны присмотреться к этому вопросу и объяснить на основании всего прошлого нашей истории, истории нашей партии, объяснить, почему мы и сейчас не ставим еще вопроса о поголовном включении рабочих в нашу партию.

Мы имели после смерти Ленина громадный рост нашей партии за счет рабочих с производства. Я не буду перечислять цифры, вы их знаете. Примерно после смерти Ленина, в первый же год этот ленинский набор был по размерам таким, как сейчас, а моменты, определяющие этот новый поток, различные. Тогда мы вступали в полосу восстановления разрушен-

ного войной хозяйства, *теперь* мы переживаем второй год реконструкции его. Теперь мы имеем громаднейший подъем в рабочем классе, который имеет *другую основу, чем тогда*.

Я прочту вам одно сообщение из сегодняшней газеты, в котором говорится следующее:

«Запорожье. 8 февраля. Группа рабочих электромеханического отдела Днепростроя показала пример исключительной производственной самоотверженности. Стальная часть дробилки на левом берегу весом в 150 тонн дала трещину. Это угрожало большими простоями. *Рабочие, которым было дано задание заменить испорченную часть, вместо нормальных 15 дней справились со своей задачей в 2-е суток. За эти два дня ни один рабочий не ушел домой, не спал, и даже не выкурил ни одной папиросы*».

Я вспоминаю, товарищи, что такое же настроение было в Октябрьские дни. Не спал, не думал о сне, потому что шел решающий бой. Сейчас происходит такой же *решающий бой*.

На-днях мне пришлось читать письмо рабочего из колхоза. Он пишет, что семья еще не устроена. Но это—пустяки. Он пишет о том, как недавно он был на собрании колхозников. Незадолго до этого, примерно одна треть их не шла в колхоз, а теперь они все в него вошли. «Они пели Интернационал,—говорит он,—так, как его не всегда умеют петь в городе. Они пели с небывалым энтузиазмом. Здесь были моменты особенного героического подъема. Никогда я не чувствовал себя таким восторженным, никогда не чувствовал такого подъема, который я пережил в этот раз, в нынешний период социализирующейся деревни». И он добавляет: «Пройдет немного времени и в нашей деревне от прошлого почти ничего не останется. Она станет такой же неузнаваемой, как наши новые социалистические фабрики и заводы».

Вот, товарищи, один из моментов, определяющих это движение. Сейчас мы имеем чрезвычайно удачный момент, когда к нам придут лучшие люди из рабочего класса. Это налагает на нас колоссальные обязанности. Я этого момента не могу не коснуться, потому что он показывает, какие громадные задачи стоят перед нами, преподавателями истории партии. Это то, что т. Молотов правильно назвал в своей статье «новое в рабочем классе». Это «прет» отовсюду. Это, действительно, новое.

У нас имеется отставание в выполнении промфинплана. У нас имеются просчеты, прорывы. Кое-где рваческие настроения. Положим, что мы как следует не мобилизовали еще всей нашей партии на то, чтобы *все* коммунисты взялись за это дело, как берутся за него ударники. Многие наши коммунисты не входят в ударные бригады. Это все так. Но мы имеем колоссальный подъем, подготовленный ведущий ролью пролетариата. Прделана колоссальная работа, подготовившая этот подъем. Мы сейчас пожинаем то, что посеяли, в меру того, что посеяли—жнем. И нам надо сейчас наш посев и нашу жатву делать более тщательно, более старательно.

Выросло,—именно благодаря тому, что рабочий класс мог выполнять громадные задачи под руководством нашей партии,—доверие к нашей пар-

тии, причем выросло оно не только у рабочих, а у громадной массы крестьян.

Позвольте прочесть вам несколько сообщений, сделанных на совещании в ЦК, имевшем место 1 февраля по вопросу о росте регулирования партии. Часть товарищей была послана обследовать положение и настроение на крупнейших наших фабриках и заводах. И вот, что они сообщают:

«Анчишкин: ...Если сравнить тот рост, который был в последние 3 года, то по Ленинграду получится следующая картина: в 1927 г. в партию вступило 6 378 рабочих, в 1928 г.—12 485; в 1929 г.—15 250 чел. Все время виден возрастающий приток рабочих в ряды партии Ленинградской организации. Если же мы сравним приток этого года с тем, что было в прошлый год, то увидим следующее: в 1929 г. в 1 квартале было 5 329 чел., а за январь 1930 г. мы уже имеем 10 314 чел. Это только за один месяц. Эти цифры характеризуют значительный сдвиг. То движение рабочих в партию, которое мы имеем в Ленинграде, оно значительно более мощное, чем было до сих пор».

Это было сообщено 1 февраля. Сегодня 10. Мы знаем, какими темпами мы сейчас живем, когда сейчас бывает так, когда товарищ сообщает, что по сегодняшней день у нас коллективизировано 46% крестьянских хозяйств, но так как эти сведения *на три дня* запоздали, то процент этот на самом деле, вероятно, гораздо выше. *Днями* сейчас исчисляются эти темпы. И тут тоже: мы, конечно, за эти 10 дней имеем большой приток в Ленинграде. Только за один месяц мы имеем 10 314. Правда, эта цифра значительно отстает от Москвы, потому что в Москве и области за самый короткий срок, немного больше месяца, мы имеем 63 000 заявлений. Я не останавливаюсь на анализе разницы этих цифр Москвы и Ленинграда; тут целый ряд сложных причин—и то, что в Ленинграде более планомерно шел рост, а здесь было отставание, и целый ряд других причин. Эти цифры характеризуют значительный сдвиг в движении *всего* рабочего класса в партию, движение значительно более мощное, чем оно было до сих пор.

«По Коломенскому заводу. О Коломенском заводе вы знаете достаточно, но все-таки я вам прочту сообщение т. Чаплина, потому что тут вскрывается механика этого движения, тут видно, под влиянием чего все это произошло: «Общий итог такой, что подъем среди рабочих действительно грандиозен. Общая картина с ростом партии на Коломенском заводе очень характерна. Например, за весь прошлый год (за 1929) в партию было принято всего 468 чел. И в ленинские дни вдруг такой грандиозный подъем активности, огромный скачок от этих четырех сотен за целый год к нескольким тысячам за несколько дней. Началось там дело с того, что сначала в партию пошли целыми бригадами. Две бригады заявили о своем вступлении в партию. Это было в деревообрабатывающем цехе в начале января. Затем браковочный цех целиком, коллективно постановил войти в партию по предложению двух беспартийных рабочих, братьев Флягиных, старых производственников, имеющих 30—40 лет производственного стажа. Они после доклада секретаря цехячейки о работе цехячейки внесли это предложение.

«После браковочного цеха движение охватило целый ряд других цехов. Окружком поддерживал это движение. «Валите дальше, дело полезное».

Заводские работники развернули кампанию по другим цехам. И до приезда Молотова (в тот же день) 12 цехов коллективно подали заявление о вступлении в партию.

Как разворачивалась дальше эта кампания? Статья Молотова появилась на другой день после его отъезда из Коломны. Сейчас же местные партийные руководители поставили статью тов. Молотова на обсуждение по всем цехам. Сейчас это движение по коллективному вступлению в партию охватило уже 35 цехов, т. е. 6740 рабочих. Причем, я здесь беру чистых рабочих, без служащих. Вместе со служащими будет больше. Всего на Коломенском заводе рабочих 7846 ч., а всего работающих 10036 человек. Так голосование проводилось целыми цехами. Причем голосование было единодушное. Если и были случаи воздержания, то они насчитываются единицами, 3—4 человека самое большое».

Ну вот, если взять такую картину, если коллективно подают заявления все, за исключением нескольких человек на заводе, можем ли мы коллективно принимать в партию? Конечно, нет. Но вместе с этим, по отношению *ко всей* этой массе, разве не остается у нас громадная обязанность заняться ею самым серьезным образом? Почему мы не принимаем всех? Здесь может быть целый ряд возражений: не проявил себя ничем в отношении партии и революции, есть какие-нибудь серьезные грешки. Мы, например, не можем принимать антисемитов и других шовинистов, не можем принимать пьяниц, не можем принимать людей, бьющих своих жен, людей, которые не являются большевиками. Но вместе с тем, мы не оставим задачи воспитания тех людей, которых мы в партию не принимаем, не говоря уже о том, что перед нами громаднейшая задача эти новые сотни тысяч людей, которые идут к нам в партию сейчас, воспитать по коммунистически, по большевистски.

Опыт всей нашей партии,—я сейчас коснусь того, как к этому опыту подойти, для этих новых масс, идущих в партию,—имеет большое значение.

Вот ряд сообщений с завода «Серп и Молот» и других: на заводе «С. и М.» всего 6 тыс. рабочих, а вместе со служащими 6500. Из них 3 тыс. подали коллективное заявление о вступлении в партию. Это было 10 дней тому назад. С тех пор мы имеем коллективное заявление целого Тормазного завода в Москве о желании вступить в партию. Эти 3 тыс. рабочих наиболее крупных и важнейших цехов, сталелитейного и листопрокатного. Так что это все дает себя ярко чувствовать. Идет в партию старик рабочий, идут рабочие с большим производственным стажем, идет человек, который долго колебался и который в конце концов решил, что надо идти в партию, что в этом не может быть никаких сомнений.

В каком отношении такие люди являются ценными? В том отношении, что они, пройдя через все колебания, которые возможны были в рабочем классе, окончательно связывают свою судьбу с делом рабочей партии

Вот вам Подольский завод, один из заводов, где все-таки большое наличие не вполне пролетарских элементов, элементов, связанных с деревней. Кто же идет на Подольском заводе в партию? Вот сообщение товарища Карлик:

«Кто же идет на Подольском заводе сейчас в партию? Вот вам данные относительно 600 неразобранных анкет всякого отсева. Получается, что если среди находящихся до сегодняшнего дня в парторганизации, находящихся в партии несколько лет, прослойка рабочих, имеющих менее десятилетнего стажа, составляет 44%, то среди подавших заявления таких только 37%. Больше десяти лет среди подавших заявления 63%, т. е. вы имеете стариков коренных рабочих. А среди находящихся в парторганизации, когда люди ряд лет уже пробыли в партии, мы имеем только 57%. Надо сказать, что воздерживаются от приема рабочих с небольшим производственным стажем; 68%, в отношении которых воздержались, падают на людей, не имеющих пятилетнего производственного стажа. При таком отборе о разжижении производственной физиономии партийной организации не может быть никакой речи».

Идут люди, имеющие больше 10-летнего производственного стажа. А вы помните письмо Владимира Ильича Молотову, в котором он указывает, что в рабочем классе имеются различные прослойки. Он говорил примерно о том, что надо требовать от вступающих в партию рабочих, чтобы они имели определенный производственный стаж, чтобы это не были люди случайные в производстве. По-моему эти цифры говорят о том, что ни о каком расслаблении и разжижении состава рабочего класса не может быть и речи. Надо сказать, что, примерно, такая же картина на Харьковском паровозостроительном заводе, судя по сообщению, изучавшего этот завод т. Брейтмана, причем он так объясняет причины этого подъема:

«Если говорить относительно общих для всей страны причин, то для меня совершенно ясно, что основными причинами подъема являются, во-первых, огромный хозяйственный рост нашего строительства и, во-вторых, вопрос о коллективизации.

Надо сказать, что мы имеем совершенно небывалый производственный подъем. Например, тракторный цех, который работает сейчас по чрезвычайно напряженной программе, очень хорошо охвачен ударничеством. Люди приходят в 8 часов и если материал не готов, то им говорят, чтобы они вернулись в 11 часов. Они уходят, и к 11 часам приходят снова и начинают работать».

Нельзя сказать, что это хорошая организация труда—это другое дело, но люди даже при плохой организации труда не теряют настроения, не понижают своего производственного подъема. На заводе в буквальном смысле слова и ночуют у станков. Этот колоссальный производственный подъем связан с новой волной роста партии.

И дальше, этот товарищ говорит:—«Мы выдвигаем старых рабочих с большим стажем, продвигаем участников революции 1905 года. Мы выдвигаем, товарищи, большей частью старых рабочих, коренной костяк рабочих».

Вот, товарищи, я хочу остановиться на некоторых наблюдениях тех наших товарищей, которые изучали этот рост на месте. Какие же они задачи выдвигали? Вот что говорит, кажется, тот же тов. Брейтман:

«Следующий вопрос, который я хотел бы поставить, это—на счет нашей агитационной пропагандистской работы. Надо сказать, что здесь страшно много штампа, который может все дело погубить. В самом деле, что мы имеем сейчас? В партию идут старики, а агитпропщики ставят следующие требования. Прежде всего надо пройти школу грамоты, построенную на основе программы и устава партии. Старики в этом отношении совершенно резонно заявляют: *Мы хотим знать, почему у нас затруднения сейчас, нас интересует вопрос о ликвидации кулачества*».

Это как будто переворачивает всю нашу схему преподавания истории ВКП(б),—начинать с ликвидации кулачества, начинать с трудностей сегодняшнего дня. Однако, если бы мы педантически подходили к этому вопросу и сказали тем старикам-рабочим: *позвольте, у нас есть программа, такими-то и такими-то высшими учреждениями утвержденная, у нас есть схема, которая составлена такими-то и такими-то товарищами, и мы не можем от нее отступить, если бы стали на такую точку зрения, то мы, действительно, погубили бы дело. Мы стоим перед громадной новой волной, перед громадными новыми явлениями и должны перестроиться и перестроить нашу работу. Для того, чтобы эти новые слои сделать по-настоящему просвещенно-ленинскими, просвещенно-коммунистическими, не обязательно начать с народничества, не обязательно начать с экономизма и не обязательно начать с таких вопросов, как параграф первый устава на II съезде партии. Мы можем начать с вопроса о ликвидации кулачества, с вопроса о классах, о том, каково строение классов современных в СССР, кто мешает нам осуществить социализм, почему мы боремся против кулачества. Это и значит, что мы действительно должны перестроить нашу работу на этот период так, чтобы ответить сейчас же на важнейшие вопросы, которые интересуют членов нашей партии, новых членов нашей партии, новые слои рабочих, которые идут к нам. Скоро к нам придут целые сотни тысяч—может быть уже не сотни тысяч даже, а миллионы,—они потребуют от нас, чтобы мы дали им *освещение вопросов ленинизма, освещение всех вопросов классовой борьбы с точки зрения того, как поскорее подойти к уничтожению кулачества как класса, как поскорее подойти к полному отмиранию классов*. Это ведь вопрос, который ставится почти в каждом колхозе бедняками и батраками. Надо это видеть. Поэтому вопрос о взаимоотношениях рабочего класса и крестьянства, это есть важнейший вопрос и нужно, мне кажется, начать с этого вопроса. Вопрос о переходе к внеклассовому обществу—мы не ставили четко этого вопроса до сих пор в рамках преподавания истории нашей партии, но его надо поставить и выяснить, как ленинизм решает этот вопрос. Понятно, что тут мы будем бить по правому уклону сильнее и крепче всего, потому что правый уклон ставит вопрос так, будто Ленин в последние годы не знал различных слоев в крестьянстве, будто бы Ленин считал возможной политику сплошную по отношению *ко всему* крестьянству,—политику, не различающую различных слоев в крестьянстве. Это значит, что мы должны ставить прежде и ближе всего вопрос о ленинском пути к социализму,*

вопрос о последних важнейших решениях нашей партии. Ничего, что мы отступим от обычных, шаблонных схем или нарушим хронологию. Это не так страшно.

Надо уметь так подходить к вопросам истории партии, чтобы прошлое служило иллюстрацией для понимания сегодняшнего дня, борьбы сегодняшнего дня. Понятно, что нам надо особенно сосредоточить внимание,—и это не только для нас, но и для других партий,—сосредоточить внимание на вопросе борьбы периода пролетарской диктатуры, на вопросе о военном коммунизме, о нэпе. Тут у нас сплошь и рядом такие разговоры, что когда мы проводим какое-нибудь мероприятие, связанное с раскулачиванием, или связанное с проведением принудительных каких-нибудь мер, то некоторые теоретики (и правые, и троцкисты) говорят, что это есть возврат к военному коммунизму. Безнадежно путают. Мы должны показать *коренное принципиальное отличие положений в эпоху военного коммунизма и теперь*, и показать значение тех мер, которые мы сейчас проводим, значение той борьбы за раскулачивание, которое проводилось тогда, когда не было у нас налицо перехода к широкому сплошному социалистическому земледелию и значение ликвидации кулачества как класса теперь, когда налицо смычка социалистической экономики крупных фабрик и заводов с экономикой крестьянской. Здесь, само собой разумеется, вопрос борьбы с различного рода уклонами, вопрос о правой опасности должен быть заострен, точно так же, как должен быть заострен вопрос борьбы с троцкизмом и с троцкистами, которые, даже желая вновь вернуться в партию, как это делает Раковский и другие, говорят, что мы должны бороться против непомерного нажима на мускулы рабочего класса. Благодетели какие! И конечно, мы должны бороться также решительно со всякого рода примиренчеством к правому и «левому» оппортунизму. Нельзя забывать, что период борьбы с кулачеством связан с большим обострением классовой борьбы. Попытки найти «менее болезненные» пути, чем те, по которым идет партия, будут облекаться в форму, конечно, партийную, но вместе с тем, это будет большей частью не чем иным, как отрывкой того же самого оппортунизма, того же самого примиренчества.

7. КАК СТРОИТЬ ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ПАРТИИ

Работу по изучению истории партии, в основном, конечно надо строить на ленинском материале. Это до сих пор было недостаточно. Конечно, этот огромный материал по ленинизму надо тщательно проработать, проработать с точки зрения ленинизма доступный нам теперь большой материал пережитой и переживаемой эпохи. Правда, что в ленинском учении, в том, что мы называем большевизмом, есть положения общезначимые, а не случайные, не положения, для той или иной ситуации только высказанные. Однако было бы неправильно, если бы брали Ленина совершенно вне зависимости от всякой эпохи, от всякой обстановки и т. д.

Эту работу надо тесно связать с марксизмом, то есть показать,

как ленинизм был тесно связан на всех этапах развития с учением Маркса. Эта работа в наших учебниках мало проделана. Мы делаем такую попытку в нашем шеститомнике,—насколько она удачна, это другой вопрос. Сделано ли это вообще в достаточной мере до сих пор, показало ли, что ленинизм есть действительно революционный марксизм эпохи империализма, развивающий учение о пролетарской диктатуре? Сделано ли это в достаточной мере? Конечно, нет, потому что, если возьмете целый ряд попыток создать учебник по ленинизму, то там вы найдете и совершенно неправильное построение теории ленинизма как у Зиновьева, так и у Троцкого. По всей истории партии такая работа еще также отсутствует. Нам надо показать по всей истории партии, как Ленин все важнейшие вопросы решал в свете теории Маркса и Энгельса. Нам нехватает, наконец, прямо монографии такого рода, в которой была бы прослежена связь всех важнейших теоретических положений Ленина с важнейшими теоретическими положениями Маркса и Энгельса, эту работу надо еще выполнить. Это одна из задач Института Ленина и Общества историков-марксистов.

Я останавливаюсь на этом, ибо Ленин сам постоянно указывал на эту связь нашей теории с марксизмом. Все важнейшие работы Ленина продуманы с точки зрения марксистской теории, являются гениальным развитием этой теории в условиях эпохи империализма, как учение о пролетарской революции и диктатуре пролетариата.

Одно из основных условий успеха большевиков Ленин характеризовал так:

«С одной стороны, большевизм возник в 1903 г. на самой прочной базе теории марксизма. А правильность этой—и только этой—революционной теории доказал не только всемирный опыт всего XIX века, но и в особенности опыт блужданий и шатаний, ошибок и разочарований революционной мысли в России. В течение около полувека, примерно—с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданного, дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области. Марксизм, как единственно правильную революционную теорию, Россия поистине *выстрадала* полувековой историей мук и жертв, невиданного революционного героизма, невероятной энергии и беззаветности исканий, обучения, испытания на практике, разочарований, проверки, сопоставлений опыта Европы. Благодаря вынужденной царизмом эмигрантщине, революционная Россия обладала во второй половине XIX века таким богатством интернациональных связей, такой превосходной осведомленностью на счет форм и теорий революционного движения, как ни одна страна в мире.

С другой стороны, возникший на этой гранитной теоретической базе большевизм проделал пятнадцатилетнюю (1903—1917) практическую историю, которая по богатству опыта не имеет себе равной в свете. Ибо ни в одной стране за эти 15 лет не было пережито даже приблизительно так много революционного опыта, быстроты и разнообразия смены различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого, кружкового и массового, парламентского и террори-

стического. Ни в одной стране не было сконцентрировано на таком коротком промежутке времени такого богатства форм, оттенков, методов борьбы всех классов современного общества, притом борьбы, которая, в силу отсталости страны и тяжести гнета царизма, особенно быстро созрела, особенно жадно и успешно усваивала себе соответствующее «последнее слово» американского и европейского политического опыта».

И вот этот-то выстраданный нами марксизм в ленинизме надо показать во всем объеме, показать, что мы от него и сейчас не отступаем, что то, что мы делаем, это и есть продолжение и завершение того самого дела, за которое боролись Маркс и Энгельс.

Наряду с этим мы должны, в особенности для западно-европейских наших товарищей, показать необычайно богатый сложнейший опыт нашей борьбы, о котором говорит Ленин в этой же самой работе, когда указывает, что «ни в одной стране за 15 лет не было пережито даже приблизительно так много в смысле революционного опыта, быстроты и разнообразия различных форм движения, легального и нелегального, мирного и бурного, подпольного и открытого».

Но, товарищи, с тех пор, как написаны эти слова, мы имеем еще новый опыт, колоссальный, имеющий не меньшее историческое значение, не меньшее практическое боевое значение для партии и Коминтерна. Мы должны весь этот сложный большой опыт показать и нашим рабочим и рабочим других стран.

Наконец, я хочу указать на то, что В. И. считал, что в зародышевой форме все те споры, которые у нас произошли в последующие годы, важно и должно проследить на ранних примерах. В «Детской болезни левизны» В. И. говорит, что все вопросы, из-за которых шла вооруженная борьба в 1905—1907 и в 1917—1920 гг., можно и должно проследить в зародышевых формах по тогдашней печати, т. е. по печати периода 1902—1905 гг. Поэтому историческое исследование этой эпохи имеет для нас громадное значение. Повторяю, особое значение имеет этот опыт для западно-европейских и других стран. Необходимо, чтобы они уяснили наш опыт борьбы за диктатуру пролетариата. Этот опыт имеет особенное значение в эпоху третьего периода. Мы должны развешивать перед ними наш опыт эпохи реакции, когда партия в условиях реакции и в условиях нового подъема показала исключительный пример умения связать борьбу небольшой численной партии с широкими массами, умела показать образец сочетания легальной и нелегальной работы, сумела показать умение вести работу в массовых, профессиональных организациях, чего до сих пор не сумели сделать многие другие партии. Наша коммунистическая партия сумела использовать такую паршивую, если можно так сказать, трибуну, как трибуна Государственной думы, в революционных целях, в целях организации масс вне Думы. Наши западно-европейские товарищи понемногу учатся этому опыту, этому искусству. Мы должны помочь им в этом отношении. Мы должны помочь им уяснить и усвоить наш опыт борьбы за социалистическое переустройство. Ведь это уже их завтрашний

день. Может быть они с меньшими ошибками смогут пройти через все эти этапы. Но через многие им все-таки придется пройти.

И вот почему весь этот опыт борьбы, в особенности опыт борьбы на два фронта в этих условиях, опыт борьбы со всякого рода антипартийными группами, которые в недрах нашей партии зарождаются, надо полностью передать нашим западноевропейским товарищам.

По новому надо поставить и изучение эпохи империалистической войны, споры с люксембургийцами, споры с Бухариным, Пятаковым и Радеком. Споры с троцкистами приобретают сейчас особенно глубокое значение, потому что целый ряд вопросов, связанных с той эпохой, всплывает сейчас в нашей практической борьбе. То же самое и по вопросу о государстве. Я имею в виду особенно споры Ленина с Бухариным. Различное понимание закона неравномерности развития у Ленина и у Троцкого; национальный вопрос. Все эти вопросы, имеющие актуальное значение для развития наших компартий, должны быть освещены на основании нового материала.

Должна быть заново освещена эпоха военного коммунизма. Период военного коммунизма чрезвычайно слабо у нас изучен. До сих пор не изучен как следует период споров с левыми коммунистами. В особенности это относится к периоду перехода от военного коммунизма к нэпу. Споры эти по ряду вопросов являются уже спорами прошлого. Но надо показать их значение в переходный период. Тут некоторым недостатком является отсутствие научно изданных протоколов наших съездов этого периода; издание этих протоколов надо ускорить.

Еще один вопрос, на котором я хочу остановиться,—это вопрос о партийном строительстве. У нас существует некоторое пренебрежение к этому вопросу, замечается пренебрежение к нему со стороны историков партии: эта сторона не так эффектна, она не так захватывает. А между тем ведь для нас, для большевистской партии организационные вопросы, вопросы партстроительства имеют колоссальное значение. Мы думаем, что при Институте Ленина нам нужно будет организовать кабинет партстроительства,—это у нас уже намечено в плане дальнейшей работы. Центральный комитет начал издавать журнал «Партийное строительство»—очень интересный журнал. Я думаю, что каждый, кто занимается историей нашей партии, преподаванием истории нашей партии и ленинизма, должен внимательно просматривать этот журнал и увязать нашу работу с работой по партстроительству.

Мне нечего вам здесь доказывать, какое значение всегда придавал Ленин крепкой партийной организации. Это вы можете найти и в работе «Шаг вперед, два назад», где он говорит, что у пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Мы в этом отношении всегда отличались от других течений, которые пренебрегали этим, которые страдали барским анархизмом по отношению к организации, которые не хотели вылезать из своих спальных туфель в отношении организации.

Надо будет Институту Ленина поторопиться издать протоколы VIII,

IX, XI съездов. Эти протоколы сейчас, научно изданные, дополненные всеми теми пропусками, которые были сделаны в свое время, безусловно необходимы, без них нельзя обойтись, они составляют основной материал при изучении истории нашей партии. То же самое—протоколы целого ряда конференций при Ленине. Без этих работ мы сейчас не можем уже освещать ряд вопросов, связанных с периодом нэпа, всю сумму вопросов, связанных с переходом от вынужденного отступления к наступлению, к социалистическому наступлению: о взаимоотношении классов в этот период, о понимании пути социалистического строительства в этот период, о понимании значения госкапитализма, о тактике и стратегии рабочего класса по отношению к сопротивляющемуся кулачеству в этот период. Здесь опять-таки мы можем показать, как троцкисты с их *правыми* установками, когда Троцкий в 1925 году доказывал в своей речи о «наших новых задачах», что у нас нет иного пути, кроме капиталистического пути развития деревни, когда он говорил о том, что у нас должен развиваться фермер,—«мы не должны говорить «кулак», потому что кулак—это неправильное название,—мы должны допускать развитие этого фермера, развивать фермерское хозяйство». Ведь это было в 1925 году—эти самые установки троцкистов фактически стали с тех пор установками правых. В этом отношении надо показать, как «крайне левые» и «крайне правые» у нас очень часто сходятся в своем отношении к линии партии. Это мы имели не только в этот период, это было и в период борьбы за диктатуру пролетариата; в период реакции мы имели такое положение, когда правые и левые нередко сходились по ряду вопросов борьбы нашей партии. Мы должны показать, как повторяются оппортунистические прогнозы в новой обстановке.

Еще раз подчеркиваю, что мы должны увязать все наше изучение ленинизма, все изучение истории нашей партии с последними решениями партии.

Мы думаем, что сейчас вопросам партийного строительства необходимо придать гораздо большее значение, в особенности в этот переходный период, который мы сейчас переживаем. У нас ведь имеется очень большой новый опыт партстроительства. Этот опыт недостаточно изучается. Ленин в той же «Детской болезни левизны» говорил:

«Мы в России переживаем (третий год после свержения буржуазии) первые шаги перехода от капитализма к социализму или к низшей стадии коммунизма. Классы остались и останутся годами повсюду после завоевания власти пролетариатом. Разве, может быть, в Англии, где нет крестьян (но все же есть мелкие хозяйчики) срок этот будет меньше. Уничтожить классы—значит не только прогнать помещиков и капиталистов—это мы сравнительно легко сделали—это значит также уничтожить мелких товаропроизводителей, а их нельзя прогнать, их нельзя подавить, с ними надо ужиться, их можно (и должно) переделать, перевоспитать только очень длительной, медленной, осторожной организаторской работой. Они окружают пролетариат со всех сторон мелко-буржуазной стихией, пропитывают его ею, развращают его ею, вызывают постоянно внутри пролетариата рецидивы мелко-буржуазной безхозяйственности, раз-

дробленности, индивидуализма, переходов от увлечений к унынию. Нужна строжайшая централизация и дисциплина внутри политической партии пролетариата, чтобы этому противостоять, чтобы организаторскую роль пролетариата (а это его главная роль) проводить правильно, успешно, победоносно. Диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная и хозяйственная, педагогическая и административная, против сил и традиций старого общества. Сила привычки миллионов и десятков миллионов—самая страшная сила. Без партии, железной и закаленной в борьбе, без партии, пользующейся доверием всего честного в данном классе, без партии, умеющей следить за настроением массы и влиять на него, вести успешную такую борьбу невозможно. Победить крупную централизованную буржуазию в тысячу раз легче, чем «победить» миллионы и миллионы мелких хозяйчиков, а они своей повседневной, будничной, невидной, неуловимой, разлагающей деятельностью осуществляют те самые результаты, которые нужны буржуазии, которые реставрируют буржуазию. Кто хоть сколько-нибудь ослабляет железную дисциплину партии пролетариата (особенно во время его диктатуры), тот фактически помогает буржуазии против пролетариата».

Это для нас все совершенно ясно; но вывод мы должны из этого сделать на сегодня тот, что в этот период, когда мы действительно переходим к уничтожению остатков эксплуататорских классов, мы *еще больше* должны ценить значение нашей партийной организации, *еще больше* должны совершенствовать ее формы, и вопрос о партийном строительстве, вопрос о формах партийной организации, о формах воздействия через партийные организации на пролетариат и на другие близкие пролетариату слои, должны быть предметом нашего внимательного изучения.

Вот, товарищи, вопросы, которые я хотел осветить. Ленин говорил в заключительном своем слове по вопросу о партийной программе, что:

«Теперь можно сказать без всякого преувеличения, что нигде, ни в какой другой стране не интересовалось так трудящееся население вопросом о превращении капитализма в социализм, как теперь. У нас об этом думают гораздо больше, чем в какой-нибудь другой стране. Мы должны научно показать, как эта коммунистическая революция произойдет».

Это было в 1919 году. 11 лет после этого прошло, и мы имеем уже этот опыт, *опыт превращения капитализма в социализм*. Мы имеем опыт, который доказывает, что коммунистическая революция происходит в самой отсталой области,—в области сельского хозяйства. Поэтому мы должны все наше внимание направить на то, чтобы именно этот опыт изучать, чтобы помочь широким трудящимся массам в более короткий срок, под руководством коммунистической партии завершить строительство социализма.

Е. Ярославский

ОТЧЕТ О СОВЕЩАНИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ПО ИСТОРИИ ПАРТИИ, ЛЕНИНИЗМУ И ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА

С 9 по 13 февраля в Коммунистической Академии происходило совещание преподавателей по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна, созванное секцией по истории ВКП(б) Общества историков-марксистов при Комакадемии. В совещании участвовали как московские, так и иногородние товарищи. На пленумах были заслушаны доклады: т. Ярославского — Задачи изучения истории партии¹, т. Адоратского — О научной биографии Ленина², т. Попова К. А. — Ленинизм как научная дисциплина и предмет преподавания, т. Кин — История партии как наука, т. Бела-Кун — Задачи изучения истории Коминтерна.

На заседаниях секций были обсуждены тезисы: т. Кривцова — Программа по ленинизму, т. Ломакина Арк. — История ВКП(б) как предмет преподавания и т. Ленцнера — Преподавание истории Коминтерна в комвузах и вузах.

ДОКЛАД К. А. ПОПОВА — ЛЕНИНИЗМ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА И ПРЕДМЕТ ПРЕПОДАВАНИЯ

Тов. Попов в начале своего доклада говорит, что сложившаяся схема преподавания ленинизма, которая соответствует схеме, приведенной в тезисах данного доклада, свидетельствует о том, что практика преподавания курса ленинизма целиком и полностью приняла определение ленинизма и его содержания, которое дано лучшим знатоком Ленина, лучшим и самым последовательным учеником и проводником его идей — т. Сталиным. (Темы программы курса ленинизма, приведенные в тезисах т. К. А. Попова, следующие:

1. (Вводная.) Ленинизм как особая научная дисциплина (марксизм и ленинизм, их исторические корни, сущность и метод). 2. Общая теория пролетарской революции. 3. Учение о диктатуре пролетариата. 4. Учение о социалистическом строительстве. 5. Учение о партии (стратегия, тактика и организация партии). 6. Аграрно-крестьянский вопрос. 7. Национальный и колониальный вопрос. 8. Диалектический метод Маркса и Ленина в применении к теории пролетарской революции, диктатуры пролетариата).

Таким образом ленинизм как особая научная дисциплина и особый предмет преподавания есть марксистское учение эпохи империализма о пролетарской революции и диктатуре пролетариата или, иначе говоря, о программе, стратегии, тактике и организации пролетариата в борьбе за его диктатуру и за осуществление ее задач, т. е. за создание коммунистического общества. Это определение ленинизма отвергает все попытки умалять значение ленинизма, вытравить его теоретическое содержание, имевшиеся, с одной стороны, у Троцкого, который сводил ленинизм к про-

¹ Стенограмму его выступления см. выше в этом номере.

² Доклад т. Адоратского в развернутом виде приводится в предыдущем и настоящем номерах «Прол. рев.».

стому применению учения Маркса—Энгельса к практике революции, с другой стороны, у тов. Зиновьева, что выразилось в понимании ленинизма как учения, выросшего на почве революции в нашей стране и только к ней относящегося, основное содержание которого есть вопрос о крестьянстве. Далее т. Попов отмечает основные моменты, которые должны быть в изучении ленинизма.

Во-первых, поскольку ленинизм является продолжением развития марксизма, марксизмом империалистической эпохи, эпохи пролетарских революций, то при изучении ленинизма следует иметь в качестве исходного момента для каждого его положения соответствующее положение учения Маркса и Энгельса. Тов. Попов указывает на опасность всякого рода «заскоков» и «недоскоков», возможных при сопоставлении положений ленинизма и соответствующих положений учения Маркса и Энгельса, что может найти свое выражение, с одной стороны, в преувеличении достижений Маркса и Энгельса, в приписывании им идей, которые могли родиться только в эпоху империализма, с другой стороны, в недооценке того, что было дано Марксом и Энгельсом.

Так, например, положения Маркса и Энгельса о сохранении на определенное время капиталистических элементов в эпоху пролетарской диктатуры, в частности, сохранение мелкого крестьянского хозяйства, нашли свое выражение в так называемой новой экономической политике и вошли в учение Ленина о социалистическом строительстве в эпоху диктатуры пролетариата, но это не значит, что Маркс и Энгельс создали уже развернутое учение о социалистическом строительстве, осуществляемом диктатурой пролетариата. У них была первая гениальная наметка того будущего учения, которое было развернуто Лениным.

Аналогичный пример т. Попов приводит с вопросом о социалистическом строительстве в одной стране. Маркс и Энгельс неоднократно высказывали мысль, что пролетарский *переворот* побеждает первоначально в одной или нескольких странах, потом уже развивается в мировую революцию. Но из этого отнюдь нельзя делать выводов, что у Маркса—Энгельса было уже положение о возможности *построения социализма* в одной стране, выдвинутое и развитое Лениным.

«Вот эти ошибки в установлении взаимоотношений между Марксом и Энгельсом, с одной стороны и Лениным, с другой, являются первым, чего мы должны избежать при постановке вопроса о том, что было уже дано в качестве исходного положения в учении Маркса и Энгельса для учения Ленина о пролетарской революции и диктатуры пролетариата,—говорит т. Попов в своем докладе.

Второй момент, который должен быть обязательно включен в изучение проблем ленинизма, являющегося непосредственным развитием марксизма, есть вопрос о ревизионизме «справа» и «слева» и борьбе с ним, ибо характерная черта ленинизма заключается в том, что он растет, по выражению Ленина, в «борьбе с врагами внутри рабочего движения»—с оппортунизмом «справа» и мелкобуржуазным революционизмом «слева».

Далее т. Попов указывает на необходимость изучения ленинизма с точки зрения дальнейшего развития учения Ленина после смерти самого Ленина. «Мы должны отмечать каждый шаг вперед в этом направлении,—говорит т. Попов,—ибо новая эпоха—эпоха переходная, дает огромный запас нового опыта и в международном движении и в нашей борьбе и строительстве». Такие вопросы, как неравномерное развитие капитализма, победа социализма в одной стране, союз пролетариата с крестьянством, теоретическое освещение ныне переживаемого нами периода, все эти вопросы получают, на основе учения Ленина, свое дальнейшее развитие.

Сам ленинизм в процессе своего развития подвергается извращениям со стороны оппортунистических течений внутри ВКП(б) и Коминтерна в целом. Изучение ленинизма неразъединимо с изучением борьбы и против этих извращений справа и «слева» (а в данный период в особенности справа) и против примиренчества к ним. Таковы те основные разрезы, в которых должно вестись изучение и преподавание ленинизма.

Далее т. Попов останавливается на существовавших и сохранившихся и до настоящего времени попытках слияния курса ленинизма с курсом диалектического материализма, на нередкой перегруженности курса ленинизма вопросами истмата и политэкономии, тогда как поскольку теоретические основы марксо-ленинского учения о пролетарской революции и программе, стратегии, тактике и организации пролетариата лежат в марксистской философии, марксистской исторической теории и марксистской экономической теории, научно поставленное изучение ленинизма предполагает предварительное изучение материалистической диалектики исторического материализма и политэкономии. Но поскольку даже хорошее изучение диалектического материализма, говорит докладчик, еще не обозначает достаточного овладения марксо-ленинским методом, то основная задача при постановке курса ленинизма заключается в том, чтобы на каждой конкретной проблеме пролетарской революции каждый изучающий ленинизм усвоил себе тот метод, какой применяется Лениным к постановке самих вопросов и к их разрешению.

Точно так же совершенно невозможным считает т. Попов изучение ленинизма без предварительного изучения «истории классовой борьбы и революции, истории ВКП(б), истории I, II и III Интернационалов, т. к. марксо-ленинское учение о пролетарской революции, программе, стратегии, тактике и организации пролетариата развивается на опыте классовой борьбы пролетариата и его партии, являясь научным обобщением этого опыта».

При изучении ленинизма, при пропаганде его, говорит т. Попов, необходим *исторический* подход ко всем его проблемам. Без такого подхода нельзя научиться применить ленинское учение к разнообразным, конкретным историческим обстановкам, невозможно ясное представление о том, что у Ленина может быть принято, как «общезначимое», и что должно быть отнесено к данному конкретному историческому моменту.

Необходимый исторический подход к идеям ленинизма т. Попов противопоставляет такой точке зрения, которая, изображая ленинизм как простую совокупность определенных положений, относящихся к отдельным историческим ситуациям, лишает ленинизм всякого теоретического содержания. В качестве примеров, в которых получала отражение такая точка зрения, т. Попов приводит книгу т. Керженцева—«Ленинизм», книгу т. Зиновьева «Ленинизм», статью т. Минца о «пятитомнике» избранных сочинений Ленина в журнале «Книга и революция». Находит свое выражение эта точка зрения и в преподавании. Если при преподавании ленинизма мы порой встречаем превращение его в совокупность положений совершенно абстрактных, лишенных всякого конкретного содержания, всякой гибкости, то чаще всего наблюдается именно превращение ленинизма в простую совокупность отдельных положений, высказанных Лениным в различной конкретной обстановке. Наша задача поставить изучение и преподавание ленинизма по тому образцу, который дает нам сам Ленин, например в «Детской болезни левизны». Там он ставит себе целью «применить к Западной Европе то, что есть общеприменимого, общезначимого, общеобязательного в истории и современной тактике большевизма». Уметь выделить это «общезначимое», «общеприменимое», сочетать его с конкретно-историче-

ской постановкой проблемы и научиться применять его к разнообразнейшим конкретным обстановкам,—вот основная задача, которая должна ставиться при изучении и преподавании ленинизма,—говорит тов. Попов.

Характернейшей чертой ленинизма,—продолжает далее т. Попов,—является «заострение внимания на роли классов, на роли пролетариата, его партии, на роли революционной теории, как орудия классовой борьбы пролетариата, на роли правильной тактики и организации пролетариата. Таким заостренным вниманием к этим вопросам, но вниманием именно ленинским, основанным на диалектико-материалистическом понимании роли классов, партии, теории, тактики и проч. должно быть проникнуто и все преподавание ленинизма». Говоря об этом, т. Попов указывает на необходимость борьбы с теми извращениями ленинизма, которые связаны с антимарксистским и антиленинским пониманием этой действительности марксо-ленинского учения. Наряду с механистической трактовкой этого учения мы встречаем, с одной стороны, подлинный эклектизм, ставящий вопрос о роли революционной теории и роли партии в революции с точки зрения эклектической теории взаимодействия объективных и субъективных «факторов», а с другой стороны, чистый идеализм, идеалистическое фразерство насчет, например, возможности и обязанности для партии всегда, при всяких условиях, во всякой революции и на всяком ее этапе идти к захвату власти пролетариата. Наша обязанность,—говорит тов. Попов,—в преподавании ленинизма вести борьбу против этих трех искажений ленинского учения (механистического, эклектического и идеалистического).

Говоря о действительности ленинизма, т. Попов считает далее необходимым с особой силой подчеркнуть ту сторону этой действительности, которая характеризуется неустанной и непрестанной борьбой со всякими отклонениями от основных положений марксо-ленинского учения. Прохождение курса ленинизма должно сопровождаться,—говорит докладчик,—борьбой с наиболее опасными в данный исторический период искажениями ленинизма, в настоящее время в первую очередь с правым уклоном, борьбой, основанной на серьезном изучении взглядов противника, так как только при этом условии она будет успешна.

Следующий момент, на который докладчик обращает внимание, говоря о действительности ленинизма, это теоретическое освещение в курсе ленинизма проблем сегодняшнего дня, особенностей настоящего периода. Вопросы сегодняшнего дня,—говорит он,—настолько важны, сложны и трудны, настолько требуют глубокого теоретического изучения и освещения, что именно на рассмотрении их слушатели могут вооружаться действительным знанием ленинского учения.

Тов. Попов подчеркивает указание т. Сталина, что в настоящее время все вопросы нужно ставить по-новому. Вопрос о нэпе, вопрос о союзе пролетариата и деревенской бедноты с середняком, вопрос о борьбе с кулачеством и новой буржуазией вообще, вопрос о «смычке» с деревней, о «кооперативном плане» и коллективизации деревни,—все эти животрепещущие вопросы ставятся по-новому. На них должно быть заострено внимание и в связи с их новой постановкой нужно во многом по-новому изучать Ленина. Нужно в частности с особым вниманием брать у него все, что он говорил о непосредственных путях перехода к социализму, в частности нужно вновь изучать Ленина за период военного коммунизма, умея и здесь выделить «общезначимое» и «общеобязательное» из того, что вызывалось специфическими особенностями этого периода, и умея применить это «общезначимое» и «общеприменимое» к особенностям настоящего этапа нашей борьбы и строительства.

В прениях по докладу т. Попова выступали тт. Сенкевич, Баевский,

Кэтэ Польш, Фрумкина, Миронов, Горев, Вегер, Жиров, Вольфович, Мильштейн, Бронин, Быстрянский, Кривцев, Сербента, Теодорович, Мишин, Стефанишин, Хохлов, Леонидов, Анатолийев.

В заключительном слове т. Попов вновь остановился на сочетании «общезначимого», «общеприменимого», «общеобязательного» с конкретно-исторической постановкой проблем ленинизма, на соотношении истории партии и ленинизма, на «действенности» в ленинизме и направлении всего изучения преподавания ленинизма к освещению и научному обоснованию проблем нынешнего периода, на необходимости по новому подойти к изучению Ленина, в частности изучению его работ за период военного коммунизма, с точки зрения задач современного этапа нашего развития. Кроме того, по вопросу о программе преподавания ленинизма т. Попов остановился на количестве тем, которые могут быть включены в нее при том времени, которое предоставлено для прохождения курса ленинизма в наших школах, на включении в программу ленинизма проблемы «война и революция» и на необходимости разделения и разграничения курсов истмата и ленинизма.

По всем перечисленным вопросам т. Попов развивал в заключительном слове то, что говорилось им в тезисах и докладе. Исключение составил вновь поднятый в прениях вопрос о включении в программу ленинизма проблемы «война и революция».

ДОКЛАД т. КИНА — ИСТОРИЯ ПАРТИИ КАК НАУКА

Поскольку общая политическая установка в вопросе о задачах изучения истории партии и ленинизма дана в докладе т. Ярославского, а вопрос о преподавании истории партии должен прорабатываться в секции, докладчик сосредоточивает свое внимание главным образом на вопросе, что представляет собой история партии как наука.

Подчеркивая трудность и сложность проблемы выделения и обоснования истории партии как самостоятельной научной дисциплины, докладчик считает, что «задача научной истории партии заключается в том, чтобы показать, как наша партия, революционная партия пролетариата, ленинская партия во главе пролетариата, во главе трудящихся масс пришла к власти, строительству социализма, к сегодняшним дням—последней и решающей борьбе с капитализмом внутри нашей страны, к борьбе за международную революцию и т. д. Этим мы подчеркиваем неразрывную связь истории партии с современностью.

Лучшее понимание настоящего дня, лучшее предвидение будущего—такова общая установка в изучении истории партии.

Предметом истории партии является история ее программно-теоретических, тактических и организационных взглядов и условий выработки этих взглядов, организационного строительства и всей политической деятельности партии во всем ее многообразии, причем неотъемлемой составной частью истории партии является изучение внутривнутрипартийной борьбы, условий выработки четкой ленинской революционной линии и борьбы внутри партии за эту линию, за проведение ее в жизнь, против всяких извращений марксизма и ленинизма».

Исключение из истории последнего момента ставит под вопрос, по мнению т. Кина, существование истории партии как науки. Тов. Кин решительно высказывается против взглядов на историю партии, как науки, высказывавшихся т. Невским и т. Юдовским. Неправильная постановка вопроса т. Невским приводит его,—говорит т. Кин,—к смещению партии и

класса. Ошибка т. Юдовского, по мнению т. Кина, заключается в телеологизме, в оценке истории партии как науки нормативной. Телеологическая точка зрения т. Юдовского особенно сказалась по вопросу о периодизации истории партии (т. Юдовский предлагает периодизацию по целям, которые партия себе ставит). Докладчик считает, что подобная точка зрения может повлечь к идеалистической постановке вопроса, что особенно вредно в настоящих условиях оживления антимарксистских, антиленинских теорий под флагом идеализма (пример—рубинщина).

Далее т. Кин останавливается на вопросе о специфических закономерностях в истории партии, подчеркивая, что было бы неверно представлять дело таким образом, что можно открывать какой-то абстрактный всеобщий закон развития партии. Прежде всего т. Кин дает анализ взаимоотношений партии с рабочим классом. Отмечая, что эти взаимоотношения не представляют собою чего-то неизменного, застывшего, докладчик говорит, что основная установка заключается в признании роли партии как авангарда рабочего класса, как важнейшей двигательной силы в борьбе за социализм. Из положения партии как авангарда рабочего класса и высшей формы организации его вытекает наличие у партии своей специфической линии развития в пределах общей линии развития рабочего движения.

Тов. Кин особо выделяет вопрос о соотношении стихийности и сознательности в рабочем движении и подчеркивает неправильность такого представления, что рабочее движение чисто стихийно и несознательно (пример—профсоюзы), но все же в целом оно всегда содержит в себе черты известной узости, цеховщины, известные элементы стихийности, и ссылается на Ленина, что профессиональные союзы даже при диктатуре пролетариата не свободны от этих элементов. Формы борьбы партии носят высший, наиболее сознательный и организованный характер (борьба теоретическая и руководство политической борьбой). Изучить эти специфические формы борьбы, деятельности партии, в частности внутрипартийной борьбы, в связи с рабочим движением в целом и всей классовой борьбой и составляет предмет и задачи истории партии.

«Сознательность, заложенная в рабочем классе, поднимается в партии до высшей ступени, до ступени научного коммунизма, ленинизма, который дает возможность сочетания силы предвидения с силой действия».

История рабочего движения рассматривает партию лишь как один из факторов борьбы. И совершенно естественно, что история рабочего движения, история революционного движения в особенности не может уделять такого внимания вопросам внутрипартийной борьбы, вытекающим из внутренней сущности партии, как добровольного союза людей, как это может и должна сделать история партии.

«Изучение «самодвижения» партии не в смысле изолированного, замкнутого движения, а в тесной связи с рабочим движением, в связи с революционным движением, для самопознания нашей партии играет чрезвычайно важную роль. И это еще более акцентирует и подчеркивает значение выделения истории партии, как самостоятельной науки. Это не значит, что мы открываем историю партии от исторической науки вообще».

Далее т. Кин ставит вопрос о том, как следует подходить к изучению истории партии. Докладчик дает общую формулировку и, говоря о необходимости изучать историю партии как историю большевизма, поясняет далее, что изучать историю партии следует, выделяя революционные струи во всем социал-демократическом движении с момента его возникновения, включая и тот период, когда большевизм сосуществовал в «блоке» с другими группами социал-демократии, т. к. «на всем протяжении

своей истории ленинизм представлял особую теоретическую и политическую систему взглядов». Это не означает, конечно, отказа от изучения истории социал-демократии, т. к. история большевистской партии была ближайшим образом связана со всей историей социал-демократии. Тов. Кин подчеркивает абсолютную неправильность и вредность той точки зрения, которая пытается эклектически сливать историю большевизма с историей мелкобуржуазных партий, что особенно наблюдается по отношению к национальным коммунистическим партиям.

Далее докладчик намечает основные вехи для периодизации истории партии, беря в качестве принципа деления этапы формирования большевизма как партии и этапы борьбы за гегемонию в рабочем классе и за руководство крестьянством, борьбы против оппортунизма и либерализма, за диктатуру пролетариата и социализм,—добавляя, что предлагаемая им периодизация не исключает, а предполагает более детальную периодизацию истории партии внутри каждого основного периода.

Периодизация, предлагаемая т. Кином, следующая:

I. Предшественники с.-д. в русском революционном движении до зарождения с.-д. (40—70 гг.) (как введение к истории партии).

II. Зарождение с.-д. (70—83 гг.) и историческое подготвление большевизма (83—94, 94—903 гг.).

III. Образование большевистской партии и ее борьба за гегемонию в рабочем движении в эпоху буржуазно-демократической революции 1903—05—07—1912—1914—1917 гг.).

IV. Партия в пролетарской революции и в период диктатуры пролетариата (февраль—октябрь 1917; 1917—1921 и т. д.).

Тов. Кин останавливается на изучении внутрипартийной борьбы, которое собственно в значительной степени оправдывает существование истории партии как науки, т. к. роль партии как фактора в массовой борьбе можно проследить и в общей истории рабочего движения. Докладчик отмечает неизбежность уклонов внутри партии, на что указывал и Ленин, говоря, что пока существуют классы, совершенно неизбежно появление мелкобуржуазных шатаний в рабочем классе и проникновение их в ряды партии. Изучить социальные корни закономерности развития уклонов и их преодоления в борьбе на два фронта, в тесной связи со всей деятельностью партии как могущественного фактора классовой борьбы пролетариата,—такова главная задача истории партии.

Задача коллективной истории партии глубочайше исследовать вопрос внутрипартийной борьбы, вопрос, как выработывалась ленинская линия внутри партии, как проводилась она в жизнь.

В заключение, отмечая ценные работы по истории партии тт. Ярославского, Бубнова, Невского, докладчик говорит, что подлинная ленинская научная история партии может быть написана в результате коллективной работы всех историков партии, исследователей и пропагандистов истории партии и ленинизма.

В прениях по докладу выступали тт. Бешкин, Теодорович, Юдовский, Невский, Сафонов, Баевский, Горин, Волосевич, Гайсинский, Волин, Сеф, Бронин, Фрид, Выдра, Панкратова, Татаров, Горелов, Войтинский.

Почти всеми выступавшими было отмечено значительное продвижение вперед в вопросе об истории партии, как науке по сравнению с тем, как этот вопрос ставился на 1-й всесоюзной конференции историков-марксистов, происходившей в декабре 1928—январе 1929 г.

В заключительном слове т. Кин, отвечая т. Юдовскому, отметил, что тот своим выступлением лишь подтвердил свою идеалистическую точку зрения, которая особенно ясно была выражена в одних тезисах тов. Юдов-

ского, где говорится: «если историю классовой борьбы нужно рассматривать с точки зрения закономерности, то при изучении истории партии основным методологическим принципом является принцип целесообразности».

Ссылка т. Волосевича, выступившего в защиту т. Юдовского, на Сталина, говорит т. Кин, совершенно неправильна, так как т. Сталин в основу периодизации берет объективные, а не субъективные моменты развития, не противопоставляет цель и средства, не отрывает их одно от другого.

«Тов. Сталин,—говорит т. Кин,—указывает моменты смены стратегических, тактических направлений в борьбе, указывает основные классовые сдвиги, классовые моменты—завоевание власти и, как один из чрезвычайно важных моментов, момент цели, ибо совершенно ясно, что тот план, тот сознательный план, который ставит себе партия, превращается в могущественное историческое орудие, поскольку он неразрывно связан с теми средствами, которые пролетариат и его партия применяют в классовой борьбе за диктатуру пролетариата и за социализм».

В прошлых выступлениях т. Невского т. Кин отмечает очень общую постановку вопроса в характеристике процесса исторического развития как естественно-исторического процесса, которое изучать, по Невскому, нужно с помощью тех же приемов, которые применяются в науках о природе, без оговорки о специфической закономерности общественного развития. Такая общая постановка дает повод видеть в ней неправильное истолкование сущности общественного развития. Смещение партии и класса, приписываемое т. Невскому, подтверждается тем, что он предлагает картину истории революционного движения, рабочего движения дать так, чтобы картина истории партии как бы сама по себе вырастала; подтверждается это и тем, что т. Невский не попытался поставить вопроса о закономерности развития истории партии в отличие от рабочего и от революционного движения.

В заключение т. Кин отметил, что никем из выступавших его тезисы не были опровергнуты, все замечания оппонентов свелись к дальнейшему развитию и уточнению тезисов. Ряд поправок и уточнений докладчик считает необходимым в тезисы внести.

ДОКЛАД Т. БЕЛА-КУН—ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КОМИНТЕРНА

«История Коминтерна, говорит докладчик, ее исследование и широкое пропагандирование представляет собой одну из актуальнейших и важнейших научных и политических задач нового периода международной пролетарской революции». История боев Коммунистического интернационала должна стать общим достоянием всего Коминтерна. «В целях максимального обеспечения правильного руководства новыми революционными боями», общая политическая установка для исследования и для преподавания истории Коминтерна определяется кризисом стабилизации капитализма, являющимся результатом растущего кризиса мирового хозяйства, при одновременном укреплении Советского Союза, вплотную подошедшего к социализму; обострившимися классовыми боями в странах капитализма и революционным подъемом рабочего класса; обострением военной опасности, в первую очередь между капиталистическими странами и Советским Союзом; теми задачами, которые встают в указанных условиях перед Коммунистическим интернационалом. Задачи эти следующие: борьба пролетариата против фашизма и социал-фашизма; завоевание большинства

рабочего класса; создание и обеспечение революционного союза рабочего класса и крестьянства в странах с мало развитым капитализмом, вовлечение пролетарских масс в наиболее высокие формы классовой борьбы при самом широком осуществлении тактики единого фронта, подготовка их к вооруженному восстанию, что в условиях военной опасности представляет подготовку трудящихся масс к превращению империалистической войны в войну гражданскую. Одной из важнейших задач Ком. интернационала в условиях настоящего периода является борьба с правым уклоном, конкретные проявления которого выражаются, с одной стороны, в недооценке революционной ситуации, с другой стороны—в отставании передового отряда от активности широких рабочих и крестьянских масс.

Те уроки, те обобщения, которые могут быть извлечены из истории Коминтерна, говорит докладчик, могут способствовать тому, чтобы поднять на высшую ступень ленинское руководство классовыми боями пролетариата и крестьянства на пути к новой непосредственной революционной ситуации.

Предмет истории Коминтерна тов. Бела-Кун видит в «истории классовой борьбы и национально-освободительных движений», которые происходили под руководством Коммунистического интернационала в эпоху империалистических войн и социалистической революции. В этом докладчик видит коренное отличие истории Коминтерна, от истории I и II Интернационала, которая была главным образом историей рабочего движения. Из предлагаемого определения предмета истории Коминтерна вытекает, что история Коминтерна, руководителя боев в эпоху социалистической революции, национально-освободительного движения и борьбы против империалистических войн, должна содержать все основные элементы этой исторической эпохи. Написать всю историю этой эпохи на основании изучения документов и источников невозможно, и не эта задача, по мнению т. Бела-Кун стоит перед историками-марксистами: история Коминтерна «должна быть подсобной наукой революционной стратегии и тактики Коминтерна». Поэтому историография Коминтерна в данный период революции не может поставить себе задачу изучения в полном объеме всех или хотя бы важнейших коммунистических партий за исключением ВКП(б), история которой не только история ленинизма, но и самая богатая лаборатория социалистического строительства для пролетариата всех стран.

Тов. Бела-Кун отмечает две возможные точки зрения на историю Коминтерна, которые обе в корне неправильны: одна—рассматривает историю Коминтерна, как историю его секций, и другая—противоположная, ограничивающаяся лишь историей конгрессов. Но нельзя написать историю одной секции Коминтерна, независимо от других секций Коминтерна (что не исключает изучения истории отдельных секций), так же как и нельзя оторвать историю Коминтерна от классовых боев пролетариата.

Одной из важнейших задач истории Коминтерна т. Бела-Кун считает изучение борьбы с уклонами, т. к. «без этого история Коминтерна не может быть понята и не может способствовать проведению теперешних задач Коминтерна в борьбе за ленинизм против всяких уклонов». В связи с указанными задачами докладчик намечает ряд вопросов, по которым необходимо произвести исследования и написать соответствующие работы, во-первых, по периоду революционной ситуации 1919—1921 гг. о массовых забастовках пролетариата в Ср. Европе и на Балканах, во-вторых, по истории германского Октября, революционных событий в Германии в 1923 г., затем по китайской революции, в частности по кантонскому восстанию, а также по вопросам революционного движения в Индии и в ряде других колониальных стран.

Кроме перечисленных наиболее важных частных проблем, т. Бела-

Кун отмечает следующие общие проблемы: изучение опыта тактики единого фронта в важнейших странах Европы, изучение всех значительных вооруженных восстаний, в особенности октябрьского, гамбургского и эстонского, критическое исследование уклонов, которые в истории Коминтерна привели к тому, что коммунистические партии не замечали революционной ситуации, не сумели использовать ее, с другой стороны — уклонов, которые привели к пренебрежению массовой работой. Указывая еще на некоторые важные вопросы, как вопрос о союзе рабочих и крестьян в некоторых менее развитых капиталистических странах, вопрос о рабочих советах, о движении в войсках, т. Бела-Кун дает оговорку, что приведенный им в настоящем докладе перечень тем, не может естественно претендовать на полноту. Далее докладчик приводит в качестве примера того, какая нужна история Коминтерна, исторические исследования Ленина, который (хотя и не был историком) «дал наиболее совершенные образцы применения сравнительно-исторического метода, сопоставляя ход русской революции с ходом революции других стран и времен», при этом «сравнительно-исторический метод никогда не означал для Ленина, как для многих историков-марксистов, механического применения исторических аналогий».

В заключение т. Бела-Кун характеризует значение изучения истории Коминтерна для членов ВКП(б) Советского Союза, особенно в период послевоенного кризиса капитализма, в условиях нового революционного подъема, когда естественно возлагаются новые обязательства на одну из главных сил международной пролетарской революции — на пролетариат СССР и его руководящую партию.

В прениях по докладу т. Бела-Кун выступали тт. Розенблюм, Касимов, Миронов, Гольд, Серебрянский, Фрумкина, Поль, Амбургский, Гопнер, Ленцнер, Панкратова, Сербента, Гасан-Али, Цитович, Власова.

В заключительном слове, отмечая, что часть вопросов, выдвинутых в прениях, должна быть обсуждена в секции, т. Бела-Кун останавливается на вопросе о месте истории Коминтерна в общей историографии и полагает, что вопрос этот связан с вопросом об отношении истории Коминтерна к истории I и II Интернационала. Говоря о том, что если можно называть предисторией Коминтерна историю I и II Интернационала, т. Бела-Кун указывает, что нельзя историю Коммунистического Интернационала считать простым продолжением истории рабочего движения во время I и II Интернационала, качественно отличающихся от Коммунистического Интернационала, т. к. последний является мировым Интернационалом. Поэтому должно быть разграничение между историей Коминтерна и историей Запада, вопреки предположениям некоторых товарищей об их объединении. Не должно быть отграничения истории Коминтерна и от ленинизма, как дисциплины. Отвечая на выступление т. Гопнер, т. Бела-Кун говорит, что, исходя из наличия небольших исследовательских кадров, в условиях третьего революционного периода приходится вести только ударную работу, какой, с точки зрения революционной работы Коминтерна, является освещение историографией тех проблем, из которых могут быть извлечены уроки для руководства будущими или настоящими боями. Это, конечно, не означает, что не следует совсем заниматься историей отдельных секций, что тоже важно, но в настоящее время не стоит в ряду первоочередных проблем.

Далее, указывая на предложения более широко толковать историю Коминтерна, т. Бела-Кун отмечает, что подобно истории ВКП(б) история Коминтерна имеет свою закономерность и не может быть растворяема в истории класса или масс.

В заключение т. Бела-Кун указывает на необходимость поставить

перед партийными инстанциями вопрос об организации подготовки кадров исследователей истории Коминтерна и говорит, что этой подготовкой должно заняться историко-партийное отделение Института красной профессуры, независимо от того, в какой форме это отделение будет сохранено. Нужны такие исследователи-партийцы, которые бы дали большевистскую историю Коминтерна, с правильной политической установкой, т. е. такую вспомогательную науку, которая так важна для революционной стратегии и тактики Коминтерна.

РЕЗОЛЮЦИЯ, ПРИНЯТАЯ ПЕРВЫМ ВСЕСОЮЗНЫМ СОВЕЩАНИЕМ ПО ВОПРОСАМ ПРЕПОДАВАНИЯ ЛЕНИНИЗМА, ИСТОРИИ ВКП(б) И КОМИНТЕРНА

Первое всесоюзное совещание, созванное Обществом историков-марксистов по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна, отмечает, что в условиях переживаемого нами периода решительной борьбы за осуществление социализма вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна приобретают особенно большое политическое значение, являясь могучим оружием большевистского воспитания пролетарских масс. Изучение ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна должно служить актуальным задачам современной борьбы рабочего класса.

В условиях обострения классовой борьбы пролетариата особое значение приобретает революционная теория, как его могучее средство в борьбе за социализм. Только основываясь на марксистско-ленинской революционной теории, пролетариат способен осуществить свое руководство широчайшими бедняцко-средняцкими массами крестьянства в деле выкорчевывания корней капитализма и уничтожения кулачества как класса в связи с коллективизацией сельского хозяйства как необходимого условия социалистического строительства. Только революционная теория даст необходимое вооружение для борьбы со всяческими оппортунистическими влияниями на пролетариат. Вот почему нужно беспощадно разоблачать всяческое принижение борьбы за чистоту революционной теории и попытки ее оппортунистического толкования.

Еще в самый момент зарождения большевистской партии Ленин предостерегал, что не следует никогда забывать характерной черты оппортунизма—его «неопределенности, расплывчатости, неуловимости, что оппортунизм, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьет ся ужом между исключаящими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.» (Ленин, Соч., т. VI, стр. 320).

Эта борьба с оппортунистическими тенденциями особенно большое значение получает в условиях диктатуры пролетариата, когда ревизия ленинизма в своем развитии неизбежно перерастает в контрреволюционный фактор. Поэтому необходимо решительное разоблачение всяческих уклонов и попыток ревизии ленинизма. Нужно со всей решительностью подчеркнуть борьбу с особо опасным для данного момента правым уклоном и также вести и систематическое разоблачение «левых» троцкистских загибов. Изучая прошлое, мы должны разоблачать борьбу враждебных боль-

шевизму групп и их попытки развращения классового сознания пролетариата, установить исторические корни современного оппортунизма всех разновидностей и вскрыть процесс перерастания антипартийных групп в антисоветские, контрреволюционные группировки (троцкизм).

Используя богатое наследство Ленина и большевистской партии, необходимо показать, как в результате непримиримой борьбы выковывалась революционная теория и создавалась могучая коммунистическая партия. Ознакомление с опытом прошлой борьбы партии приобретает еще большее значение, поскольку мы наблюдаем втягивание в дело социалистического строительства многочисленных кадров, не испытавших тягот капитализма и подпольной борьбы и не прошедших школы гражданской войны («молодежь»). В этих условиях огромное значение приобретает использование старых партийных кадров в деле большевистского воспитания и передачи им опыта прошлой борьбы партии.

В борьбе с искажениями ленинизма особое значение в данный момент имеет углубленное изучение вопроса ленинского учения о диалектике в историческом процессе. Нужно решительно разоблачать антиленинскую точку зрения об эволюционистской механистической смене общественных формаций (г. Дубровский), так же как и не-ленинскую оценку исторической эволюции классов, при которой крестьянство рассматривается как исторически устойчивый и неизменяемый класс мелких производителей. Не менее опасно воскрешение народнической идеологии и идеализация мелких производителей, скатывающаяся к признанию революционности кулака. (Яворский, ныне исключенный из рядов ВКП(б).) В связи с этим особое значение приобретает ленинское понимание вопросов взаимоотношения утопического и научного социализма и вопроса об истоках большевизма. Широко развернувшаяся дискуссия о «Народной воле» выявила наличие у некоторых товарищей стремления к идеализации роли народничества (г. Теодорович), которое в современных условиях приводит в свою очередь к идеализации мелкого производителя. Совещание признает важность углубленного изучения истории ВКП(б) как самостоятельной науки.

В вопросах методологии истории партии необходимо вести борьбу, с одной стороны, против такого упрощенного, механистического, «естественно-научного» подхода к объяснению общественно-исторических процессов, при котором игнорируется специфический характер этих процессов, и с другой стороны, против скатывающихся к идеализму взглядов, снимающих в области истории партии проблему закономерности развития и подменяющих ее принципом целесообразности. Нужно вести решительную борьбу против попыток растворения истории большевизма в истории РСДРП, вообще против попыток представить ленинскую партию как синтез большевизма и меньшевизма во всех его разновидностях и троцкизма в том числе. История партии может быть научной дисциплиной только при условии изучения ее в строгом духе марксистско-ленинской методологии. Только при исследовании богатого опыта ленинской борьбы за революционную теорию в духе строгой партийности мы сможем дать отпор всяческим попыткам искажения ленинского учения и вульгаризации его (см. книгу Эльвов и Ташкаров «Об одной попытке искажения ленинизма-марксизма», являющуюся ответом на точно так же неудачную попытку освещения этих вопросов в книге тов. Ксенофонтова «Основные вопросы стратегии и тактики ВКП(б)»).

Ряд ошибок, выявившихся за последнее время в вопросах изучения истории партии, ставит перед нами со всей остротой необходимость тщательного изучения Ленина и использование ленинских положений при раз-

работке вопросов, имеющих современный актуальный характер. В ближайшее время должно сосредоточить особое внимание на вопросах ленинского понимания теории классовой борьбы в эпоху переходного периода, проблеме смычки пролетариата и крестьянства, ленинского изучения переходного периода, проблеме взаимоотношений партии и класса, в особенности периода диктатуры пролетариата, роли международной революции и роли колониальных освободительных движений в деле укрепления нашего Союза, как в деле развития международной революции. Изучение этих вопросов необходимо провести под углом зрения практических задач современного социалистического строительства, неуклонно разоблачая при этом взгляды, чуждые ленинскому учению (троцкизм и идеология правого уклона).

Вопросы преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна, имеющие огромное политико-воспитательное значение, требуют проведения ряда неотложных конкретных мероприятий. Во-первых, необходимо добиться решительного перелома в отношении постановки в вузах и комвузах преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна, как самостоятельных основных учебных дисциплин. Во-вторых, необходимо обратить серьезное внимание на подготовку высококвалифицированных научно-преподавательских кадров по ленинизму, истории партии и Коминтерна, поскольку приходится констатировать явно недостаточное количество наличных кадров, в особенности в области преподавания истории Коминтерна, где положение с кадрами совершенно неблагоприятно, между тем как изучение и преподавание истории Коминтерна в нынешних условиях нарастания мирового революционного подъема становится одним из важнейших рычагов интернационального воспитания широких пролетарских масс. В-третьих, необходимо обратить серьезное внимание на почти полное отсутствие литературы по истории Коминтерна и зарубежных компартий, для чего поручить Обществу историков-марксистов совместно с Институтом Ленина приступить к изданию коллективного учебника по истории Коминтерна, а также опубликованию в качестве учебных пособий документов по истории зарубежных компартий и западно-европейских пролетарских революций.

Признавая, что созванное Обществом совещание по вопросам преподавания ленинизма, истории ВКП(б) и Коминтерна должно оказать значительное влияние в деле улучшения постановки преподавания этих дисциплин, считать весьма желательным созыв всесоюзной конференции научных работников, занятых в этих областях, с тем, чтобы на конференции поставить ряд докладов, освещающих наиболее важные и актуальные вопросы.

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ЗАМЕТКИ

ТРУДЫ ПЕРВОЙ ВСЕСОЮЗНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ИСТОРИКОВ-МАРКСИСТОВ

28/ХІІ—28—4/І—29. Т. I. Изд. Комакадемии. 1930 г. Тираж 3000, стр. 558.

Первая Всесоюзная конференция историков-марксистов бесспорно является важнейшей вехой в ходе марксистско-ленинского наступления на историческом участке идеологического фронта. Этим определяется значение издаваемых Комакадемией трудов конференции, представляющих собою стенограмму заседаний ее пленума и секций.

Перед конференцией стояла громадная задача «подведения итогов развития марксистской исторической науки в СССР; намечения проблем дальнейшего исторического изучения и всесоюзное объединение историков-марксистов» («Труды», стр. V). Размах и содержание работы конференции ярко отразили тот процесс роста, боевой консолидации и активизации марксистских кадров в сфере исторической науки, который происходил за последние годы и который получил свое организационное выражение в развитии «Общества историков-марксистов». Тов. Горин, делавший на конференции доклад о работе этого последнего, правильно указал на три этапа, пережитых обществом историков-марксистов: первый этап (1925 г. и начало 1926 г.), когда общество представляло собою «небольшой кружок историков-марксистов»; второй этап (1926—1927 гг.), когда «общество развернулось

уже, как мощная организация воинствующих историков-марксистов» и, наконец, третий (современный) период в развитии общества «можно охарактеризовать не только как борьбу за чистоту марксистских принципов, но и как борьбу за систематическую научную разработку отдельных вопросов истории» («Труды», стр. 18).

Конференция с большой убедительностью подтвердила, что марксистская историческая наука действительно вступила в этот «третий период» своего развития, что марксистская мысль действительно вплотную подошла к «систематической научной разработке отдельных вопросов истории». С этой точки зрения обращает на себя внимание тот большой размах, которым отмечена работа конференции, то громадное количество вопросов из самых разнообразных областей исторической науки (и даже из соседних с нею областей), которые были проработаны пленумом и секциями конференции. Далее необходимо отметить «чрезвычайно плодотворное, по словам тов. Покровского, и в научном и политическом отношениях, соединение политики и науки», которое «пронизывало всю деятельность конференции» («Труды», стр. 79), «которое обусловило характер докладов, об-

сужденных ею, равно как и характер прений по этим докладам. Подобная реализация конференцией ленинского принципа соединения политики и науки приобретает особенное значение и особую актуальность в современных условиях социалистической реконструкции, в условиях обострения классовой борьбы в стране, связанной с нашим развернутым наступлением на капиталистические элементы.

Идеологический фронт резко и четко отразил это. Здесь мы имеем наступление марксизма-ленинизма, здесь, с другой стороны, мы наблюдаем ожесточенное сопротивление буржуазной и мелкобуржуазной идеологий, пытающихся кое-где переходить в контрнаступление, стремящихся взамен утраченных позиций найти новые опорные пункты...

Исторический участок идеологического фронта, конечно, не является исключением в этом отношении. Выше был отмечен тот рост, который характеризовал развитие марксистско-ленинской исторической науки. В то же время не было «недостатка» в явных и замаскированных вылазках классового врага в сфере исторической науки.

Работа, которая проделывалась по консолидации марксистов обществом историков, получила свое завершение на самой конференции. Общество представляет сейчас собою мощное боевое объединение основных кадров историков-марксистов.

Велики и трудны задачи, стоящие перед обществом. Конференция показала это с исчерпывающей ясностью. Сейчас по свежим следам конференции каждому историку-марксисту необходимо вдумчиво изучить богатый материал, ею оставленный. В этом отношении «Труды конференции» являются не-

заменимым документом, развертывающим ту грандиозную программу работы, которую предстоит проделать марксистско-ленинской исторической науке.

В первом томе «Трудов конференции» помещены доклады, заслушанные на пленуме и в секциях по истории партии и истории народов СССР. Нет никакой возможности в ограниченных рамках рецензии сколько-нибудь подробно осветить богатое содержание первого тома. Придется поэтому остановиться лишь на самом важном, актуальном и интересном.

Прежде всего обращает на себя внимание произнесенная т. Покровским на открытии конференции вступительная речь, в которой он охарактеризовал основные задачи, выдвинутые общей обстановкой классовой борьбы перед историками-марксистами как одним из отрядов ленинской армии. Опираясь на наблюдения, сделанные нашими делегациями во время «берлинской недели» и на конгрессе в Осло, т. Покровский дал блестящий анализ состояния исторической науки за пределами СССР. Этот момент уже достаточно освещен в нашей печати, и на нем не стоит останавливаться. Здесь важно подчеркнуть те практические выводы, которые сделал т. Покровский из своего анализа. Он отметил громадное политическое и научное значение факта организованного выступления делегации воинствующего революционного марксизма в Берлине и Осло. Нам необходимо и в дальнейшем использовать все возможности для выступления в Западной Европе, учитывая политическое значение роста нашего влияния «на тот широчайший круг, отчасти пролетарский, связанный с пролетариатом, отчасти и мелкобуржуазных интеллигентов, которые колеблются как всякая мелкая бур-

жуазия...» («Труды», стр. 6). Но для того, чтобы как следует воспользоваться этими возможностями, нужно, «во-первых, иметь ясное представление об этой самой буржуазной науке, с которой мы будем сражаться, а с другой стороны—иметь полное единство и полную согласованность в наших собственных рядах» («Труды», стр. 6) и обратиться серьезное внимание на повышение научной квалификации наших кадров. «Марксизм сам по себе есть единственное научное объяснение истории. Но здесь должна быть научной и наша аппаратура... Нам необходима в этом отношении серьезно-научная, техническая... академическая подготовка» («Труды», стр. 14). Создание основы для такой подготовки т. Покровский и считает одной из важнейших задач, стоящих перед Всесоюзной конференцией историков-марксистов.

Методологический доклад т. Покровского «Ленинизм и русская история», заслушанный секцией народов СССР, по своему значению выходит далеко за пределы этой секции, являясь как бы методологическим руководством для всей работы конференции, поэтому мы начнем с разбора этого доклада.

В своем докладе т. Покровский дал критику экономического материализма с точки зрения ленинской диалектической концепции исторического развития России.

Тов. Покровский заострил внимание конференции на том, как ошибки в области марксистской методологии неизбежно ведут к ошибкам политического характера. В докладе развернуто революционное значение марксизма как методологии познания истории и показано диалектическое развитие самого исторического процесса. Тов. Покровский, обрушиваясь на «псевдо-марксистов»

и на тех, кто выхолащивает из марксизма его революционность и этим делает его плацдармом для соглашательства с буржуазией, говорит, что «не только экономический материализм, т. е. экономическая интерпретация истории, но неополитический материализм плюс борьба классов—это все-таки еще не марксизм. И только тот, кто признает политические выводы из марксизма, признает диктатуру пролетариата, тот настоящий марксист («Труды конф.», стр. 305).

С этой точки зрения можно сказать, что некоторые идеологии прошлых столетий (например, революционное народничество 60—70 гг., путачевщина и т. д.) при всем их отдалении от марксизма представляли собой революционные идеологии, поскольку они связывали уничтожение крепостнической системы с революционными методами его свержения, в то время как экономический материализм, несмотря на принятие им некоторых марксистских положений, должен быть квалифицирован как реакционная теория, приводящая в конечном счете к трусливому буржуазному либерализму. В связи с этим уместно вспомнить следующие слова Ленина: «Непреодолимая, привлекательная сила, которая влечет к этой теории социалистов всех стран, в том и состоит, что она соединяет стройную и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 233).

Тов. Покровский на отдельных узловых моментах русской истории, на ко-

торых спотыкались и спотыкаются меньшевики, троцкисты и правые уклонисты, дает иллюстрацию подлинно диалектического ленинского освещения следующих вопросов: 1) о роли торгового капитала в национальном объединении России на основе растущего товарно-денежного обращения, так что «создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» (там же, стр. 84); 2) о причинах падения крепостного права не в результате отмены его сверху самодержавием в связи с осознанием его мерзости помещиками, а в результате развития денежного хозяйства внутри крепостной вотчины, и 3) о самодержавии, по вопросу о котором т. Покровский против Слепкова и Троцкого защищал ленинскую установку. Эта установка заключается в том, что самодержавие, эволюционируя по пути обуржуазивания, все же сохраняло основную свою крепостническую суть и даже в последнее десятилетие своего существования не превратилось в представителя промышленного капитала.

Ленин говорит об эволюции самодержавия следующее: «Устраняет ли эта ступень сохранение «власти и доходов», говоря в социалистическом смысле, за землевладельцами феодального типа? Нет, не устраняет. Происшедшие изменения и в этой, как во всех других областях, не устраняют основных черт старого режима, старого взаимоотношения социальных сил» (Ленин, Собр. соч., т. XI, ч. 2, стр. 239). Совершенно справедливо обрушивается т. Покровский на Слепкова, так как непонимание характера эволюции крепостнического самодержавия связано с непониманием характера революции 1905 г. и Февральской революции 1917 г.; с непониманием предстоящих революций в

странах Востока, с непониманием ленинской теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Доклад т. Покровского явился чрезвычайно важным и актуальным для конференции, продемонстрировав, что русская историческая наука может вести борьбу с «лжемарксистами», со всякими методологическими извращениями марксизма, приводящими к грубым политическим ошибкам, только базируясь на принципах ленинизма. Тов. Покровский показал, что по всем кардинальным проблемам русской истории мы имели у Ленина далеко еще не исчерпанные методологические указания.

Переходим к работе секции по истории партии. Несмотря на обсуждение ею большого количества вопросов, один вопрос, одна проблема во всей ее работе являлась генеральной. Этой проблемой была методология истории, методология истории партии как науки.

Необходимо отметить, что историческая наука в отношении разработки методологии отстала от ряда других наук, а между тем история по своей «природе» является такой наукой, которая без остро отточенной и разработанной методологии может легко скатиться к эмпиризму. То, что во главу угла работы конференции были поставлены методологические вопросы, говорит о большой теоретической чуткости конференции, показывает, что именно сюда направлено внимание историков-марксистов, на этот наиболее уязвимый и решающий участок фронта исторической науки. Что он наиболее уязвимый, об этом свидетельствуют некоторые доклады.

В частности, если взять доклад т. Невского «История партии как наука» (один из двух основных докладов секции), затрагивающий чрезвычайно важную и интересную проблему, то мы уви-

дим, что он характеризуется не всегда достаточно четкой, ясной постановкой некоторых вопросов. Более того, т. Невский, говоря об истории партии как науке, умудрился почти ничего существенного не сказать о предмете своего доклада, допустив одновременно ряд ошибок.

Часто думают, что исторический материализм является только методологией истории, а не единством теории общественного развития и методологии. Поэтому-то делают ту ошибку, что истмат является методологией истории, то никаких различий между историей и истматом нет, что историческая наука якобы не является самостоятельной научной дисциплиной, и что она не имеет своих специфических форм и методов изучения предмета своего исследования.

Эта точка зрения характеризуется непониманием различия и единства общего и частного, непониманием взаимообусловленности истмата и истории, непониманием того, что общее только и может проявляться в частном. Это непонимание неизбежно ведет к отрыву общей методологии диалектического материализма от конкретного, т. е. от практики, от реальной действительности. Отрыв теории от практики может здесь произойти либо в результате установления тождества между общим и частным, и тогда это есть прямая дорога к идеализму, либо признаются только одни частные законы, что приводит к грубому эмпиризму.

Исторический материализм является проявлением диалектического материализма в развитии человеческого общества. Исторический материализм—это законы, извлеченные Марксом из самого развития человеческого общества. И если исторический материализм из-

влекает из конкретного исторического процесса общие законы, то историческая наука открывает эти общие законы в конкретном историческом материале, в этом их противоположность и в этом же их единство.

Исторический материализм является историей, возведенной в теорию, именно поэтому он не представляет собой такую теорию, законы которой являются навсегда данными и к каждой общественной формации примененными, так как «события, поразительно аналогичные между собою, но происходившие в различной исторической среде, приводят к совершенно различным результатам» (Маркс). Но все же, Маркс «возвел социологию на степень науки», так как он ввел в нее общенаучный критерий повторяемости» (Ленин). Эта повторяемость обусловлена одним способом производства у разных народов, создающим одни и те же общественные формации. Таким образом, можно сказать словами Гегеля, что исторический материализм обуславливается и определяется самим предметом, который он призван исследовать, т. е. что исторический материализм есть «не только абстрактно-всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» (Гегель).

Исходя из этих соображений, само собой обнаруживается неправильность утверждения т. Невским того положения, что «все те методы и приемы, которыми пользуются так называемые точные науки, отличавшиеся по старой терминологии от так называемых общественных наук, что все эти методы в равной степени применимы к общественным наукам, в том числе и к истории» (Невский, «Труды конф.», стр. 84). У т. Невского здесь явное непонима-

ние того, что содержание предмета диалектически обуславливает его методологию, его метод.

Содержание общественных наук и естественных отлично и поэтому *их внутренняя закономерность есть разное проявление общей методологии—диалектического материализма* (который сам является одновременно и теорией) в этих конкретных областях знания, в этих конкретных частях действительности. Из общей установки т. Невского никак нельзя сделать того вывода, что «метод является душой содержания»¹.

После всего изложенного становятся ясными взаимозависимость и обусловленность исторического материализма и

¹ Говоря о связи философии как методологии с положительными знаниями, Маркс и Энгельс утверждают, что: «Когда начинают изображать действительность, теряет свой *raison d'être* самостоятельная философия. На ее место может, в лучшем случае, стать суммирование наиболее общих результатов абстрагируемых из рассмотрения исторического развития людей. Но абстракции эти сами по себе, обособленные от реальной истории, не имеют никакой ценности. Они могут служить лишь для того, чтобы облегчить упорядочение исторического материала и наметить последовательность отдельных слоев его. Но в отличие от философии они отнюдь не дают какого-нибудь рецепта или схемы, согласно которым можно расположить исторические эпохи. Трудность, наоборот, начинается лишь там, где принимаются за рассмотрение и упорядочение материала, безразлично, какой-нибудь прошедшей эпохи или настоящего времени, когда принимаются за изображение действительности. Устранение этих трудностей обусловлено предпосылками, которые ни в коем случае не могут быть указаны здесь, а вытекают только из изучения реального жизненного процесса и действия индивидов каждой отдельной эпохи (Маркс и Энгельс о Л. Фейербахе. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Под ред. Д. Рязанова. Книга первая. Москва. 1924 г., стр. 216.)

истории как науки. Марксистская историческая наука пользуется теоретическим, а не описательным методом исследования, поэтому она, вскрывая отдельные категории исторического материализма в конкретном историческом материале, обогащает этим самым истмат, как теорию и методологию. Но самый предмет истории как науки, обнаружение закономерности в конкретном историческом материале предполагает в ней особый ей присущий как науке метод.

Сама история является не чем иным, как общей совокупностью отдельных исторических проблем, дисциплин, как-то: истории развития хозяйственных форм, истории революционного движения, истории партии и т. д. и поэтому, когда возникает вопрос о том, в какой взаимозависимости находятся отдельные исторические проблемы, нужно не забывать, что они являются частью целого. Поэтому-то кажется странным то соотношение между историей вообще, историей революционного движения и историей партии как науки, которое было дано т. Рубачем в прениях по докладу Невского. Он говорит: «Мне представляется дело так: история партии это наименьший круг (не по качеству конечно), история революции—это второй, более широкий круг; история в целом это третий, самый широкий круг» (М. Рубач, ст. 99). Ну, а каким кругом или кружочком,—хочется спросить т. Рубача,—будут все остальные исторические проблемы? Такое представление явно грешит схоластичностью.

Дело здесь отнюдь не в большем или меньшем круге, ибо большой круг никогда не сможет как-либо соприкоснуться с меньшим кругом и наоборот. А между тем история партии как на-

ука, и как история, никогда не может существовать вне зависимости от социально-экономических условий. Поэтому-то нужно говорить об истории революционного движения и об истории партии как о разных сторонах одного целого, которые, несмотря на зависимость и связь с целым, могут дышать своей собственной жизнью, иметь свою, им присущую, ими определяемую закономерность, являющуюся не чем иным, как проявлением общей закономерности в этой конкретной области знания.

Если на первых стадиях развития марксистской методологии в области исторической науки основная задача сводилась к защите основных марксистских методологических положений от идеалистической субъективной теории на отдельных участках истории вообще, то современный момент характеризуется не только этой, ничуть не теряющей свое значение, задачей борьбы за марксизм против чуждых теорий и извращений в самом марксизме, но и самим количественным охватом вопросов конкретной истории.

Характеризующим моментом в развитии исторической науки является дифференцированность ряда проблем, выделенных как относительно самостоятельные дисциплины не только для научных целей, но и тесно переплетающихся с ними задач текущей политики, которая базируется на науке.

В этом свете перед марксистской методологией истории стоит ряд крупнейших задач, как, например, разработка научного обоснования возможности некапиталистического развития отсталых народов (это учение строится на нескольких незаконченных работах Маркса, Энгельса, Ленина) и др.

Конференция историков-марксистов

показала, что именно в направлении выделения отдельных проблем как специальных объектов изучения концентрируется все внимание историков, что именно это является очередной задачей работы историков-марксистов. Исходя из этого же положения, понятным делается и то, что проблема изучения истории партии как науки выдвигается конференцией не как проблема, которая должна только описать опыт прошлых боев пролетариата, а как огромная задача изучения истории политики партии, истории ее воздействия на ход событий прошлого, в целях использования в происходящих и грядущих боях рабочего класса классового опыта и выведенной научной закономерности.

Изучение истории партии как науки не исключает, а предполагает изучение отдельных проблем ее истории и тактики. Поэтому-то на конференции историков-марксистов стояли такие доклады, которые охватывали существеннейшие проблемы учения Ленина о революции, как-то: проблема перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, роль военных организаций большевиков в подготовке вооруженного восстания 1917 г. и т. д.

Доклад т. К. Попова, очень интересный и глубокий, имеет не только научное, но и актуальное политическое значение в связи с нарастанием революций в колониальных странах и с событиями в Китае. Однако ряд вопросов, выдвинутых в докладе, является спорным. Поэтому-то прения были оживленными и содержательными. Спорным является вопрос, выдвинутый т. Поповым о том, будто бы ленинский план перерастания в 1905 и 1917 гг. представляет собой две различных постановки вопроса. По этому поводу есть разногласия. Думается, что такая

постановка вопроса предполагает, будто бы большевики в 1917 г. «перевороужились», тогда, как на самом деле у Ленина есть теснейшая диалектическая преемственность между планом перерастания 1905 г. и 1917 г. Это есть два тактических решения одной и той же проблемы в разных конкретных исторических условиях. Те социально-экономические сдвиги, которые произошли с 1905 по 1917 г. при общем развитии России как империалистической страны и влияния мировой войны, углубили социальные противоречия в стране. Эти сдвиги повлияли на степень зрелости пролетариата и на характер его взаимоотношений с различными слоями крестьянства. Эти сдвиги бросают свет на то, почему понадобилось Ленину для решения той же проблемы в 1917 г. дать другое тактическое разрешение ее. Однако, иное тактическое решение вызывалось не тем, что в 1905 г. внутренние условия еще недостаточно созрели и не созрел пролетариат для руководства крестьянской революцией. Пролетариат и в 1905 г. являлся гегемоном революции, но весь вопрос в том, что общая обстановка 1905 г. не так благоприятствовала перерастанию, как обстановка 1917 г.

В оживленных прениях, развернувшихся по докладу, был выдвинут ряд интересных вопросов о классовых сдвигах в период перерастания, вопрос о нейтрализации крестьянства, о борьбе с оппортунизмом за революционную схему и т. п.

Из других докладов в секции следует отметить доклад т. Рабиновича о «военных организациях большевиков в 1917 г.», который к сожалению дал чрезвычайно узкую трактовку вопроса. Непонятным представляется, как можно говорить о работе большевиков в армии

в целях вовлечения солдат в вооруженное восстание в кульминационный момент Октябрьской революции и ничего не сказать о самой проблеме вооруженного восстания и его кадрах. Непонятно, как можно говорить о работе в армии, не остановившись на вопросе о вооружении рабочих, ведь без вооруженного рабочего авангарда армия сама не может идти на пролетарскую революцию. Досадно, что столь большая проблема не была конференцией поставлена так же глубоко, как ряд других проблем.

Касаясь политики партии в отношении армии в 1917 г., т. Рабинович обошел ряд вопросов, и в частности вопрос о некоторых разногласиях в партии в февральские дни по вопросу о том, что является боевой задачей—создание ли дружин или связь с армией и работа среди солдат. Ленин в «Уроках Московского восстания» писал: «У нас в правом крыле партии сильно распространен крайне односторонний взгляд на этот переход (переход войск.—М. Б.). Нельзя, дескать, бороться против современного войска, нужно, чтобы войско стало революционно. Разумеется, если революция не станет массовой и не захватит самого войска, тогда не может быть и речи о серьезной борьбе. Разумеется, работа в войске необходима. Но нельзя представить себе этот переход войска в виде какого-то простого, единичного акта, являющегося результатом убеждения, с одной стороны, и сознания—с другой» (Ленин, Собр. соч., т. VII, стр. 49).

Несомненно то, что одной из основных задач в февральские дни для партии было завоевание армии, но именно это завоевание армии и предполагало, а не исключало вооружение рабочего класса, создание боевых рабочих дру-

жин. Этого положения не понимал тогда Шляпников, он считал, что основные мероприятия партии должны быть направлены (и якобы были направлены) не в сторону организации дружин рабочих, а в сторону установления связи с казармами для работы среди солдат.

Вся работа конференции историков-марксистов была направлена по существу против антимарксистских концепций и извращений марксизма. Наряду с этим конференция ставила своей задачей работу над методологией истории, ее углублением и обнаружением методологической закономерности в самом историческом материале. Решению задачи анализа происхождения меньшевистской концепции исторического процесса был посвящен доклад т. Рахметова, который старался показать, что меньшевистская концепция русского исторического процесса есть по существу прикрытие марксистской фразеологией либерализма, есть смазывание классовой революционной сущности марксизма. Интересным моментом в докладе была критика некоторых взглядов на происхождение меньшевизма у Плеханова. Он разоблачает толкование этого вопроса, данное Троцким, сводящееся к тому, что меньшевизм у Плеханова появился только накануне войны. Разоблачая это толкование Троцким «грехопадения» Плеханова, докладчик совершенно верно доказывает, что группа «Освобождения труда», преодолев народничество в общем и целом, не преодолело некоторые элементы его оценки русского исторического процесса.

Тов. Панкратова в своем докладе «Проблемы изучения истории рабочего класса» в секции народов СССР выдвинула ряд интересных и актуальных положений, связанных с необходимостью

изучения формирования и развития рабочего класса в России. Именно потому, что в этой области марксистская историческая наука еще не дала больших положительных результатов, доклад т. Панкратовой в основном заключался в изложении *проблем изучения* истории пролетариата России.

В прениях тт. Карпенко, Федин и т. д. совершенно справедливо отмечали, что т. Панкратова, правильно подчеркнув вопрос о необходимости изучения формирования рабочего класса на фоне экономической эволюции, не увязала это изучение с необходимостью исследования также хода борьбы рабочего класса. Недостаточное внимание также уделено необходимости изучить процесс созревания пролетариата в отдельных национальных республиках, входящих в СССР. В связи с этим стоит вопрос о проблемах рабочего движения с точки зрения взаимодействия метрополии и колоний, о связи этапов рабочего движения с этапом национально-освободительного движения в колониях и т. п.

Доклад т. Шохина о закономерности в развитии юношеского пролетарского движения явился попыткой на основе причин возникновения юношеского движения, его развития, кризисов, которое оно переживало на западе и в Советской России, и форм, в которых оно развивалось, вскрыть закономерность развития юношеского пролетарского движения. Проблема эта велика и нова, над ней еще только начата работа.

Несмотря на то, что как в капиталистических странах, так и у нас молодежь входит составной частью в общую систему организаций пролетариата, она в силу ряда специфических условий все же занимает в этих организациях особое место в самом производстве. Вопросами, стоявшими в центре

доклада и прений было, с одной стороны, обсуждение большой восприимчивости молодежи к революционной борьбе; с другой стороны—ее меньшая устойчивость по сравнению со взрослыми пролетариями и в связи с этим большая восприимчивость по отношению к чуждым идеологиям. Отсюда уже вытекают и задачи руководства юношеским движением со стороны коммунистических партий.

По докладу же тов. Шохина был обсужден вопрос об участии в воспитании подрастающего поколения крестьянства.

Нужно отметить, что конференция дала ряд докладов и по вопросам конкретного изучения отдельных моментов из

истории партии. Так на конференции был заслушан доклад о конференции большевиков в Таммерфорсе в 1905 г. (11—17 декабря ст. ст.), ранее чрезвычайно мало освещенной в нашей литературе.

Мы далеко не исчерпали содержание первого тома трудов конференции. Но из сказанного вполне достаточно, чтобы сделать тот неоспоримый вывод, что работа конференции по охвату проблем и их постановке является руководящей, намечающей основные пути в области развития исторической науки вообще и истории партии в частности. «Труды» должны стать настольной книгой для каждого историка-марксиста.

М. Борева

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНИЙ О ЛЕНИНЕ Н. К. КРУПСКОЙ¹ и А. ЛУНАЧАРСКОГО²

I

К воспоминаниям вообще невозможно подходить с теми требованиями, с какими мы подходим к исследовательским статьям: память—вещь хрупкая и субъективная. Поэтому вполне уместны примечания «от редакции» в «Воспоминаниях» Н. К. Крупской. Можно было бы только пожелать, чтобы работа «редакции» была более тщательной.

Например, на стр. 130 речь идет о газете «Новая жизнь». Перечисляются ее сотрудники. И вдруг (вверху страницы) сообщается, что секретарем «Волны» был такой-то. А далее—опять о «Новой жизни». «Волна» же выходила через полгода после «Новой жизни», и в своем месте т. Крупская говорит о ней. Ясно, что со стороны т. Крупской

была простая описка, не исправленная и «редакцией».

Более крупная неточность наблюдается на стр. 113—119, где речь идет об изменении аграрной программы, принятой на II съезде и заново сформулированной на III съезде. Между прочим, не упомянута статья в № 11 газеты «Вперед» от 23(10) марта, где Ленин намечает новую формулировку в статье «Пролетариат и крестьянство». Эта статья показывает, что еще задолго до бесед с Гапоном и тем более с Матюшенко перед Лениным стал вопрос о своевременности пересмотра формулировки аграрной программы. Хорошо бы было, если бы к следующему изданию т. Крупская заново изложила этот вопрос, выкинув и Гапона и Матюшенко.

¹ Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине. Выпуск I. Институт Ленина при ЦК ВКП (б). 1930 г.

² См. воспоминания А. Луначарского в настоящем № «Прол. рев.»

На стр. 117 (в середине) сказано, что «оставшиеся на воле члены ЦК согласились на созыв III съезда». Остался на воле один Красин.

В заключение поделюсь личным воспоминанием. На стр. 122 т. Крупская говорит о «девице из Одессы». Мне пришлось говорить и с этой девицей (Соней) и присутствовать при разговоре ее с Лениным. Она, по моим воспоминаниям, жаловалась не на «пропаганду» вообще, а на требование со стороны рабочего листков на экономическую тему и наивно возражала: «Ну ведь это значит впадать в экономизм».

Кажется, почти одновременно на вопрос екатеринославскому работнику Казьмину, почему нет писем с заводов, был получен ответ:

— Рабочие приносят письма, но мы их уничтожаем, не читая: что в них может быть интересного?

А после разъяснений со стороны Ленина и одесситка, и екатеринославец говорили:

— Какие, однако, мы были дураки!

II

Юбилей революции 1905 г. первоначально был отмечен в 1925 г. Тогда же было издано много литературы, между прочим, полная перепечатка газет «Вперед», «Пролетарий» и «Новая жизнь» с вводными статьями. «Новая жизнь» со статьями Красина, Литвинова и секретаря редакции газеты И. Э. Гуковского. А газеты «Вперед» и «Пролетарий», в силу получения части архива этих газет,—и с указанием большинства авторов, главным образом по почерку.

В настоящее время мы переживаем вторичный юбилей 1905 г. Естественно было бы теперь заняться исследовательской работой на основании большого количества материалов, опубликованных

пять лет назад. Не менее естественно было бы, если бы авторы воспоминаний о 1905 г. также немножко считались с опубликованными материалами. К сожалению, это мало заметно. Примерно статья т. Луначарского «Из воспоминаний о Ленине» и книга Крупской «Воспоминания о Ленине». Воспоминания Луначарского написаны более осмотрительно: он избегает части ошибок только благодаря тому, что повторяет о Ленине общеизвестные факты. И все-таки не чужд ошибок. Его статья представляет интерес больше как отрывок из автобиографии самого Луначарского.

К сожалению, силы не позволяют мне заниматься исследовательскими работами. Приходится и мне отчасти прибегать к такому ненадежному источнику, как воспоминания, лишь частью прибегая к документам.

Прежде всего, приходится «восстанавливать честь» Луначарского. На стр. 104 воспоминаний т. Крупской сказано о «Вперед»: «В редакцию, кроме Ильича, вошли Ольминский и Орловский. Вскоре на подмогу приехал Луначарский». На самом деле перу Луначарского принадлежит и объявление о предположенном издании этой газеты, о чем сказано во вступительной статье к переизданию газеты «Вперед» 1924 г., при чем специально был опрошен Луначарский. Из воспоминаний могу дополнить, что Луначарскому пришлось трижды перedelывать это объявление, и сохранились в моей памяти слова Ленина: «Видно было, что Луначарскому была очень неприятна браковка его статьи. Это делает честь его дисциплинированности». Кроме того, с первого же номера газеты стали появляться статьи Луначарского.

Перехожу к воспоминаниям Луначарского.

У большевиков в «дни свободы» 1905 г. была газета «Новая жизнь», а у меньшевиков и Троцкого «Начало». Между этими газетами не велось полемики: это соответствовало настроению и рабочей массы, и отчасти самих «верхов» фракций. Понятно, что под влиянием революционных дней и сами меньшевики левели. Поэтому мне кажется, неправильным утверждение Луначарского, будто «в разгар этих споров» правительство арестовало Петербургский совет рабочих депутатов.

До известной степени отсутствие споров подтверждается и последующим соглашением обеих фракций. Не одновременно, а предварительно произошло совещание представителей фракций и не на частной квартире, а в редакции уже закрытой «Новой жизни». Память моя сохранила некоторые штрихи этого собрания. «Прели» с утра часов до 8 вечера. Мартов делал уступки, Ленин также. Спорили о бойкоте выборов в первую Государственную думу. Мы за бойкот безусловный, а меньшевики за участие только в начальных стадиях. Когда Мартов уступал, вмешивался Дан, и Мартов брал свои уступки назад. Было толчение воды до тех пор, пока П. П. Румянцев не притащил корзины с пивом. С утра не евшая публика размякла и соглашение состоялось. Было решено издавать общую газету «Северный голос».

Когда в 1925 г. возникла мысль о переиздании «Новой жизни», я сначала

думал переиздать «Северный голос» (3 номера) и «Наш голос» (1 номер), хотя память мне подсказывала, что Ленин не писал в них. Но когда я ознакомился заново с этими газетами, то увидел, что они были меньшевистские, немножко приумытые. В VIII томе Сочинений Ленина его статьи за 1905 г. кончаются «Новой жизнью».

После этого вплоть до конца апреля 1906 г., до «Волны», у большевиков не было своей газеты—не было даже газет однодневок, вопреки утверждению Луначарского. Был только журнал «Вестник жизни»—мало распространенный и не влиятельный.

Далее, т. Луначарский говорит о собрании, в котором Ленин выступил с речью «об организации троек и пятерок». В брошюре Ленина говорится о пятках и десятках. Пусть это мелочь, но она заставляет думать, что т. Луначарский не возобновлял знакомства с этой брошюрой.

Как видит читатель, к воспоминаниям т. Луначарского (как и ко всяким другим воспоминаниям) нужно подходить очень и очень критически. А авторам всяких воспоминаний необходимо сверять их с бесспорными историческими источниками или хотя бы с соответственными томами Сочинений Ленина и с приложенными к этим сочинениям справочными сведениями: это, конечно, не гарантирует авторов от субъективных оценок, но может предостеречь их от слишком грубых ошибок.

М. Ольминский

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ЧАСТНОГО СОВЕЩАНИЯ 22 БОЛЬШЕВИКОВ

В томе VI Сочинений Ленина недостаточно освещена история частного совещания 22 большевиков (текст—стр.

346—359, а также примечание 115 и «Главные вехи» стр. 489 «До 14(1) августа»). Два раза упоминается там мое

имя, как участника совещания. Между тем, сколько я ни вспоминал, ничего не мог вспомнить, кроме того, что это совещание было в Женеве и что я как будто подписался под ним. Таким образом получился провал памяти. Может быть, я был в числе трех «присоединившихся»?

А затем, перечитывая первый проект и, сравнивая его со вторым текстом, я нахожу в первом целиком ленинский стиль, а во втором примесь богдановского.

Кроме очень короткого «прим. 115», никаких, очевидно, сведений об этом совещании не сохранилось. Получился не мой единоличный, а общий провал памяти?

При перечислении участников упомянуты имена лиц, которые в это время жили в России и не могли участвовать в совещании в Женеве (Луначарский, М. Ульянова, Воровский). Чтобы помочь товарищам возобновить в памяти лето 1904 г. в Женеве, я сделаю сообщение о том, что осталось у меня в памяти.

Я вернулся из Парижа в Женеву около 1 июня. Тогда же приехал из России Богданов с женой. С Лениным я еще не имел разговора, но от Богданова узнал, что Владимир Ильич с Надеждой Константиновной решили отправиться пешком в горы на весь июнь. Запомнилась мне усмешка Богданова, когда он говорил, что для укрепления нервов нужно не утомление ходьбой, а покой.

В начале июня я, Богданов с женой и Первухин с женой переехали из Женевы в деревню близ Шебра (за Лозанной); а около 1 июля туда же явились, как условлено было, В. И. и Н. К. Богданов имел свидание с Лениным раньше меня и передавал,—как

будто с недоумением,—о мальчишеской выходке Ленина: он будто бы развлекался тем, что дразнил собаку. При этом мне опять показалось, что Богданов хотел несколько скомпрометировать Ленина в моих глазах. Но получилось обратное.

Я, в силу особенностей своего характера, все лето держался дикарем. Разговоров с Лениным не помню; сохранились в памяти только совместное купанье в озере и смутно—совместные небольшие прогулки в ближайший лесок. Первые рукописи (Наши недоразумения и пр.) я передал в руки Богданова. Обедали я и Богдановы у Первухиных.

Помню смутно мою поездку в Женеву и заседание в клубе женевских большевиков (в ресторане за рекой Арвой), но не помню, чтобы обсуждалась там резолюция. Ни Ленина с Н. К., ни Богдановых там не было; руководящую роль играл Красиков.

Помню Землячку. Она приехала из России совершенно измученная; высказалась, что нужно отдохнуть. Дня через два-три Ленин спрашивает: «Можете ли сейчас поехать в Россию?»—Если нужно, да!—ответила она упавшим голосом. Меня тогда поразила эта дисциплинированность. И чуть ли не на другой день она уехала. Возможно, что она была послана в Ригу с резолюцией «22».

После отъезда Богданова в Россию Ленин говорил мне, что союз с ним временный, что придется потом разойтись. Кажется, то же он говорил и Лепешинскому. А Богданов стал, по слухам, высказываться за перевод газеты в Россию.

Во всяком случае желательно выяснить историю «частного совещания 22». Я не помню, чтобы это совещание было в Шебре и не помню, чтобы живущие

в Шебре в поле выезжали в Женеву.

На мой запрос, обращенный к некоторым участникам совещания с предложением дать свои воспоминания по этому вопросу, мною получены следующие ответы.

Ответ Е. Первухина. Я согласен с замечаниями М. Ст. Ольминского. Насколько мне память не изменяет,—это совещание состоялось не в окрестностях Женевы и определенно не в Шебре, так как живя в Шебре мне было бы известно, если бы состоялось подобное совещание. Также определенно помню, что из Шебра на совещание в Женеву или куда-либо в другое место ни Мих. Ст. Ольминский, ни Ленин с Надеждой Константиновной не уезжали.

Считаю, что прав т. Ольминский, говоря, что это совещание было в Женеве.

Согласен также с т. Ольминским о характере стиля, т. е., что во втором проекте примесь богдановского. Что Мих. Степанович держался «дикарем»,—с этим я не согласен, так как весьма отчетливо помню, как т. Ольминский совместно с Ильичом зачастую расхаживали и что-то обсуждали. Уж если говорить о дикарстве, то это применимо ко мне. Я стеснялся разговаривать с т. Ильичом, считая себя малоопытным в революционном движении.

Историю «частного совещания 22-х» несомненно необходимо выяснить со всей точностью.¹

Ответ П. Н. Лепешинского. Относительно воззвания 22 женевских боль-

шевиков, о котором говорится в VI томе Сочинений Ленина (издание 2-е) в примечании 115 и текст которого приведен в этом томе в двух вариантах (стр. 346—359), могу добавить очень немного, что подсказывает мне моя память. Во-первых, по вопросу о времени созыва конференции женевских большевиков, подписавших (или принявших) это воззвание, могу сказать следующее: мне кажется, что не только первый вариант (набросанный Владимиром Ильичом текст под заголовком «Чего мы добиваемся»), но и второй вариант («К партии») был написан и обсуждался в июле 1904 г., а не в августе, как об этом сказано на стр. 359. В августе он был отпечатан в типографии Рижского комитета, куда воззвание было свезено—по наперед задуманному Ильичом плану—одним из участников женевского совещания (кажется, если не ошибаюсь, Землячкой), чтобы, таким образом, лозунг по созыву III съезда был выкинут не заграничной организацией, а местным русским комитетом. В этом отношении, думаю мне, более права редакция V тома 1-го изд. собр. Сочинений Ленина, которая датировала воззвание «К партии» июлем 1904 г. (стр. 505).

Во-вторых, комментатор VI тома 2-го издания неправ, приписывая авторство второго варианта Ленину. Первый вариант, действительно ленинский, подвергся «жестокой» критике Богданова, и насколько мне помнится, этот последний взялся за написание другого текста вследствие предложения Ильича сделать это. Память мне доносит, что Богданову очень не нравилось в наброске Ленина именно то, что на самом деле составляет его достоинство: прямота, резкость выражений, ударение на конкретных моментах меньшевистской ко-

¹ Заявление т. Первухина написано им у меня на квартире. Между тем мне напомнил В. Д. Бонч-Бруевич, что я действительно отлучался из Шебра на несколько дней, может быть, во время этой отлучки и произошло женевское совещание.

оптационной борьбы и т. д. Легко видеть, до какой степени стиль второго варианта, *набросанного Богдановым* (это последнее обстоятельство я категорически утверждаю, ибо прекрасно помню происхождение воззвания 22-х и даже живо представляю себе те почтовые листики, на которых четким, закругленным почерком Богданова был написан текст воззвания), отличается от энергичного, специфически-ленинского стиля. Владимир Ильич благодушно уступил богдановскому наброску право на приоритет и лишь требовал на конференции внесения некоторых поправок делового характера *по существу*. Не помню почему, но большинство собравшихся почему-то не возражало, чтобы за основу резолюции взять богдановский текст. Таким образом, этот текст — с поправками со стороны конференентов, главным образом (если не исключительно), Владимира Ильича и пошел потом гулять по белу свету в качестве декларации 22-х.

В-третьих, наконец, перечень большевиков, принимавших резолюцию 22-х, страдает, с легкой руки М. Я. Лядова, неточностями. В своей статье «Третий съезд РСДРП», напечатанной в 3-м номере «Пролетарской революции» за 1922 г., т. Лядов в числе участников совещания называет, например, Луначарского. Это ошибка. Совещание было создано незадолго до отъезда Богданова в Россию (чуть ли не за несколько дней до его отъезда), и в это время Богданов только обещал для подкрепления большевистских рядов в Женеве направить А. В. Луначарского, буде тот согласится на это. Луначарский, действительно, приехал к нам в конце августа или в сентябре, но уже много спустя после написания воззвания, и в числе участников конференции

22-х не был. Точно таким же образом неверно включение автором примечания (115) в VI томе в числе лиц, присутствовавших на совещании, М. И. Ульяновой, которая была в это время в Петербурге. Мне кажется, что перечень участников можно было бы дополнить несколькими еще именами: на совещании принимали участие О. Б. Лепешинская, Самсонов (Вольский) — несколько позднее отошедший от большевистской группы, Ильин (ближайший сотрудник В. Д. Бонч-Бруевича по экспедиции) и еще несколько лиц, имена которых, быть может, вспомнят другие товарищи по нашей эмиграции.

Где происходило совещание? Отчетливо не помню. Кажется, в каком-то кафе (но вряд ли у Ландольта).

Ответ Л. Фотиевой. Помнится, что на собрании 22-х Марья Ильинишна не была.¹ Были на этом собрании Гусев, Лиза Кнуньянц и работница Сарра, в последнем не уверена.

Помнится, что были В. М. и В. Д. Бонч-Бруевичи. Собрание происходило в каком-то помещении в Старой Женеве во втором этаже. Категорически утверждаю, что не у Ландольта. Лично я не помню, подписывала ли я проект воззвания. Кажется, нет; не помню, числилась ли я в числе 22-х, — хотя на собрании присутствовала. В это время я была еще чересчур молодым членом партии и работа моя заключалась лишь в помощи Надежде Константиновне в переписке с Россией. Несомненно на собрании были Лядовы М. Н. и Л. Н. и Первухины А. Н. и Е. П. Был ли Красиков, не помню, кажется, нет.

¹ На наш запрос М. И. Ульянова сообщила, что приехала в Женеву в конце октября или начале ноября 1904 г.; следовательно, на совещании не присутствовала. *Ред.*

* * *

От других товарищей ответов не было или они ответили, что ничего не помнят.

Очевидно, следует принимать список, данный в примечании 115 Сочинений Ленина VI тома с сомнением. Но главный вопрос в том, следует ли резолюцию «22-х» включать в Сочинения Ленина или в материалы к этим Сочинениям, подлежит еще обсуждению, в том числе на основе экспертизы со стороны стилия. Я думаю, что в этом случае может помочь сличение ленинского и бог-

дановского стилей в книге Истпарта «Как рождалась партия большевиков» («Прибой», 1925 г.). Там достаточно ленинских документов и статей, а рядом с ними и богдановские статьи за подписью «Рядовой» в брошюре «Наши недоразумения», в статьях «Наконец-то», «К сведению товарищей, которые пожелали бы сотрудничать в «Искре», «Роза Люксембург против Карла Маркса» и «Один из выводов». Статьи эти написаны одновременно с резолюцией «22-х» и все они—полемиические против меньшевиков.

М. Ольминский

ОБЗОРЫ

ПОПУЛЯРНЫЕ БРОШЮРЫ ТАГАНРОГСКОГО (НЫНЕ ДОНСКОГО) ИСПАРТА

Донским Истпартом практикуется издание популярных брошюр из эпохи гражданской борьбы на Дону, главным образом в пределах Таганрогского района. К 1930 году таких брошюр издано 17, общим тиражом свыше 50 тыс. экземпляров. Брошюры от 1½ до 3 печатных листов, стоимостью от 10 до 25 копеек. Главными читателями указанных брошюр являются рабочие Таганрога. Издания по сведениям Донистпарта расходятся без остатков.

О некоторых брошюрах давались отзывы в нашем журнале. В настоящем обзоре дается отзыв еще на ряд брошюр. Но прежде чем приступить к разбору их, коснусь следующего: правильно ли взята Донистпартом установка на издание серии популярных исторических очерков? Не является ли издание такого рода задачей другого какого-либо общественного органа—Гиза, Отдела народного образования или культотделов партийных, или профессиональных организаций?

Было бы, разумеется, целесообразнее, чтобы издание такой литературы выполнялось последними органами и распространение ее не ограничивалось каким-

либо округом. Брошюры довольно содержательны и вместе с тем популярны; сбыт этой «сухой», «скучной» якобы литературы обеспечен (50—60 тысяч расходится только в районе Таганрога). Однако, издательства выпускают массу всяких легких брошюр, а брошюры о героической борьбе и о многочисленных величайших трагических моментах русской революции в большинстве случаев лежат без движения.

Каким путем Донистпарт ухитряется издавать свои очерки, при чьей помощи, сведений не имеется. Но известно, что более крупный, Северокавказский истпарт, имея в своем портфеле более солидные работы и располагающий огромной массой сырых материалов, до сих пор еще не может на них найти издателя.

Если исходить из задач, непосредственно стоящих перед истпартами, то Донистпарт допускает отступление от плана работ, делая ударение на издательство популярных брошюр, в ущерб основной научно-исследовательской, но нельзя отрицать за такого вида литературой большого культурно-воспитательного значения.

Таганрогским, ныне Донским, испартом выпущены, как мы указали, 17 брошюр. В каждой брошюре излагаются в сжатой форме события, которыми так изобилует таганрогский район в годы гражданской борьбы.

Таганрогский район—это граница Северного Кавказа с Донбассом. Таганрог служил как бы форпостом между ними. Контрреволюционное движение перекачивалось то с востока на запад, то с запада на восток. При всех таких передвижках контрреволюция непременно занимала Таганрог как базу значительных пролетарских сил, которые по стратегическим соображениям им нужно было изолировать. Поэтому в течение нескольких лет гражданской войны Таганрог являлся центром внимания со стороны белых. Всякий раз, когда таганрогский плацдарм занимался белыми, всегда происходили жестокие расправы не только над горожанами-рабочими Таганрога, но и крестьянами.

Указанные брошюры, на основании документальных данных, в популярной форме излагают отдельные эпизоды борьбы. Брошюра «Красная гвардия Таганрога» сообщает, что организация Красной гвардии в 1917 г. началась в Таганроге в связи с контрреволюционным наступлением генерала Корнилова на Петербург. Красногвардейцам Таганрога, как и петербургским, пришлось выдерживать борьбу не только со своими доморощенными контрреволюционными бандами, но и с немецкими войсками, оккупировавшими округ.

В брошюре «Германская оккупация» рисуются ужасы, творимые помещиками за время немецкой оккупации, которая не только была оккупацией военной, в военных целях, но и несла освобождение «от большевистского ига» всей буржуазии. При приближении немецких войск к Таганрогу представители всех общественных мелкобуржуазных организаций делегировали своих представителей для встречи немцев. Большевистские же отряды из рабочих таганрогских заводов отступали к Ростову.

Началось объединение «демократических» сил города с немецким командованием. Последнее, разумеется, восполь-

зовалось благодушием «честных граждан» и делало то, что должно было делать войско Вильгельма.

Немецкие штыки принесли освобождение не только буржуазии города, но и помещикам. В брошюре «Кровавые помещики» рассказывается, как помещики Таганрогского округа восстанавливали свои «права». Когда помещики ворвались в с. Латаново, то началась расправа с крестьянами.

— Пой «боже царя храни» сукин сын,—орет Курьянов (помещик) побелевшему от испуга полуголому крестьянину, приговоренному к экзекуции. Несчастный пытается петь, но у него ничего не выходит. Плеть ошарашивает его. Потом всех приговоренных к шомполам крестьян заставляли петь.

Широкие массы нашего Союза очень мало знакомы также с событиями, имевшими место в центре донского казачества в Новочеркасске, в ставке контрреволюционных казачьих генералов. В книжке «Борьба с каледищиной», составленной по документам белых, обрисовывается игра в демократию генерала Каледина.

Со взятием власти Советами в октябре 1917 года на Дону образовалось войсковое правительство, тормозившее всячески проведение принципов соввласти. Но этому донскому правительству угрожала опасность со стороны большевиков. Советские войска отовсюду двигались на Дон. И в это время контрреволюционное казачество созывает съезд иногородних, т. е. неказачьего населения с целью привлечения его на свою сторону. Однако, игра в «демократию» не удалась. Делегаты съезда бросали генералам реплики: «палачи, долой контрреволюционеров».

Разумеется, иногородний съезд являлся только дипломатической ширмой; Каледины опирались не на иногородних, а на казачество,—это не подлежит никакому сомнению. Но эхо Октября долетело и до казачества, среди которого началось расслоение и борьба. Кое-где казаки выходили из повиновения войсковому донскому правительству и организовывали военно-революционные комитеты.

Из станицы Каменской полковник Сидорин сообщает войсковому правительству, что требования военно-рев. комитета станицы чисто большевистские. Кое-где казачьи полки отказываются выступать против большевиков. Начались бои с калединскими войсками, кончившиеся поражением белых. Но недолго рабочему классу и крестьянству пришлось праздновать победу над юнкерством. Черные тучи реакции—с запада германские и австрийские войска, а с востока вновь организованное юнкерство—наступали на Таганрогский форпост. Об этом моменте описывается в брошюре: «В застенках контрразведок».

Германская контрразведка, объединившись с русской контрразведкой, после захвата Таганрога и округа ввела самую жестокую какую только можно придумать пытку тем, кто являлся противником белых. Мучили не только тех, кто непосредственно боролся с ними, но и тех, кто являлся отцом или близким родственником. Книжка заполнена фактами деятельности контрразведки, покрывшими неуязвимой славой героев генерала Корнилова и других. Отрубали уши, нос, жгли сигарой лица и проч. Недолго, всего 2 месяца пришлось наслаждаться донской контрреволюции. По заключению Советской Россией мира с немцами, последние эвакуировались, а русская контрреволюция одна без немец держаться не могла.

Власть снова перешла к Советам. В это время Северокавказская контрреволюция, организовав 100-тысячную армию, во главе с генералом Красновым вновь повела по направлению Воронежа наступление на советскую власть. Войска генерала Деникина шли на Орел.

В это самое тревожное время в тылу у красновских войск в Таганрогском округе неожиданно для белых начались крестьянские восстания. Эти вос-

стания наносили чрезвычайно большой вред белым, и если бы не своевременная помощь Франции генералу Деникину снаряжением, то едва ли могли бы деникинские и красновские войска удержаться в том положении, в каком они находились в эти дни. Крестьянские восстания жестоко были подавлены, сотни бойцов погибли.

Об этих повстанческих боях крестьян Таганрогского округа красочно повествует брошюра «О крестьянских революционных восстаниях» (1919—1924 гг.).

Разбиты деникинские и красновские войска. Таганрог снова свободен, но Антанта своевременно пришла на помощь разбитым, выдвинула нового спасителя России «демократа» Врангеля. Пока таганрогские рабочие приводили свои организации в порядок, продвижение врангелевских войск по побережью Азовского моря по направлению к Таганрогу вновь поставило рабочее население города под угрозу. Советская власть была вынуждена готовиться к эвакуации, рабочие готовились к бою. Подоспевшими буденовцами положение было резко изменено. Белые получили смертельный удар. Об этом эпизоде описывается в брошюре «Борьба с Врангелем».

В упоминаемых здесь брошюрах имеется очень много недоговоренностей, очень многие описываемые факты не имеют документального подтверждения, по крайней мере ссылок на источники, которыми пользовался Истпарт. Правда, от массовой популярной брошюры нельзя требовать тщательной документации, но в некоторых случаях ссылки на источники необходимы.

Не давая детального разбора содержания брошюр, отмечая их значение для массового читателя, нужно подчеркнуть, что издание их не является все же задачей истпартов.

В. Каюров

ПО ЖУРНАЛАМ

«КРАСНАЯ ЛЕТОПИСЬ»—орган Ленинградского областного истпарта, №№ 3(30), 4(31) и 5(32), 1929 г. Изд. «Красная газета». Тираж 3 000 экз.

В № 8—9 за 1929 г. «Пролетарской революции» напечатан разбор журнала Ленинградского истпарта «Красная летопись» за первую половину 1929 г.

В этом отзыве был уже отмечен решительный переход журнала от случайных воспоминаний к более углубленным исследовательским статьям. Такой переход несомненно сильно поднял интерес к журналу со стороны довольно широкого круга читателей, интересующихся историей партии и революции.

Прошлый отзыв отмечал и недостатки журнала и, как на главные, указывал на оторванность от наиболее насущных проблем сегодняшнего дня. «В журнале нет никаких намеков на работы, которые позволили бы осветить в историческом аспекте наиболее жгучие вопросы современности». Этот вывод из обзора первых номеров журнала за 1929 г. сохраняет полную силу и до настоящего времени. Из 30 статей, помещенных в рассматриваемых номерах, нет ни одной, которая так или иначе отзывалась бы на вопросы, приковывавшие к себе в течение всего года напряженное внимание не только партийного актива, но и широких масс. И даже в библиографическом отделе, в числе 16 рецензий на книги, вышедшие за последнее время, нет ни одного отзыва о работах, посвященных актуальным вопросам. Борьба с правым уклоном, пятилетка, социалистическое соревнование, наконец коренные сдвиги в экономике деревни—все это не нашло никакого отзыва в журнале Ленинградского истпарта. А между тем читатель вправе требовать от журнала, посвященного истории партии и революции, такого плана и подбора работ и статей, какие показывали бы ему на истоки отдельных течений в партийной жизни, объясняли преемственную связь сегодняшнего дня со вчерашним, позволяли на изучении опыта прошлого ориентироваться в сложной и ответственной обстановке настоящего.

Постоянный читатель «Красной летописи» давно уже заметил, что материал в журнал поступает самотеком, а не заказывается по определенному плану. Взяв любую книжку журнала, всегда можно безошибочно угадать, кто в настоящее время работает в Ленинградском истпарте, так как специальностью этих работников окрашивается напра-

вление журнала. Если в первые годы «Красная летопись» имела уклон в сторону истории нацменьшинств, то сейчас тон задают военные. В самом деле, свыше половины всего материала посвящено военным темам: 60% воспоминаний, 61%—общих статей и 30% рецензий. И в то же время на долю истории партии приходится всего 15%. Этого слишком мало для журнала партийной организации, специально созданной для изучения истории партии.

Правда, в 1929 г. истекло десять лет после геройской обороны Петрограда от наступавших на него белогвардейских армий и этой славной и красочной странице в истории гражданской войны, конечно, необходимо было посвятить ряд статей и воспоминаний в Ленинградском историческом журнале, но чрезвычайное обилие «военно-морских» статей не может быть объяснено одной только этой годовщиной.

Из работ, посвященных обороне Петрограда, наиболее полной и серьезной являются статьи Корнатовского. Однако, эти же статьи вышли почти одновременно и отдельной книгой, разобранной уже на страницах «Пролетарской революции».

То же самое надо сказать и об очень интересных главах из работы Бадаева «Большевистская фракция IV Государственной думы и революционное движение в Петербурге». Эта работа освещает наименее еще изученный период партийной работы и в ней впервые приводится ряд партийных документов. Но целесообразно ли почти одновременно печатать одни и те же работы в журнале и книге? Ведь читатель журнала и партийной исторической литературы почти один и тот же.

Из других статей наибольший интерес представляет работа Гайсинского о чрезвычайном и втором всероссийских съездах советов крестьянских депутатов в ноябре и декабре 1917 г.

Автор подробно знакомит с работой съездов и перед читателем ясно вырисовывается как та ожесточенная борьба за власть и за влияние на крестьянство, которую пришлось провести большевикам, так и неустойчивость и ко-

лебания левых эсеров, тогдашних наших союзников, скоро докатившихся до мятежа и разрыва с революцией. Не глубокое убеждение в правильности взятого в Октябре курса на социалистическую революцию, а революционное настроение и крылатая левая фраза характерна для лидеров левых эсеров во главе со Спиридоновой. Приводимый Гайсинским богатый материал дает яркий образ этих «героев на час», быстро скисших и сдавших свои революционные позиции, когда тяжелая послебрестская обстановка требовала не фраз, а настоящей революционной работы. Гайсинский излагает также и выступления Ленина на съезде, но излагает очень путанно, а иногда и чудовищно искажая. Чего стоит такая, напр., фраза: «Современное положение в его перспективах было выражено Лениным таким образом: «или коалиция с кадетами—или разгром революции!» (№ 4, стр. 186). Вообще работа Гайсинского ценна как источник материалов, но выводы и обобщения автора оставляют желать многого.

Последние номера «Красной летописи» за 1929 г. гораздо беднее, по сравнению с первыми, и статьями, основанными на изучении заводских архивов. Имеются всего две статьи в № 4: Ильина-Женевского «Когда и как начал свое существование Путиловский завод» и Паялина «Невский завод в 1903—1906 гг.». Жаль, что широко поставленная Ленинградским истпартом работа в районах по изучению заводских архивов не находит еще достаточных откликов на страницах «Красной летописи». Если по истории партии накоплено уже много, то рабочее движение на крупных заводах, являвшихся опорными пунктами революционной борьбы, пока еще почти совсем не освещена. А изучение заводских архивов даст не мало данных для объяснения важного и характерного для истории большевизма явления, как постоянное преобладание большевистских настроений среди рабочих.

Из статей по истории партии необходимо отметить подробное изложение Шелавиным работы Петербургского ко-

митета в 1918 году. Разбирая вместе с автором шаг за шагом содержание и методы работы партийного комитета, читатель видит, как в крайне сложной обстановке складывалась та монолитная и стальная организация, которая неуклонно ведет рабочий класс по пути коренного социалистического переустройства старого мира. Жаль только, что статья сравнительно мало насыщена документами. Так, напр., указание на то, что 18 июля ПК заслушал доклад о программе лекций партшкол (№ 3, стр. 149) было бы полезно для будущего историка партии снабдить изложением основ доклада или приведением хотя бы основных отделов программы, указанием характера и продолжительности занятий в школах и т. п.

Если, повторяю, на статьи по истории партии «Красная Летопись» очень скупа, то по истории армии и флота читателю преподносится много подробного и детально разработанного материала. Таковы статьи Дрезена: «Центральные матросские и офицерские организации Балтийского флота в 1917 году», «Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г.», «Балтийский флот в годы реакции», Ильина-Женевского «Выступление полков в Петрограде в июльские дни 1917 г.», Пухова «Переход от добровольческой к регулярной Красной армии в Петрограде и округе». Все эти статьи основаны на работе над газетными и архивными материалами. Пожалуй только, для журнала обще-исторического, а не специально военного, статьи Дрезена слишком детальны. Не чувствуется, что над ними поработал красный карандаш строгого редактора, не забывающего об общей архитектонике журнала.

«Красной Летописи» удалось привлечь вместо толпы «воспоминателей» ряд сотрудников, вдумчиво и серьезно прорабатывающих богатые материалы революционного прошлого. Необходимо теперь обратить серьезное внимание на большую плановость и четкость редакционной работы и на большую созвучность актуальным вопросам текущей действительности.

РЕЦЕНЗИИ

А. И. УЛЬЯНОВА. *Детские и школьные годы Ильича.* Четвертое изд., 32 стр., цена 18 коп. Тираж 50 000 экз.

В небольшой книжке А. И. Елизарова дала чудесные незабываемые штрихи из детской жизни Вл. Ильича. Автору удалось с исключительным мастерством показать черты Ленина, отличавшие его с детства. Его яркая индивидуальность, блестящие способности, душевная красота так хорошо, так правдиво переплетаются с шалостями, так свойственными его живой подвижной натуре и делают его таким понятным и близким. Его живость, жизнерадостность бьет через край. Он самый шумный, самый подвижный, самый предприимчивый из всей семьи. «Бойкий и шумный везде, Володя кричит громко и на пароходе, куда вся семья забралась, чтобы ехать на лето в деревню Казанской губернии. «На пароходе нельзя так громко кричать», говорит ему мама. «А пароход-то ведь и сам громко кричит», отвечает не задумываясь и так же громко Володя» (стр. 6).

Изумительно хороша оценка вечернего времяпрепровождения, очевидно обычного в семье: «Только бывало начнется вечер и мы, старшие, разложимся со своими работами в столовой у большого стола за общей лампой, как оказывается, что Володя выучил уже уроки и болтает, шалит и поддразнивает меньших и мешают нам. А в старших классах в те годы много уроков задавали. «Володя, перестань!» «Мамочка, Володя заниматься не дает». Но Володе надоело сидеть смиренно, и он шалит, ходит колесом. Иногда мать забирала меньших в залу, где они пели под аккомпанемент на рояли детские песенки из Гуселек. Володя любил петь, слух и способность к музыке у него были хорошие. Но и тут он не всегда утихомиривался. Меньшой братишка Митя в возрасте 3—5 лет был очень жалостливый и не мог никак допеть без слез козлика. Его старались приучить, уговаривали. Но только он наберется мужества и старается пропеть, не моргнув глазом, все грустные места,

как Володя поворачивается к нему и с особым ударением, делая страшное лицо, поет: «Напа-ли на ко-злика се-ерые волки». Митя крепится изо всех сил, но шалун не унимается и с еще более трагическим видом, испытывая брата, поет: «оставили бабушке рожки да ножки» пока малыш, не выдерживая, не заливается в три ручья» (стр. 14).

Т. Елизарова обладает способностью настоящего художника давать образные картины. В описанной сцене так ярко рисуется фигурка задорного мальчугана, кипящего жизнью и энергией, которую некуда девать. Эта обаятельная жизнерадостность и бьющая ключем энергия была основной чертой Ленина на протяжении всей его жизни и привлекала к нему все сердца, все умы.

Чрезвычайно ярко показаны и другие черты Ленина в детстве: его работоспособность, критическое отношение к себе. «Я думал, хватило ли бы у меня мужества на это. Пожалуй, нет» (стр. 18). Т. Елизарова говорит, что Ленину в детстве было чуждо хвастовство, важничание, эти неприятные свойства, которых он не терпел в более поздние годы. Об этой черте знают также все, кто, когда-нибудь соприкасался с Вл. Ильичем.

В семье опасались, что благодаря исключительным способностям Владимир Ильич не сумеет развить в себе трудоспособности, и он сам подметил в себе этот недостаток и начал работать над собой.

Детские годы Вл. Ильича прошли в исключительно благоприятных условиях. Это была не только счастливая, но необыкновенно культурная семья, где способности Вл. Ильича получили надлежащее развитие и направление. Из позднейшей переписки Вл. Ильича с матерью и остальными членами семьи видно, как велика была связь его с семьей, с какой любовью и уважением он относился к матери и как глубоко переживал он все, что их касалось. Арест старшего брата в 1887 г. сильно отразился на Вл. Ильиче. «Получив письмо, расска-

зывает Кашкадамова, я послала в гимназию за Володей и дала ему прочесть письмо. Крепко сдвинулись его брови, и долго он сосредоточенно молчал над письмом. Передо мною был уже не прежний веселый бесшабашный мальчик, а взрослый человек» (стр. 30).

«Володя переживал несчастье с большой твердостью, продолжая внимательно заниматься, но стал серьезнее и молчаливее и только приходя к меньшим сестрам и брату старался развеселить их» (стр. 30).

Эта способность глубоко переживать, но не падать духом, не распускаться и не терять жизнерадостности тоже одно из основных качеств Владимира Ильича.

Прямо поразительно, до чего много сумела т. Елизарова дать в небольшой брошюре, и приходится только пожалеть, что она так скупа на слова и так мало все же написала о детских годах Владимира Ильича. Ведь каждый штрих о нем дает ключ к пониманию этого многогранного, гениального ума, этой яркой колоритной фигуры—вождя мирового пролетариата.

М. Эссен

А. И. УЛЬЯНОВА-ЕЛИЗАРОВА. Воспоминания об Ильиче. Изд. 2-е, дополненное. «Молодая гвардия», М.—Л. 1930, 80 стр., тираж 10 000, Цена 30 коп.

В этой книжке т. Елизарова старается дать цельную биографию Владимира Ильича до периода конца ссылки, давая попутно краткий очерк истории развития социал-демократического движения. Конечно, трудно говорить о Владимире Ильиче в годы его революционной деятельности без того, чтобы не говорить и о том, как складывалась социал-демократическая работа, которая шла под его руководством и заполняла всю его жизнь, но все же при чтении хочется, чтобы этих общих мест, к тому же всем известных, было меньше, а как можно больше о самом Владимире Ильиче. Тем не менее книжка читается с неменьшим интересом, чем «Детские и школьные годы», и дает будущему биографу массу ценного материала к пониманию Ленина.

Особенно интересны главы о жизни Владимира Ильича в Казани и Самаре. Эти годы Владимир Ильич, предоставленный самому себе, в одиночку нащупывает пути жизни, работает над своим образованием и развитием. За участие в студенческой сходке Владимир Ильич был исключен из казанского университета и выслан из Казани в деревню Кокушкино, где он провел зиму 1887/1888 г. Вот что пишет А. И. об этой зиме:

«Но жизнь протекала, конечно, скучно в занесенном снегом флигельке, и тут-то и помогла Володе привычка к усиленным занятиям. Помню особенно ярко кругую раннюю весну, после этой утомившей нас одинокой зимы, первую весну, проводимую нами в деревне. Помню долгие прогулки и беседы с братом по окрестным полям под аккомпанемент неумолчно заливавшихся невидимых жаворонков в небе, чуть пробивавшуюся зелень и белевший по оврагам снег» (стр. 22).

С осени 1888 г. семья переехала в Казань. «В первом этаже были две кухни, а в верхнем остальные комнаты. Володя выбрал себе вторую лишнюю, кухню, потому что она была уединеннее и удобнее для занятий, окружил себя книгами и просиживал за ними большую часть дня. Здесь он начал изучать первый том «Капитала» Карла Маркса. Помню, как по вечерам, когда я спускалась к нему поболтать, он с большим жаром и воодушевлением рассказывал мне об основах теории Маркса и тех новых горизонтах, которые она открывала. Помню его как сейчас, сидящим на устланной газетами плитке его комнаты и усиленно жестикулирующим. От него так и веяло бодрой верой, которая передавалась и собеседникам. Он уже и тогда умел убеждать и увлекать словом. И тогда уже не умел он, изучая что-нибудь, находя новые пути, не делиться этим с другими, не завербовать себе сторонников» (стр. 23).

Как ярко дан в этой краткой сцене Вл. Ильич! Юноша, почти мальчик, он проводит целые дни за книгами, горит новыми мыслями и идеями, зажигая ими своего собеседника. Он полон новыми

мыслями, и можно себе представить, как горячо он их передает, «усиленно жестикулируя».

Занимаясь изучением общественных наук, выработкой миросозерцания, Вл. Ильич уделяет много времени изучению юридических наук и, подготовившись впродолжение одного года, сдает окончательный экзамен при Петербургском университете.

«Помню,—рассказывает т. Елизарова,—как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3-х часов. Никто из нас не ходил в ту аллею, дабы не мешать ему. Кончая с учебой в утренние часы, он после обеда уходил в тот же уголок с книгой по общественным вопросам—так, помню, читал по-немецки Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». А потом погуляет, выкупается и после вечернего чая выносятся лампа на крылечко, чтобы комары в комнату не налетали,—и опять Володина голова склонена над книгой... В свободное время, за обедом, гуляя, он обычно шутил и болтал, развеселяя всех других, заражая смехом всех окружающих» (стр. 28).

К этим двум основным качествам Владимира Ильича—изумительной трудоспособности и жизнелюбности—присоединяется его исключительное внимание к окружающим, его любовь к близким людям. Анна Ильинична рассказывает о том, что, уже тяготясь своим одиночеством, стремясь к работе, к широкой политической деятельности, он проводит еще целый год в глуши из внимания к матери, из стремления скрасить ее жизнь, облегчить ее горе после смерти сестры Ольги. «После ее потери одно могло облегчить несколько горе матери: близость к ней остальных детей. И Володя остался еще на год в Самаре» (стр. 38).

«Остался у меня в памяти разговор с Володей о появившейся в ту зиму в

одном из журналов новой повести А. Чехова «Палата № 6». Говоря о талантливости рассказа, о сильном впечатлении, произведенном им,—Володя вообще любил Чехова,—он определил всего лучше это впечатление следующими словами: «Когда я дочитал вчера вечером этот рассказ, мне стало прямо таки жутко, я не мог оставаться в своей комнате, я встал и вышел. У меня было такое ощущение, точно я заперт в палате № 6». Это было поздно вечером, все разошлись по своим углам или уже спали. Перемолвиться ему было не с кем. Эти слова Володи приоткрыли мне завесу над его душевным состоянием. Для него Самара стала уже такой «Палатой № 6», он рвался из нее почти так же, как несчастный больной Чехова. И он твердо решил, что порвет с ней следующей же осенью» (стр. 38—39).

Эта потрясающая своим драматизмом сцена действительно приоткрывает завесу не только душевного состояния Ленина, для которого Самара стала «Палатой № 6», но и той нежной любви к матери, того мужества, с которым он, борясь с тоскливой жизнью, все же еще целый год проводит в Самаре, чтобы скрасить жизнь матери. Эти человеческие черты делают образ Ленина особенно дорогим и близким всем людям. Годы работы в Питере, тюрьмы и ссылки дают представление о кипучей энергии, накопленных знаниях, какой-то сверхчеловеческой энергии. В тюрьме он так заработался и увлекся работой, что когда Анна Ильинична на свидании ему сообщила, что, кажется, его дело будет скоро разрешено, он воскликнул: «Рано, я не успел еще материал весь собрать» (стр. 65).

Таков Владимир Ильич в воспоминаниях т. Елизаровой, которая в продолжение всей жизни поддерживала с ним самые оживленные сношения, всячески помогая его работе, связанная с ним крепкой любовью. Ее воспоминания выявляют чрезвычайно много ценных черт духовного облика Владимира Ильича, дающих представление, из какого материала выковываются такие люди, как Ленин.

Н. ШАХАНОВ. Николай Евграфович Федосеев, пионер революционного марксизма в России. Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и сс. поселенцев, Научно-популярная библиотека, Москва, 1929 г., 97 стр., тираж 7000, цена 35 копеек.

Под таким заглавием выпущен № 11 указанной библиотеки. Заглавие это напоминает нам почти дословно другую книгу—«Федосеев Николай Евграфович, один из пионеров революционного марксизма в России». Только слово *один* в подзаголовке выпущено, да имя с фамилией перестановлено. Под первым заглавием вышел в 1923 году сборник Истпарта, составленный товарищами, лично знавшими Федосеева, с предисловием т. Ленина. Этот сборник предполагалось выпустить вторым изданием, имелись в виду добавочные статьи, но пока на рынке книга еще имела, 2-е издание откладывалось. В самое последнее время сотрудники Истпарта узнали, что остаток сборника, посвященного Федосееву, списан в макулатуру... Значит, он не находит сбыта на рынке? Значит, своевременно ли переиздание? К тому же вышла новая книжка о Федосееве. Очевидно, она больше отвечает потребностям рынка.

По размеру она меньше: в ней 97 стр. малого формата, в то время как в сборнике Истпарта 183 большого. В соответствии с этим она, конечно, дешевле.

Начинается она взятыми из первого сборника строками о Федосееве Ленина; кончается теми же письмами о нем Ленина из ссылки, что и первый. Биография излагается, понятно, по материалу истпартовского сборника: страницы брошюры пестрят сносками на него. Имеются, еще, правда, выдержки из издания Владимирского истпарта,—«Владимирская окружная организация»,—подробности о деле, по которому Н. Е. привлекался во Владимире, обысках, о допросах; имеются затем подробности о той травле Федосеева, которая привела его к самоубийству; приведены все пункты этого подлого обвинения из «Каторги и ссылки». Та-

ким образом кое-чем против сборника книжечка Шаханова пополнена. Но мы не можем считать, что это пополнение прибавляет что-либо к ее ценности,—ни в смысле научности, ни в смысле популярности. Да, мы не можем согласиться, чтобы книжка стала научнее, если число ее страниц увеличено неким «документом».¹ Кляузнический и склочный характер его был настолько очевиден, что даже в то время, по горячим следам, от него больше отплевывались товарищи, передававшие об этом несчастном деле, чем опровергали или мотивировали им что-нибудь. Тем меньше смысла приводить его теперь,—через 30 с лишним лет. Что может дать он теперешнему читателю, взрослому и живущему совсем в другой обстановке? Чем может расширить его научный горизонт? Не поможет расширению последнего и более подробное изложение орехово-зுவевского дела, допросов, показаний,—всего того, что в научно-популярном издании должно излагаться через такой большой срок уже перспективно.

И популярности ни то и ни другое дополнение не прибавили. Прибавили они только одно: размер брошюры и якобы характер чего-то нового:—не «один из пионеров», а «пионер».

Новое, молодое должно жить, а старое гибнуть,—таков закон природы. Жизнь идет вперед, подавай нечто новое, свежее. Долой отживающих стариков, в макулатуру их! Против этого нечего было бы возразить, но сначала надо все же доказать, что они действительно отжили, что заменяющее их новое действительно лучше, глубже, дает больше,—что оно нужно наконец, как замена старого; одним словом, что в результате перевариванья в макулатуре появляется нечто лучшее в том или ином отношении, а не просто только новое. Ибо за новым гонится и мода: здесь укоротить фалды, там прибавить фикмы,—глядишь, можно с умом и расчетом из старомодного и современное платьице смастерить...

Но неужто мы дожили до такого вре-

¹ Пунктами обвинения Юхоцкого.

мени, когда законы моды стали применяться и к книгам? Когда, лежа на складах и дожидаясь своей очереди попасть в макулатуру, они отсутствуют в книжных магазинах, как всякий не модный товар и надо обойти бесплодно 8—10 самых крупных магазинов Москвы в поисках за такими изданиями Истпарта, как «Памятник борцам пролетарской революции» или сборником— «Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г.»—что испытали на себе в последнее время наши сотрудники. В провинциальных магазинах Госиздата книги эти, как и многие другие, почему-то вовсе отсутствуют, на что горько жаловался мне недавно заведующий ульяновским отделом Истпарта,—тов. Тайнов. А в Москве ему пришлось обойти чуть ли не весь центр, Тверскую, Кузнецкий мост, в поисках книги: «Ал. Ил. Ульянов и дело 1 марта». Нашел он ее наконец в магазине на Мясницкой, 8,—но и то лишь в одном экз., тогда как ему нужно было 4.

А между тем на запрос Истпарта, сколько осталось его изданий на складе Госиздата, от торгового сектора был получен ответ, что сборника «А. И. Ульянов» осталось еще 1 300 экз.,—т. е. около половины издания 1927 г.

Куда копят их торговый сектор? Ответ может быть только один: в макулатуру, куда уже сданы, как он сообщил нам, сборники памяти Самойловой, Скляренко и Федосеева, книги Павловича и Зеликсон-Бобровской.

А между тем вам предложат о Федосееве «самую новенькую» брошюрку Шаханова. Выпускают такие «новые» брошюрки и Госиздатом.

Неужели это хозяйственно? И да позволено будет спросить Госиздат, научается ли он торговать, как настойчиво рекомендовал нам тов. Ленин? И не лучше ли проводит этот завет издательство политкаторжан, у которого из 7 000 экз. брошюры Шаханова, выпущенной в 1929 г., осталось теперь, т. е. через год, всего 300 экз.

Существуют, значит, издательства в СССР, которые умеют распространять не только оригинальные, но и компилятивные книги. Или печатанье для маку-

латуры составляет почетную особенность одного Госиздата?

А. Елизарова

10 ЛЕТ КОМИНТЕРНА В РЕШЕНИЯХ И ЦИФРАХ. Справочник по истории Коминтерна. Составили А. Тивель и М. Хеймо. Гиз, М.—Л. 1929 г., стр. 416, тираж 10 000, Ц. 1 р. 60 коп.

«Цель настоящего сборника,—пишут составители,—служить справочником для товарищей, занимающихся историей Коминтерна»¹.

Нам думается, что настоящий сборник лишь в весьма небольшой мере отвечает поставленной цели. Он скорее, в своей основной части, окажется необходимым более широкому кругу лиц, кто пожелал бы получить лишь общее представление или справку о важнейших этапах в развитии Коминтерна и его секций, не ставя перед собой задачу углубленного изучения отдельных проблем.

Справочник состоит из 5 частей: в первой—«Путь к Коминтерну» дана предистория КИ, во второй—шесть конгрессов, в третьей—девять пленумов ИККИ, в четвертой—характеристика периодов между конгрессами, в пятой—приложения, состоящие из кратких сведений о секциях КИ, ИККИ и его аппарате, международных революционных организациях (Профинтерн, Крестинтерн, Спортинтерн, Мопр, Межрабпом, Антиимпериалистическая лига и др.; Ким почему-то отсутствует), о важнейших международных съездах, совещаниях, краткая библиография литературы о КИ на русском языке и работ Ленина на немецком, английском, французском языках.

Большая половина всего сборника состоит из выдержек из основных решений конгрессов, пленумов, а для первых четырех конгрессов и из выступлений Ленина.

В предисловии к сборнику АППО ИККИ вполне правильно отмечает, что «в лучшем случае они (приводимые в сборнике выжимки из резолюций и постановлений конгрессов и пленумов)

¹ От составителей, стр. IX.

дают общее представление о смысле важнейших коминтерновских решений»¹.

В отношении всей остальной деятельности ИККИ между конгрессами составители ограничиваются лишь указаниями справочного характера, в результате чего о таких например крупнейших событиях в международном рабочем движении, как всеобщая английская стачка, революционные события в 1923 году в Германии, Болгарии, Польше, Венское восстание 1927 г., и по целому ряду других событий,—читатель отсылается к резолюциям ИККИ. Между тем целый ряд подобных документов между конгрессами имел отнюдь не меньшее значение, чем даже некоторые важнейшие решения конгрессов. Большинство документов составители не только не сопровождают указаниями—были ли эти документы опубликованы, но даже в отношении ранее опубликованных документов весьма часто не указываются журналы, газеты, брошюры, в которых эти документы были в свое время помещены. Последнее обстоятельство крайне снижает ценность всего справочника.

Другим недостатком сборника является то, что цитируемые выдержки из тезисов и резолюций конгрессов КИ и пленумов ИККИ в своем подавляющем большинстве не в состоянии удовлетворить запросов «занимающихся историей КИ», так как дают слишком общее представление о цитируемом документе,—например, из резолюции «об условиях приема в КИ», составители ограничиваются выдержкой лишь из вступительной части резолюции (35-я стр.) или совершенно пропускаются тезисы II конгресса о профессиональном движении, представляющие собой интересный документ в связи с подготовкой Профинтерна, а также в связи с возражениями англо-американских, немецких «левых» и, отчасти, итальянских товарищей по вопросу о работе в реформистских профсоюзах. Подобных этим можно привести не малое количество примеров.

Наиболее ценным в сборнике является

справочный материал—список документов по важнейшим вопросам, краткие сведения о составе конгрессов, пленумов руководящих органов КИ, статистические данные и, что особенно необходимо отметить, всесторонний справочный материал о секциях КИ. Совершенно излишне даны почти по всем конгрессам и пленумам статистические сведения о числе выступлений по различным вопросам, числе заседаний, количестве присутствовавших. Вряд ли кому-либо могут быть полезны эти сведения.

Сборник значительно выиграл бы, если бы он представлял собой материал исключительно справочного характера; что же касается важнейших резолюций, постановлений, то это должно стать предметом специального, более обширного сборника.

Несмотря на все указанные недостатки, настоящий сборник, будучи по существу первым серьезным справочником по истории КИ, сыграет несомненно свою положительную роль.

«Коминтерн теперь вплотную подошел, пишет АППО ИККИ в предисловии к настоящему сборнику, к делу проработки всех материалов истекшего десятилетия. Задача этой проработки заключается в том, чтобы колоссальная работа, проделанная в течение 10-летия, помогла бы вооружению всего авангарда мировой революции, который ныне подготавливается к грядущим и надвигающимся боям. Этот сборник является маленькой частицей той огромной работы, которая уже начата и выполнение которой потребует активной и энергичной помощи всех секций Коммунистического Интернационала».

Я. Цитович

М. РАФАИЛ. Проблемы индийской революции, «Прибой», Ленинград, 1928 г., стр. 82, тираж 5000, цена 25 к.

По целому ряду важнейших вопросов автор совершил серьезные политические ошибки. Тов. Рафаил правильно усматривает в свержении империализма и разрешении аграрного вопроса основные проблемы индийской революции. Он правильно усматривает характер индийской революции как революции бур-

¹ Предисловие АППО ИККИ, стр. VII.

жуазно-демократической. Но когда надо было бы развивать вопрос, то слабое знакомство со страной, весьма поверхностное знание предмета и по ряду вопросов неправильная политическая установка помешали ему найти правильное разрешение вопросов. Он не видит революционной роли национально-освободительного движения (индо-мусульманского), одной из движущих сил революции. Вопрос о туземных княжествах как об остатках восточных деспотий, как о пережитках феодализма у него смазан. Вопросы о пережитках кастового строя, о положении женщин, о роли религии, у него все не поставлены. Тем самым получается весьма узкая постановка буржуазно-демократических задач и неразвернутая ленинская формулировка. По вопросу об империализме т. Рафаил приводит общеизвестные «жалобы» об эксплуатации Индии английским империализмом вместо серьезного и углубленного анализа относительно *командных высот* английского капитала в экономике Индии. Анализ аграрного вопроса чрезвычайно поверхностен и местами неверен.

В работе имеется ряд грубейших ошибок, объяснимых только неряшливостью автора. Так, например, о речи национал-реформиста, председателя национал-конгресса Ансари, он утверждает, что Ансари «несмотря на все колебания нашел *нужные слова*» для характеристики британского империализма. «В империи, если возможно, вне империи, если невозможно—цитирует из речи Ансари наш автор лозунг Гануш (стр. 6). Разве эти слова являются нужными? В империи, если возможно—это и есть статус доминиона. А наш автор считает это нужными словами.

Тов. Рафаил утверждает, что английское завоевание разбило феодалов (стр. 10). Маркс считал, что как раз англичане создали карикатуру крупного землевладения в Индии, и факты говорят о том, что английский империализм опирается в Индии и на помещиков, феодальных князей. Наш автор утверждает, что «ремесленники уходили в деревню, становились батраками или умирали голодной смертью» (стр. 13). Факты гово-

рят о том что лишь небольшая часть ремесленников стала *батраками*, а подавляющее большинство стало *пауперами*. Автор утверждает, что Англия вложила в Индию свыше 400 млн. ф. стерлингов (стр. 14). Факты говорят о том, что английское капиталовложение превышает и 600 млн. ф. стерлингов.

Автор говорит о значительном «*перемещении*» капиталов в Индию (стр. 21). Этот термин взят у Роя на прокат. «Деколонизаторы» говорили о том, что Англия не только вывозит капитал в Индию, но перемещает свои капиталы в Индию. Наш автор приводит цитату из работы голландского автора Пальсарта, утверждая, что этот знаменитый голландец путешествовал по Индии в 1926 г. (стр. 26). Беда только в том, что Пальсарт путешествовал в Индии в XVII в. Автор утверждает, что «противоречий, разъедавших империалистов в Китае, в Индии не будет» (стр. 36). САСШ и Япония, очевидно, не ведут борьбы за Индию. Автор утверждает, что в Индии в целом ряде центральных провинций «сохранились деревенские общины» (стр. 42). Но автор забыл сказать, что эти общины уже сильно разложились.

Автор утверждает, что «Англия в некоторых провинциях уничтожила феодальных землевладельцев» (стр. 44). Но он забыл сказать, что Англия же восстановила этих феодалов. Совершенно неслыханным буржуазно-либеральным утверждением является положение автора, что больше всего индийская деревня страдает от кабальных налогов (стр. 45). Наш автор на минуточку забыл о помещике.

Совершенно неслыханным буржуазно-либеральным тезисом является утверждение автора о том, что «в национальном освобождении Индии заинтересованы в *большей или меньшей степени все классы Индии*» (стр. 68). Феодальные помещики, компрадоры, ростовщики не заинтересованы в национальном освобождении Индии. Для нашего автора разница в роли разных классов только количественная. Но такая буржуазно-либеральная болтовня смазывает вопрос о движущих силах революции и

прямо-таки идеализирует контрреволюционных помещиков, компрадорскую буржуазию, ростовщиков и национал-реформистскую буржуазию. Наш автор всех арендаторов причисляет к деревенской бедноте (стр. 79). Но разве среди арендаторов нет кулаков и середняков и разве среди крестьян-собственников нет бедняков?

Тов. Рафаил считает, что «основой и первым этапом буржуазно-демократической революции будет являться аграрная революция» (стр. 78). Здесь он забыл о «мелочи» — о борьбе с империализмом, о колониальном характере страны. Наконец наш автор считает, что основная задача в Индии в настоящее время заключается в создании рабоче-крестьянской партии, которой призвана руководить индийская компартия (стр. 77). А VI конгресс Коминтерна отсоветовал индийским коммунистам создание двухсоставной рабоче-крестьянской партии. Опыт показывает, что прав был VI конгресс, а не тов. Рафаил, который идею рабоче-крестьянской партии взял на прокат от сторонников Роя, а отнюдь не от Ленина. Нам кажется, что приведенные нами места из работы т. Рафаила достаточно убедительно доказывают, что книга т. Рафаила является не только поверхностной, ошибочной, но и политически вредной работой. Проблемы индийской революции заслуживали более серьезного отношения.

Л. М а д ь я р

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В БОРЬБЕ ЗА МИР. Собрание документов и вступительная статья. М.—Л. Гиз 1929, стр. 23 + 321, тир. 3000, ц. 2 р.

Можно, разумеется, только приветствовать появление сборника советских документов по вопросу о борьбе за мир. Тем более, что указанное издание не требовало особой затраты времени — нет ничего проще, как перепечатать ноты и обращения нашего правительства из сборника, отредактированного Ключниковым и Сабаниным, из газеты «Известия ЦИК». Не совсем ясно поэтому, что собственно имел в виду составитель, указывая, что «основной документальный материал» (а какой же может быть в

данном случае не основной, второстепенный?) «почерпнут и... из ряда брошюр». Странно, где это составители брошюр могли взять те или иные документы и заявления хотя бы и по вопросу о выступлениях нашей делегации на подготовительной комиссии по разоружению, как не из наших дипломатических и официальных изданий?

Спешим оговориться, что словом «составитель» в дальнейшем будет обозначаться лицо, ответственное за выход в свет рецензируемой книги, хотя собственно не совсем ясно: один ли человек систематизировал документы, написал вступительную статью и предварительные замечания, или же перед нами двое или трое авторов. После статьи как и после «замечаний» изображена вместо подписи маленькая звездочка. Но такая же звездочка стоит и в конце каждого документа, перепечатанного в сборнике. Однако, вряд ли могут быть сомнения в том, что ни одно из лиц, выступавших с нашими предложениями, нотами и т. д., не смогло написать ни вступительной статьи ни предварительных замечаний. Вообще говоря, анонимность допустима только в ведомственном издании, что не имеет места в данном случае.

Не вполне удачно выполнена первая действительная работа, выпадающая на обязанность составителя, а именно, группировка документального материала. Первый раздел «Борьба Октябрьской революции за мир», собственно, должен был бы носить название: «Борьба за прекращение европейской войны и возобновление дипломатических отношений». Разве выступления на мирных конференциях и в Комиссии по разоружению не представляют собой той же борьбы за мир? Нельзя использовать в качестве заголовка одной главы то, что, в сущности, является общим названием книги.

Странно также, почему при наличии специального раздела «Советская Россия на мирных конференциях» с особым подразделом о проливах, такие документы, как телеграмма Г. В. Чичерина на имя секретаря Лозаннской конференции от 19 июля 1923 г. и предста-

вленный на Лозаннскую конференцию проект правил для прохода судов через Дарданеллы, Мраморное море и Босфор—помещены в главе «СССР и пакты о нейтралитете и ненападении».

Всего в книге приведено 112 документов о мире—коллекция довольно обширная—от первого декрета о мире, принятого 2-м Всероссийским съездом советов 8 ноября 1917 г. и до подписания пакта Келлога 9 февраля 1929 г. 120 страниц—больше трети книги—уделены работам нашей делегации на подготовительной комиссии по разоружению. Этот отдел даже, пожалуй, чрезмерно разросся. Ряд документов мог бы быть приведен не полностью, а в выдержках, как это допускается к таким важным договорам, как пакты о ненападении и дружбе. По числу документов на первом месте стоит Польша—9 актов, затем США—7.

Несмотря на обилие помещенных в сборнике материалов, нельзя не отметить ряд досадных пропусков. Так, ни слова нет о договоре 1921 года с Англией, положившем конец блокаде, ничего нет и о той переписке с Францией, которая привела к обмену послами между обоими государствами. Не существует для составителя книги и рижского трактата, который, хоть и односторонне, все же входит в рамки сборника, свидетельствуя о нашем бесконечном миролюбии. То же следует сказать и о Брестском договоре, которого в книге почему-то нет, хотя имеется сообщение об его аннулировании. Так, в ряде случаев при документации развития наших отношений с той или иной страной нет то начала, то конца, то важных срединных звеньев. Что может, наконец, узнать читатель сборника о таком животрепещущем вопросе, как о наших отношениях с Китаем? Китай вообще упоминается в книге только косвенно—в ноте всем правительствам о разрыве с Англией (налет на Пекин) и в постановлении 4-го Съезда советов СССР по отчету правительства 19 апреля 1927 г. (насилие в Пекине и Шанхае). Но ведь каждому советскому гражданину известно о нашем договоре с Китаем 1924 г. и

о величайшем международном значении этого акта. Как мог составитель сборника пройти мимо такого документа?

Настоящий сборник предназначается, как указывается в п. 1 предварительных замечаний, «для широчайших кругов трудящихся». Для этих кругов совершенно необходимо было бы снабдить все эти ноты и заявления краткими, совершенно ясными и содержательными примечаниями, которые дали бы неподготовленному читателю представление и об участниках и о всех подробностях разворачивающейся перед ним дипломатической панорамы. И этого, к сожалению, не сделано. Менее важной в данном случае представляется нам вводная статья, дающая общий очерк борьбы за мир и нашу принципиальную установку, поскольку это с достаточной ясностью и полнотой дается самими же соответственно систематизированными дипломатическими документами и заявлениями. Во всяком случае, вводная статья составителя, которая, как достаточно широко известно, указано в п. 4 предварительных замечаний, «основана на дипломатических документах данного сборника и является непосредственным комментарием к ним», решительно ничего читателю не дает. Статья, занимающая целый печатный лист, написана водянистым, высокопарным стилем и является просто беглой хронологической сводкой нашей мирной политики,—сводкой, которую можно было сжать по меньшей мере втрое. Можно ли считать «непосредственными комментариями к дипломатическим документам» такие, например, фразы: все важные периоды, связанные с *мирной деятельностью* Советской России... *одинаково богаты* новыми формулами, оригинальными предложениями и исчерпывающими проектами?

Сказать слишком много—значит ничего не сказать. Это ведь просто отписка, отмахивание от подлинной характеристики «важнейших периодов»,—которые так же-де богаты формулами, предложениями и т. д., как все кошки ночью серы. Или вот, например, как характеризуется на 16 строчках наша

мирная политика. «Вся дипломатическая деятельность страны Советов свидетельствует именно об этих мирных стремлениях, которые не покидали Советы в самые тяжелые дни их поражения и в самые торжественные дни их побед. Интервенции и блокады... были использованы для пропаганды мирной политики, как и подписание договора об образовании СССР. Со странами, которые непосредственно воевали против республики Советов, язык мира был такой же, как со странами, которые вошли в нормальные дипломатические отношения, и как со странами, которые отказались признать или еще до сих пор отказываются признать...»

Да простит нас читатель, но приведенные строки только и делают, что будят воспоминания из далеких ученических годов:

В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха,
Науки пользуют везде:
В градском шуму и наедине,
Среди народов и в пустыне,
В покое сладком и в труде.

О Генуэзской конференции сказано следующее. «В декларации, сделанной Чичериним... сосредоточились основные мирные выступления советской власти на протяжении всех 4 с половиной лет ее существования... Новые, живые слова, четкая речь», 2—3 цитаты из нашей декларации—и вот и вся характеристика Генуэзской конференции. Еще бессодержательнее немногие строки, посвященные Гааге и Лозанне.

Нужно также особо отметить тяжелое построение фраз и ряд просто неудачных выражений: «Договора, пропитанные насковозь принципами ненападения»... (стр. 21-я). Совпра приняло предложение на подготовительную комиссию... (стр. 19-я). ...Советская Россия осталась одинокой на своем пути искренней и действительной борьбы... (стр. 18-я). ...и голос его свободно звучал, не заглушенный выстрелами интервентов и не задержанный колючим частоколом блокад (стр. 16-я). «Сов.

правительство в поисках мира откликнулось положительно даже на анонимную радиотелеграмму, адресованную неизвестно кому, о приглашении державами Антанты на Принцезы острова с тем...». (стр. 13-я).

Вряд ли можно признать удачной такую попытку непосредственного разъяснения иностранных слов: «Дальнейшие работы комиссии отложены были ad calendās graecas, на неопределенное время» (стр. 20-я)...

Резюмируя, следует сказать: если, несмотря на все отмеченные недостатки, сборник все же безусловно полезен, то в этом заслуга авторов содержащихся в нем нот, договоров и выступлений, а отнюдь не составителя и автора предисловия, внесшего только свою ложку дегтя.

Для какой цели Гиз печатает такую наглуемую халтуру?

Н. В.

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ИНТЕРВЕНЦИИ

Сборник статей. Общество содействия жертвам интервенции. Гиз. М.—Л. 1929, стр. 245, тир. 2000, цена 2 р.

Сборник можно разделить на две части, различные и по объему и по ценности. Первая часть—меньше $\frac{1}{3}$ сборника—состоит из статей общего характера, во вторую же часть входят статьи, посвященные отдельным эпизодам вооруженной интервенции 1918—20 гг.

Большой объем исторических статей показывает, что составители сборника этой его части придавали основное значение. А между тем исторические статьи далеко не все могут быть признаны удачными. Сюда входят следующие статьи: Сперанский—«Вмешательство иностранных держав во внутренние дела России»; Янсон—«Интервенция в Сибири»; Л. Полярный—«Интервенты в Крыму»; Миркин—«Интервенция в Закаспии» и выдержки из книги Chronicler'a «Архангельск» (перевод с английского).

Ни одна из этих статей не отличается ни свежестью материала, ни новизной постановки вопроса. Лучше других статья Миркина. В нашей литературе еще не давалось достаточно

полного очерка вооруженной интервенции англичан в Закаспийской области, и статья Миркина с успехом восполняет этот пробел. Аналогичная статья была бы очень уместна и для северного эпизода интервенции (Архангельск и Мурманск). По этому участку интервенции есть, правда, кое-какая литература и советская и особенно эмигрантская (переизданная у нас), но цельного сводного очерка еще не существует, хотя состояние архивных фондов в данном случае ставит исследователя в довольно благоприятные условия. Однако составители сборника почему-то предпочли по данному вопросу вместо исследовательской статьи или хотя бы добросовестной компиляции напечатать сокращенный перевод статьи из книги, которая дает читателю, по меньшей мере одностороннее представление о событиях.

Полнее других представлена Сибирь. Этому участку интервенции посвящены две статьи. Первая, А. Ф. Сперанского, построена на большом архивном материале и затрагивает наиболее острые вопросы переплетения противоречивых интересов «великих держав» в Сибири и на Дальнем Востоке. Но это в большей своей части не оригинальная статья, а незначительная переделка статей того же автора, опубликованных им еще в 1922 г.¹ Вторая статья Янсона представляет собою, краткий, но удачно составленный обзор союзной интервенции. Можно пожалеть, что редакция сборника, не имея в своем распоряжении оригинальных исследовательских работ, касающихся отдельных районов, не ограничилась такого рода статьями, а дала малоценные переводы (по Архангельску) или, что еще хуже, — затратила свыше двух печатных листов на статью Л. Полярного, бесцельно перегруженную длиннейшими цитатами из документов, а то и перепечаткой целых документов, из которых многие уже не раз и не два публиковались на страницах нашей печати. Взять хотя бы воззвание генерала Бартелло, неизвестно

зачем полностью публикуемое в приложении к статье, хотя это воззвание уже раз десять было опубликовано у нас раньше. Да и это сделано неряшливо. Л. Полярный пишет, что в Одессе французы держали себя менее сдержанно чем в Крыму, где они осторожнее заявляли о своих намерениях. В доказательство этой мысли и приводится воззвание Бартелло, распространявшееся будто бы только в Крыму, между тем как это воззвание распространялось и по всему югу Украины и в частности в той же Одессе.

Переходим теперь к статьям общего характера. Сборник открывается небольшой, но содержательной вводной статьей Б. Е. Штейна «Вооруженное вмешательство — метод интервенции». Автор опровергает распространенную у нас, но теоретически неточную и политически ошибочную точку зрения, по которой «эпоха интервенции» в истории Советского Союза ограничивается 1918—1920 годами, когда в ход была пущена одна из форм интервенции — а именно *вооруженная интервенция*.² Крушение *вооруженной* интервенции не означало еще полного отказа от интервенции вообще, т. е. от политики насильственного вмешательства. Наоборот, «интервенция оставалась *доминирующим*, если не единственным методом политики капиталистических государств по отношению к СССР». Только формы вмешательства теперь меняются: вооруженная интервенция уступает место интервенции экономической и дипломатической.

Иллюстрируя эту мысль, автор приводит ряд примеров как *явной* интервенционной политики вроде давно ушедшего в область истории «признания» правительства барона Врангеля, или знаменитой ноты Керзона, так и более

² Кстати отметим, что эта точка зрения относительно необходимости более широко понимать термин «интервенция», высказываемая в вводной статье сборника, вступает в противоречие как с самим заглавием сборника, так и с содержанием всех его статей: интервенция везде рассматривается в ограниченном толковании слова, только как *вооруженное* вмешательство.

¹ Вестник Наркоминдела № 1—3 и № 6 1902 г. и «Новый Восток» № 2 за 1922 г.

скрытой и тонкой интервенции вроде недавно принятого решения о создании репарационного банка. Однако по самой сути вопроса этот перечень не может не грешить пробелами, так как мы имеем все основания каждый день ждать новых и новых проявлений непрекращающейся политики интервенции, лучший пример чему—недавнее бесславное выступление САСШ в связи с «опасностью» непосредственного и мирного урегулирования советско-китайского конфликта.

В связи с проблемой интервенции статья Б. Е. Штейна вновь подчеркивает уже выдвигавшийся в нашей литературе по этому вопросу тезис, очень важный как в политическом, так и в методологическом отношении. Мы имеем в виду вопрос о *причинах* интервенции.

К величайшему сожалению в наших книжках по истории гражданской войны и интервенции нередко встретишь вульгарное и упрощенное «объяснение» причины интервенции, по которому все дело сводится к претензиям, основанным на убытках империалистических стран в связи с аннулированием старых долгов (царских и Временного правительства) и политикой национализации промышленности, банков и земель.¹ Видеть в этих претензиях *главную* причину интервенции это значит впадать в большую политическую ошибку, допуская возможность «откупиться» от враждебных нам империалистических стран, и в не меньшую ошибку методологическую, подменя материалистическое объяснение исторических явлений объяснением «упрощенным» и «чисто экономическим».

Заключительный тезис нашего автора свободен от этих ошибок. Он гласит: «*основным* мотивом интервенции является *социально-классовая борьба* капиталистического окружения, борьба, направленная на уничтожение Советского государства, как государства классово-враждебного капиталистическому ми-

ру. Все остальные мотивы интервенции являются *сопутствующими* по отношению к указанному выше главному мотиву».

Однако и эта формулировка не совсем удовлетворительна, ибо она не исчерпывает вопроса. В свои выводы автор совершенно напрасно не включил другую причину интервенции, о которой он, правда вскользь, но говорит в самой статье. Мы имеем в виду стремление интервентов к «экономическому низведению СССР до роли объекта мирового хозяйства или до степени его примитивного субъекта—колонии».

Хорошо написана статья—этиюд П. П. Щеголева «Из истории интервенций», являющая собой попытку построения своего рода «социологии интервенции». Автор сосредоточивает свое внимание, главным образом, на интервенции эпохи Великой французской революции, но отчасти привлекает материал и из истории проектировавшихся и реально осуществленных интервенционных предприятий «Священного союза», а также и из истории интервенции, направленной против Парижской коммуны. Этот большой исторический материал позволяет сделать ряд поучительных выводов о классовых корнях интервенционной политики, о жалкой роли эмиграции, неизбежно сменяющей былой патриотический пыл на самое яркое «пораженчество» (интересный сюжет для анализа общественной психологии класса, стоящего на грани своей гибели), наконец, о критерии для определения возможности создания единого фронта государств—осуществителей интервенции. Выводы автора по этому последнему вопросу заслуживают быть приведенными полностью:

«*Всякое* серьезное революционное движение—будь это буржуазная революция в феодально-абсолютистском окружении или пролетарская революция в окружении буржуазных государств или, наконец, национально-освободительная революция, направленная против империалистического гнета,—должно считаться с опасностью интервенций. Эта опасность реализуется однако лишь при наличии в каждом конкретном случае благоприятных политических и военных

¹ См., например, брошюру Миркина З. И. «Царские долги и наши контрпретензии» и нашу рецензию на нее в № 10 «Историка-марксиста».

предпосылок. Опасность интервенции прямо пропорциональна, во-первых, возможности дальнейшего распространения революции и, во-вторых,—заинтересованности других государств в политическом и экономическом порабощении революционной страны. Ни феодально-абсолютистский порядок, ни капитализм не смогли осуществить действительно единого фронта против революции. Капитализм в этом отношении парализуется теми внутренними противоречиями, которые составляют имманентную сущность самого капиталистического строя. Эти внутренние противоречия являются громадным плюсом в баланс каждой революции. Но мы не знаем, какую остроту, какую степень напряженности, какой действительно мировой масштаб может принять в будущем революция рабочего класса. Если на своем закате абсолютизм сумел выдвинуть организацию «Священного союза», в которой интересы отдельных государств были подчинены логике классовой борьбы и потребностям борьбы с революцией, то быть может и капитализм в момент грядущего кризиса сумеет хотя бы на время преодолеть анархию капиталистического мира и перестроить свои ряды под знаком интернациональной солидарности буржуазии. Революционная стратегия должна считаться с этой возможностью».

Кроме перечисленных в сборнике имеется еще небольшая заметка Н. А. Семашко «Интервенция и культура» и несколько академичная статья проф. Э. Д. Гримма «Эмиграция и интервенция». Затем в конце сборника дана составленная по материалам Общества содействия жертвам интервенции сводка «Потери населения СССР от интервенции». Цифры этой сводки, пожалуй,—самый яркий и убедительный аргумент в пользу наших контрпретензий империалистическому миру.

В заключение укажем на чрезвычайно существенные пробелы сборника. В нем нет ни одной статьи ни о восстаниях и брожениях в рядах оккупационных войск, ни о героической борьбе подпольных большевистских организаций в оккупированных районах, ни, наконец,

о революционном движении в тылу империалистических стран. Можно ли при таком умолчании понять причины крушения политики вооруженной интервенции? Конечно, нельзя, и составители сборника не нашли для себя неудобным обойти молчанием и этот большой вопрос. Терпеливый читатель, дойдя до последних страниц книги, так и не узнает, почему же так позорно закончилась эпопея вооруженной интервенции.

И еще один непростительный пробел. Военная сторона вооруженной интервенции и борьбы с нею Красной армии также оставлена в полнейшей тени. Теперь, когда так много говорится о необходимости привлечь общественное внимание к проблемам военной истории и о необходимости «симбиоза» военных и гражданских историков, такое пренебрежение «военными мотивами» вряд ли можно оправдать.

Все сказанное заставляет прийти к выводу, что редакция сборника не справилась со своей задачей. При наличии отдельных ценных статей юбилейный сборник в целом получился неудачный.

Ал. Гуковский

С. КАНАТЧИКОВ. «Из истории моего бытия». М.—Л., Зиф, 1929, стр. 115, тираж 5000, ц. 1 р.

Книга начинается рассказом об условиях жизни деревенской бедноты 80—90-х годов прошлого столетия. Среди этой бедноты автор родился и жил до переезда в Москву и поступления на завод. Он картинно рассказывает о тех тяжелых условиях жизни деревни того времени, в которых царила неимоверно высокая смертность детей, в которых «удача земного существования»—как выражается автор—падала на очень небольшую процент рождавшихся.

Рассказывает автор также о тяжелых семейных неладах, заставлявших его испытывать тяжелые переживания. О неудачных попытках отца «выбиться в люди», и о тяге его (автора) к чтению. Горю желанием выбиться из тяжелой деревенской обстановки, автор с ранних лет стремился в город; и вот когда ему исполнилось 16 лет, он приезжает

в Москву и поступает учеником на завод в малярную мастерскую. Первые впечатления Москвы были ошеломляющими. Видом громадных домов, бесконечно длинных улиц и непрерывно движущейся массы людей он был подавлен. Поселившись в общежитии вместе с двумя своими односельчанами, где была невообразимая грязь и мириады клопов, автор в первые же дни стал испытывать тоску по деревне, но, ободряя себя мыслями, что он наконец избавился от тяжелой опеки отца, и сможет «жить самостоятельно», он постепенно успокаивался.

С переменой обстановки автор попал в новый, неизвестный до того времени ему круг людей, среди которых были типы, как он сам отмечает, «скопидомов», живших впроголодь и стремившихся всякую копейку своего заработка послать в деревню на поддержку имевшегося там своего «хозяйства», талантливых мастеров, периодически пропивавшихся до последней рубашки, но честных по-своему людей, подхалимов, подслуживавшихся к администрации, любителей выпить «на дармовщинку» и т. д. Эти типы даны автором очень удачно.

Условия новой жизни, в которую попал автор, переселившись из деревни в город, в культурном отношении мало чем отличались от деревни; рабочие дни, недели были заняты сплошь тяжелой работой на заводе, а дни отдыха заполнялись кулачными боями, хождением в церковь и пьянкой. Поэтому несмотря на всю испытанную тяжесть деревенской жизни, автор временами продолжал впадать в тоску по деревне.

Будучи любознательным и стремясь так или иначе осмыслить дикую и тяжелую обстановку жизни, автор часто роется в «книжном хламе» на Сухаревке, «ища не зная чего»...

До знакомства с революционерами он был религиозен, верил в «наказание адом», поэтому первые встречи и беседы с партийными работниками и первая попавшаяся ему нелегальная литература сильно порадовала его избавлением от страха перед «адскими муками».

В книге приводятся интересные све-

дения о коронации Николая II, об арестах накануне этой коронации, о шпиках, о гибели тысяч людей на Ходынке из-за «царских кружек».

Освободившись от религиозных предрассудков с момента знакомства с партийными работниками и нелегальной литературой, автор потерял всякое уважение к «старшим», и с этого времени у него начинаются столкновения с мастерами и другими лицами заводской администрации. В результате—увольнение с завода и тюрьма за участие в избивании мастера, особо ненавистного рабочим, «пасхальная чистка» за неблагонадежность». И начинаются скитания по заводам разных городов, с резкими переменами в материальном положении: то хороший заработок и довольно сносная жизнь, то безработица и голод.

За время этих своих скитаний автору приходилось нередко встречать интересные типы рабочих, так называемых «культурных одиночек», оказывавших ему в трудные минуты нужную поддержку, немало рабочей молодежи уже не религиозной, но еще не осознавшей силы рабочего класса. Автор хорошо изучил и испытал на себе всю тяжесть условий жизни бедноты, населявшей рабочие кварталы больших городов.

Как знающий рабочую среду того времени, автор приводит интересные сведения о состоянии умов рабочей массы, которая, несмотря на всю ее ненависть к царской полиции, тогда еще верила в царя, и в ответ на бросавшиеся иногда кем-либо в спорах резкие слова по его адресу приходилось слышать: «Чашки бей, а самовар не трожь!»

Интересные сведения о вращавшейся тогда среди передовых рабочих литературе «с тенденцией», которая, как говорит автор, хотя и не всегда была классово выдержанной по своему содержанию, тем не менее имела большое воспитательное значение.

Много говорится в книге о взаимоотношениях между рабочими партийцами и интеллигенцией и об интересе, проявлявшемся к передовым рабочим со стороны либеральной буржуазии. Заканчивается книга описанием ареста автора,

его тюремными впечатлениями и административной высылкой в деревню.

Книга легко читается, написана простым, живым языком, и для молодежи, не знающей условий жизни рабочих во времена царизма, безусловно будет иметь большое воспитательное значение.

Ф. Самойлов

Н. Л. МЕЩЕРЯКОВ. Как мы жили в ссылке. «Молодая гвардия», М.—Л. 1929 г., тир. 5000, стр. 74, цена 55 к.

Книга Н. Л. Мещерякова касается истории двух его ссылок в Сибирь— в Якутскую область и на Ангару в Енисейскую губернию. В первую он был выслан в 1904 году административно, а во вторую попал уже по суду в качестве «лишенного прав ссыльно-поселенца».

В предисловии к книге П. Н. Лепешинский, отмечая малое освещение истории политической ссылки времен царизма, говорит о желательности «приоткрытия завесы над этой обстановкой, в которой создавались... сильные характеры... суровые бойцы» и т. д. против старого строя. «Разве не интересно взглянуть сквозь дымку протекшего времени в те уголки земного шара, где в ужасающих условиях гиблой ссылки и каторги все-таки не падали духом, а на зло своим политическим врагам запасались нечеловеческим терпением и находили в себе силы жить и выжидать освободительного набата революции тысячи и тысячи борцов за дело будущего Октября». И высказывая сожаление, что старые подпольщики скупы на рассказы о своем революционном прошлом, рекомендует читателю книгу и говорит: «расхваливать ее не нужно, она достаточно хорошо говорит за себя».

Во вступительной части книги, подтверждая сказанное в предисловии о нелюбви старых подпольщиков заниматься воспоминаниями, автор говорит, что он пошел на это только из соображений, «что такие картины из жизни революционеров прошлого могут иметь для современной молодежи воспитательное значение», и отмечает, что содержание жизни в ссылке главным образом

«были будни и подчас очень серые», в которых «трудно жить, не разлагаясь, не опошляясь, и не превращаясь в обывателя, сохранить живую мысль и революционное настроение и итти не отставая, плечо в плечо, за быстро бегущей жизнью».

«Об этой-то серой будничной жизни ссылки времен царизма я и хочу рассказать»,—говорит автор.

Перед первой ссылкой автору пришлось предварительно просидеть тринадцать месяцев в тюрьме, и, излагая свои впечатления об этом сидении, он приводит много интересных сведений о тех тяжелых условиях царских тюрем, в которых приходилось сидеть нашей старой большевистской гвардии (о спорах на тему о расколе на II съезде партии, о характере предстоявшей революции пятого года, о вынужденных склоках общих камер, о тоске одиночек и т. д.).

Описывая этапное путешествие от Иркутска до Якутска, через необъятные бурятские степи с промерзшей на большую глубину и оттаивавшей лишь немного сверху почвой и по льду замерзшей реки Лены, автор дает жуткую картину этого путешествия, обильного вшами, с отсутствием в течение многих недель настоящего сна и с питанием из заранее заготовленного на все время путешествия мороженого мяса, смешанного порой с чем попало, вплоть до конского навоза.

Много интересного рассказывается в книге об условиях быта ссыльных, которых, загнав в глухие деревушки Якутской области и поставив в полную изолированность от всего остального мира, царское правительство лишило возможности даже встречаться с проходившими порой через эти деревушки ссыльными, и за разговоры во время случайных встреч виновные тут же подвергались жестокому избиениям.

Заработок имели только те ссыльные, которые могли давать уроки, но платили им очень мало, да и то продуктами, а те, что уроков давать не могли, все время жили впроголодь.

Несмотря на то, что почта приходила один раз в месяц, предварительным просмотром писем полицией она

задерживалась еще и больше. Медицинской помощи почти не было, так как врачи были в городе, а получить разрешение поехать туда ссыльному было чрезвычайно трудно. Кроме того обстановка ссылки порождала склоки и сподобствовала моральному разложению; летом ко всему остальному приходилось страдать от страшного бича всего живущего в Сибири—от заполнявшей воздух многочисленной мелкой мошки и других насекомых, называемых общим словом «гнус». Тем не менее люди не унывали, не давали себя затягивать обывательскому болоту, и несмотря на особую дальность разделявшего их расстояния, все время общались между собой и временами даже выпускали нелегальные гектографированные издания и целые журналы. Но были ссыльные, говорится в одном месте книги, на которых «ссылка наложила печать чего-то глубоко архаического, давно похороненного живой жизнью, от которой они были оторваны»... Были типы, «застывшие на идеях нигилизма, с презрением относившиеся к качеству еды, не разбирая смешивали щи и все прочее и ели все вместе». Один из таких считал себя «космополитом», не имеющим родины и назывался «обитателем земного шара» и так на всех бумагах и подписывался.

Возвратился автор из ссылки уже во время революции пятого года.

Вторично он попал в ссылку в 1909 году уже в качестве лишненного прав по суду ссыльно-поселенца, просидев предварительно в тюрьме около трех лет; на этот раз он попал в Енисейскую губернию. Эта ссылка, пишет автор, сильно отличалась от Якутской; тогда была другая эпоха, не нарастания революции, как это было во время первой ссылки, а эпоха революционного отлива, упадка веры в победу революции среди широких кругов революционеров, когда «размагничность», уныние и так далее стали охватывать неустойчивых. Кроме того здесь были главным образом ссыльные по суду, сосланные на долгие сроки без казенного денежного пособия, и, как к лишненным прав,

полиция относилась к ним гораздо хуже, чем к административным.

В селе Яланском, куда попал т. Мещеряков, он имел возможность убедиться, что состав ссылки был не тот, что в «Якутке». После поражения революции 1905 г. наблюдались два вида разложения среди ссыльных, с одной стороны—разочарование и превращение в обывателей, с другой—тенденция к «эксам». Материальное положение было еще хуже, чем в Якутке, ибо единственный заработок подавляющего большинства—ловля рыбы и заготовка дров—почти ничего не давал.

Приходилось делать отлучки в город и решаться на побег, за что ссылали в еще более глухие места или посылали на каторгу (за побег поселенца, если он сопровождался переходом через Урал в Европейскую Россию, по старым законам давали каторгу).

Однако крепкая, устойчивая часть ссылки не унывала и здесь, делала попытки выпускать гектографированные издания и устраивала даже маевки, за одну из которых автор книги вместе с некоторыми другими ссыльными из Ялани был выслан на Ангару. Приводимое в книге описание этого этапного путешествия, продолжавшегося около двух месяцев в сильные сибирские холода, создает жуткое настроение. Один из ехавших с автором товарищей с женой и ребенком потерял этого ребенка. «Этот ребенок,—пишет автор,—замерз до того, что тело его по приезде на «станок» было твердо, как полено, а сам отец потерял два пальца на руках».

Местечко Кежда, где поселился автор, было страшно оторвано от всего остального мира. О необычайной глуши и заброшенности этих мест красноречиво говорят приводимые в книге названия некоторых приангарских деревушек, например: «Пококуй», «Погорюй», «Потоскуй». Материальное положение ссыльных в этих местах было настолько тяжело, что вынуждало ссыльных женщин пойти на проституцию. Это была последняя ссылка, из которой автор книги вернулся с приходом Февральской революции 1917 г.

Ф. Самойлов

НОВЫЕ КНИГИ

История ВКП(б) и ленинизм.

Ленин В. И. Сочинения. Том IX. 1906. Издание второе. Исправленное и дополненное. Под редакцией: Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати Э. Я. Газгановым. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л., стр. VIII + 620 + 12 илл.

Ленин В. И. Сочинения. Том XVI. 1912—1913. Издание второе. Исправленное и дополненное. Под редакцией В. В. Адоратского, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати Арк. Ломакиным. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л., стр. VIII + 814 + 15 илл.

Ленин В. И. Сочинения. Том XXIII. 1918—1919. Издание третье. Перепечатанное без изменений со второго исправленного и дополненного издания. Под редакцией Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Подготовлен к печати С. П. Коршуновым. Гиз. М.—Л., стр. VIII + 656.

Ленинский сборник XII (философский). Под редакцией: Н. И. Бухарина, В. М. Молотова, М. А. Савельева. Институт Ленина при ЦК ВКП(б), стр. 473, ц. 3 р. 75 к., переплет 70 к.

Лениниана, т. V. Библиографический обзор русской литературы за 1928 г. Под общей редакцией М. А. Савельева. Составлен библиотекой Института Ленина. Гиз, стр. 456, ц. 5 р.

Предметный указатель к первому изданию сочинений В. И. Ленина. Под редакцией К. А. Попова. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л. 1930 г., стр. 154, ц. 2 р., переплет 20 к.

Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции с приложением лекции В. И. Ленина о государстве. Дешевая библиотека, тираж 100 000. Гиз. М.—Л. 1930 г., стр. 160, ц. 30 к., переплет 10 к.

Ленин В. И. Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом и волокитой. Письма и заметки 1917—1922 гг. Подготовил к печати И. Товстуха. Издание третье, исправленное.

Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз. М.—Л. 1930 г., стр. 76, ц. 20 к.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Гиз. М.—Л. 1930 г. Дешевая библиотека. Тираж 100 000, стр. 126, ц. 20 к., переплет 10 к.

Ленин В. И. Новые статьи и письма, не вошедшие во II издание Сочинений. Выпуск 1. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз, стр. 112, ц. 50 к.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. Выпуск 1. Институт Ленина при ЦК ВКП(б). Гиз, стр. 184 + 6 илл., ц. 1 р., переплет 50 к.

Батурич Н. Н. Сочинения. Под редакцией М. А. Савельева, А. И. Елизаровой, М. С. Ольминского. Подготовила к печати М. М. Мальт. Гиз, стр. 636 + 5 илл., ц. 4 р., переплет 75 к.

Елизарова А. И. Детские и школьные годы Ильича. «Молодая гвардия», стр. 32, ц. 18 к.

Ульянова-Елизарова А. И. Воспоминания об Ильиче. «Молодая гвардия», стр. 79, ц. 30 к.

Ленин о колхозах и о борьбе с кулаком. Вводная статья П. Ташкарова под общей редакцией К. А. Попова. Гиз, стр. 175, ц. 30 к.

Власов М. Ленинский кооперативный план, второе дополненное издание. Гиз, стр. 143, ц. 40 к.

Зиновьев Г. Учение Маркса и Ленина о войне. Гиз, стр. 354, ц. 2 р. 20 к.

Леман К. и Покровский С. Идеинные истоки правого уклona. Об ошибках и уклоне т. Бухарина. «Прибой», стр. 203, ц. 45 к.

Пашуканис Е. Из ленинского наследства. К ленинской теории государства и пролетарской революции. Гиз, «Московский рабочий», стр. 100, ц. 50 к.

Труды первой Всесоюзной конференции историков-марксистов. Том второй. Изд-во Комакадемии, стр. 624, ц. 3 р., переплет 50 к.

Революционное движение и классовая борьба в России.

Архив Октябрьской революции 1917 г. В документах и материалах. Под общей редакцией М. Ф. Владимирского,

А. С. Енукидзе, М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева. Первый Всесоюзный съезд советов. Гиз. М.—Л., стр. 484, ц. 6 р.

Баранов А. 1905 г. на Урале. Изд-во политкаторжан, стр. 110, ц. 50 к.

Бальц В. А. Суд над первым Советом рабочих депутатов. Воспоминания прокурора. Вступительная статья Д. Ф. Сверчкова. Изд-во политкаторжан, стр. 114, ц. 50 к.

Бельй В. М. «Г. Г. Анджиевский, деятельность и казнь его. Материалы по истории революции на Тереке с предисловием В. Кононенко. Издание Гостиполитографии имени Г. Анджиевского, Пятигорск, стр. 70.

Благова С. 20 лет 8 марта. Гиз., стр. 63, ц. 20 к.

Деревня в 1905 г. По воспоминаниям крестьян. Составил Г. Рыклин. Изд-во «Крестьянской газеты», М., стр. 110, ц. 50 к.

Каторов В. Петроградские рабочие в годы империалистической войны. Изд-во политкаторжан, стр. 142, ц. 60 к.

Козьмин Б. Казанский заговор. 1863. Изд-во политкаторжан, стр. 142, ц. 60 к.

Мамет Л. П. Ойратия. Очерки национального освободительного движения и гражданской войны на Горном Алтае. Издание Научно-исследовательской ассоциации изучения национальных и колониальных проблем, Москва, стр. 158, ц. 2 р.

«Народная воля» в документах и воспоминаниях. Под редакцией А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова и В. В. Леоновича-Ангарского. Изд-во политкаторжан, стр. 288, ц. 1 р. 85 к.

«Народная воля» перед царским судом. Под редакцией А. В. Якимовой-Диковской, М. Ф. Фроленко, И. И. Попова, Н. И. Ракитникова и В. В. Леоновича-Ангарского. Изд-во политкаторжан, стр. 163, ц. 1 р. 40 к.

Нечкина М. Декабристы. «Московский рабочий», стр. 108, ц. 95 к.

Преображенский В. Д. Рабочее движение в России. «Молодая гвардия», стр. 76, ц. 45 к.

Рабинович С. Е. Борьба за армию в

1917 г. Гиз. стр. 160, ц. 1 р. 50 к.

Сверчков Д. Георгий Гапон. Изд-во «Никитинские субботники». Л. стр. 182, ц. 1 р.

Сидоров Н. А. Лев Николаевич Гартман. Изд-во политкаторжан, стр. 44, ц. 15 к.

Фигнер Вера. Полное собрание сочинений, т. VI. Изд-во политкаторжан, стр. 685, ц. 4 р. 25 к., тираж 5500.

Фроленко М. В. Михаил Юрьевич Ашенбреннер. Письма. Изд-во о-ва политкаторжан.

Чернявская-Бохановская Г. Ф. Мария Николаевна Оловяникова. Изд-во о-ва политкаторжан, стр. 31, ц. 12 к.

Международное революционное движение.

Абузиам М. Восстание в Палестине. Гиз, «Московский рабочий», стр. 85, ц. 60 к.

Альтер И. Демократия против революции. Учение Каутского о революции. Изд-во Комакадемии, стр. 235, ц. 1 р. 65 к., переплет 50 к.

Бакулин А. Записки об уханском периоде китайской революции. Из истории китайской революции 1925—1927 гг. Гиз., стр. 288, ц. 2 р. 50 к.

Барановская М. Американские тредюнионы. Гиз., стр. 111, ц. 26 к.

Брейтман А. Социал-демократическая теория ультра-империализма. «Прибой», стр. 166, ц. 75 к.

Бухарцев Дм. Теоретические оруженосцы оппортунизма. Гиз, стр. 135, ц. 50 к.

Валерин Р. От разрыва до восстановления англо-советских отношений (Международный обзор 1924—1929 гг.). Гиз. «Московский рабочий», стр. 109, ц. 90 к.

Лозовский А. Экономические бои и задачи компартии. Изд-во Профинтерна, стр. 144, ц. 95 к.

Старосельский. Проблемы якобинской диктатуры. Изд-во Комакадемии, стр. 306, ц. 2 р. 50 к.

Сорбонский С. Пути французского профдвижения 1789—1929 гг. Изд-во ВЦСПС, стр. 140, ц. 75 к.

В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА

ОТДЕЛ НАУЧНОЙ ОБРАБОТКИ ЛЕНИНСКИХ ДОКУМЕНТОВ

В отделе обработки ленинских документов редакционно-издательская деятельность по выпуску II и III изданий Сочинений Ленина подходит к концу.

За 1929 г. вышли из печати тома VI, VIII, XI, XII, XIV, XVII, XVIII, XIX, XXII, XXIII, т. е. 11 томов, столько же, сколько за 3 последние года вместе. В ленинские дни 1930 г. вышел IX том, в марте выходит XVI. Остающиеся на разных стадиях производства три тома: XXIV, XXVI и XXVII увидят свет в ближайшие месяцы текущего года, из них XXVI и XXVII выходят в апреле.

Второе издание сочинений значительно восполняет первое. Ряд документов, резолюций, статей, не вошедших в I издание, опубликован во втором. Среди этих документов некоторые имеют большое принципиальное значение.

Для выполнения постановления ЦК ВКП(б) о скорейшем выпуске Сочинений Ленина Институт перестроил всю свою работу.

Все отделы Института, все звенья работы, включая и типографию «Печатный двор» в Ленинграде, были приспособлены к обслуживанию основной работы по томам. По инициативе общественных организаций Института все работники по Сочинениям вступили в соцсоревнование и для всех этапов работы были зафиксированы сроки выполнения заданий. Эти сроки проводятся в жизнь под контролем общественных организаций Института.

В издательском плане на следующий год, кроме последних, находящихся в производстве, томов Сочинений, стоит выпуск пяти томов переписки Ле-

нина, являющихся самостоятельным изданием. Подготовка к печати этих томов и редакция их должны вестись с таким расчетом, чтобы закончить работу в течение одного года.

Помимо этого намечена к подготовке и выпуску в текущем году первая часть справочного тома по II и III изданию Сочинений Ленина.

Несмотря на чрезвычайный упор всей работы в сторону Сочинений, план по второму разделу работы, выпуску «Ленинских сборников», был за 1929 г. выполнен. За год были выпущены три «Ленинских сборника»: IX, X и XI и переиздан со значительной переработкой V.

В ленинские дни вышел из печати XII философский сборник и в марте выходит XIII.

IX и XII сборники исчерпали имеющийся в архиве Института материал, отражающий работу Ленина над вопросом философии. В эти сборники вошли величайшей ценности конспекты Ленина по логике, философии, истории и истории философии Гегеля, по «Святому семейству» Маркса, по трудам Фейербаха.

XIII сборник имеет практическую цель в основном закончить публикацию переписки Ленина до-советского периода с тем, чтобы пять намеченных томов переписки могли охватить не только опубликованные до сих пор, но и все имеющиеся в архиве Института письма Ленина этого периода.

С выходом в свет этого сборника будет значительно облегчена работа над научной биографией Ленина.

В XIII же сборнике публикуются ма-

териалы программной комиссии VIII съезда ВКП(б), фиксирующие исключительную роль Ленина в выработке программы партии.

На очереди стоит издание ценнейших материалов по Циммервальдской и Кинтальской конференциям, окончание публикации документов из «эпохи раскола», материалов по разработке вопросов империалистской войны, разработка темы—марксизм о государстве и серии документов за 1917 и 1918 гг. (первая часть их опубликована в XI «Ленинском сборнике»). Весь этот материал войдет в три сборника XIV, XV и XVI, намеченные к выходу из печати в текущем хозяйственном году.

Надо отметить также выход из печати к ленинским дням 1930 г. двух брошюр: 1) «Новые статьи Ленина», охватывающие опубликованные Институтом Ленина за последнее время в

«Большевике», «Правде» и «Пролетарской революции» статьи и письма Ленина о войне, о колебаниях в рядах большевиков во время войны и по вопросу о государстве; 2) «Воспоминания о Ленине Н. К. Крупской».

Массовым тиражом, третьим изданием вышла брошюра «Об улучшении госаппарата и о борьбе с бюрократизмом» (глава из VIII «Ленинского сборника»).

В текущем хозяйственном году отделом приступлено к подготовке двух «Ленинских сборников», включающих в себя материалы и документы Ленина по аграрному вопросу и по революции 1905 г.

Предполагается подготовка «Ленинского сборника» по национальному вопросу.

Продолжается подготовка военной переписки Ленина в эпоху гражданской войны.

Н. Подвойская

ОТДЕЛ НАУЧНОЙ ОБРАБОТКИ ИСТОРИКО-ПАРТИЙНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Данный отдел Института Ленина сконструирован три месяца тому назад, в связи с общей реорганизацией Института, утвержденной 15 ноября с. г. постановлением его дирекции.

В задачи отдела входит подготовка к печати протоколов съездов и конференций партии и протоколов пленумов ЦК партии, подготовка к печати прочих историко-партийных материалов и документов, сборников, листовок, подготовка к переизданию партийных газет, журналов и брошюр, подготовка к печати трудов сподвижников Ленина.

На 1929/30 г. намечено подготовить к печати и выпустить в свет протоколы III, V и X съездов партии, протоколы военно-боевой конференции РСДРП 1906 г., материалы и документы общепартийной конференции 1908 г., сборник «ВКП(б) в резолюциях съездов и конференций» (4-е дополненное издание), сборники избранных сочинений Н. Н. Батурина, И. И. Скворцова-Степанова и В. В. Воровского и I том воспоминаний Н. К. Крупской о Ленине (за период 1893—1908 гг.). Кроме того отдел должен подготовить к печати в том

же году VI и VII выпуски переиздания «Правды» (за период сентябрь—25 октября 1917 г.), I и II выпуски переиздания «Социал-Демократа» (за годы реакции) и приступит к подготовке протоколов II и VIII съездов партии.

Из этих работ в январе с. г. вышел в свет сборник сочинений Н. Н. Батурина и I том воспоминаний Н. К. Крупской. Намечено содержание сборника сочинений И. И. Скворцова-Степанова и приступлено к подготовке текста этого сборника. Кроме того в настоящее время ведется работа по подготовке к печати протоколов II, V, VIII и X съездов партии, протоколов военно-боевой конференции 1906 г., материалов и документов общепартийной конференции 1908 г., сборника «ВКП(б) в резолюциях съездов и конференций» и собрания сочинений В. В. Воровского, начата подготовка к печати протоколов III съезда партии и VI и VII выпусков переиздания «Правды» и в ближайшее время будет приступлено к подготовке I и II выпусков переиздания «Социал-Демократа».

К. Касаткин

ПОСЕЩАЕМОСТЬ МУЗЕЯ ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ЗА ЯНВАРЬ 1930 г.

За время с 1 января по 31 января было 31 экскурсионных дней, в течение которых музей посетило 17 856 чел., в среднем 576 чел. в день, из них организованных экскурсий было 16 416 чел., а одиночек—1 440 чел.

Всего 709 групп, из которых 628 групп по путевкам экскурсбюро, 81 группа была записана непосредственно в музей и из них научными сотрудниками музея было проведено: т. *Е. Т. Смирновой*—7 групп, т. *Салганик*—2 группы, т. *Бобриковой*—1 группа, и—71 группу провели приглашенные за плату руководы.

Соц. состав посетителей и организованных:

Рабочих	6 547 чел.
Учащихся	4 046 »
Служащих	2 195 »
Красноармейцев	1 281 »
Крестьян	233 »
Детей	2 114 »
Итого	16 416 чел.

Не организованных:

Рабочих	501 чел.
Учащихся	338 »
Служащих	227 »
Красноармейцев	187 »
Крестьян	97 »
Детей	87 »
Иностранных	3 »
Итого	1 440 чел.

Зав. Музеем Плюснина

РАБОТА МЕСТНЫХ ИСПАРТОВ

БЕЛОРУССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ПАРТИИ

Вопрос о реорганизации Истпарта в научно-исследовательский институт истории партии и рев. движения Белоруссии принципиально был решен на Бюро ЦК КП(б)Б еще в мае 1929 г. Но работа по практическому осуществлению реорганизации и развертыванию деятельности Института началась лишь в последнее время (ноябрь—декабрь).

Вопрос о реорганизации был предварительно обстоятельно проработан как в созданной ЦК комиссии по реорганизации Истпарта, так и на Бюро ЦК. Установление рамок деятельности Института, его задач, основной организационный план их осуществления, положение об Институте, вопрос о кадрах, о средствах и т. д. заняли немало времени.

Инициатива создания Института одновременно исходила из двух источников: из общества историков-марксистов и от работников Истпарта.

На Бюро ЦК были представлены два варианта организационного построения Института.

Мотивы, выдвинутые в обоих вариантах о необходимости создания Ин-та,

совпадали. Обостренная классовая борьба в национальной (притом приграничной) республике на идеологическом фронте неизбежно получала особенно яркое выражение в вопросах, связанных с культурно-национальным строительством и его особенностями. В связи с этим усилился напор национал-демократизма, что нашло свое выражение в грубых искажениях линии партии отдельными товарищами внутри КП(б)Б и в попытках с их стороны идеализировать историю мелкобуржуазных националистических организаций. Факты далекого прошлого, подчас, казалось бы, ничего общего не имеющие с современной борьбой пролетариата за социалистическое преобразование страны, приобретают на таком фоне актуальнейшее значение.

Борьба с шовинизмом в различных его проявлениях и оттенках осложняется тем обстоятельством, что разные мелкобуржуазные, националистические, национал-демократические точки зрения, взгляды и теоретички большей частью связаны в той или иной степени с бывшими в партийной организации Бело-

руссии ошибками и уклонами от правильного партийного пути.

Научная история партии и ряд исследований по ревдвигению в данном случае оказали бы величайшую услугу и помогли бы партии в дальнейшей работе. Это-то и была та причина, благодаря которой высказанная мысль о создании Института получила быстрое признание и всеобщую поддержку.

Истпарт, работавший по образцу кустаря-одиночки (при всех больших заслугах и энергии г. Агурского—зав. Истпарта как в отношении накопления груды документов, так и собственной продукции), не мог справиться с выросшими задачами. И в Бюро ЦК КП(б)Б по вопросу о создании Института не было ни единого возражения. Весь вопрос только заключался в формах организации и формулировке задач Института.

Необходимо было при реорганизации объединить также существовавшие изолированно и проводившие в некоторой части параллельную работу: 1) Истпарт, 2) редакцию соч. Ленина на белорусском языке. К этому присоединялась 3) научная работа, связанная с актуальными задачами партийного руководства в Белоруссии, проводившаяся не организованно, не систематически.

Исходя из этого, и был первоначально сформулирован ЦК ВКП(б)Б 1-й и 2-й пункт положения об Институте:

«1. Научно-исследовательский институт истории КП(б)Б и ревдвигения является высшим марксистско-ленинским научно-исследовательским учреждением в БССР, перед которым стоят задачи:

а) плановое проведение исследований по истории партии и революционному движению в Белоруссии;

б) научное издание сочинений Ленина и классиков марксизма на белорусском языке и изучение проблем марксизма-ленинизма в связи с задачами КП(б)Б;

в) организация исследовательской работы по общественным дисциплинам, исходя из задач обслуживания партийного руководства социалистическим строительством и по особо актуальным политическим задачам сегодняшнего дня;

г) общее руководство подготовкой высококвалифицированных научных кадров (по истории партии, ревдвигению и ленинизму).

2. Институт является партийным учреждением и существует на правах отдела ЦК КП(б)Б. Институт связан с Институтом Ленина при ЦК ВКП(б)».

Для практической работы на текущий 1929/30 год задачи были значительно сужены и ограничены работой 1) в области истории партии и 2) над изданием сочинений Ленина. В дальнейшем, по ознакомлении с типовым уставом, выработанным Институтом Ленина, Правление Института истории партии Белоруссии согласилось в основном с ним (уставом), но на утверждение Бюро ЦК КП(б)Б измененный устав еще не внесен.

Для руководства работой Института, Бюро ЦК в октябре 1929 г. назначило правление в составе тт.: Гамарника (тогда секретаря ЦК КП(б)Б), Романчука (Зав. Музеем революции—научный секретарь Ин-та), Сенкевича (зав. АППО и председатель правления), Сербента (редактор сочинений Ленина,— зам. директора Института). Таким образом Институт обеспечен ответственным партийным руководством, как в деле правильной партийной постановки принципиальных вопросов, так и в деле их проработки и разрешения.

Каков же план работ Института и возможности его осуществления? Из чего исходило правление Института при утверждении намеченного плана? Организационный план выражается в развитии работы следующих отделов и учреждений Института: 1) История КП(б)Б; 2) революционное движение; 3) издание сочинений Ленина на белорусском языке и по ленинизму; 4) партархив; 5) руководство Музеем революции, как учреждением пропаганды истории партии в массах (сам Музей является учреждением ЦИК БССР); 6) работа библиотеки.

План работы Института строго сообразован и исходит из работы, проделанной Истпартом и редакцией сочинений Ленина.

Истпарт Белоруссии за последние

4—5 лет проделал большую работу по накоплению и собиранию документальной базы. В партархиве (в Могилеве), как и в самом Истпарте (Минск), собрано очень много материалов, а также комплектов периодических изданий за прошлое время. Однако только часть этих документов была приведена в порядок.

Для ознакомления с работой Истпарта за прошлое и состоянием его нелишне будет привести выдержку из нашего отчета за 1928/29 год.

1. Работа по упорядочению архива

Архив распадается на две части: 1) дела, переданные Истпарту ЦК КП(б)Б и хранящиеся в Могилеве; 2) дела, хранящиеся в Минске при Институте истории партии. Первая часть охватывает главным образом материалы парткомов, комсомольских, профессиональных и военных организаций как центральных, так и местных за период 1918—1925 гг. За истекшее время проделана большая работа как по Могилевскому, так и по Минскому архивам в отношении систематизации и каталогизации. Однако еще много материалов не только не систематизировано, но на них нет даже элементарной описи. Такое неудовлетворительное состояние архива объясняется тем, что Истпарт, поглощенный почти целиком собиранием и обработкой материалов, сравнительно мало внимания уделял вопросу об упорядочении архива. Этим затрудняется вся работа. Приведение архива в порядок в возможно более короткий срок является очередной задачей. Институт поставил задачу в течение ближайших месяцев хоть вчерне закончить приведение архива в порядок и составление описей.

II. Собираание материалов

Из поступивших за отчетный период материалов следует отметить:

1) Жандармские документы, касающиеся деятельности революционных организаций и лиц и революционных событий, происходивших за период 1884—1905 гг., главным образом за период 1900—1904 гг. по бывшей Минской, Ви-

ленской, Гродненской, Могилевской и Витебской губ. (собранный т. Агурским в Ленинградском центрархиве). Из них наиболее ценны: «Обзоры важнейших дознаний о государственных преступлениях» и некоторые «Политические обзоры» по Виленской и Могилевской губ.

2) Жандармские документы 1905—1907 гг. по Минской губ., собранные редакцией сочинений Ленина в Центроархиве Белоруссии, где из секретного архива бывшего Минского губернского управления сохранилась только самая ничтожная часть. По чьему-то распоряжению весь этот архив был в 1920 г. сдан на фабрику для переработки на бумагу. В связи с этим по интересующему нас периоду отыскано только незначительное количество материалов. Но то немногое, что нам удалось собрать, имеет весьма существенное значение. Особенно существенны документы, касающиеся выборов в Государственные думы и политики царского правительства в отношении национальных меньшинств.

3) Материалы (свыше 70 пачек) о националистических организациях, действовавших в 1918—1924 гг. как на территории нынешней Советской Белоруссии, так и за границей, касаются главным образом деятельности белорусских контрреволюционных организаций. Эти материалы нами еще не разработаны, но уже из беглого ознакомления с ними видно, что они окажутся крайне полезны при изучении истинной роли белорусских мелкобуржуазных партий: Белорусской социалистической громады, белорусских эсеров, разных бывших «белорусских рад и пр. в период пролетарской революции. Значение для нас этих материалов станет еще яснее, если сказать, что в нашем Институте имеется очень мало документов, характеризующих деятельность белорусских националсоглашательских партий. Например, нам до сих пор еще не удалось раздобыть протоколы съездов и конференций Белорусской социалистической громады.

Кроме того собрано много новых прокламаций, листовок, журналов за 1905—1917 гг. Значительно пополнена истпар-

товская библиотека (приобретено 500 новых ценных книг).

III. *Обработка материалов и издание истпартовской литературы*

Изданы:

1) Книга т. Агурского «История революционного движения в Белоруссии». О ней были помещены рецензии как в центральной («Известия ЦИК», «Пролетарская революция»), так и в местной печати («Большевик Белоруссии»), кроме того она была предметом оживленной дискуссии в обществе историков-марксистов Белоруссии. Тов. Агурский совершенно правильно исходит из того положения, что большевизм в Белоруссии ведет свое происхождение не от белорусских национал-возрожденческих организаций, не от Белорусской социалистической громады, не от Бунда или других мелкобуржуазных социалистических течений, но от общероссийского большевистского движения. Подобных же взглядов он придерживается и на народническое движение в Белоруссии. Своим острием книга т. Агурского направлена против идеализации мелкобуржуазных организаций и националшовинизма всех оттенков и направлений. В книге приводится целый ряд документов по истории революционного движения Белоруссии. Но наряду с этими положительными сторонами в ней имеются и существенные недостатки.

Несмотря однако на все ее недостатки, книга т. Агурского является с нашей точки зрения весьма полезной при изучении истории революционного движения в Белоруссии.

2) Краткий очерк истории КП(б)Б (Короткі нарыс гісторыі КП(б)Б) Ю. Майзель и Н. Шаповалов. 9¹/₂ печатных листов.

Установка авторов была такая же, как и установка т. Агурского. Брошюра тт. Майзеля и Шаповалова представляет собой первую попытку дать в систематическом изложении популярный очерк истории КП(б)Б, начиная с зарождения первых революционных кружков и кончая последними съездами КП(б)Б. К существенным недостаткам брошюры следует отнести: значитель-

ный схематизм в изложении, недостаточное освещение, а подчас и недостаточное выявление ошибок, допущенных КП(б)Б, в особенности по национальному, по аграрному вопросу, недостаточный анализ работы некоторых съездов и конференций КП(б)Б, отдельные неточные формулировки и выражения.

3) «Еврейские комиссариаты и еврейские коммунистические секции 1918—1921 гг.» (протоколы, резолюции, документы на еврейском языке), около 30 печатных листов, составлено т. Агурским.

4) Заканчивается подготовка к печати первого тома «Истории КП(б)Б в материалах и документах» (1917—1920 гг.). Составлен сотрудником Института партии т. Ю. Майзелем под руководством и редакцией т. Сербента. Состоит из двух частей. В первой части приводится текст всех собранных материалов и документов, во второй—приложения. В последних будут даны: краткие очерки по истории развития КП(б)Б, примечания, комментирующие текст материалов и документы, подробные алфавитные указатели лиц, принимавших в 1917—1920 гг. активное участие в большевистском движении Белоруссии и всех центральных и местных большевистских организаций, действовавших в тот период на территории Белоруссии, хроника революционных событий в Белоруссии в 1917—1920 гг. и предметный и тематический указатель.

Для полной картины оставленного Истпартом наследства необходимо указать на остальные издания за последние годы. К юбилею (20-летию) 1905 г. были изданы: 1) «1905 год на Белоруссии», 2) «1905»—сборник документов по жандармским архивам. К 10-летию Октября: 1) «Кастрычнік на Беларусі», 2) «Кнорин 1917 г. в Белоруссии и на Западном фронте. Кроме того, ряд популярных брошюр.

В основном вся продукция Истпарта носила правильный боевой характер. Однако выявить те своеобразные условия, в которых развертывались революционные события в Белоруссии, не удалось. Как книга т. Агурского, так и изданные документы (1905, 1917 гг.),

помимо ряда неточностей и недостатков в смысле правильного освещения, носили отпечаток совершенно сырой работы, кое-как слепленной. Институту, продолжая начатое, придется стать на путь значительно более глубокой научной проработки как новых, так и уже затронутых тем.

К конкретному плану на 1930 год по истории партии относится издание: 1) 1 тома «Истории КП(б)Б в материалах и документах» (1917—1920 гг.). Текстовая часть, как указано в отчете, подготовлена к печати. Завершение подготовки научного аппарата (примечания, именной указатель, список большевистских организаций, хроника революционных событий, библиография и источники и т. д.) тормозится отсутствием в распоряжении Института ряда документов, хранящихся как в центральном партархиве, так и у отдельных лиц. 2) Популярная литература: а) по истории КП(б)Б; б) «национальный вопрос в КП(б)Б». 3) Издание материалов КП(б)Б по национальному вопросу с примечаниями и вводными статьями. 4) Издание сборника статей тт. Кнорина и Мясникова, относящихся к истории КП(б)Б. 5) Монография по истории революционного движения: «Советы в 1917 году в Белоруссии». 6) Подготовить к печати монографию «Белорусская социалистическая громада» с тем, чтобы ее можно было издать в 1930/31 году. 7) Три брошюры по 1905 г. 8) Издать до октября 1930 г. 4 тома сочинений Ленина (из намеченного к изданию 12-томника). Работа по изданию на белорусском языке сочинений Ленина представляет одну из важнейших задач Института. В связи с решением не только переводить примечания к сочинениям Ленина с русского (2-е издание), но и снабжать их материалом, характеризующим преломление партийной борьбы в местных условиях,—редакция должна была развить большую работу по накоплению и систематизации документов и материалов, дающих возможность установить правильную картину партийной борьбы и работы за период, охватываемый редактируемыми томами ленинских сочинений. Та-

кая работа, например, проделана по периоду 1905 г. Таким образом одновременно с работой по изданию и редактированию сочинений Ленина будет проделана большая работа по составлению научной истории партии и собран большой материал по революционному движению. 9) Вместе с «Ассоциацией марксистско-ленинских организаций» Институт истории партии издает периодический (в 3 месяца 1 раз) журнал «Зборн к марксызму». К издательскому плану необходимо указать на намеченную большую работу: 1) по приведению партархива в порядок, 2) по собиранию документов от местных низовых парторганизаций (районы, ячейки); 3) дальнейшему накапливанию документов, относящихся к БССР, но хранящихся у отдельных лиц и в учреждениях других частей Советского Союза.

Если к этому добавить намеченную реорганизацию под руководством Института истории партии Музея революции, то общий план работы будет исчерпан.

Для осуществления намеченной работы в настоящее время привлечено 9 чел. (плюс 3 технич.), не считая партархива и Музея революции. Однако эти товарищи в научном отношении по преимуществу молодяк. Вопрос о кадрах представляет большие затруднения. Разрешить его, кроме получения товарищей из ИКП, мы думаем также дальнейшим оставлением для научной работы по истории партии и ленинизму товарищей, оканчивающих Комвуз и Государственный университет.

Долго Институт находился в неопределенном положении в отношении материальных средств. ЦК, исходя из того, что Институт является *отделом ЦК*, постановил включить смету Института в общепартийную смету. Однако вследствие отказа бюджетной комиссии ЦК ВКП(б) включить расходы по Институту в общепартийную смету, ЦК поручил Совнаркому на основании постановления дирекции Института Ленина отпустить нам необходимые средства. Тов. Голодод (предс. СНК) дал согласие провести расходы на Институт по советской линии в необходимом размере.

Таким образом как в отношении кадров, так и в отношении обеспечения средствами Институт истории партии находит полную поддержку со стороны ЦК КП(б)Б и со стороны СНК.

Разумеется, основной вопрос—это вопрос о привлечении высококвалифицированных партийных историков и ленинцев к работе—пока остается да-

леко не разрешенным. Наличные силы весьма перегружены. Необходимы новые силы. При тесном сотрудничестве и поддержке со стороны Института Ленина по мере сил нужно полагать, и этот вопрос в более или менее близком времени будет постепенно разрешаться.

Вит. Сербента

ОТЧЕТ ИСПАРТОТДЕЛА ПЕРМСКОГО ОК ВКП(б) ЗА 1928/29 г.

Согласно постановлению Всесоюзного совещания испартоотделов (январь 1929 год), Испартоотдел Пермского ОК вел научно-исследовательскую работу и массовую, увязывая ее с текущими задачами парторганизации. Массовая работа Испарта проводилась главным образом в юбилейные дни. Необходимо отметить в этом году особенно большой спрос на обслуживание по испартовской линии. Иногда мы с работой не справлялись, так как оказались неподготовленными к столь широкому обслуживанию местной организации докладами и лекциями по истории местного революционного движения. Особенно большие требования в последнее время предъявляются со стороны учащихся Пермского округа, которых у нас в этом году насчитывается до 30 тысяч.

В этом вопросе мы пришли к выводу о необходимости серьезной постановки вопроса о кадрах испартовских работников и затем о чрезвычайной малосильности аппарата Испарта (в штате Испарта числится попрежнему один ответственный работник), при той большой организационной работе, которую приходилось вести.

Работа Испарта разворачивалась и захватила в этом году следующие вопросы:

По организационному вопросу

После Всесоюзного совещания испартоотделов нами был поставлен вопрос перед ОК ВКП(б) о перестройке работы Испарта, главным образом в районах, в сторону усиления внимания к испартовской работе. Для создания условий научной разработки заводских архивов под руководством Испартоотдела организована комната в Окрах-

бюро для вечерних занятий кадра испартовских работников. Намеченные нами с университетом работы студентов Педфака над архивами под руководством профессоров ПГУ осуществляются. Сейчас студентами проводятся работы по рецензированию строгановских архивов, как подготовительная работа по составлению монографии заводов.

В связи с проводимой кампанией по изъятию из архивов макулатуры Испартоотдел, опасаясь расхищения исторических архивов и неправильного их использования, все время участвовал в контроле над этой работой.

Для создания единого партийного архива и обследования всех партархивов в округе у нас была создана архивная комиссия, утвержденная секретариатом ОК.

О положении партархивов на местах была составлена докладная записка и отправлена в Область. Архивы на местах находятся в хаотическом состоянии, и выдача каких-нибудь справок невозможна.

По вопросу о создании испартовских кадров и по обслуживанию массовой работы Испартом организована была группа историков-обществоведов в помощь Испарту.

Собирание материалов

1. Собирание материалов мы поставили в этом году более серьезно, чем это было раньше. Воспользовавшись кампанией 10-летия освобождения Урала от Колчака, мы собрали значительный материал участников гражданской войны по 1918 и 1919 гг. Закончили выявление материалов по заводам (заводские архивы). Проведена большая работа по собиранию материалов вме-

сте с Музеем революции. Нами была организована экспедиция в составе 3-х человек, которая объехала Верхнее Прикамье до самого севера с целью выявления и собирания исторических и историко-революционных материалов гражданской войны.

По маршруту мы доехали до северного пункта г. Искорка, где была последняя попытка белогвардейских банд притти на помощь Колчаку, так называемый Чердынский фронт. Привезен богатый материал, документальный и музейный до тысячи экземпляров, к разработке которых мы приступили.

Между прочим в эту экспедицию нами выявлены чрезвычайно интересные формы эксплуатации рабочих торговым и промышленным капиталом по Прикамью.

Кроме этого метод собирания материалов путем живой переписки с отдельными лицами очень расширился и в этом году мы собрали большой материал, уточняющий наши прежние работы.

Массовая работа и кампании

Основной кампанией этого года надо считать кампанию по 10-летию освобождения Урала от Колчака. Вся работа этой кампании прошла под руководством Истпарта и при участии его в работе Агитпропа.

Кампания эта была проведена в полной увязке событий, прошедших 10 лет тому назад, с боевыми задачами настоящего дня. Устраивая систематически собрания рабочих, участников гражданской войны, мы привлекали их к собиранию исторических материалов, заставляли их вспоминать прошлое и передавать традиции классовой борьбы молодежи.

Такая установка создала необычайный подъем среди рабочих. Проводимые нами экскурсии в Музей революции и на месте боев и расстрелов помогли массам осознать все трудности борьбы и можно отметить, что рабочие и вновь пришедшие кадры сознательно встретили праздник освобождения Урала от Колчака.

В местной печати мы помещали непрерывно хронику событий, происходивших 10 лет тому назад. Помещали ряд статей, очерков в художественной фор-

ме о гражданской войне, помещали воспоминания отдельных участников гражданской войны. В общем можно сказать, как писала «Звезда» (наша местная газета), что «праздник прошел на редкость удачно». Вместо обычных демонстраций по городу в дни праздника была устроена огромная массовая прогулка города и Мотовилихи на место последних боев с Колчаком под Пермью. Рабочие шли с семьями, и впервые мы имели такое массовое участие в празднике. Вся прогулка была обслужена разными видами культурных развлечений, по существу связанных с переживаемым праздником (инсценировки, хоровые выступления живгазеты, смотры—демонстрации наших сил, декламация и т. д.).

Научно-исследовательская работа

Согласно плановым заданиям Института Ленина, мы прежде всего работали в этом году над материалами по эпохе реакции (1906—1909 гг.). Закончили мы эту работу в части исследовательской к весне и сейчас уже совершенно закончили подготовку к изданию. Книга выйдет под названием «Годы реакции». (Книга 2-й, т. 3-й, сборник Истпарта «Борьба за власть».) Эти же годы у нас характерны проявлением особого движения под названием «Лбовщинь». Сейчас этот материал, как относящийся также к эпохе реакции, мы думаем выпустить отдельной книжкой под названием «Лбовщина». Материал мы заканчиваем.

Научно-исследовательская работа по изданию намеченной книги «История Пермской организации ВКП(б) и революционное движение в бывш. Пермской губ.» двигается вперед очень медленно. Члены коллегии Истпарта чрезвычайно перегружены. Тема «История пролетариата» в бывш. Пермской губ. поручена декану Педфака ПГУ тов. Соколову (коммунист, член коллегии Истпарта). Работа по истории революционного движения в пермской деревне уже почти закончена. Подготовлена к печати книга «Мясниковщина». В ближайшее время работу выпустим. Работу по мясниковщине проводит член коллегии Истпарта т. Вальбе (поручение утверждено секретариатом ОК ВКП(б)).

Книга «17-й год—От двоевластия к диктатуре пролетариата»—все еще нами не закончена, несмотря на то, что половина книги уже отпечатана.

Необходимо отметить еще огромную работу, проведенную Истпартом по составлению хроники. Хронику по колчаковщине (период 1918/19 г.) мы закончили и сейчас сидим над редактированием ее; таким образом, у нас является готовым основной материал для проработки материалов гражданской войны.

Можно сказать в ответ на ваши запросы относительно причин невыполнения нами плана в срок, это: 1) наша перегрузка в связи с общим темпом партийной и советской работы, 2) вопрос со средствами также немало задержал выполнение наших планов. Все же можно сказать, что и здесь мы выйдем, наконец, из положения. Что касается средств на издания наших трудов, то АПО ОК нас поддерживал вначале работы и кое-что дает ОК, остальное Истпарт дополняет путем объявления предварительной подписки на издания. Думаем с небольшим запозданием выполнить весь свой план научной и издательской работы.

Руководство Музеем революции

По Музею революции нами сделана следующая работа. Плановой задачей на этот год было поставлено во что бы то ни стало расширение музея и в связи с этим расширение экскурсионной методической работы. Нам отвели 14 зал, открыто пока 6 (к Октябрьским праздникам). Открыта к Октябрьским праздникам и комната Ленина. Здесь использован кроме центрального материала, полученного из Музея Ленина, еще местный материал, рисующий все события, связанные со смертью Ленина в Пермском округе. Разработан пятилетний план развертывания Музея

революции, который намечается реорганизовать в Музей истории классовый борьбы. К выполнению нашего плана мы уже приступаем на этой неделе. Мы добились увеличения сметы на 100%, штат Музея революции хотя укомплектован квалифицированными силами, но все еще недостаточно.

Мы пропустили в этом году с объяснениями и лекциями 628 экскурсий с количеством 32 833 чел., прошедших кроме того и другие отделы музея. Желających посетить только Музей революции прошло 68 экскурсий, одиночек 16 307, всего 17 792 человека.

В этом году очень увеличилась связь с различными музеями и учреждениями по СССР и с научными обществами, близко стоящими к нашей работе.

Необходимо сделать несколько общих замечаний о нашей работе: во-первых, требования общественности по отношению к Истпарту и Музею чрезвычайно увеличились, можно сказать, что мы чувствуем буквальный напор на нас с низов, с которым мы не совсем справляемся. Запросы очень большие, удовлетворить мы их иногда не в состоянии из-за недостаточного темпа работы Истпарта. Отмеченные недостатки зависят от чрезвычайно маленького аппарата Истпарта, а также и Музея революции. И, с другой стороны, нами не приняты еще все меры по привлечению работников путем партнагрузки, путем привлечения вообще сил, заинтересованных в истпартовской работе. Необходимо будет в ближайшее время вопрос о кадрах работников разрешить именно привлечением больших сил, которые у нас имеются на месте и которые нужно лишь организовать и решительно привлечь к нашей работе.

Зав. Истпартом ОК ВКП(б)

К. Ольховская

СНИЖЕНИЕ ЦЕН НА ИЗДАНИЯ ИСПАРТА ЦК ВКП(б)

В № 1 (84) «Пролетарской революции» за 1929 г. был помещен полный список изданий Истпарта ЦК ВКП(б) до его слияния с Институтом Ленина. Цены показаны старые. В настоящее время часть этих цен понижена. Книги эти можно получить во всех магазинах Госиздата. Если в магазине говорят, что книги нет, то надо требовать выписки ее из складов или центрального склада Гиза.

Кстати исправляем ошибку Гиза в объявлении, напечатанном в «Правде» от 9 февраля с. г. Там сказано о переизданной газете 1905 г. «Новая жизнь», что перепечатаны №№ 1—4. На самом деле перепечатаны все 25 номеров газеты в четырех выпусках, а не номерах. Цена выпуска 1 руб.

Ниже даем список книг, на которые цены понижены:

Александрова Н. Артем. Биографический очерк с портретом на отдельном листе. Гиз. 1922 г., стр. 173. Тир. 7 000, прежняя цена 50 коп., новая—10 коп.

Самойлов Ф. Н. Воспоминания об иваново-вознесенском рабочем движении, ч. I (1903—1905 гг.), Гиз., 1922 г., стр. 88. Тир. 3 000, цена 40 коп.—20 коп.

Фишер А. В России и Англии. Наблюдения и воспоминания петербургского рабочего (1890—1921 гг.), Гиз. 1922 г., стр. 104. Тир. 5 000, цена 20 коп.—5 коп.

Зеликсон-Бобровская Ц. Большевистские тайные типографии в Москве и Московской области (1904—1910 гг.), 1923 г., стр. 115+12. Тир. 5 000, цена 50 коп.—15 коп.

Моисеенко П. А. Воспоминания, (1873—1923 гг.), 1924 г., «Кр. новь», стр. 214+2. Тир. 7 000, цена 60 коп.—30 коп.

Бабушкин И. В. Воспоминания (1893—1900 гг.), «Прибой», 1925 г., стр. 185. Тир. 8 000, цена 1 р. 10 к.—50 к.

Батурич Н. Очерки по истории рабочего движения 70—80-х гг., Гиз. 1925, стр. 76. Тир. 15 000, цена 40 к.—20 к.

Борец за раскрепощение работницы—К. Н. Самойлова. Гиз. 1925 г., стр. 79. Тир. 5 000, цена 40 к.—5 к.

Как рождалась партия большевиков. «Прибой», 1925 г., стр. 535. Тир. 10 000, цена 2 р. 75 к.—2 р.

Техника большевистского подполья, вып. I и II. Гиз. 1925 г., изд. 2-е, стр. 324. Тир. 5 000, цена 2 р. 25 к.—1 р. 50 к.

Моршанская М. В. К. Курнатовский, «Прибой». 1926 г., стр. 133. Тир. 4 000, цена 1 руб.—30 коп.

Яков Михайлович Свердлов. Сборник. Гиз., 1926 г., стр. 202. Тир. 5 000, цена 1 руб.—30 коп.

Шестаков А. Всеобщая стачка в октябре 1905 г. Гиз, 1926 г., стр. 58. Тир. 5 000, цена 85 коп.—40 коп.

Памятник борцам революции, погибшим в 1917—1921 гг., изд. 3-е. Гиз. 1925 г., стр. 779. Тир. 8 000, цена 4 р. 50 к.—1 р. 20 к.

Революция 1917 г. Хроника событий, том V, Октябрь, составил К. П. Рябинский, стр. 308. Тир. 4 000, цена 3 р.—1 р. 50 к.

«Вперед» и «Пролетарий», вып. I, 1924 г., «Кр. новь», стр. 143. Т. 15 000; вып. II, 1924 г., «Кр. новь», стр. 151, Т. 15 000; вып. III, 1924 г., «Кр. новь», стр. 151. Т. 15 000; вып. IV. Гиз, 1925 г., стр. 141. Т. 15 000; вып. V. Гиз, 1925 г., стр. 136. Т. 15 000; вып. VI. Гиз, 1925 г., стр. 175+VII. Т. 15 000. Прежняя цена каждого выпуска 1 р. 60 к., новая—40 к.

Протоколы II съезда РСДРП. «Прибой», 1924 г., стр. 421. Т. 7 000, цена 2 р. 50 к.—1 р.

Третий очередной съезд РСДРП 1905 г. Гиз, 1924, стр. 569. Т. 10 000, цена 2 р. 30 к.—1 р.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

По поводу писем В. И. Ленина, помещенных мною в № 1 «Пролетарской революции» за 1930 г. под заглавием «К истории появления в свет книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», мною были получены от издателя этой книги, Л. Крумбюгеля, некоторые фактические поправки и дополнения, которые я прошу напечатать.

Л. Крумбюгель утверждает то, что я высказывала с некоторым сомнением, а именно, что договор на издание книги был подписан мною. Затем он точно указывает, в чем состоял договор: 3 т. экз., по 100 руб. за лист в 40 т. букв и, кажется, 50 авт. экз. Всего вышло 24 листа с небольшим.

Затем, вследствие того, что последним письмом по этому делу у меня осталось письмо В. И. от 26 мая 1909 г., когда он денег еще не получил, в предисловие мое или в примечании не было вставлено указание на то, как произошла окончательная расплата с издателем. Это, конечно, недосмотр с моей стороны, который я сейчас исправляю.

Крумбюгель расплатился с Вл. Ильичом полностью. Если же В. И. в письме от 26 мая писал: «Денег издатель все еще не прислал. Начинаю бояться, что надует... обещал через неделю, а прошло 3—4 недели», то не надо забывать, что он жил в эмиграции, откуда настаивать на своих правах было очень трудно, и что случаи, при которых некоторые издатели этим пользовались, несомненно, были, если не с самим В. И., то с другими эмигрантами. К этому надо добавить, что с Крумбюгелем В. И. имел дело первый раз и совсем его не знал. Конечно, он не имел в виду его обидеть.

Еще Крумбюгель сообщает, что книга печаталась в типографии Суворина безопасности ради, ибо за книгами, выходящими в этой типографии, не было такого придирчивого надзора. Но очень

наседать в смысле скорости он на нее не мог.

Что же касается того, что у меня с ним дебаты происходили исключительно из-за темпа издания книги, а не о резкостях и нецензурных выражениях, то тут память изменяет т. Крумбюгелю. Я вполне отчетливо помню некоторые такие дебаты. Возможно, конечно, что они происходили при чтке самой рукописи, а не корректур и что относительно корректур я дебатировала с другим представителем издательства. Этого память точно не сохранила. Совершенно не могу вспомнить и Парлашкевича, работавшего в издательстве «Звено» в качестве корректора. Конечно, если, как говорит Крумбюгель, это был горячий сторонник Ленина, безвозмездно работавший над его книгой, то «образцовые» корректуры были многим обязаны ему, и я первая была бы против того, чтобы не был отмечен этот факт бескорыстной работы, тем более, что товарищ этот погиб на фронте гражданской войны.

Но ведь речь в моей переписке с Ильичом идет все время об авторской корректуре и отчасти проводится сравнение между моей и той, которая была проведена заменившим меня на последние листы специальным корректором; фамилию я не помню, но его корректура при том же представителе от издательства, вышла не лучше моей.

Что же касается того, что в партии эсеров Крумбюгель, как он заявляет теперь, тогда уже не состоял, то я знаю лишь, что мне Скворцов-Степанов называл его эсером и что было подтверждено теперь т. Бонч-Бруевичем. Как бы то ни было, в те годы эсеровские издательства выпускали социал-демократические книги. Невозможного ничего в этом не было.

А. Елизарова

ПОПРАВКИ

1.

Во 2-м издании XIV тома Сочинений Ленина на стр. 526 (примечание 104) и 429 (строка 25 сверху) имеется ошибка, исправленная в 3-м издании: авторство письма «Андрея» ошибочно приписано Я. М. Свердлову, вместо В. О. Волосевича.

Редакция Сочинений

2

В критической статье т. А. Карлик о книжке т. Ф. Анулова «Вооруженное восстание» («Прол. рев. № 12 (95) вкралась ошибка, исказившая текст автора. Первую фразу следует читать так: «Вооруженное восстание—неизбежный этап грядущих пролетарских революций».

Редакция «Прол. революции»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

	<i>Стр.</i>
В. Адоратский. К вопросу о научной биографии В. И. Ленина (окончание)	3
Э. Генкина. Ленин о революционном народничестве и народовольчестве	29
Я. Бронин. К вопросу об особенностях двух «потоков» мелкобуржуазных шатаний	62

ВОСПОМИНАНИЯ

А. Луначарский. Из воспоминаний о Ленине	82
Ф. Коричонер. Из истории интернационалистского движения в Австрии	91

МАТЕРИАЛЫ

Письмо В. И. Ленина о монополии внешней торговли	104
Протоколы второй московской областной конференции РСДРП(б) 1917 г. (окончание). Подготовлены к печати К. И. Касаткиным	108

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ ВКП(б) И ЛЕНИНИЗМА

Е. Ярославский. Задачи изучения истории партии	146
Отчет о совещании преподавателей по истории партии, ленинизму и истории Коминтерна	172

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Критические статьи и заметки: С. Борева. Труды первой конференции историков-марксистов. Том 1-й.—М. Ольминский. По поводу воспоминаний о Ленине Н. К. Крупской и А. В. Луначарского.—М. Ольминский. К вопросу об истории частного совещания 22 большевиков	185
Обзоры: В. Каюров. Обзор литературы, изданной таганрогским истпартком	200
По журналам: А. Бур. «Красная летопись» №№ 3, 4 и 5 за 1929 г.	202
Рецензии: М. Эссен. А. И. Ульянова. Детские и школьные годы Ильича, 4-е издание.—М. Эссен. А. И. Ульянова-Елизарова. Воспоминания об Ильиче, 2-е изд.—А. Елизарова. Н. Шаханов. Николай Евграфович Федосеев, пионер революционного марксизма в России.—Я. Цитович. 10 лет Коминтерна в решениях и цифрах.—Л. Мадьяр. М. Рафаил. Проблемы индийской революции.—Н. В. Советский союз в борьбе за мир. Сборник документов.—А. Гуковский. К десятилетию интервенции. Сборник статей.—Ф. Самойлов. С. Канатчиков. Из истории моего бытия.—Ф. Самойлов. Н. Л. Мещеряков. Как мы жили в ссылке	205
Новые книги	221

ХРОНИКА

В Институте Ленина. Н. Подвойская. Отдел научной обработки ленинских документов.—К. Касаткин. Отдел научной обработки историко-партийных документов.—Н. Плюснина. Посещаемость Музея Института Ленина за январь 1930 г.	223
Работа местных истпартагов. В. Сербента. Белорусский научно-исследовательский институт истории партии.—К. Ольховская. Отчет истпартотдела Пермского ОК ВКП(б) за 1928/29 г.—Снижение цен на издания быв. Истпарта ЦК ВКП(б)	225
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ А. И. Елизаровой	234
ПОПРАВКИ	235

СОЧИНЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ.
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ, ПЕЧАТАЕМОЕ БЕЗ
ИЗМЕНЕНИЙ СО ВТОРОГО ИЗДАНИЯ

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

- Том I. 1893—1896. Подготовлен к печати И. П. Товстухой. М.—Л. 1926. Стр. XXXII+535+9 (ненум.)+11 вкл. листов.
- Том II. 1897—1899. Подготовлен к печати И. П. Товстухой. М.—Л. 1926. Стр. XLVIII+668+8 (ненум.)+2 вкл. листа (во втором издании).
- Том III. Развитие капитализма в России. Подготовлен к печати Н. Г. Петровым. М.—Л. 1926. Стр. VIII+614+14 (ненум.)+2 вкл. листа.
- Том IV. 1900—1902. Подготовлен к печати В. Г. Соринным. М.—Л. 1927. Стр. XXVIII+662+8 (ненум.)+1 вкл. лист (только во втором издании).
- Том V. 1902—1903. Подготовлен к печати В. Г. Соринным. М.—Л. 1928. Стр. VIII+444+8 (ненум.).
- Том VI. 1903—1904. Подготовлен к печати В. Г. Соринным. М.—Л. 1929. Стр. VIII+496+8 (ненум.).
- Том VII. 1904—1905. Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым. М.—Л. 1928. Стр. VIII+528+8 (ненум.).
- Том VIII. 1905. Подготовлен к печати Г. И. Крамольниковым. М.—Л. 1929. Стр. II+567+9 (ненум.).
- Том IX. 1906. Подготовлен к печати Э. Я. Газгановым. М.—Л. 1930. Стр. VIII+616+8 (ненум.).
- Том X. 1906—1907. Подготовлен к печати И. И. Минцем. М.—Л. 1928. Стр. VII+552+8 (ненум.).
- Том XI. 1907. Подготовлен к печати И. И. Минцем. М.—Л. 1929. Стр. VIII+655+9 (ненум.).
- Том XII. 1907—1908. Подготовлен к печати И. Л. Татаровым. М.—Л. 1929. Стр. VIII+575+9 (ненум.).
- Том XIII. Материализм и эмпириокритицизм. Подготовлен к печати А. Я. Троицким и Н. А. Каревым. М.—Л. 1928. Стр. VIII+387+8 (ненум.).
- Том XIV. 1909—1910. Подготовлен к печати Ф. Д. Кретовым. М.—Л. 1929. Стр. VIII+631+9 (ненум.).
- Том XV. 1910—1912. Подготовлен к печати И. В. Волковичер. М.—Л. 1929. Стр. VIII+736+8 (ненум.).
- Том XVI. 1912—1913. Подготовлен к печати Арк. Ломакиным. М.—Л. 1930. Стр. VIII+814+8 (ненум.).
- Том XVII. 1913—1914. Подготовлен к печати Д. Я. Кином. М.—Л. 1929. Стр. VIII+822+8 (ненум.).
- Том XVIII. 1914—1915. Подготовлен к печати А. И. Угаровым. М.—Л. 1929. Стр. II+490+10 (ненум.).
- Том XIX. 1916—1917. Подготовлен к печати Д. А. Баевским. М.—Л. 1929. Стр. II+546+10 (ненум.).
- Том XX. 1917. Подготовлен к печати Н. Н. Овсянниковым. М.—Л. 1928. Стр. II+720+12 (ненум.).
- Том XXI. 1917. Подготовлен к печати Н. Н. Овсянниковым. М.—Л. 1928. Стр. 585+10 (ненум.).
- Том XXII. 1917—1918. Подготовлен к печати В. Н. Рахметовым. М.—Л. 1929. Стр. VIII+680+12 (ненум.).
- Том XXIII. 1918—1919. Подготовлен к печати С. П. Коршуновым. М.—Л. 1929. Стр. VIII+650+10 (ненум.).
- Том XXV. 1920. Подготовлен к печати К. П. Новицким. М.—Л. 1928. Стр. VIII+710+8 (ненум.)+2 вкл. листа (только во втором издании).

Находятся в печати:

- Том XXVI. 1920—1921. Подготовлен к печати К. П. Новицким.
- Том XXVII. 1921—1923. Подготовлен к печати И. П. Товстухой.

Готовится к печати:

Том XXIV.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

Второе издание: Цена по подписке 40 руб. При подписке вносится 4 руб. При получении каждого тома уплачивается по 1 руб. 50 коп.

Третье издание: Цена по подписке 20 руб. При подписке вносится 2 руб. При получении каждого тома уплачивается по 75 коп.

Пересылка за счет подписчика.

Подписка принимается в главной конторе подписных и периодических изданий Госиздата, Москва, центр, Ильинка, 3, во всех провинциальных книжных магазинах Государственного издательства, а также уполномоченными Главной конторы Госиздата, снабженными соответствующими документами.

ГОСИЗДАТ РСФСР

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1930 ГОД

НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОРГАН ИНСТИТУТА ЛЕНИНА ПРИ ЦК ВКП (б)

ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: В. В. АДОРАТСКОГО, Д. А. БАЕВСКОГО,
П. О. ГОРИНА (ЗАМ. ОТВ. РЕД.), М. С. ОЛЬМИНСКОГО,
■■■■■ М. А. САВЕЛЬЕВА, (ОТВ. РЕДАКТОРА). ■■■■■

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» посвящен изучению ленинизма, истории ВКП (б) и Октябрьской революции, истории революционного движения в России, гражданской войне и борьбе с контрреволюцией, а также истории Коминтерна, деятельности зарубежных коммунистических партий и международного рабочего движения. Все эти вопросы находят свое освещение в виде научно-исследовательских статей и воспоминаний. Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» публикует также архивные документы, относящиеся к деятельности В. И. Ленина и истории большевистских партий, организаций.

9-й ГОД ИЗДАНИЯ**12 НОМЕРОВ В ГОД**

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА:

- 1) СТАТЬИ. 2) ВОСПОМИНАНИЯ. 3) МАТЕРИАЛЫ. 4) ТРИБУНА. 5) ДОКЛАДЫ
В ИНСТИТУТЕ ЛЕНИНА. 6) КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ. 7) ХРОНИКА.

К СОТРУДНИЧЕСТВУ В ЖУРНАЛЕ ПРИВЛЕЧЕНЫ ЛУЧШИЕ ПАРТИЙНЫЕ И НАУЧНЫЕ РАБОТНИКИ

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ», являясь органом научной, партийно-исторической мысли и изучая вопросы истории ВКП(б) в марксистско-ленинском понимании, кроме специалистов-историков, рассчитан также на широкое кадры партийных пропагандистов, научных работников и педагогов, слушат. вузов и комвузов и т. п.

ИЗ ОТЗЫВОВ ПРЕССЫ О ЖУРНАЛЕ «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ».

Журнал «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» выполняет весьма полезную работу подготовки материалов по истории революционного движения в России, истории ВКП (б) и Октябрьской революции... Правильный курс на повышение уровня научной обработки даваемого материала, на более строгий его подбор завоевывает «ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» видное место среди существующих научных марксистских журналов.

Журнал заслуживает большого распространения и использования, в частности в наших партийных учебных заведениях, для которых он является серьезным пособием при прохождении курсов истории партии и ленинизма. «Книга и Революция» № 1, 1929 г., стр. 44—45.

... С тех пор как «ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» стала органом Института Ленина при ЦК ВКП(б), центр тяжести внимания редакции журнала все более и более переносится на материалы, связанные с деятельностью и именем В. И. Ленина. Это придает выдающийся интерес почти каждой странице журнала. «Историк-марксист», том 12, 1929 г., стр. 259.

Цена на год—12 р., на 6 мес.—6 р., на 3 мес.—3 р.
ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО НОМЕРА—1 руб. 50 коп.

Годовые подписчики получают в качестве бесплатного приложения систематический указатель статей, воспоминаний, материалов и рецензий, помещенных в «Пролетарской революции» за 1921—1929 годы

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Периодсектором Госиздата РСФСР, Москва, центр, Ильинка, 3; Ленотгиз, Ленинград, пр. 25 Октября, 28; в отделениях, конторах и магазинах Госиздата РСФСР; у уполномоченных, снабженных удостоверениями; во всех киосках, Всесоюзного контрагентства печати, во всех почтово-телеграфн. конторах, а также у письменосцев. По Москве и Московск. области подписку подлежит направлять в Мосотгиз «Моск. рабочий», Москва, Неглинный пр., 9.